

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН
Чувашский государственный институт гуманитарных наук

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ
РЕГИОНОВ РОССИИ:
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

**Сборник материалов IV Всероссийской
научно-практической конференции
18—22 сентября 2008 г., Чебоксары**

Подписано в печать 10.09.08. Формат 70x100¹/₈.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Физ. печ. л. 37,5. Учетно-изд. л. 28,4. Заказ № 32. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии
Чувашского государственного института гуманитарных наук

428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1

Чебоксары
2008

УДК 316.3/.4
ББК 60.59
С 69

Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН
Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Редакционная коллегия:

Н.И. Лапин, член-корреспондент РАН (председатель),
Л.А. Беляева, доктор социологических наук,
И.И. Бойко, доктор исторических наук (*ответственный редактор*),
В.С. Григорьев, доктор исторических наук,
В.Г. Харитонова, кандидат исторических наук,
Д.М. Шабунин, кандидат социологических наук

**Социокультурные портреты
регионов России:
Опыт комплексной реализации**

Сборник материалов IV Всероссийской
научно-практической конференции
18—22 сентября 2008 г., Чебоксары

С 69 **Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации.**
Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции. 18—22 сентября
2008 г., Чебоксары. — Чебоксары: ЧГИГН, 2008. — 304 с.

В сборнике представлены материалы очередной конференции, посвященной реализации проекта
«Социокультурные портреты регионов России». Авторами проанализированы теоретические проблемы и
практический опыт создания социокультурных портретов в 14 регионах страны. Всего в сборнике 46 статей, в
которых исследуются как общие, так и отдельные аспекты этой стратегической проблемы.

Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *И.Г. Трофимова*
Оригинал-макет *Э.В. Кирилловой*

Конференция проведена и издание сборника ее материалов
осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-14056г

УДК 316.3/.4
ББК 60.59

ISBN 978—5—87677—102—5

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2008
© Коллектив авторов, 2008

Тульская область	
<i>Мосин В.И.</i> Место Тульской области в Центральном федеральном округе	169
<i>Журавлев М.С.</i> Вклад деятельности религиозных организаций в социокультурную жизнь Тульской области	172
<i>Назарова Ю.В.</i> Влияние парламентской этики в Тульской областной Думе на социокультурную ситуацию в регионе	178
Московский регион	
<i>Лапин Н.И., Туманов С.В.</i> Подход к разработке социокультурного портрета Московского региона	182
Екатеринбург	
<i>Кох И.А.</i> Развитие социальной инфраструктуры города в оценках населения	192
Республика Калмыкия	
<i>Муханова М.Н.</i> Религии в социокультурном процессе региона	198
Астраханская область	
<i>Бодров С.Ю., Каргаполова Е.В.</i> Эволюция ценностных ориентаций современной молодежи: региональный аспект	207
Республика Татарстан	
<i>Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Сергеева З.Х., Макаров А.С.</i> Социальная целостность, политическая стабильность и скрытые страхи: социокультурный портрет Республики Татарстан	212
ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ РЕГИОНОВ	
<i>Лапин Н.И.</i> Природа инноваций и их региональные условия	220
<i>Когай Е.А., Горчакова С.А.</i> Инновационный потенциал Курского края	230
<i>Ижикова Н.В., Пивоев С.А.</i> Инновационная деятельность населения Республики Карелия (к результатам исследования «Социокультурный портрет региона»)	236
<i>Борисова Н.В., Плотникова Е.Б., Германов И.А., Несебря Н.А.</i> Социокультурные традиции в условиях политико-административных инноваций в Пермском крае	242
<i>Трифонов З.А.</i> Миграционные процессы в Чувашии и вопросы регулирования некоторых видов миграции населения	252
<i>Ильин И.Е.</i> Российское село: социально-экономическая дифференциация в контексте социокультурной модернизации	258
<i>Власова Н.В., Галкина Е.П., Степанова О.В.</i> Особенности инновационных процессов в Ульяновской области	268
<i>Ковальчук А.И.</i> Роль среднего класса в инновационном развитии Тюменской области	274
ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ	
<i>Богомазов К.И.</i> Многомерный атлас: особенности построения и интерпретации социокультурного портрета Омской области	284
<i>Половинко В.С.</i> Интеграция мониторингов социальной сферы региона	290
<i>Чердынцева Г.М., Денежкина А.В.</i> Омская область: некоторые вопросы организации исследования социокультурного портрета	292
<i>Зеленев И.А., Прохода В.А.</i> Об ошибках, возникающих в процессе создания базы данных по результатам исследования «Социокультурный портрет региона»	295
<i>Сведения об авторах</i>	298

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Настоящий сборник подготовлен на основе очередного этапа реализации программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Программа разработана Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФРАН) под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Основным элементом программы является подготовка социокультурных портретов регионов России, в конечном итоге — создание Социокультурного атласа России.

В 2005 г. началась реализация программы в 6 субъектах Российской Федерации, к настоящему времени их число выросло до 20. Подготовлены и опубликованы первые три портрета: Тюменский регион, Курская область, Республика Карелия. В ряде других регионов (Республика Чувашия, Пермский край, Смоленская, Ульяновская области) завершается работа над первыми версиями портретов, в других она находится на более ранних стадиях. Программа осуществляется при активной поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Ежегодно проходят всероссийские научно-практические конференции, на которых обсуждаются вопросы методологии, методики и организационного обеспечения этой работы. Состоялись три такие конференции: в Москве (2005), Тюмени (2006), Курске (2007). Их материалы опубликованы в виде сборников статей участников. На четвертой конференции (Чебоксары, сентябрь 2008 г.) более 50 авторов из 14 регионов выполнили комплексный анализ подготовки и реализации социокультурных портретов регионов. Это позволило подвести определенные итоги проведенной работы и одновременно наметить пути ее совершенствования и продолжения в мониторинговом режиме.

Регламент 4-й конференции включал одну пленарную сессию и три специализированных секции. Соответственно, настоящий сборник имеет четыре раздела. Первый раздел содержит статьи, посвященные комплексной характеристике первых социокультурных портретов регионов. Раздел открывается статьей Н.И. Лапина, в которой подчеркнута важность последовательного применения социокультурного подхода к созданию портретов регионов, предложен вариант типологии российских регионов в русле антропосоциетального подхода. В статьях В.С. Григорьева, В.А. Давыденко, Е.А. Когай и Ю.М. Пасовец проанализирован опыт подготовки и реализации социокультурных портретов Чувашской Республики, Тюменского региона и Курской области.

Почти две трети сборника составляют статьи, образующие второй его раздел: «Опыт комплексной подготовки социокультурных портретов регионов». Он открывается статьей Л.А. Беляевой, которая посвящена социальному неравенству как одной из ключевых комплексных проблем социокультурных портретов регионов. Далее авторы из столиц 10 регионов — Астрахани, Екатеринбурга, Казани, Курска, Москвы, Тюмени, Тулы, Ульяновска, Чебоксар, Элисты — рассматривают комплексные и частные стороны решаемой ими задачи. Значительное внимание уделено социальной стратификации, формированию среднего класса, социальному самочувствию и ценностным ориентациям, типам идентичности населения, этническим и демографическим, политическим и электоральным процессам, месту и роли религиозных организаций в социокультурных процессах и др.

В третьем разделе сборника представлены статьи, посвященные проблемам инновационного развития, которые получают или должны получить отражение в социокультурных портретах регионов. Здесь читатель найдет материалы участников конференции из Курска, Москвы, Перми, Петрозаводска, Чебоксар, Ульяновска, Тюмени.

Четвертый раздел содержит статьи, частично отражающие развернувшуюся на конференции дискуссию о совершенствовании методологии и методики подготовки социокультурных портретов регионов. Специалисты, осуществляющие по поручению ЦИСИ ИФРАН экспертизу стандартизованных баз данных программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», анализируют типичные ошибки, возникающие при заполнении баз данных социокультурных портретов регионов.

Благодарим всех авторов за конструктивное сотрудничество. Надеемся, что материалы сборника вызовут интерес у специалистов, научной и более широкой общественности. Заранее благодарны читателям за отклики, замечания и пожелания.

Содержание

<i>От редколлегии</i>	3
КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ	
<i>Лалин Н.И.</i> Подход к социокультурной типологии регионов	6
<i>Григорьев В.С.</i> Основные итоги и перспективы исследования социокультурной эволюции Чувашской Республики на рубеже XX—XXI веков	13
<i>Давыденко В.А.</i> Опыт подготовки социокультурного портрета Тюменской области (2006—2008 г.): сложности и противоречия	23
<i>Когай Е.А., Пасовец Ю.М.</i> О разработке и применении результатов социокультурного портрета региона	31
ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ	
<i>Беляева Л.А.</i> Социальное неравенство как комплексная проблема в социокультурном портрете регионов	38
Тюменский регион	
<i>Ромашикина Г.Ф.</i> Социальная структура общества Тюменской области	45
<i>Корепанов Г.С.</i> Анализ региональной идентичности на примере Тюменской области	54
<i>Андреанова Е.В.</i> Мотивы трудовой активности работников Тюменской области	66
<i>Тарасова А.Н.</i> Социальное самочувствие неформально занятого населения Тюменского региона	71
<i>Комбарова Т.В.</i> Демографическое поведение населения Тюменской области	74
<i>Ганопольский М.Г.</i> Северные сибирские регионы как субъекты региональной политики (социальный эксперимент и культурная ностальгия)	83
Курская область	
<i>Кульсеева Т.Г.</i> Проблемы формирования среднего класса в Курской области	87
<i>Пасовец Ю.М.</i> Материальная дифференциация населения в региональном измерении	91
<i>Телегин А.А.</i> Социально-политическое поведение населения (региональный аспект)	97
Чувашская Республика	
<i>Шабунин Д.М.</i> Восприятие уровня коррупции населением Чувашской Республики	103
<i>Бойко И.И.</i> Локальная, региональная и общероссийская идентичности в Чувашии	109
<i>Иванов В.П.</i> Особенности этноконфессиональной ситуации в Чувашской Республике	114
<i>Харитонова В.Г.</i> Культурный потенциал населения Чувашской Республики	117
<i>Артемьева Т.Г.</i> Этническая мозаичность в геокультурном пространстве Чувашии	127
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Государственное управление здравоохранением в Чувашской Республике	132
<i>Шабунин Д.М.</i> Электоральные предпочтения населения Чувашской Республики	137
<i>Иванова Н.М.</i> Социально-демографический портрет молодежи Чувашской Республики на рубеже XX—XXI вв.	146
<i>Петров А.В.</i> Правовые основы и предпосылки дальнейшего развития малого и среднего предпринимательства в Чувашской Республике	155
Ульяновская область	
<i>Дергунова Н.В.</i> Особенности становления региональной партийной системы: Ульяновская область. 1991—2007 г.	157
<i>Кадничанская М.И.</i> Особенности мотивации трудовой деятельности населения Ульяновской области	162
<i>Волков В.А., Светульников М.Г.</i> К вопросу о разработке интегрального показателя, характеризующего уровень развития региона	166

Семедова-Полупан Нина Григорьевна, кандидат социологических наук, зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Волго-Вятской академии государственной службы в г. Чебоксары Чувашской Республики.

Сергеев Сергей Алексеевич, доктор политических наук, профессор кафедры социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета.

Сергеева Зульфия Харисовна, кандидат социологических наук, доцент Казанского государственного технологического университета.

Степанова Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Тарасова Анна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

Телегин Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Курского государственного университета.

Трифонова Зоя Алексеевна, кандидат географических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Туманов Сергей Владимирович, доктор социологических наук, руководитель Центра социологических исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Харитонов Валентина Григорьевна, кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Чердынцев Геннадий Митрофанович, кандидат экономических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Шабунин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук, ст. научный сотрудник отдела социологии и межнациональных отношений Чувашского государственного института гуманитарных наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

КОМПЛЕКСНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРВЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ

Н.И. Лапин
(Москва)

ПОДХОД К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ РЕГИОНОВ*

При подготовке к данной, четвертой конференции была выдвинута амбициозная задача: обобщить опыт **комплексной реализации** социокультурных портретов регионов. Предпосылкой для ее рассмотрения стали публикации портретов Карельского, Курского, Тюменского регионов [1]. Завершается подготовка портретов Пермского, Смоленского, Ульяновского, Чувашского и ряда других регионов. Одновременно обеспечена сопоставимость с результатами Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян». Это позволяет всем нам разрабатывать новые проблемы по трем направлениям: 1) выявлять факторы, которые определяют индивидуальный облик каждого региона; 2) изучать попарные сходства и различия регионов, смежных и отдаленных; 3) сопоставлять их с факторами и тенденциями социокультурной эволюции всей России. Действуя по этим направлениям, мы сможем продвигаться в изучении наиболее сложных теоретических и методологических проблем социокультурной эволюции России и ее регионов.

Напомню, что подготовка портретов регионов составляет ядро программы «Проблемы и тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов», нацеленной на создание Социокультурного атласа России. В 2005 году эта Программа была инициирована Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН) и активно поддержана РГНФ. Работа началась с создания Типовой программы и методики подготовки социокультурного портрета региона (субъекта Российской Федерации), который был рассмотрен и в целом поддержан участниками нашей первой конференции. На ее основе началась реализация шести исследовательских проектов, а в настоящее время она ведется почти в 20 субъектах РФ. Создается научно-координационный совет при Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН; он включает руководителей всех творческих коллективов, которые подготавливают социокультурные портреты регионов и продолжают работу в этом направлении. На 3-м Всероссийском социологическом конгрессе (октябрь 2008 г., Москва) будет работать специальная сессия «Тенденции социокультурной эволюции России и ее регионов», на которой с докладами выступят многие участники нашей конференции, а также другие специалисты из различных субъектов России. Ведется подготовка коллективной монографии «Регионы в России», в которой на основе названных выше портретов будет представлена первая социокультурная панорама российских регионов — пусть пока небольшой их части, начального этапа подготовки Социокультурного атласа России [2].

Все это повышает общественное звучание получаемых нами результатов. Одновременно возрастают требования к уровню и качеству нашей работы, к ответственности за ее восприятие специалистами, органами власти и широкой общественностью.

Четыре года реализации Программы подтвердили обоснованность и продуктивность положенного в ее основу **социокультурного подхода**, включая его современную, пост-классическую форму — **антропосоциетальный подход**, который обладает полипарадигмальным потенциалом и применим к различным уровням социетальной структуры, включая региональный. Регион рассматривается нами как мезоуровень и мезоячейка социокультурного пространства страны: это исторически сложившееся территориальное сообщество, которое выполняет определенные функции по отношению к человеку, населению, социальным группам, организациям, действующим на данной территории, и служит средой, которая мотивирует этих акторов. Один полюс нашего внимания образуют типологические характеристики **личности**, а другой — статус/престиж **региона**, его функции/дисфункции по отношению к жителям региона и всему

* Работа выполнена в рамках темы Института философии РАН «Эволюция и социокультурная мобильность населения современной России».

Каргаполова Екатерина Владимировна, кандидат социологических наук, зав. кафедрой общественно-научных дисциплин Астраханского инженерно-строительного института.

Ковальчук Алена Игоревна, аспирант кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

Когай Евгения Анатольевна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии, зав. научно-исследовательской социологической лабораторией Курского государственного университета.

Комбарова Татьяна Викторовна, старший преподаватель кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

Корепанов Геннадий Семенович, заместитель Председателя Тюменской областной Думы, кандидат социологических наук.

Кох Иван Адамович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, руководитель социологической лаборатории Уральского государственного горного университета.

Кульсеева Татьяна Гавриловна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета.

Лапин Николай Иванович, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, зав. отделом, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН.

Макаров Александр Сергеевич, кандидат социологических наук, ст. научный сотрудник Центра аналитических исследований и разработок (г. Казань).

Мосин Василий Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, генеральный директор Тульского социологического центра.

Муханова Марина Николаевна, кандидат социологических наук, зав. социологической лабораторией Калмыцкого государственного университета.

Назарова Юлия Владимировна, кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Несевря Наталья Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета.

Пасовец Юлия Михайловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Курского государственного университета.

Петров Алексей Викторович, юрист по гражданскому, административному и налоговому законодательству, арбитражный заседатель (2003—2007).

Пивоев Василий Михайлович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Петрозаводского государственного университета.

Плотникова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета.

Половинко Владимир Семенович, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Прохода Владимир Анатольевич, кандидат социологических наук, ст. научный сотрудник Института комплексных исследований образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Ромашкина Гульнара Фатыховна, доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

Салагаев Александр Леонидович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социальной и политической конфликтологии Казанского государственного технологического университета.

Светуных Максим Геннадиевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрианова Елена Владимировна, ассистент кафедры экономической социологии Тюменского государственного университета.

Артемьева Татьяна Геннадьевна, аспирант кафедры физической географии и геоморфологии Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, заместитель руководителя Центра изучения социокультурных изменений, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

Богомазов Константин Иванович, ст. преподаватель кафедры экономики и социологии труда Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Бодров Сергей Юрьевич, студент Астраханского инженерно-строительного института.

Бойко Иван Иванович, доктор исторических наук, гл. научный сотрудник, зав. отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Борисова Надежда Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук Пермского государственного университета.

Власова Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Волков Александр Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Галкина Елена Петровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Ганопольский Михаил Григорьевич, доктор философских наук, профессор, гл. научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН.

Германов Игорь Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского государственного университета.

Горчакова Светлана Александровна, студентка Курского государственного университета.

Григорьев Валерий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Давыденко Владимир Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой экономической социологии Тюменского государственного университета.

Денежкина Анна Владимировна, кандидат экономических наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Дергунова Нина Владимировна, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Журавлев Максим Сергеевич, кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

Зеленев Илья Александрович, мл. научный сотрудник Института комплексных исследований образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Иванов Виталий Петрович, доктор исторических наук, гл. научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Иванова Наталья Михайловна, мл. научный сотрудник отдела социологии и межнациональных отношений Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Ижикова Наталия Васильевна, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Петрозаводского государственного университета.

Ильин Иван Егорович, кандидат философских наук, зав. отделом социологии и межнациональных отношений Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Кадничанская Марина Ивановна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

обществу. Напомню четыре социокультурные функции и структуры региона: жизнеобеспечивающая, интегрирующая, дифференцирующая, властно-регулирующая. Они паритетны по своей природе и взаимосвязаны; в оптимальном состоянии — сбалансированы между собой, за их сбалансированность ответственна властно-регулирующая структура [3].

По мере подготовки новых и новых портретов регионов мы углубляемся во все более сложные проблемы их эволюции. Некоторые из них были сформулированы уже при подготовке Типовой методики. Так, в конце первого раздела программы-проспекта, посвященного региону как социокультурной территориальной общности, подчеркнута необходимость уяснения «**главной проблемы** социокультурного развития региона». В качестве примеров такого рода проблем были названы: «(1) социальные преимущества и комплексные социальные проблемы региона; (2) отношения между центром и регионом; (3) явные и латентные социальные функции региона, их сбалансированность/разбалансированность; (4) традиционализация или либерализация структуры базовых ценностей населения; (5) социокультурная идентичность населения региона; (6) другие проблемы»[4]. Некоторые из этих вариантов главной проблемы неплохо представлены в наших портретах, к другим пока не удалось близко подступиться.

Есть и иные проблемы, требующие пристального внимания каждого участника нашей Программы. Так, все более значимой становится малоизученная **проблема социокультурной типологии регионов**. По каким основаниям можно выделять социокультурные типы российских регионов, дифференцировать их на сходные и различающиеся? Этот вопрос можно и нужно рассматривать с самых разных позиций и предлагать различные решения. Ниже рассматривается один из вариантов, возможных в русле антропосоциетального подхода.

Очевидны как известные сходства, так и глубокие различия, нередко контрастность субъектов Российской Федерации по многим параметрам и их структуре. В основе сходств и различий лежат разные группы факторов: элементарные и комплексные, их структура и динамика, согласованности и противоречия, благоприятные условия и проблемы-опасности для жителей. Для задач эмпирического изучения прежде всего целесообразно различать элементарные, комплексные и композитные факторы.

Будем считать *элементарным фактором* (Фэл) такой параметр региона, который можно измерить с помощью одного показателя.

Далее, известно, что некоторые элементарные факторы качественно однородны. Это позволяет считать их показатели равноценными, суммировать и представлять их в виде достаточно простых индексов. Соответственно, примем, что совокупность однородных элементарных факторов есть *комплексный фактор* (Фкп), который воплощает одну из качественных характеристик региона и который можно количественно представить в виде простого индекса.

Напротив, другие элементарные факторы разнородны, их показатели недопустимо суммировать и представлять в виде таких индексов. Вместе с тем, совокупность качественных характеристик региона можно представить как систему его комплексных факторов, а их количественные значения — как множество индексов. В свою очередь, это множество Фкп группируется в кластеры: каждый из них включает несколько комплексных факторов, которые качественно, по своему содержанию ближе друг другу и дальше от остальных. Кластер комплексных факторов можно количественно выразить в виде сложно-составного, композитного индекса; это достаточно трудная задача, решение которой требует определить веса сочетаемых индексов. Соответственно, определим такой кластер как *композитный фактор* (Фкз).

Совокупность параметров социокультурного портрета региона изложена в «Программе-проспекте» нашей Типовой методики. В ней представлены свыше 300 параметров (Фэл) с указанием конкретных источников получения необходимых данных. В подразделах методики они объединены в некие множества, которые можно рассматривать как комплексные факторы (Фкп). Эти множества, в свою очередь, объединены в большие совокупности (восемь разделов методики), которые можно рассматривать как первое приближение к выделению Фкз региона.

Следующий шаг по пути построения общей картины факторов региона был сделан при анализе данных исследования наших тюменских коллег. На конференции в Тюмени основные разделы Портрета были представлены в виде двух блок-схем параметров социокультурного портрета региона [5].

Продолжая работу в этом направлении и учитывая созданные портреты регионов, предлагаю для обсуждения модифицированную картину факторов региона – комплексных и композитных (рис. 1).

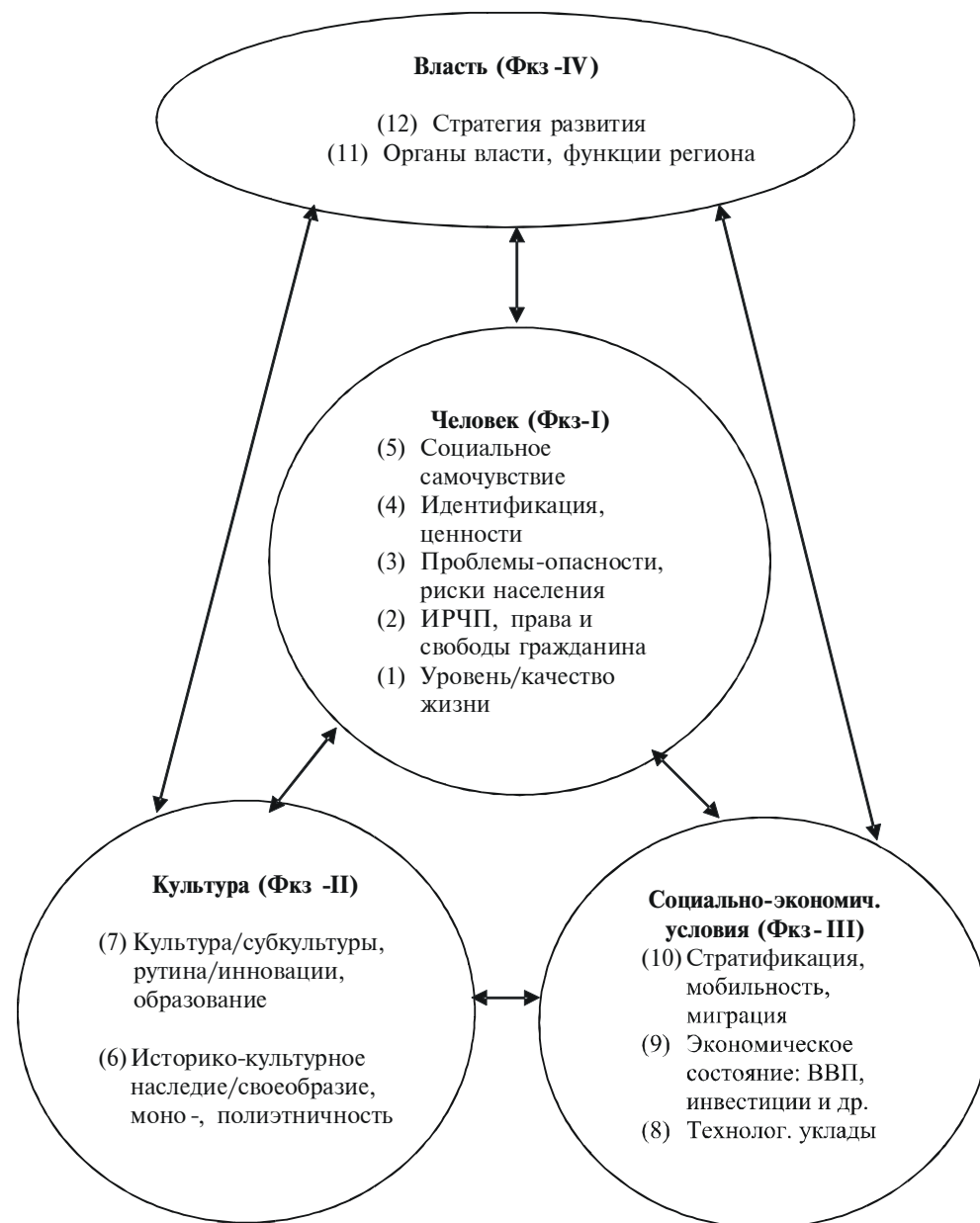

Рис. 1. Комплексные и композитные факторы региона как социокультурного сообщества

Стрелки обозначают векторы взаимовлияний композитных факторов.

На рис. 1 представлены 12 комплексных факторов региона как социокультурного сообщества (их номера даны в скобках). Они сгруппированы в 4 кластера, или композитных фактора (Фкз):
 Фкз-I: человек как актор и объект воздействий в регионе (кластер факторов 1, 2, 3, 4, 5);
 Фкз-II: культура, субкультуры населения (кластер факторов 6, 7);
 Фкз-III: социально-экономические условия жизни людей (кластер факторов 8, 9, 10);
 Фкз-IV: власть и региональное сообщество (кластер факторов 11, 12).

Все эти факторы взаимосвязаны и образуют некоторую систему. Согласно антропосоциальному подходу, важнейшее место в этой системе занимает **человек** (Фкз-I): непосредственный

8. При кодировании ответов респондентов на вопрос «58. Ваша национальность?» допускаются: либо вариант кодировки, указанный в Приложении 7 [3]; либо вариант, предусмотренный в типовом макете БД Регион.

9. Целесообразно высылать по электронной почте вместе с заполненной БД, также электронную версию анкеты, по которой непосредственно проводился опрос.

Литература

1. Образец базы данных «БД_Регион.SAV» создавался в соответствии с типовым инструментарием. См. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. М.: ИФРАН, 2006. С. 47–69.
2. См. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. М.: ИФРАН, 2006. С. 57.
3. См. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. М.: ИФРАН, 2006. С. 105.

Не допускается, при заполнении базы данных, преобразование возраста респондента сразу в возрастные интервалы («до 25 лет», «26—34...» и т.д.), без указания «сырого» ответа респондента. Такое группирование по возрасту является лишь одним из возможных вариантов, но при этом создание других возрастных интервалов становится трудновыполнимым или невозможным.

Менее серьезной, но весьма частой ошибкой являются простые опечатки. Например, *год рождения*— 1656 и т.д. Год рождения респондента следует заполнять в четырехзначном формате: «19__».

Представляется целесообразным коллегам из регионов больше внимания уделять проверке базы данных на орфографические и иные опечатки.

После заполнения БД необходимо удалять пустые строки (если таковые имеются), так как при последующей обработке SPSS будет воспринимать их, как респондентов, участвовавших в опросе, но «пропустивших» ответы на все вопросы. Соответственно, общее число респондентов будет оцениваться ошибочно.

При инструктаже необходимо обратить внимание интервьюеров на переход в вопросе «42. Что Вы можете сказать о своей религиозности?». В соответствии с анкетой, если респондент выбирает варианты ответов «4» (*Неверующий*), «5» (*Атеист*) или «88» (*Отказ от ответа*), то интервьюер должен переходить к вопросу № 44 (пропуская вопрос «43. Верования какой религии, вероисповедания Вы разделяете?»).

В процессе проверки заполнения присланных баз данных, в большинстве случаев несоблюдения данного перехода, при каком-либо из трёх вышеуказанных вариантов ответов респондента, в вопросе № 43 ставился ответ «88» (*Отказ от ответа*), что является ошибкой. Выявлены анкеты, в которых респондентам, выбравшим при ответе на вопрос № 42 варианты «4», «5» или «88» — в вопросе № 43 ставился содержательный ответ!

В заключение обозначим некоторые рекомендации по созданию базы данных «Социокультурный портрет региона»:

1. Необходимо заполнять полученный макет базы данных («БД_Регион.SAV»), а не пытаться создать аналогичную базу самостоятельно.

2. В полученной базе данных «БД_Регион.SAV» необходимо создать новую переменную «N» (номер анкеты), в которую вносить номер набиваемой анкеты.

3. Четко следовать полученной инструкции по заполнению «БД_Регион.SAV».

4. Нельзя изменять стандарт кодировки (например, создавать дихотомические переменные, перекодировать переменные и т. д.). При необходимости следует, уже после заполнения исходного макета базы данных («БД_Регион.SAV»), создавать новые, дополнительные переменные для решения собственных исследовательских задач.

5. Важно, чтобы изменяя анкету, применительно к своим задачам, НЕ ИЗМЕНЯЛИСЬ ФОРМУЛИРОВКИ ВОПРОСОВ И КОДЫ ОТВЕТОВ, а при необходимости ДОБАВЛЯЛИСЬ новые вопросы к анкете, согласно инструкции.

6. Переменные: «start» (Время начала интервью); «final» (Интервью закончилось); «q8» (За сколько времени Вы можете добраться до ближайшего врача?); «q9» (За сколько времени Вы можете добраться до ближайшей больницы?) заполняются в формате «часы:минуты» (между числом часов и минут нажимается клавиша «двоеточие»).

7. При создании регионального макета анкеты, следует обратить внимание, что в электронном варианте, разосланном в регионы, пропущен вопрос [2]:

28.1. Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?

1. Стали жить намного лучше
2. Стали жить несколько лучше
3. Ничего не изменилось
4. Стали жить несколько хуже
5. Стали жить намного хуже

77 — Не знаю

88 — Отказ от ответа

социальный субъект или актор в регионе, создатель его структур, движитель его процессов и одновременно — объект региональных проблем-опасностей, исходящих от социокультурной среды региона и всего общества. Его составляющими служат пять комплексных факторов: уровень и качество жизни (1); человеческий потенциал (ИРЧП) в сочетании со степенью соблюдения прав и свобод гражданина (2); совокупность проблем-опасностей, рисков населения (3); характер ценностной идентификации жителей с регионом и страной (4), их социальное самочувствие (5). Одновременно человек предстает и как объект воздействий, исходящих от региона (и общества) как **социокультурной среды** действий человека: от культурных (Фкз-II), социально-экономических (Фкз-III) и властно-регулирующих (Фкз-IV) структур и процессов, которые уже в регионе, а не только в масштабе общества, приобретают самостоятельный по отношению к индивидам, объективированный характер.

Переходя к факторам этой среды, прежде всего, обратим внимание на базовые факторы культуры (Фкз-II): историко-культурное наследие, его особенности, в том числе возросшее влияние традиционных конфессий, полиэтничности (6), и рутинный или инновационный характер современной культуры и субкультур населения региона, характера его образования (7). Именно они являются для жителей региона исторически исходными факторами среды, повседневно влияющей на активность их жизнедеятельности. Одновременно они взаимодействуют с социально-экономическими условиями жизни людей (Фкз-III). Эти условия, в свою очередь, выстраиваются в известной последовательности: от соотношения технологических укладов — аграрного, индустриального, информационного (8), которое определяет экономическое состояние региона, его внутренний валовой продукт, уровень инвестиций в развитие (9); через своеобразие профилей социальных страт и классов, мобильности и миграции трудящихся (10), результируясь в уровне и качестве жизни населения (1), мотивирующих его экономическую активность. В целом факторы Фкз-III оказывают непосредственное влияние на человека (Фкз-I) и испытывают обратное его воздействие. Одновременно они взаимодействуют с факторами кластера «власть и региональное сообщество» (Фкз-IV).

Действия региональных органов власти (государственных и местных) результируются в сбалансированности функций региона (11) и в административной стратегии его развития (12). Однако эффективность действий различных органов власти зависит от человека, от ценностных ориентаций и социального самочувствия населения (Фкз-I). Более того, действия органов власти могут приходиться в существенное противоречие с интересами и ориентациями регионального сообщества в целом.

Предполагается, что **сила влияния** одних факторов на другие может быть определена в одних случаях *статистическими методами* (например, для анализа социально-экономических условий жизни людей (Фкз-II) используются корреляции, факторный, регрессионный анализ), в других — с помощью порядковых и метрических *шкал*, в третьих — преимущественно *качественными методами*, прежде всего с помощью экспертных оценок; нередко возможно взаимодополняющее использование нескольких методов. Полученные значения влияний можно использовать как *веса* при построении композитных факторов. Это позволит создать не абстрактную картину расположения факторов, какой она представлена на рис. 1, а более конкретную, выражающую реальную степень влияния и взаимовлияния композитных и комплексных факторов данного региона. Назовем эту реальную картину: **профиль факторов** региона как социокультурного сообщества.

Это не раз навсегда данный, а исторически меняющийся профиль. Но на каждом определенном этапе своей эволюции регион обладает своеобразным профилем факторов — элементарных, комплексных и композитных. В этом своеобразии наблюдаются как уникальные, так и типические черты, свойственные нескольким или многим регионам; такая типизация естественна для Российской Федерации, включающей около 90 административно-территориальных субъектов. Типические черты профиля факторов и составляют предпосылку социокультурной типологии российских регионов.

При их анализе важно понимать, что оценки профиля одного и того же региона («выше-ниже», «хорошо-плохо» и т.п.) могут существенно различаться в зависимости от того, делаются

ли они на основе информации только о данном регионе или же в сопоставлении с другими регионами.

В соответствии с антропосоциетальным подходом, выделим три уровня этой типологии: гуманитарный (человеко-соразмерный), институционально-функциональный, локально-факторный.

I. Гуманитарный, человеко-соразмерный уровень является фундаментальным для социокультурной типологии регионов. Он концентрирует внимание на положении человека в региональной среде, на проблемах и перспективах его положения и состояния именно как человека и гражданина, а не просто как работника, потребителя или подданного. Параметры, на которых строится Фкз-1, позволяют достаточно определенно выразить это положение и состояние: как объективное, так и оцениваемое самим населением.

На основе накапливаемого опыта создания социокультурных портретов регионов предстоит глубже вникнуть в качественные характеристики данного уровня типологии регионов и предложить их набор, который будет понятен и приемлем как для специалистов, так и для заинтересованных кругов общественности. В качестве первого приближения к такому набору, с целью его обсуждения и выявления иных предложений, рискну назвать *обобщающие характеристики положения человека в российском регионе*, перечень которых представляет собой порядковую шкалу:

- I.1 — приниженное,
- I.2 — малозаметное,
- I.3 — декларируемое (в программах, стратегиях и т.п.),
- I.4 — нормативно закрепленное (в законах, иных официальных актах),
- I.5 — одноаспектно поддерживаемое (как работник, или потребитель, или избиратель и т.п.),
- I.6 — многоаспектно поддерживаемое,
- I.7 — комплексно (всесторонне) поддерживаемое.

Основная трудность применения этой (или подобной) шкалы состоит в отсутствии методики, позволяющей интегрировать простые индексы комплексных факторов в композитный индекс, который можно интерпретировать как то или иное положение человека. Преодолеть эту трудность — одна из первоочередных наших задач.

II. Институционально-функциональный уровень включает совокупность функций и соответствующих институтов региона. Содержание его функций и институциональных структур претерпело с начала 1990-х годов радикальную трансформацию и, вместе со всем обществом, ныне оказалось в состоянии стабилизации, чреватой закреплением сложившихся социальных контрастов, их устойчивым воспроизводством.

В рамках этого уровня можно выделить три типа структуры (взаимоотношений) социокультурных функций региона:

- II.1 — взаимное соответствие, сбалансированность функций;
- II.2 — несоответствие, дисбаланс функций;
- II.3 — контраст, разбалансированность функций.

Чтобы определить тот или иной тип структуры функций региона, требуется решить ряд методических задач. Одну из возможностей их решения предоставляют данные, используемые в международном индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП). При всех недостатках этого индекса, он позволяет осуществить предварительную типологию российских регионов по структуре их функций — одному из ключевых компонентов профиля факторов не только Фкз-IV, но и региона в целом. Это достигается, если интерпретировать три составляющие ИРЧП региона (душевой доход, ожидаемая продолжительность жизни, образованность) и их совокупность как характеристики четырех его функций и соотнести уровни ИРЧП регионов с приоритетностью тех или иных функций. Автор стремился это показать в статье, опубликованной в сборнике «Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы», и в последующих публикациях [6].

В реальной жизни региона структура его функций отчетливо проявляется в соотношении проектов и действий государственных органов с предпочтениями (ожиданиями) населения территориального сообщества. Можно выделить три вида этого соотношения: согласованность,

И.А. Зеленов, В.А. Прохода
(Москва)

ОБ ОШИБКАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА»

Одним из важных этапов проведения прикладного социологического исследования является создание базы данных на основе полученной первичной социологической информации. Возникающие при этом ошибки могут приводить к искажению результатов исследования, а в случаях проведения исследования по единой методике разными исполнителями в каждом регионе — к нарушениям сопоставимости полученных результатов.

Настоящая публикация основывается на результатах обобщения и систематизации ошибок, допущенных при создании региональных баз данных по исследованию «Социокультурный портрет региона». Базы данных создавались с помощью прикладного пакета статистических программ SPSS for Windows на основе разосланного в регионы типового макета БД Регион [1]. SPSS (Statistical Package for the Social Science — статистический пакет для социальных наук) позволяет организовать ввод, обработку данных и вывод результатов в форме, наиболее адаптированной к поставленным исследовательским задачам. Процедуры анализа данных, предусмотренные в SPSS, включают множество статистических методов (*факторный, кластерный, дисперсионный, дискриминантный, регрессионный анализ* и др.), которые отсутствуют в иных программных продуктах. Одним из дополнительных преимуществ данного программного пакета является возможность дистанционной работы, когда единый алгоритм обработки данных рассылается в формате командного языка SPSS для последующего запуска сценария конкретным пользователем на своём компьютере. Это — еще одна причина, по которой требуется единообразие формата заполненных БД. Для стабильности совместной работы участников исследовательского проекта рекомендуется использование версии программы, не ранее SPSS 13.0.

Одной из распространенных ошибок, при заполнении баз данных, является изменение формулировок вопросов. Например, вопрос «*За сколько времени Вы можете добраться до ближайшего врача?*» изменяется на принципиально иную формулировку «*Расстояние в километрах до ближайшего врача*». Подобные изменения недопустимы, поскольку в результате нарушается корректность сопоставления региональных баз данных. В подобной ситуации должны создаваться дополнительные переменные для новых вопросов.

Часто встречаются ошибки связанные с изменением кодов ответа на тот или иной вопрос. Например, в образце базы данных варианту ответа «*Не знаю*» на вопрос «*Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже*» присвоен код «6», а варианту «*Отказ от ответа*» — код «77». В присланной базе данных кодировка изменена: код «6» и код «77» — «*Не знаю*»; код «88» — «*Отказ от ответа*».

Иногда не соблюдается формат переменной в базе данных. Например, на вопрос «*За сколько времени Вы можете добраться до ближайшего врача*» ответы заполняются в ином формате, нежели предусмотренный формат «*часы:минуты*»: «0,66», «0,67», «0,70», «1,7», «1,8», «1,9». Такая ошибка опять же приводит к потере сопоставимости части результатов.

В некоторых случаях добавляются дополнительные коды ответа на вопрос. Например, в образце базы данных вопрос «*Сколько у вас детей*» имеет три содержательных варианта ответа, а в присланной базе данных — четыре (*добавлен не предусмотренный в образце код «4» — нет детей*).

В открытых вопросах при последующем кодировании категорий необходимо учитывать орфографические и иные особенности написания одинаковых вариантов ответов (например, варианты ответов: «*Монетизация*», «*монетизация*» и «*Монитизация*» будут восприниматься SPSS, как три различных ответа). Такая же проблема возникает и в полужакрытых вопросах.

нее. Для построения необходимой квоты учтен удельный вес жителей каждого района в общей численности зоны. Отсюда выборка по административно-территориальным единицам составит 50% (табл. 2). Объем генеральной совокупности по Омской области составляет — 781,95 тыс. человек. Таким образом, нами были получены удельные веса численности каждого района в общей совокупности и среди районов, выбранных для исследования. Затем, исходя из заданного количества анкет (600), было определено количество опрашиваемых из каждой административно-территориальной единицы.

Таблица 2

Выборка анкетного опроса по зонам Омской области

Зона	Административно-территориальные единицы, образующие выборку (район)	Численность, тыс. чел.	Доля численности в выборке, в %	Количество опрашиваемых, чел.
Степная	Шербакульский	24,7	5,06	33
	Черлакский	35,1	7,20	46
	Русско-полянский	23,2	4,76	31
	Павлоградский	20,8	4,26	28
	Полтавский	24,0	4,92	32
Южная лесостепь	Омский	91,7	18,80	121
	Азовский немецкий национальный район	22,3	4,57	30
	Калачинский	45,1	9,25	60
Северная лесостепь	Называевский	29,0	5,95	38
	Крутинский	20,4	4,18	27
	Саргатский	21,9	4,49	29
	Колосовский	15,1	3,10	20
	Большереченский	32,7	6,70	43
Северная	Усть-Ишимский	15,7	3,22	21
	Тевризский	17,4	3,57	23
	Тарский	48,6	9,97	64
Итого по выборке:		487,7	100,00	646

Затем мы разбиваем данную совокупность на квоты с учетом заданных параметров — рода деятельности, пола, возраста. Дополнительные 46 анкет предназначены для возможного ремонта всей их совокупности.

Анкетирование респондентов предполагается проводить по месту работы и по месту жительства посредством личного формализованного интервью.

Литература

1. Демографический ежегодник: стат. Сборник / Омск стат. Омск, 2006.
2. Муниципальные районы Омской области: стат. Сб./ Омск стат. Омск, 2006.
3. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Изд-во «Наука», Сибирское отделение, 1979.
4. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.

рассогласованность, конфликтность. Их параметры измеряются социологическими методами, накапливается опыт таких измерений.

III. Локально-факторный уровень типологии непосредственно отражает практическую жизнь населения региона, его институциональных акторов, социальных страт и групп; он наиболее доступен для эмпирических измерений. Именно к этому уровню относятся показанные на рис. 1 комплексные факторы (Фкп) трех композитных факторов: Фкз-II, Фкз-III, Фкз-IV. Это уровень, на котором выясняется специфическая определенность, особенность первых двух уровней данного региона. На том или ином этапе эволюции региона любой Фкп может стать самым влиятельным, определяющим. Поэтому важно не перечисление всех факторов, а выделение наиболее влиятельных из них.

Основная трудность анализа комплексных факторов (Фкп) при решении типологических задач состоит в обосновании критериев отбора ограниченного числа элементарных факторов (Фэл) из почти безбрежного их множества для получения необходимых обобщенных параметров (индексов). Все же можно предположить, что сузить их круг поможет ориентация на выделенные выше характеристики гуманитарного и структурно-функционального уровней типологии. А многие конкретные блоки Фэл и опыт их интеграции в комплексные факторы уже неплохо разработаны и представлены в подготовленных портретах регионов — они могут быть адаптированы для решения типологических задач. Но следует учитывать границы между разнокачественными факторами и не поддаваться соблазнам формальных упрощений.

Таковы основные уровни изучения и построения профиля факторов российских регионов. Связуя, в этом смысле центральным среди них выступает второй, институционально-функциональный уровень. Поэтому примем его за титульный в нашей типологии регионов. Гуманитарный уровень будем считать акцентирующим, а локально-факторный — специфицирующим. Соответственно, гипотетически выделим **базовые социокультурные типы регионов**:

1. *Функционально сбалансированный, многоаспектно поддерживающий человека.*

Специфицирующие факторы: согласованность действий власти с предпочтениями населения; последовательное снижение остроты проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; поддержание баланса инвестиций в социально-экономическое развитие и в воспроизводство историко-культурного своеобразия; осуществление стратегии инновационного развития, роста среднего класса, роли информационного технологического уклада.

2. *Функционально несбалансированный, декларирующий поддержку человека.*

Специфицирующие факторы: рассогласованность действий власти с предпочтениями населения; воспроизводство коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; демонстрация внимания к проблемам духовности, религии; доминирование индустриального технологического уклада.

3. *Функционально разбалансированный, принижающий положение человека.* Специфицирующие факторы: конфликтность проектов и действий власти по отношению к ожиданиям, предпочтениям населения; рост коррупции, проблем-опасностей, нарушений прав человека и гражданина; принятие нормативных актов, ущемляющих права граждан, препятствующих их экономической и гражданской активности; отсутствие у властей долгосрочной стратегии, погоня деловых кругов за сиюминутной выгодой.

Это «идеальные типы». В реальности существуют промежуточные и синкретичные их варианты. Наша совместная работа над социокультурными портретами регионов, нацеленность на соотнесение каждого региона с тем или иным типом покажет, в какой мере работает идеальная типология, поможет сблизить ее с реальностью.

Литература

1. См.: Когай Е.А. и др. Социокультурный портрет Курской области. Изд-во КурскГУ, 2008; Куцев Г.Ф. и др. Социологический портрет Тюменского региона. Тюмень, Тюм. обл. Дума, 2007; Пивовев В.М. и др. Социокультурный портрет Республики Карелия. Петрозаводск, изд-во ПетрГУ, 2007.
2. В этом отношении представляется ценным опыт Южного научного центра РАН. См.: Матишев Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов-на-Дону, изд-во ЮНЦ РАН, 2007.

3. См.: *Лапин Н.И.* Общая часть программы: методологические предпосылки, исходные предположения. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006. С. 14—16, 117—134.

4. Там же. С. 27.

5. См.: *Н.И. Лапин.* Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой Методики «Социологический портрет региона». Часть 2. Редк. В.А. Давыденко, В.В. Мельник, Г.Ф. Ромашкина. Тюмень, изд-во ТюмГУ, 2006. С. 6, 12.

6. См.: *Лапин Н.И.* О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006. С. 141—158; *Н.И. Лапин.* Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций // Мир России, 2006, № 2.

заданные квоты для исследования жителей г. Омска и Омской области по роду занятий, полу и возрасту. Это позволяет представить различия характеристик социально-культурного портрета у жителей различных зон и районов Омской области.

Для достижения цели исследования необходимо опросить 1200 респондентов — 600 в г. Омске и 600 — в Омской области.

При построении выборки по Омской области использовалась информация об общей численности региона, составе и численности территориальных зон. В рамках административно-территориального деления Омской области выделяют четыре зоны (табл. 1).

Таблица 1

Распределение территорий Омской области по зонам

Зона	Административно-территориальные единицы (район)
Степная	Полтавский Щербакульский Одесский Таврический Русско-полянский Павлоградский Нововаршавский Черлакский Оконешниковский
Южная лесостепь	Большереченский Москаленский Марьяновский Любинский Омский Кормиловский Азовский немецкий национальный район Калачинский
Северная лесостепь	Называевский Крутинский Тюкалинский Саргатский Горьковский Нижнеомский Муромцевский Большереченский Колосовский
Северная зона	Усть-Ишимский Тевризский Тарский Седельниковский Большеуковский Знаменский Исилькульский

Каждая зональная единица представляет собой набор типичных районов по численности, половозрастному составу, видам экономической деятельности (сельское хозяйство и т.д.). Причем типичность прямо связана с данной зоной. Районы Северной зоны и Северной лесостепи более обширны по территории, Степной и Южной лесостепи — более компактны. Для обеспечения репрезентативности из каждой зоны выбрана половина районов типичных для

*Г.М. Чердынцев, А.В. Денежкина
(Омск)*

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА*

Современная социально-экономическая компаративистика органично связана с «социокультурным портретом» стран, регионов и других территориальных образований. В этом ряду особое место занимает «социокультурный портрет» отдельного региона Российской Федерации, составление которого предполагает формирование научно обоснованной информационной базы такого исследования.

Социологическое исследование по проекту «Социокультурный портрет Омской области» (Грант РГНФ) осуществляется с 15 июня 2008 г.

При формировании выборки учитывались основные социально-экономические параметры области.

Омская область входит в состав Сибирского федерального округа. Граничит на западе и севере с Томской областью, на востоке — с Тюменской и Новосибирской областями, на юге и юго-западе с Казахстаном. Общая площадь области составляет 141,1 тыс. км², население 2046,6 тыс. чел.

В Омской области 6 городов, 21 рабочий поселок, 1517 сельских населенных пунктов. В городской местности проживает 69% населения, в сельской — 31%. Административный центр — г. Омск. Другие крупные города: Исилькуль, Калачинск, Тара. Численность Омска составляет 1142,8 тыс.чел. Самый многочисленный район области — Омский, а самый малочисленный — Большеуковский. Национальный состав: русские — 83,5%, казахи — 3,9%, украинцы — 3,7%, татары — 2,3%.

Полезные ископаемые Омской области включают: мергель, стекольные и строительные пески, торф, кирпичные, бентонитовые, черепичные глины и суглинки, минеральные воды, керамзитовые, сапрпель, железную руду, бурый уголь, циркон- ильменитовые россыпи, нефть, природный газ.

В настоящее время Омскую область относят к группе промышленных регионов с развитой инфраструктурой, имеющей выгодное географическое положение и крупные транспортные узлы. В соответствии с федеральным правительственным прогнозом социально — экономического развития субъектов Российской Федерации Омская область и в долгосрочной перспективе останется в числе наиболее развитых регионов России.

Правительством Омской области успешно реализуется стратегия ее социально-экономического развития до 2020 г. В основе этого является ускоренное привлечение финансовых ресурсов из всех источников для обеспечения высоких темпов роста экономического и социального потенциала Омской области, повышения качества жизни населения.

В нашем исследовании носителями «социокультурного портрета» являются отдельные индивиды, которые на основе репрезентативной совокупности представляют его как системный объект. По основным критериям сформированная нами выборка достоверно отражает сельское население Омской области и Западной Сибири. При обосновании выборочной совокупности для проведения исследования сельской местности используется случайная квотная бесповторная выборка. Применение данного типа выборки обусловлено тем, что для получения валидных результатов следует учесть удельный вес жителей районов Омской области в общей численности ее населения. Кроме этого необходимо использовать

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00518а.

*В.С. Григорьев
(Чебоксары)*

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВЕКОВ*

Чувашская Республика стала объектом исследования по общероссийской академической программе «Социокультурная эволюция регионов России» с 2006 г. Ученые республики в числе первых пяти региональных исследовательских коллективов включились в работу по ее реализации, по достоинству оценив Типовую методику исследования, разработанную Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН при участии специалистов МГУ им. М.В. Ломоносова и принятой на всероссийской конференции в июне 2005 г. в качестве основы теоретических и эмпирических разработок по данной новаторской программе. Проект комплексного, проблемно-аналитического исследования субъектов Российской Федерации предусматривает продолжение работы в мониторинговом режиме, чтобы получить панорамную картину социокультурной эволюции регионов за достаточно длительный период. Хотя полевые социологические обследования по проекту развернулись в основном в 2005—2006 гг., комплексная разработка и исследование научной темы охватывает фактические материалы более значительного периода предшествующих лет — с начала 1990-х годов по настоящее время. Этому способствует активное использование тех статистических, справочных, аналитических материалов, публикаций средств массовой информации, результатов предыдущих мониторинговых, лонгитюдных, социологических исследований, которые с наибольшей степенью достоверности отражают социокультурные процессы в регионе рубежа XX—XXI вв.

Организаторы исследования добиваются сопоставимости итоговых сведений по всем исследуемым регионам, что позволит проводить сравнительный анализ состояния и характеристики субъектов Российской Федерации, представить руководству регионов и Центра соответствующие аналитические материалы. В перспективе, как отмечает руководитель проекта, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, эти исследования сложатся в единый «Социокультурный атлас России» и обеспечат создание нового научного направления — социокультурной компаративистики.

Участие в данном проекте Чувашской Республики и исследование ее социокультурного портрета представляет значительный интерес в связи с тем, что республика, не обладая природными сырьевыми ресурсами, в течение ряда лет удерживает лидирующие позиции среди субъектов Российской Федерации по приоритетным направлениям социально-экономического развития. Как отметил Президент страны В.В. Путин в ходе визита в Чувашскую Республику в феврале 2004 г., опыт организации работы в Чувашии является примером для изучения и внедрения в других регионах страны, служит хорошим поводом для того, чтобы вносить коррективы в политику на федеральном уровне. В ходе обсуждения социально-культурных программ, реализуемых в Чувашии, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в г. Чебоксары 6 августа 2008 г. подчеркнул важность использования опыта Чувашской Республики в этой сфере деятельности, особенно в организации сети модельных библиотек, способных концентрировать вокруг себя духовную жизнь населения, обеспечивать выход в мировую сеть «Интернет» и предоставлять людям важную составляющую современной культуры. За Чувашской Республикой прочно закрепился имидж новаторского региона, и впечатляющие успехи в ее социально-экономическом развитии подчеркивают также зарубежные организации,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208а/В.

активно поддерживающие модернизационные проекты в стране. По оценке директора и постоянного представителя Всемирного банка в России К. Георгиевой, «Чувашия является моделью для других российских регионов с точки зрения определения стратегических приоритетов и достижения реальных успехов при реализации комплексных программ развития экономики и улучшения благосостояния региона». Реформаторские проекты и программы обустройства региона не ограничиваются только экономическими показателями, они разрабатываются в качестве комплексной стратегии общественного развития Чувашии как социума, «территории опережающего развития», в которой, по определению Президента республики Н.В. Федорова, «творчество и инновации, культура и духовность должны стать основой и стилем жизни повсеместно». Критериями успешного развития республики являются формирование благоприятных условий жизнедеятельности населения, повышение качества жизни людей, обеспечение интеграции региона в духовно-культурное, экономическое пространство страны и мирового сообщества. Острая необходимость реализации этих ориентиров подчеркивается усугублением экономической дифференциации субъектов Российской Федерации, когда они по величине производства регионального продукта на душу населения различаются почти в 100 раз.

Важной объективной особенностью Чувашского края является высокая плотность населения (в среднем на 1 кв. км. территории приходится 70,4 чел., что составляет 8-й показатель среди регионов России). В составе населения Чувашской Республики абсолютно преобладают чувашши — 67,7% (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.), т.е. титульное население республики представляет здесь максимальную долю в сравнении с национальными образованиями всей страны, не считая регионы Северного Кавказа. Русские составляют 26,5% населения Чувашии, татары — 2,7%, мордва — 1,2%, представители других национальностей (украинцы, марийцы, евреи и др.) — 1,9%.

В социально-экономическом развитии Чувашской Республики важную роль играют индустриальные предприятия таких отраслей, как машиностроение и металлообработка, химическая и легкая промышленности, строительная индустрия. До 70% валовой продукции региона производят ведущие отрасли — машиностроение, химическая и электротехническая, в которых занято более 65% рабочих республики. Темпы прироста производства как промышленной, так и сельскохозяйственной продукции в Чувашии ежегодно превышают среднероссийские показатели. Почти 40% населения проживают в сельской местности, продукция сельского хозяйства составляет более 12% валового регионального продукта.

Чувашскую Республику официально называют в числе дотационных регионов, но система местной государственной власти сумела создать прагматичную модель успешного развития малоресурсного региона. Чувашия вышла в число лидеров не только по возрождению производственных отраслей экономики, но и по инфраструктурному потенциалу, объему ввода жилья в расчете на душу населения, строительству дорог, сельской газификации, освоению информационно-коммуникационных технологий, модернизации системы здравоохранения, образования и ряда других важных направлений повышения качества жизни населения. По индексу развития человеческого потенциала Чувашская Республика занимает в рейтинге регионов России позицию выше среднего — 29-е место (2004 г.). По индексу качества жизни республика находится на 42-м месте, т.е. в середине рейтинга; по индексу демократичности — в первой двадцатке наиболее успешных регионов России.

Важным направлением деятельности руководства республики в начале XXI в. стала реализация задачи по переводу экономики на инновационный путь развития. Концентрации усилий государственных органов, предприятий, организаций и общественности на проблемах инновационного развития способствовали указ Президента Чувашской Республики от 29 октября 2004 г. «О дополнительных мерах по инновационному развитию Чувашской Республики» и принятые Кабинетом Министров Чувашии Концепция инновационного развития республики на период до 2015 года, Республиканская комплексная программа инновационного развития Чувашии до 2010 года. Превращение Чувашии в динамично развивающийся, инновационно активный, сильный регион, обеспечивающий европейские стандарты жизни населения, является главным ориентиром «Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года», утвержденной Законом Чувашской Республики от 20 марта 2007 г.

Одним из результатов исследования является то, что качество персонала, его профессионально-квалификационные характеристики не соответствуют требованиям развития бизнеса причем в такой степени, что становится решающим фактором при решении вопроса о размещении производств в регионе. При этом чаще всего речь идет о дефиците квалифицированной рабочей силы, подготовка которой является несистемной и не соответствует ни интересам населения, ни интересам предпринимательства.

Наряду с этим обозначена проблема увеличивающейся миграции квалифицированной рабочей силы: экономистов, менеджеров, инженеров, IT-специалистов.

Если совместить эти две тенденции, то становится очевидным, что Омская область является ресурсодефицитной с точки зрения человеческих ресурсов и требуются радикальные срочные меры для решения этой проблемы. Такая ситуация вносит дисбаланс на рынке труда, когда в силу дефицитности какой-либо позиции (а не в силу сложности труда) заработная плата может увеличиться в несколько раз за полгода. Это вносит дополнительный внеэкономический дисбаланс на ранке труда.

Омская область имеет высокую концентрацию промышленно-производственного потенциала в г. Омске. До 90% промышленности сосредоточено именно в областном центре. Это также влияет на социальную структуру населения области и требует проведения интегрированных исследований, позволяющих оценить ситуацию как с точки зрения развития проблем социального обеспечения, проблем становления гражданского общества, изменения ценностно-нормативных основ, а так же включения вопросов, связанных с занятостью, эффективностью труда и перспективами экономической самоидентификации.

В.С. Половинко
(Омск)

ИНТЕГРАЦИЯ МОНИТОРИНГОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА

В современных условиях расширяются границы понятия «социальное». Это связано как с гуманизацией отношений и процессов, так и с развитием институциональных теорий. Последние за несколько лет получили свое развитие, в том числе в области экономики, менеджменте и социологии, «размывая» границы между этими изначально обособленными областями научного знания и практики. Институционализм, демонстрируя зависимость развития общественных процессов от ценностей, культуры, норм, законодательства и др., возводит отмеченные объективные и субъективные феномены в ранг институтов, которые становятся источником и/или барьером развития. Поэтому в области экономики и менеджмента в последнее время активно разрабатываются ранее традиционно социологические темы: организационная культура, удовлетворенность трудом и ее влияние на результативность труда, оптимизация нематериального стимулирования и пр. Все чаще увязывается развитие управленческих технологий с менталитетом работников и предпринимателей.

Наиболее очевидно эти процессы протекают в области управления персоналом, в рамках которого достаточно четко можно выделить «течения»: социологическое, психологическое и трудовое. Всех их объединяет одно — все направления не могут игнорировать социальную сущность человека в процессе труда и обусловленность системы управления персоналом от социальных процессов, протекающих в регионе (регионализация рынков труда уже не оспаривается).

Для того, чтобы сформировать научную базу для формирования кадровой политики региона, для выбора мер социальной защиты населения, при разработке социального пакета для работников, для эффективного позиционирования (конкурентоспособности) организации на рынке труда и пр. часто разные субъекты используют одни и те же методы получения информации, в том числе — организация мониторингов социальных, социально-экономических и социально-трудовых процессов (отношений). В основе и предметом этих мониторингов являются социальные характеристики всего или экономически активного населения. Разобщенность методологий, нескоординированность методик и техники проведения мониторингов становятся причиной неполной, дублирующей, нерепрезентативной информации. Вместе с тем, как было уже отмечено выше, тенденции развития разных отраслей знания и практики демонстрируют единство предметно-методологического поля и обуславливают необходимость скоординированных действий.

Омский государственный университет в лице кафедры экономики и социологии труда на протяжении ряда лет проводит социологические исследования по различным темам социально-трудового характера. В 1990-е годы это был трехлетний мониторинг трудовых (в том числе карьерных) перемещений во взаимосвязке с развитием образования и реализацией социальной политики региона. В настоящее время кафедра сместила акценты на исследования в области развития систем управления персоналом, процессов управления персоналом, противоречий в отношениях наемных работников и работодателей в процессе внедрения так называемых современных методов работы с персоналом.

В 2004, 2007 гг. проведено обследование 241 предприятия (организации) г. Омска, основной темой которого стали оценка ситуации в области организации управления персоналом, выявление закономерностей развития систем управления персоналом. Основные результаты этих исследований стали предметом обсуждения на Омских кадровых форумах, которые проводятся ежегодно (в течение пяти лет) и собирают менеджеров по персоналу Омска и соседних регионов.

Инновационный характер экономики главным образом определяется внедрением в производство научно-технических достижений, передовых технологий. В Чувашской Республике особо высокий потенциал для развития высокотехнологичных производств имеют предприятия авиастроения, электроники, электроэнергетики, железнодорожного сектора, химической промышленности. В республике нарастает число использованных передовых производственных технологий: в 2000 г. их было внедрено 560, в 2001 г. — 491, в 2002 г. — 552, в 2003 г. — 725, в 2004 г. — 660, в 2005 г. — 1226, в 2006 г. — 1788 передовых технологий. По этому показателю наиболее успешным в Приволжском федеральном округе является Нижегородская область, на порядок опережающая остальные регионы округа. В 2006 г. здесь использовано 27837 передовых производственных технологий, что составляет 47,9% показателей всего ПФО, является абсолютным рекордом по всей Российской Федерации. По числу использованных передовых технологий (1788) в 2006 г. Чувашия находилась на 8-м месте в ПФО, следовала непосредственно после Республики Татарстан (2200 технологий) и опережала Ульяновскую (1727), Кировскую (1684), Пензенскую (808), Оренбургскую (506) области, а также республики Марий Эл (518) и Мордовию (1597 передовых технологий).

В разрезе предприятий в Чувашии наблюдается неравномерное проявление инновационной активности. В 2005 г. насчитывалось 54 организации, осуществляющие технологические инновации, и они составляли 13,6% общего числа организаций в республике. Такой удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, оказался на уровне 4-го места аналогичного показателя регионов Приволжского федерального округа. В 2005 г. по удельному весу инновационно креативных организаций Чувашия следовала за Нижегородской (14,7%), Самарской (15,1%) областями и Пермским краем (33,2%). В 2006 г. произошло снижение числа инновационно активных организаций по всему Приволжскому федеральному округу, хотя по Российской Федерации в целом наблюдался определенный рост (с 2708 организаций в 2005 г. до 2830 организаций в 2006 г.). В ПФО в 2005 г. действовали 702 организации, осуществлявшие технологические инновации (10,8% общего числа организаций округа), в 2006 г. таковых насчитывалось 697 (9,9%). В Чувашии в 2006 г. отмечено осуществление технологических инноваций в 36 организациях (8,3%). На фоне ряда регионов федерального округа Чувашская Республика все еще демонстрирует активную позицию в освоении инновационных технологий, занимая 7-е место в ПФО. Кроме указанных выше регионов, лидировавших в 2005 г. по этому показателю, в 2006 г. Чувашия с коэффициентом 8,3% уступила Татарстану (11,3%), Удмуртии (11,5%) и Самарской области (12,7%). В то же время республика опередила 7 регионов, в которых удельный вес технологически инновационных организаций составил от 3,6% (Республика Марий Эл) до 8,2% (Мордовия).

Значительно выросли в Чувашской Республике затраты на технологические инновации: если в 2000 г. они составили 195262 тыс. руб., то в 2006 г. достигли 1290405 тыс. руб. Это свидетельствует об опережающем их росте по сравнению со средними показателями по Приволжскому федеральному округу. В Чувашии затраты на технологические инновации в 2000—2006 гг. выросли в 6,6 раза, в ПФО — в 4,5 раза, по России — в 3,4 раза.

Активная работа в данном направлении обеспечила организацию в Чувашии более 30 объектов системной сети инновационной инфраструктуры, в их числе — первый центр коллективного пользования в области нанотехнологий, первый технопарк в области высоких технологий (в г. Новочебоксарск) и т.д.

Реализация стратегии инновационного развития Чувашской Республики позволяет наращивать объем отгруженной инновационной продукции — товаров, работ и услуг, произведенных в отчетном году на основе разного рода технологических инноваций, изменений, осуществлявшихся в течение последних трех лет. В 2000 г. он оценивался на 530,9 млн руб. (3,3% от общего объема отгруженной продукции), в 2001 г. — 785,5 млн руб. (3,6%), в 2002 г. — 728,9 млн руб. (2,8%), в 2003 г. — 1155,0 млн руб. (3,4%), в 2004 г. — 2443,0 млн руб. (6,1%), в 2005 г. — 3106,7 млн руб. (5,8%), в 2006 г. — 2926,6 млн руб. (3,5% от общего объема отгруженной продукции). По удельному весу инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции в 2005 г. Чувашская Республика с коэффициентом 5,8% занимала среди регионов ПФО 5-е место, в 2006 г. — 8-е место (с коэффициентом 3,5%), опередив такие регионы, как

Оренбургская (0,7%), Кировская (2,2%), Саратовская (2,7%) области, Удмуртию (1,3%), Марий Эл (1,5%), Башкортостан (2,5%). В 2007 г. объем отгруженной инновационной продукции увеличился еще на 18,5%.

Научно-технические инновации в современных условиях невозможно осуществлять без внедрения новых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). По состоянию на 2004 г. Федеральная служба государственной статистики России (Росстат) располагала сведениями о 1231 организации Чувашии, обследованной по данному кругу видов деятельности; из них в 1066 (86,6%) установлен факт использования новых информационных и коммуникационных технологий. По Приволжскому федеральному округу в целом эти показатели равнялись соответственно 27523 и 23453 (85,2%). Растет оснащенность работников персональными компьютерами. В 2004 г. на 100 работников обследованных организаций Чувашии приходилось 15 персональных компьютеров, из них 3 ПК имели доступ к сети Интернет (по регионам ПФО, соответственно, 16 и 4 ПК). В 2005 г. эти коэффициенты в Чувашии равнялись 19 и 4 ПК, при средних показателях по Приволжскому федеральному округу 20 и 5 ПК. В 2006 г. на каждые 100 работников обследованных организаций Чувашии приходилось по 22 персональных компьютера, в т.ч. с доступом к сети Интернет — 7 ПК. По числу персональных компьютеров на 100 работников Чувашия в 2005 г. опережала республики Мордовия (16 ПК), Марий Эл (17 ПК), Башкортостан (18 ПК) и Ульяновскую область (18 ПК). Данный коэффициент по Приволжскому федеральному округу в 2005 г. был наивысшим в Пензенской области (25 ПК) и Татарстане (23 ПК). В 2006 г. коэффициент 22 персональных компьютера на 100 работников был обеспечен, кроме Чувашии, в Удмуртии, Пензенской и Самарской областях; более высокие показатели в ПФО имели лишь 3 региона — Нижегородская область (25 ПК), Татарстан (24 ПК), Пермский край (23 ПК). Неуклонно увеличивается число организаций, использующих специальные программные средства ИКТ и имеющих WEB-сайты. В настоящее время в Чувашии каждая третья семья имеет компьютеры, число абонентов интернет-провайдеров перевалило за 75 тыс. Все школы республики имеют широкополосный доступ к Интернету. Высокую эффективность использования в Чувашии телекоммуникационных технологий в медицине, образовании и сфере культуры отметили представители федерального руководства и корпоративных делегаций, посетившие республику в 2006—2008 гг. В связи с расширением применения информационно-коммуникационных технологий происходит рост затрат на услуги связи, предоставляемые посредством ИКТ. Так, в Чувашии в 2004 г. они составили 125,3 млн руб., в 2005 г. — 157,1 млн руб. (рост — на 31,8 млн руб., т.е. на 25,4%). Темпы роста услуг связи ИКТ в Чувашии особо впечатляют на фоне резкого снижения объема услуг связи ИКТ в целом по Приволжскому федеральному округу (24,6%, т.е. с 10 106,1 млн руб. в 2004 г. до 7621,5 млн руб. в 2005 г.).

Стартовым фактором инноваций являются достижения науки, результаты фундаментальных и прикладных научных исследований. Деятельность организаций, проводивших научные исследования в Чувашской Республике, в последнее десятилетие характеризовалась заметным ростом затрат на научные разработки и сокращением числа самих научно-исследовательских организаций и занятых в них работников. Внутренние затраты организаций на исследования и разработки (включая как текущие, так и капитальные затраты) в 2000 г. соответствовали 81392 тыс. руб., в 2001 — 115543 тыс. руб., на 2005 г. выросли до 160378 тыс. руб., в 2006 г. составили 158 710 тыс. руб. Таким образом, общие внутренние затраты организаций на исследования и разработки увеличились в 2 раза на фоне увеличения аналогичного показателя по России в 3,8 раза, ПФО — в 3,25 раза. В 2007 г. внутренние затраты организаций на исследования и разработки в Чувашии увеличились еще на 16% и составили 1,7% валового регионального продукта (по России — 1,0%).

Число организаций, выполнявших исследования и разработки, за последнее десятилетие значительно сократилось: с 24 (на 1995 г.) и 14 (2000 г.) до 12 (на 2005 и 2006 гг.). Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, снизилась с 3420 чел. (1995 г.) и 1809 чел. (2000 г.) до 1406 чел. (в 2005 г.) и 1069 чел. (в 2006 г.). Произошли заметные изменения и в составе исследователей (научных работников), имеющих ученые степени. В 1995 г. в республике насчитывалось 111 исследователей с ученой степенью, в том числе 7 докторов наук и 104 кан-

Добавим сюда обобщенное представление результатов анкетного опроса (хотя бы, как минимум, число упоминаний). И станет понятнее, что же является более значимым объектом в заданном здании: банкомат или образовательный центр (см. справку к рис. 2 — «Организации в указанном здании»).

Другим важным свойством анкет, снабженных ГИС-данными, является их интегрируемость со всеми регионами России. Они действительно могут послужить не только как подспорье в построении социокультурного портрета конкретного региона, но и сделать портрет каждого региона частью многомерного атласа страны. Для развития и координации в названном направлении можно рекомендовать создать сайт проекта многомерного атласа, ядром которого служила бы типовая методика, основой для сопоставления и интерпретации — ГИС-данные и карта регионов, а для широкого использования оказались бы доступны публикации по результатам исследований и мультимедийные иллюстрации, интегрированные на карте России.

Естественно, в последнем случае необходимо позаботиться о расширении инструментария обработки и интерпретации социокультурного портрета Омской области, обеспечивая механизм его развития во времени. А для этого он должен быть востребован населением, органами власти и бизнес-сообществом. Ведь именно обратная связь делает проект жизнеспособным в перспективе.

На мой взгляд, современным картам не хватает социального измерения. Речь, конечно не идет об общих характеристиках (по полу, возрасту, национальному составу), а именно об отношении и динамике отношений к социально-экономическим процессам в регионе и к самому региону. Одной из таких оценок, непосредственно «привязываемых» к карте могли бы стать фотографии с узнаваемого, «человеческого» ракурса, а не с аэрокосмического снимка или модели. Причем, выбор графических иллюстраций должны определять сами жители данного населенного пункта. Впрочем, и сам выбор объекта — одна из характеристик, оцениваемых статистически при интерпретации социокультурного портрета. Например, анкету предлагается дополнить вопросами:

1) Какой природный объект (если есть), на Ваш взгляд, является «визитной карточкой» Вашего села/района?

2) Какой памятник (если есть), на Ваш взгляд, должен быть отражен на карте Вашего села/района?

3) Не хотели бы Вы прикрепить к карте района фотографию Вашего дома, улицы?

И, конечно, снабдив интервьюера цифровым фотоаппаратом можно позаботиться о наполнении анкет снимками. Как снимок «найдет» свою анкету? Очень просто — в момент фотографирования интервьюеру достаточно будет нажать клавишу все того же GPS-навигатора, снимок получит номер и пространственные координаты, как и анкета. А все снимки с номерами больше заданного номера анкеты и до номера следующей анкеты, находящиеся в заданном районе, будут считаться частью анкеты автоматически.

В итоге, население (участников опроса) можно будет заинтересовать, публикуя снимки в разрезе населенных пунктов с привязкой к карте. Изображения на карте станут более узнаваемыми, чем при использовании одних лишь спутниковых снимков, что позволит рассчитывать на запрос соответствующих «слоев» для карт и со стороны населения и со стороны бизнес-сообщества, размещающего сейчас на картах свою рекламу.

Сравним, к примеру, фотографию на площадь им. Лицкевича, сделанную человеком (рис. 3 и аэрокосмический и схематичный план этой же площади (рис. 1 и 2 соответственно)).

Рис. 3. Вид на корпус экономического факультета ОмГУ на пл.Лицкевича (источник — WWW.OmEco.Ru)

дидата наук. На 2006 г. осталось 57 исследователей, в т.ч. 6 докторов наук и 51 кандидат наук. Сокращение численности исследователей с учеными степенями в Чувашской Республике на 48,7% произошло в контексте ее роста на 3,6% в ПФО и снижения в целом по России на 14,6%.

Следует отметить, что в республике за эти годы не изменилось число организаций, занимавшихся подготовкой аспирантов (как в 1995 г., так и в 2004—2006 гг. эту работу вели 4 организации), а численность аспирантов увеличилась более чем в 2 раза: в 1995 г. в аспирантуре обучалось 214 чел., в 2000 г. — 410 чел., в 2002 — 517 чел., в 2003 г. — 538 чел., в 2005 г. — 531 чел., в 2006 г. — 672 чел. Однако все еще низким оставался уровень выпуска аспирантов с защитой диссертации: в 1995 г. — 25% (5 чел.), в 2000 г. — 44,1% (30 чел.), в 2005 г. — 32,1% (42 чел.), в 2006 г. — 41,3% (57 чел.). В то же время по Приволжскому федеральному округу доля аспирантов, завершивших обучение с защитой диссертации, составила в 1995 г. — 29,5%, в 2000 г. — 39,7%, в 2005 г. — 40,0%, в 2006 г. — 42,1%. Подготовкой докторантов в республике в 1995 г. была занята всего одна организация (Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова — ЧГУ), где готовили свои докторские диссертации два соискателя соответствующей ученой степени. В 2000-м и последующие годы этой работой занимались две организации — ЧГУ и Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Они вели подготовку 21 докторанта (в 2000 г.), в 2002 и 2003 гг. — 20 докторантов, в 2004 г. — 15, в 2005 г. — 14, в 2006 г. — 17 докторантов. По ряду причин не все докторанты успешно завершали свои исследовательские темы. В 2000 г. состоялся выпуск 6 докторантов, в т.ч. с защитой докторской диссертации — всего 2 чел., в 2004 г. выпуск из докторантуры состоял из 11 чел. (с защитой диссертации — 3 чел.), в 2005 г. выпуск состоял из 5 чел., в т.ч. с защитой — 2 чел., в 2006 г. закончили обучение в докторантуре 3 чел., с защитой диссертации — 1 чел.

Важным показателем эффективности научно-исследовательской и инновационной активности является получение патентов на изобретения и полезные модели. В этом отношении по Чувашской Республике заметен рост поступления патентных заявок и нестабильность нарастания выдачи документов по охране авторских прав.

Социально-экономические, институциональные инновации, составлявшие существенные черты экономики новой России, отчетливо отразились на изменениях в структуре предприятий и организаций по формам собственности. На конец 2006 г. в Чувашии насчитывалось всего 23 527 предприятий и организаций. Анализ распределения предприятий и организаций по формам собственности свидетельствует о заметном последовательном росте числа хозяйствующих субъектов частной формы собственности. На 1 января 2007 г. 1229 предприятий и организаций Чувашии являлись государственными (5,2% от общего их числа); 2657 — муниципальными (11,3%); 16 960 — частными (72,1%); 2036 — общественных и религиозных организаций (объединений) — 8,65%; прочие формы собственности — 645 объектов (2,7%), в число которых входят предприятия и организации смешанной российской, иностранной, совместной российской и иностранной формы собственности. По доле предприятий и организаций частной формы собственности Чувашская Республика к началу 2007 г. вышла на 8-е место в Приволжском федеральном округе (72,1%), став на уровень Республики Татарстан (72,1%) и приблизившись к уровню Ульяновской (72,5%) и Кировской (73,0%) областей. По доле предприятий частной формы собственности Чувашия заметно уступает Самарской (86,1%), Нижегородской (79,5%), Саратовской (77,3%) областям, Пермскому краю (76,3%), Республике Удмуртия (78,1%), но находится выше показателей республик Мордовия (47,3%), Марий Эл (68,1%), Башкортостан (70,0%) и Оренбургской области (69,7%).

Реструктуризация экономических институтов в России создала новые условия для привлечения негосударственных финансовых средств на развитие хозяйствующих субъектов и экономики в целом. Инвестиции в основной капитал, т.е. в активы, используемые в течение длительного периода для производства товаров и оказания рыночных и нерыночных услуг, за период с 1990 по 2006 гг. в Чувашии последовательно увеличивались и составляли (в фактически действовавших ценах), например, в 1990 г. — 1,9 млрд руб.; в 1995 г. — 1467 млрд руб.; в 2000 г. — 4940 млн руб.; в 2006 г. — 26549 млн руб. Распределение инвестиций в основной капитал по формам собственности представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение инвестиций в основной капитал по формам собственности (в %)

	Чувашия			ПФО			Россия		
	1995 г.	2000 г.	2006 г.	1995 г.	2000 г.	2006 г.	1995 г.	2000 г.	2006 г.
Государственная	44,4	19,9	16,2	30,1	24,4	18,0	31,3	23,9	17,5
Муниципальная	7,2	13,5	8,4	8,9	7,6	5,4	6,3	4,5	3,8
Частная	27,7	40,4	63,5	11,9	27,0	50,8	13,4	29,9	49,1
Смешанная российская	19,9	25,3	6,9	46,7	35,2	15,8	46,2	27,7	12,0

Примечательно, что в 2006 г. Чувашская Республика заняла 2-е место среди регионов ПФО по доле инвестиций в состоящий в частной собственности основной капитал (63,5%) (на 1-м месте — Пензенская область с коэффициентом 65,5%). По общему объему инвестиций в основной капитал на душу населения Чувашия заняла 7-е место в Приволжском федеральном округе и 48-е место среди регионов всей России. В фактически действовавших ценах этот показатель в 1990 г. составил 1,4 млрд руб.; в 1995 г. — 1091 млрд руб.; в 2000 г. — 3711 млн руб.; в 2006 г. — 20593 млн руб.

Институциональные новации периода реформ внесли изменения в формы участия иностранного капитала в деятельности организаций Чувашии. Оборот организаций с участием иностранного капитала в 2006 г. в республике составил 6,0 млрд. руб., т.е. 0,4% оборота аналогичных организаций по Приволжскому федеральному округу и 0,04% оборота организаций Российской Федерации (с учетом иностранного капитала). Чувашская Республика по данному показателю в 2005 г. опережала два региона ПФО — Республику Марий Эл (1,3 млрд руб.) и Пензенскую область (2,6 млрд руб.). Однако в 2006 г. Республика Марий Эл добилась роста данного показателя до 10,4 млрд руб., и Чувашия заняла предпоследнюю позицию в округе по объему оборота организаций с участием иностранного капитала.

Таблица 2

Число организаций Чувашской Республики, действовавших с участием иностранного капитала отдельных стран

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Беларусь	1	1	1	1	1	5	1
Великобритания	2	2	2	3	4	3	2
Германия	2	4	4	4	5	4	3
Казахстан	—	—	—	—	1	—	—
Кипр	—	1	4	4	3	3	3
Китай	1	1	—	—	1	1	—
США	6	6	5	6	6	4	2
Украина	3	2	1	2	3	6	4
Финляндия	1	1	1	1	1	1	1
Всего	52	53	35	39	41	43	34

За последние годы в Чувашии установилась тенденция роста инвестиций в основной капитал организаций с участием иностранного капитала. Если в 2000 г. они составили 34,1 млн руб., то в 2003 г. — 427,1 млн руб., в 2004 г. — 757,0 млн руб., в 2005 г. — 1063,1 млн руб., в 2006 г. — 1394,0 млн руб. В общем объеме инвестиций в основной капитал Чувашской Республики в 2006 г. аналогичные инвестиции в организациях с участием иностранного капитала составили 5,3%. По всем регионам Приволжского федерального округа этот показатель составил 11,7%.

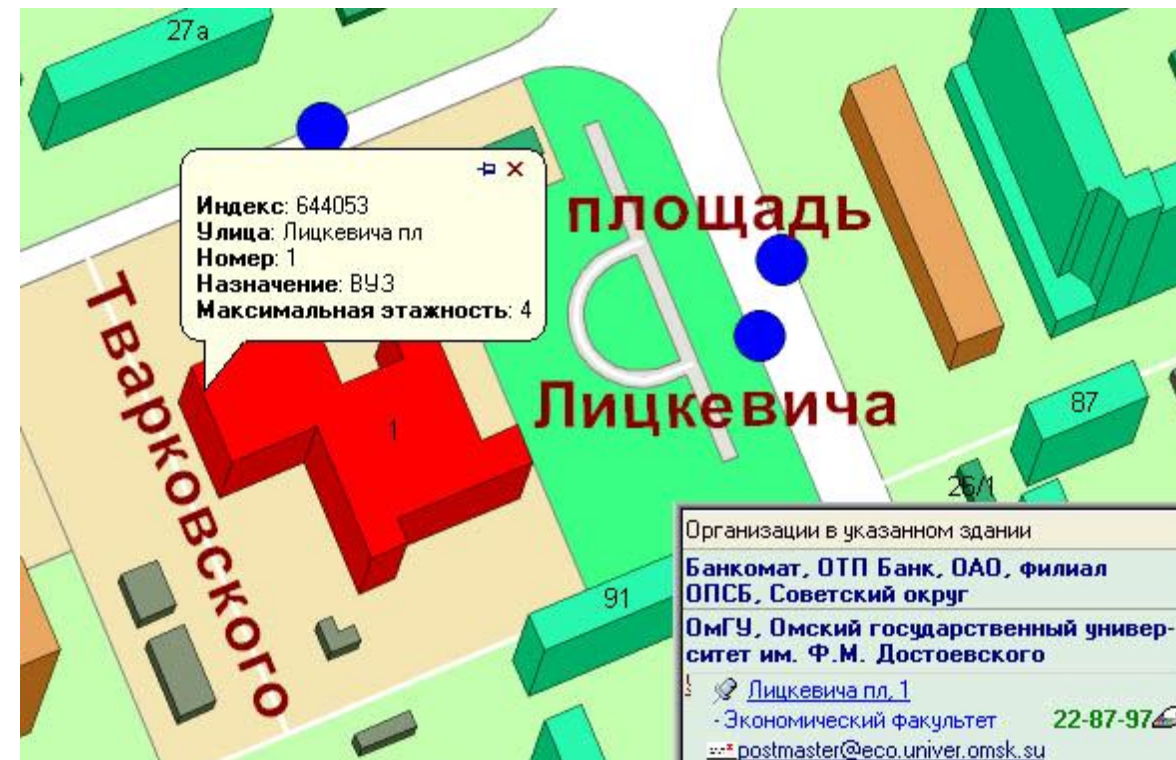

Рис. 2. Фрагмент карты со справочника об организациях, расположенных в здании на площади им. Лицкевича в г.Омске (источник — WWW.Google.Ru)

Какую именно информацию из карт имеет смысл включать вместе с анкетой (благодаря ее привязке по ГИС-данным)? Кроме уже отмеченных сведений о населенном пункте и его административно-территориальной принадлежности (например, площадь им. Лицкевича находится в Советском административном округе г. Омск), большая часть карт снабжена информацией о транспорте (на площади им. Лицкевича показаны остановки, вид магистралей и категории общественного транспорта), типах окружающих строений и сооружений, памятниках культуры (например, на площади имеется стелла и барельеф).

В целях статистической интерпретации данных из справочников и карт их можно включать в базу с определенными обобщениями. Например, вслед за ГИС-данными можно внести в анкету автоматически вычисляемые переменные: наличие муниципального транспорта, дорог с асфальтированным покрытием, образовательных учреждений (отдельно для начального, среднего общего, среднего специального и высшего профессионального образования), органов государственной и муниципальной власти и/или их представительств, памятников культуры и др. Причем, эта информация не заполняется респондентом или интервьюером, а автоматически привносится в анкету по ГИС-данным и не является частью анкеты, а остается составной частью прикрепляемых карт, что позволяет эффективно «менять масштаб». Например, от характеристик транспорта конкретного села к характеристикам транспорта в районе.

Несложно заметить, что если бы мы такую информацию ввели в анкету без ГИС-данных, то «масштабирование» перестанет работать. Между тем, сохранив ГИС-данные, мы позволим получить ответ на вопрос, сколько, например, школ имеется на заданной территории. Применительно к Омской области интерес представляет не только группировка по районам, но и по зонам, отличающимся характерными признаками (Степная, Южная лесостепь, Северная лесостепь, Северная). Социокультурный портрет, в свою очередь, тоже можно «привязать» к карте, в этом случае он не только дополнит одним из «слоев» характеристику региона, но и позволит стать частью большого общероссийского атласа, дополняя карту страны новым социокультурным измерением пространства и времени.

район и, конечно, область, то есть при обработке можно будет абстрагироваться от ГИС-данных и оперировать более привычными категориями.

Однако, современные карты содержат не только сведения о населенных пунктах — они интегрируют сведения о социально значимых объектах, их отраслевой принадлежности, размере, статусе, экономических характеристиках. Кроме того, карты интегрированы со спутниковыми снимками. Такая информация отражается или отдельными «слоями» («layer») на интегрированной карте или на разных картах, имеющих одну общую деталь — единую систему координат — ГИС-данные. Проиллюстрируем сказанное примером для площади им. Лицкевича в г.Омске, на которой в корпусе экономического факультета ОмГУ (пл. Лицкевича, 1) находится центр обработки данных социокультурного портрета Омской области.

На обычной карте — это перекресток двух улиц со схематичным изображением домов (в лучшем случае). Для электронных карт характерны «слои» — объектам на карте соответствует та или иная информация из справочников, которая может быть отражена на карте при выборе объекта. Более того, сама карта может меняться, включая или выключая соответствующие «слои» (например если, нас интересуют только объекты, связанные с образованием). Кроме того, электронные карты, благодаря единой системе координат интегрированы друг с другом и со спутниковыми снимками (иногда спутниковые снимки выступают как отдельный «слой» карт). Например, ниже представлена карта с интегрированным спутниковым снимком и соответствующий ей фрагмент карты со схематичным представлением и подключенным справочником объектов.

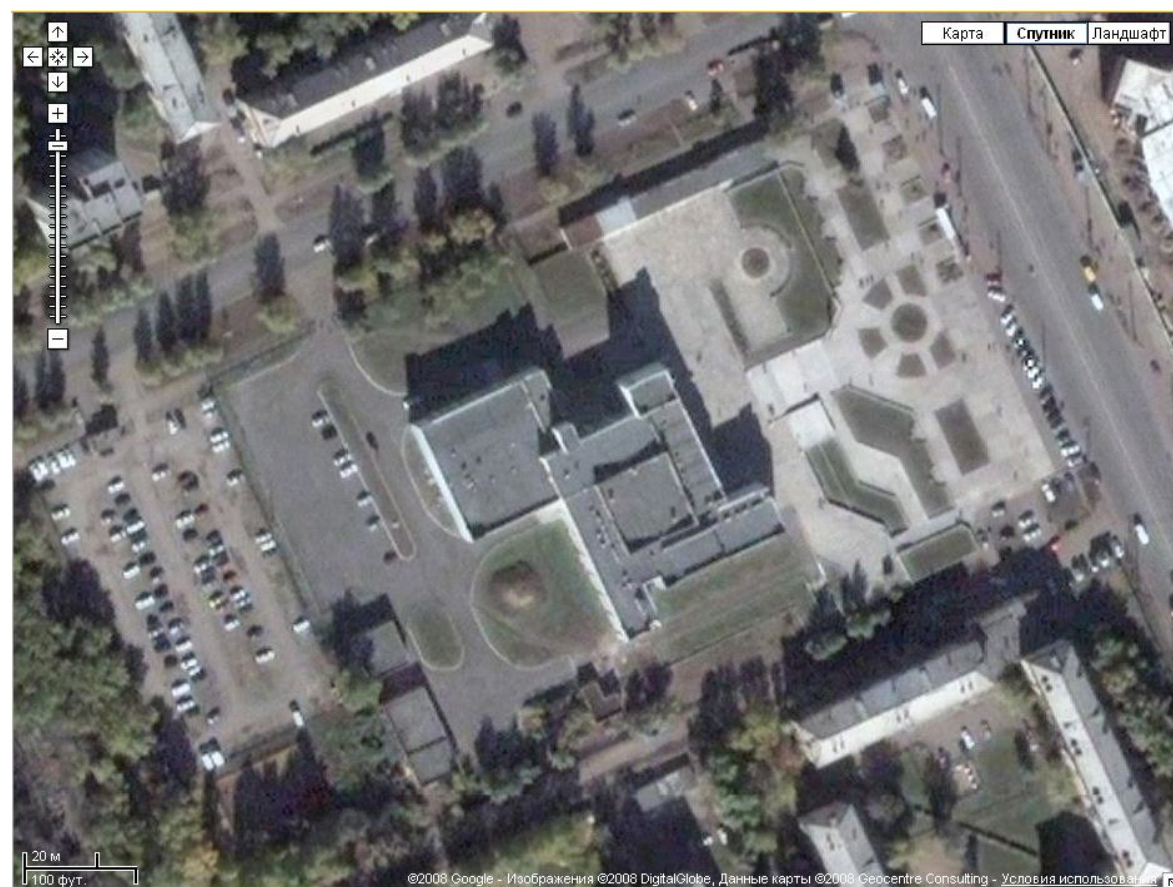

Рис. 1. Снимок спутника площади им. Лицкевича в г.Омске (источник — WWW.Google.Ru)

Важным подспорьем в развитии экономики становятся иностранные инвестиции, в том числе прямые инвестиции, осуществляемые юридическими или физическими лицами, которые полностью владеют организацией или контролируют не менее 10% акций или уставного капитала организации, а также портфельные инвестиции в виде покупки акций, паев, облигаций, векселей и других долговых ценных бумаг, и прочие инвестиции, в том числе торговые кредиты, банковские вклады, кредиты правительств иностранных государств, международных финансовых организаций и т.д. В 2000 г. в Чувашию поступило иностранных инвестиций в сумме 1664 тыс. долларов США, в 2002 г. — 4039 тыс. долл., в 2003 г. — 3977 тыс. долл., в 2004 г. — 22 175 тыс. долл., в 2005 г. — 15555 тыс. долл., в 2006 г. — 14 691 тыс. долл.

Достигнутые успехи в реализации стратегии инновационного развития являются базой для дальнейшей модернизации производства, совершенствования технологических основ всех отраслей экономики, обновления и повышения эффективности эксплуатации основных фондов. Для Чувашской Республики необходимость последовательного осуществления инновационных мероприятий остается остро актуальной, поскольку все еще сохраняется тенденция роста степени износа основных фондов. С 2000 г. по 2007 г. степень износа основных фондов в Чувашии увеличилась с 37,5% до 46,6%, и республика стала занимать по этому весьма не отрадному показателю 31-е место в Российской Федерации, в то время как по стоимости основных фондов занимает 52-е место.

Важным условием успешной реализации стратегии инновационного развития региона является инвестиционная политика. Инвестиции в основной капитал в Чувашской Республике последовательно нарастают, индекс их физического объема в сопоставимых ценах по отношению к предыдущему году в основном превышает аналогичный показатель по России и ПФО (за исключением 2000 и 2005 гг.). Общий объем инвестиций в основной капитал в 2007 г. по сравнению с 2000 г. увеличился более чем в 3 раза в сопоставимых ценах (по России — в 2,2 раза). По структуре инвестиций в основной капитал по видам основных фондов Чувашия устойчиво превышает показатели ПФО и России по вложению инвестиций в жилища, хотя значительная часть инвестиций (около 70% ежегодно) направляется на здания (кроме жилых) и сооружения, машины, оборудование и транспортные средства, от которых в значительной мере зависит реализация программы инновационного развития экономики. Распределение инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в Чувашии свидетельствует о значительном внимании к развитию секторов, тесно связанных с инновационным курсом, — обрабатывающих производств, транспорта и связи.

Таблица 3

Распределение инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (без субъектов малого предпринимательства; в %)

	Чувашия			ПФО			Россия		
	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.
Собственные средства	47,2	38,4	51,2	60,1	49,9	49,2	47,5	44,5	42,1
Привлеченные средства,	52,8	61,6	48,8	39,9	50,1	50,8	52,5	5,6	57,9
из них:									
- кредиты банков	6,4	9,9	6,3	4,1	8,9	11,6	2,9	8,1	9,6
- бюджетные средства,	35,1	25,3	30,2	18,7	20,4	20,3	22,0	20,4	20,2
из них:									
- федеральный бюджет	15,2	8,7	9,1	3,6	9,2	8,1	6,0	7,0	7,0
- бюджеты субъектов РФ	19,9	16,5	20,9	12,9	10,1	11,0	14,3	12,3	11,8

Анализ источников финансирования мероприятий по инвестированию основного капитала красноречиво свидетельствует об активной поддержке хозяйствующих субъектов со стороны республиканского бюджета Чувашии. В отличие от Чувашской Республики, многие субъекты Российской Федерации в Приволжском федеральном округе и стране в целом в 2000—2006 гг. последовательно сокращали местное бюджетное финансирование основного капитала. Зато в Чувашии наблюдалось резкое снижение федеральной поддержки основного капитала, а в

ПФО и России в целом, наоборот, этот показатель бюджетных расходов заметно нарастал. В Чувашии наращивание основного капитала сопровождалось увеличением инвестиций из собственных средств организаций, а в ПФО и России сложилась устойчивая традиция снижения собственных вложений в основной капитал.

Новым явлением экономической жизни пореформенной России стало становление малого предпринимательства. По числу малых предприятий (7,1 тыс.) Чувашская Республика в 2006 г. занимала 38-е место в Российской Федерации и 11-е место среди 14 регионов Приволжского федерального округа. В Приволжском федеральном округе по этому показателю лидировали Самарская (29,9 тыс.), Нижегородская (22,3 тыс.) области, республики Башкортостан (20,5 тыс.) и Татарстан (20,1 тыс.). Чувашской Республике уступали по числу малых предприятий республики Мордовия (3,0 тыс.), Марий Эл (4,3 тыс.) и Кировская область (6,6 тыс.). Оборот малых предприятий Чувашии в 2006 г. осуществлялся в объеме 38488,5 млн. руб., что составляло 0,3% объема оборота малых предприятий всей страны и 2,1% его объема в Приволжском федеральном округе. По данному показателю Чувашия опережала два региона федерального округа — республики Мордовия (15134,7 млн руб.) и Марий Эл (25984,1 млн руб.). В секторе малых предприятий объем оборота в среднем по 14 регионам ПФО в 2006 г. составил 132097,64 млн руб. при наибольшем объеме в 371360,2 млн руб. в Нижегородской области. Оборот малых предприятий в среднем на каждый из 14 регионов ПФО в 2006 г. по сравнению с 2005 г. увеличился на 21,5%, а по Чувашской Республике на 14,9%. Для поддержки малого и среднего бизнеса в Чувашии создан Региональный венчурный фонд инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере с уставным капиталом в 280 млн руб. Малым инновационным фирмам ежегодно выделяется более 30 млн руб. безвозмездных субсидий. В 2007 г. поддержано четыре таких научных бизнес-проекта, всего же реализуется 14 инновационных проектов с привлечением 66 млн руб. бюджетных средств.

Из года в год увеличивали производство продукции индивидуальные предприниматели: они в 2006 г. изготовили 8,4 тыс. куб. м пиломатериалов, 11697 шт. столов, 944 дивана и кушеток; 3,7 тыс. платьев; 11,6 тыс. шт. постельного белья; произвели 1200 т хлеба и хлебобулочных изделий, 262 т колбасных изделий, 10 т мясных полуфабрикатов.

В реформировании агропромышленного комплекса России большие надежды возлагались на крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). За период с 1995 г. по 2006 г. их количество в Чувашской Республике выросло в 2,5 раза: если в 1995 г. здесь насчитывалось 950 крестьянских (фермерских) хозяйств, то в 2000 г. их стало 1471, в 2001 г. — 1599, в 2002 г. — 1723, в 2003 г. — 1834, в 2004 г. — 1948, в 2005 г. — 1993, в 2006 г. — 2325 хозяйств. Чувашский край издавна отличался малоземельем, и в современных условиях средний размер земельного участка КФХ в республике колебался в пределах 7–10 га, тогда как этот показатель по другим регионам ПФО в среднем превышает 120 га. За период 1995–2006 гг. в Чувашской Республике выросло не только число крестьянских (фермерских) хозяйств, но и объем произведенной ими сельскохозяйственной продукции. Если в 1995 г. они получили 3,3 тыс. т зерна (в весе после доработки), то в 2006 г. — 32,5 тыс. т; производство сахарной свеклы (фабричной) выросло за этот период с 200 т до 11,0 тыс. т; скота и птицы (в убойном весе) — со 100 кг до 700 кг, молока — с 1400 кг до 4700 кг. Вклад крестьянских (фермерских) хозяйств Чувашской Республики в производство основных видов сельскохозяйственной продукции в сравнении с другими категориями хозяйств по состоянию на 2006 г. отражен в таблице 4.

Таблица 4

Вклад КФХ Чувашии в производство сельхозпродукции в 2006 г.
(в % от общего объема производства в хозяйствах всех категорий)

Виды продукции	КФХ	Хозяйства населения	Сельскохозяйственные организации
Зерно	7,6	2,3	90,1
Картофель	5,5	73,2	21,3
Овощи	3,3	84,2	12,4
Скот и птица на убой (в убойном весе)	1,2	62,7	36,1
Молоко	1,0	73,4	25,6

результаты исследования. Однако, об использовании мультимедийных объектов речь пойдет ниже.

Если с точки зрения интервьюера и, тем более респондента, все выглядит достаточно просто (нажатие на клавишу и запись данных, высвеченных на экране устройства), то в центре сбора данных необходимо провести специальную подготовительную работу. Прежде всего, весьма желательной является постоянная связь со всеми группами интервьюеров, которая бы позволяла в реальном времени оперативно и автоматически регистрировать ГИС-данные и присваивать идентификаторы анкетам. На практике это означает соглашение с оператором связи (или несколькими операторами), осуществляющими подключение удаленных устройств по всей области. Для Омской области (как, наверное, и для большинства других субъектов РФ) самым доступным и распространенным каналом связи является GPRS. Кроме канала связи придется настроить на бесперебойную круглосуточную работу компьютер с программным обеспечением для поддержания соответствующей базы данных.

Однако, начиная исследование, мы заранее должны исходить из того, что связь не во всех населенных пунктах может оказаться доступной поддержка GPRS (для предвидения такой ситуации можно рекомендовать воспользоваться картами операторов сотовой связи с заявленной зоной покрытия) и может отказать конкретное устройство или возможна ошибка оператора. В первом случае (отсутствие связи с центром сбора и обработки данных), проблема решается таким образом: GPS-навигатор сохраняет в собственной энергонезависимой памяти достаточное количество ГИС-данных с временными идентификаторами, которые позже — по возвращении интервьюера в центр с анкетами, — можно будет считать автоматически и сверить с записанными интервьюером на бланках анкет.

Сложнее (но необходимо) предусмотреть механизм восстановления отсутствующих ГИС-данных. Когда такая ситуация может происходить? Причиной может стать ошибка оператора, отказ GPS-устройства (чаще всего спровоцированный ошибкой оператора — например, забыл зарядить перед выездом на интервью) или временное отсутствие устройства (число интервьюеров может оказаться больше числа GPS-навигаторов и при организации передачи устройств друг другу могут возникнуть накладки, которые, однако, не должны повлечь за собой срыв сроков интервью). В этом случае, интервьюер сам будет знать о потере ГИС-данных (устройство не работает или его в данный момент нет), а, значит, сможет, потратив дополнительные усилия, позаботиться о последующем восстановлении ГИС-данных: записать точную дату и время, название населенного пункта и указать место интервью (адрес или некоторый «приметный» объект поблизости (остановка транспорта, пост ГАИ, магазин и т.п.). В дальнейшем можно будет по указанным сведениям восстановить приблизительные (но достаточные в рамках обработки анкет по типовой методике) ГИС-данные двумя способами: во-первых, воспользовавшись картой с ГИС-данными (таковые имеются в свободном доступе для всех регионов РФ) или записанными другими исследователями или туристами т.н. трэками — по координатам «приметных» объектов. Во-вторых, остается самый дорогой способ восстановить ГИС-данные — повторный визит к месту проведения интервью.

Таким образом, характеризуя предварительную работу, которая необходима для интеграции социокультурного портрета с ГИС-данными, необходимо дополнительно привлечь карты региона и отдельных населенных пунктов (типовая методика уже предполагает такой инструментарий как необходимый при организации выборки, но дополнительно вводится лишь требование того, чтобы карта была снабжена ГИС-данными или, как чаще говорят, была бы «привязана к координатам GPS»).

Но самое интересное несет в себе применение ГИС-данных и карт не во время сбора, а при анализе и интерпретации результатов исследования. Дело в том, что реляционная модель данных, выбранная для организации базы данных социокультурного портрета Омской области, позволяет соединять по ГИС-данным анкет карты и справочники. Во-первых, исследуем возможность восстановления необходимой информации о месте проведения интервью по ГИС-данным, доказав, что такой подход не противоречит типовой методике. Итак, каждый объект на карте (включая населенный пункт с выбранной детализацией) имеет ГИС-данные. Таким образом автоматически вычисляемая переменная регистрирует населенный пункт,

К.И. Богомазов
(Омск)

МНОГОМЕРНЫЙ АТЛАС: ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ*

Благодаря поддержке РГНФ в 2008 г. проект социокультурного портрета Омской области получает реальное воплощение. Одной из задач названного исследования стало развитие типовой методики и, в частности, дополнение инструментария обзора и интерпретации социокультурной среды передовыми методами географических информационных систем (ГИС) и включением в модель многомерного мультимедийного контента, дополняющего и расширяющего социологическое измерение (от социокультурного портрета региона к социокультурному атласу).

Каким же именно образом можно интегрировать в типовой инструментарий социокультурного портрета (как преимущественно социологического исследования) новые измерения? Прежде всего, хочется отразить специфику работы с данными ГИС в социокультурном портрете. Включение информации о дате и времени регистрации данных (время начала и завершения интервьюирования респондента), а также ГИС-данных (точное указание места регистрации данных) потребовало не только изменения анкеты, но, главным образом, инструкции для интервьюера и использования специальных технических средств во время проведения исследования. ГИС-данные (в виде отметки о точных координатах и времени регистрации) легче всего (и объективно точнее) могут быть получены с помощью определенных технических средств — так называемых навигаторов, использующих одну из систем глобального позиционирования (на территории России речь обычно идет о ГЛОНАСС или GPS, но наиболее распространенными в быту стали именно GPS-устройства). GPS-приемниками оснащаются как специализированные навигаторы (активно используются автолюбителями, туристами), так и портативные переносные компьютеры, сотовые телефоны с расширенной функциональностью (т.н. смартфоны). К настоящему времени рынок указанного оборудования выглядит в Омской области уже вполне сформировавшимся и имеются предложения не только по продаже различных устройств, но и по аренде.

Нашей исследовательской группой было выбрано решение о совмещении покупки 3-х недорогих навигаторов по цене 4850 руб. и аренде 12 таких же устройств на период полевого исследования (чуть более 60 руб. в сутки).

Изучив различные способы регистрации ГИС-данных, мы остановились на следующей процедуре: при достижении соглашения с респондентом, интервьюер, кратко представляя проект, указывает о том, что собранные данные подлежат обобщению и представлению на карте региона, для чего не требуется регистрировать имя респондента, а нужны только сведения о координатах населенного пункта для «привязки» собираемых сведений к соответствующей точке на карте. В подтверждение своих слов интервьюер нажимает единственную клавишу на навигаторе и вносит появившиеся на экране устройства координаты в бланк анкеты. Кроме координат устройство также демонстрирует порядковый номер (идентификатор данных) и время. Следующим наиболее логичным шагом интервьюера, настраивающим респондента на беседу о портрете населенного пункта (района), является вопрос о том, как именно респондент желал бы отразить свой населенный пункт на карте? Какую иллюстрацию (фотографию) рекомендовал бы как визитную карточку? Можно оставить визитку с указанием адреса в Internet, где при желании можно будет отыскать и созданную иллюстрацию и обобщенные

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00518а.

Таким образом, сельскохозяйственное производство в крестьянских (фермерских) хозяйствах и развитие самих КФХ имеют положительную динамику, но они не стали доминирующей силой в формировании производственного потенциала агропромышленного комплекса Чувашской Республики.

Одним из массовых проявлений социально-инновационного поведения населения в период радикальных реформ рубежа XX—XXI веков стала приватизация жилья. Она активно стимулировала развитие рынка жилья, миграцию населения, предпринимательскую активность большого числа людей. Со времени начала приватизации до января 2007 г. в Чувашской Республике приватизировано 153200 жилых помещений, что составляет 63% от общего числа жилых помещений, подлежащих приватизации. Этот уровень лишь немногим уступает аналогичному показателю приватизации жилья в России (66%) и Приволжском федеральном округе (69%).

Инновационное поведение населения Чувашии весьма внушительно проявилось за последние десятилетия и в рекордном для России увеличении вложения средств индивидуальных застройщиков. Если в 1995 г. удельный вес средств индивидуальных застройщиков в общем объеме инвестиций в основной капитал составил по Чувашии 7,3%, то в 2006 г. — 21,1%. В то же время по Российской Федерации аналогичные показатели составляли: в 1995 г. — 2,5%; в 2006 г. — 4,3%; по Приволжскому федеральному округу — соответственно 3,7% и 6,5%.

Уровень личностно-осознанного проявления инновационной активности жителей республики отразился в ходе социологического опроса по проекту «Социокультурный портрет Чувашской Республики», и в частности, в ответах на вопросы об участии в создании или внедрении новых форм, подходов в своей профессиональной деятельности («52. Участвовали ли Вы в последние 5 лет в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.?)»). Всего 10% респондентов (99 чел. из 993 опрошенных) ответили, что в течение последних пяти лет принимали участие в инновационных мероприятиях. Из них 7,2% (71 чел.) участвовали пассивно, наравне с другими, при организующей роли тех или иных лидеров — инициаторов новых общественно значимых дел. 845 чел. (85,1%) заявили, что в последние пять лет они не участвовали ни в создании какой-либо общественной организации или новой фирмы, ни во внедрении нового оборудования или нового продукта и т.п. К тому же на этот вопрос анкеты затруднились ответить 1,8% респондентов и отказались от ответа 3,1% (в сумме — 49 чел.).

В качестве организаторов инновационных мероприятий по созданию или внедрению новых явлений и продуктов выступили 2,8% опрошенных (28 чел.). Примечательно, что почти такой же удельный вес (2,7%) занимают организаторы инновационных действий в среде респондентов, относящих себя к среднему классу (слою). Представители этого слоя оказались более активными в участии инновационных делах в роли «ведомых», т.е. «наравне с другими» (8,5%). К тому же «средний класс» показал несколько высокий уровень понимания проблем инновационной деятельности значительно меньшую долю затрудняющихся с ответом на вопрос об участии в создании или внедрении чего-либо нового (0,3% против 1,8% в общей выборке) и меньший удельный вес ответивших на этот вопрос отрицательно («не участвовал» — 84,4% против 85,1% в общей выборке). Зато в числе представителей среднего класса оказалась большей прослойка, отказавшаяся ответить на указанный вопрос (4,1% против 3,1% в общем числе опрошенных).

Отвечая на вопрос: «53. Если Вы участвовали в создании или внедрении нового, то встретили ли Вы поддержку или противодействие со стороны окружающих?», 39,1% респондентов-инноваторов указали положительное отношение к своему начинанию со стороны окружающих («встретил поддержку»); 15,2% респондентов обнаружили безразличное отношение окружающих. Открытое противодействие нововведениям встретили 13% новаторов. Определенную озабоченность состоянием атмосферы вокруг инновационного движения вызывает очень высокая доля затруднившихся с ответом (20,3%) и отказавшихся от ответа 12,3% (в сумме — 32,6%).

Инновационные процессы в современной Чувашии развиваются примерно одинаково как в среде горожан, так и в сельском населении. Правда, уровень технологической

обеспеченности городской среды не может не создавать некоторую разницу в инновационной деятельности этих групп населения. Так, если в среднем по республике 2,8% респондентов участвовали в инновациях как организаторы, то в городе этот показатель составляет 3,1%, на селе — 2,3%. Наравне с другими в инновациях участвовали 7,2% респондентов всей выборки, а по городу — 7,4% и в селе — 6,7%. Не участвовали в осуществлении нововведений 84,4% городских респондентов и 85,1% — сельчан. Отчетливо заметна разница в отношении мужчин и женщин к участию в нововведениях. В создании новой формы, общественной организации или внедрении нового оборудования, нового продукта и т.п. приняли участие 4,3% респондентов-мужчин и всего лишь 1,6% женщин. Наравне с другими, «пассивно» участвовали в нововведениях 11,0% мужчин и 4,1% женщин. Соответственно, в стороне от участия в инновационном движении оказались 88,4% женщин (у мужчин этот показатель составляет — 79,9%). Наибольшую активность в инновационном движении показывают люди профессионально зрелого возраста, имеющие уже определенный жизненный опыт в организации своего труда и налаживании деятельностных отношений с окружающими, но не обремененные предпенсионным и пенсионным возрастом.

В целом, в Чувашской Республике используются все возможности для реализации инновационно ориентированной социально-экономической политики, и благодаря этому стали очевидны достоинства ряда радикальных цивилизационных изменений в обществе. Вместе с тем, у жителей республики еще не преодолено противоречивое социальное самочувствие. Так, около 40% респондентов — участников опроса по программе «Социокультурный портрет Чувашской Республики» отметили, что хозяйственная жизнь в республике стала лучше. Чуть больше половины (56,1%) респондентов ответили, что в целом удовлетворены своей жизнью, а 24,5% — не удовлетворены. Лишь 12,3% опрошенных считают, что жители Чувашии живут лучше, чем в соседних регионах, а 24,3% уверены, что хуже. Уверенными в своем будущем оказались 42,1% («оптимисты»), не уверены в своем будущем 21,5% опрошенных («пессимисты»). При этом не только пессимисты, но и оптимисты выражают чувство обеспокоенности, незащищенности перед такими опасностями, как: 1) преступность (78,0% «пессимистов» и 57,1% «оптимистов»); 2) произвол чиновников (71,5% «пессимистов» и 47,1% «оптимистов»); 3) экологическая угроза (65,1% «пессимистов» и 41,5% «оптимистов»); 4) произвол правоохранительных органов (59,9% «пессимистов» и 40,4% «оптимистов») и т.д. Наименьшую обеспокоенность у опрошенных жителей Чувашии вызывали опасности ущемления из-за их национальной или религиозной принадлежности.

Таким образом, исследовательская программа «Социокультурный портрет региона» позволяет фиксировать многогранную картину социальной и экономической жизни Чувашской Республики, способствует выявлению и формулированию проблемных вопросов в развитии региона и жизнедеятельности населения. Целесообразно продолжить работу по этой программе, совершенствуя методику ее реализации, особенно в части сбора эмпирического материала, и организовав ежегодные аналитические обзоры статистических, научно-информационных материалов, и мониторинговые социологические обследования с периодичностью в 4—5 лет. В систематическом получении комплексной аналитической информации о социокультурной эволюции региона заинтересованы не только ученые, но и широкий круг общественности, интеллектуальной и политической элиты республики.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ

Средний класс в Тюменской области обладает инновационно-креативным потенциалом по ряду показателей, имеет возможности для реализации инноваций и влияет на экономическое развитие региона.

Литература

1. *Беляева Л.А.* И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 3—12
2. Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад ИС РАН. 2006. www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html
3. *Дилгенский Г.Г.* Люди среднего класса. М., 2002. <http://bd.fom.ru/report/map/b02052401>
4. *Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002.
5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ. Под научной редакцией О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
6. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996.
7. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. Питер, 2002.
8. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Аврамова и др.; Под ред. Т.М. Малеевой; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003.
9. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
10. Статистический ежегодник: Стат. сб. в 4-х частях. Ч. 1 (II) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2007.

В.А. Давыденко
(Тюмень)

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (2006—2008 ГГ.): СЛОЖНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ*

В рамках общероссийской Программы «Проблемы социокультурной эволюции России», возглавляемой членом-корреспондентом РАН, руководителем Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН Н.И. Лапиным [1], социологами Тюменского государственного университета было проведено и завершено полномасштабное исследование «Социокультурный портрет региона», выполненное в Тюменской области на территории трех субъектов Российской Федерации — Юга Тюменской области, Ямало-Ненецкого автономного округа — Югры (ЯНАО) и Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО). Методика исследования целиком базировалась на разработках Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, который приступил к реализации долгосрочной программы «Социокультурная эволюция регионов России» (при поддержке РГНФ), ориентированной на создание социокультурного атласа России. В рамках этой программы использовалась методика подготовки социокультурных портретов регионов субъектов Российской Федерации, в которой социологические методы сочетаются с использованием данных официальной статистики.

Эта региональная методика обсуждалась на первой российской конференции по тематике Программы (Москва, 2005 г.) и в целом была поддержана ее участниками — представителями 19 субъектов РФ [2]. В настоящее время на основе данной методики социологи, экономисты и специалисты других областей — субъектов РФ осуществляют социологические исследования и создают портреты своих регионов. Состоялись вторая [3] и третья [4] общероссийские конференции, на которых участники исследований анализировали получаемые результаты, обобщали опыт подготовки социокультурных портретов регионов [5]. Высказывались предложения о проведении следующих годовых конференций — здесь в Чебоксарах, и далее: в Омске, Екатеринбурге, Барнауле и других регионах РФ. Можно утверждать, что эти конференции становятся укорененной научной традицией, которую мы должны и можем развивать и дальше, ориентируясь на создание социокультурного атласа всей России.

Конференция, посвященная анализу первого опыта подготовки социокультурных портретов российских регионов (субъектов РФ), состоялась в Тюмени в 2006 г., и сегодня, по прошествии двух лет, мы можем не только представить опыт подготовки социокультурного портрета, но также научно его переосмыслить и дать новые ориентиры для сопоставления данных столь различных российских регионов.

Каждый регион имеет свою собственную, уникальную специфику, а вот те индексы и коэффициенты, которые лежат в основе их единства и на основе которых самые разнообразные регионы можно сравнивать — это самая сложная научная и практическая задача, решение которой можно предложить лишь после многолетних исследований и переосмыслении получаемых данных.

Тюменская область — это особый регион РФ, который до сих пор еще называют «кошельком страны», из которого наполняется ее бюджет. Так оно и есть, если учесть, что налоговых поступлений в бюджет РФ из Тюменской области идет около 23%, то есть четверть всех налоговых поступлений из всех регионов (для сравнения: налоговых поступлений в бюджет РФ из Москвы — было 18,5%, а из Санкт-Петербурга — около 3,3%) [6].

Необходимо отметить, что исследование «Социокультурный портрет региона» 2006 г., выполненное в Тюменской области на территории трех субъектов РФ — это первое исследование

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

в данном регионе за весь постсоветский период, ставшее достоянием научной общественности, поскольку все исследования, проводимые по заказам правительства Тюменской области и ее округов, носят сугубо служебный характер. Последними исследованиями на уровне области, теперь уже в далеком 1992 г., были проекты: «Проблемы единства Тюменской области» и «Тюменский регион в условиях реформы». В этой связи подчеркнем, что решающий вклад в то, что исследование 2006 г. состоялось, внесла Тюменская областная Дума. Областной парламент не только профинансировал этот проект, наряду с РГНФ, но и оказывал значительную организационную поддержку, что было наиболее важным, так как на сегодняшний день в отношении любых социологических исследований сложилось крайне жесткое размежевание по округам. Самостоятельные субъекты федерации области располагают в настоящее время собственными полномасштабными аналитическими и исследовательскими службами, и все, что «приходит» со стороны, воспринимается достаточно остро. Сначала мы проводили экспертные интервью. Практически все эксперты (за редким исключением — как правило, наших коллег) крайне неохотно шли на интервью и еще более неохотно соглашались заполнить стандартную анкету. Всегда в этих случаях был задействован административный ресурс — представлялись письма от руководства областной Тюменской Думы с просьбой о помощи провести опрос. Иногда это помогало, чаще всего — нет. Отбор экспертов поэтому практически проходил самым случайным образом — по признаку того, кто мог или хотел общаться с нами, социологами.

Поэтому понятно, почему и содержание, и контекст этих интервью получился в целом критичным. Само содержание интервью для экспертов соответствовало концепции «Социологического портрета региона» и первоначально разработанной стандартной анкете. Как правило, эксперты отвечали и на стандартную анкету, и давали интервью, поэтому полученные экспертные данные можно было сопоставлять с данными лиц, оказавшихся в выборке. Интервью было свободным и неформализованным, ответы экспертов получались, как правило, *неофициальные, неформальные*: это были ответы *качественного уровня*. Практически никто из экспертов (за исключением редких случаев) никогда «особо не напрягался», никто не приводил статистические выкладки или какие-то официальные данные по обсуждаемым проблемам, связанным со своей работой — разговор практически всегда имел «рамки повседневности». Вероятнее всего, на ответы экспертов накладывался гриф «секретно», и очень высокая ответственность за свои слова, связанная с возможностью элементарного увольнения с должности. В экспертные группы входили начальники отделов и их заместители городских и областной администраций, дум и мэрий (85 чел.) от каждого региона, а также представители среднего и мелкого бизнеса (предприниматели) (5 чел.). Выборка экспертов составила 90 человек по трем субъектам Федерации Тюменской области, согласно техническому заданию областной Думы. Эксперты были представлены из следующих городов: Тюмень (34 чел.), Ханты-Мансийск (15 чел.), Салехард (19 чел.), Пойковский (10 чел.), Муравленко (5 чел.), Новый Уренгой (2 чел.), Тарко-Сале (1 чел.).

В инструментарии экспертного интервью исследования «Социокультурный портрет региона» были задействованы следующие восемь групп проблем.

Во-первых, проблемы, связанные с социальной сферой региона, которые эксперты посчитали как наиболее актуальные. Далее их предлагалось «расшифровать» более подробно в «контрольных» вопросах, поставленных в интервью, — требовалось указать на проблемы образования (общее, среднее, профессиональное, высшее), здравоохранения, культуры, социальной защиты и молодежной политики. В связи с тем, что данная тематика напрямую оказалась связанной с темой реализации национальных проектов, то «на финише» интервью были поставлены соответствующие вопросы (вопросы по схеме интервью №№ 1; 6.1-6.5; 24.1-24.4).

Во-вторых, в инструментарий экспертного интервью вошли проблемы, связанные с оценкой преимуществ региона, его сильных сторон в экономике, политике, культуре; а также сопряженные с этим вопросы, отражающие качество и уровень жизни жителей региона, социального самочувствия, социальной стратификации, проблем среднего класса и тенденций экономического развития, предпринимательской активности, специфики отраслевой занятости (вопросы по схеме интервью №№ 2, 3, 8, 11).

степени 57% представителей среднего класса, что практически совпадает с данными по населению в целом. При этом просмотр новостей и спортивных передач вызывает больший интерес у представителей среднего класса, тогда как развлекательные передачи пользуются большим спросом у населения в целом (табл. 7).

Таблица 7

Интересы среднего класса и всего населения Тюменской области при просмотре телепередач (в %, сумма превышает 100%, респонденты могли выбрать до 3 вариантов ответов)

Интересуют на телевидении:	Средний класс			Вся выборка по области
	в своем городе (селе)	в регионе	в масштабе всей страны	
Экономические новости	46	47	47	41
Политические новости	58	58	57	54
Спорт	29	31	31	25
Музыкальные передачи, ток-шоу	33	33	33	33
Художественные фильмы, спектакли	50	48	48	49
Сериалы, детективы	23	23	21	25
Затрудняюсь ответить	5	5	6	6

В связи с данными о высшем и послевузовском образовании представителей среднего класса Тюменской области, можно говорить о влиянии уровня образования на отбор полезной информации, заинтересованность происходящими социальными процессами, а следовательно об использовании данной информации в построении жизненных стратегий.

Помимо прочего представители среднего класса чаще используют Интернет, и среди них больше владельцев сотовых телефонов и компьютеров, чем у населения области в целом, что способствует развитию первичных социальных сетей (табл. 8).

Таблица 8

Использование средств коммуникации средним классом и всем населением Тюменской области (в % от числа опрошенных)

Используют:	Средний класс			Вся выборка по области
	в своем городе (селе)	в регионе	в масштабе всей страны	
Мобильный телефон	92	93	93	85
Компьютер	84	86	88	73
Интернет	64	68	70	54

Таким образом, темпы формирования среднего класса в Тюменской области соответствуют общероссийским, при этом существуют некоторые различия в социально-профессиональной структуре, обусловленные спецификой региона.

Наблюдается достаточно высокая активность среднего класса в инновационной сфере за последние пять лет и существует высокая способность к инновациям, обусловленная в первую очередь культурным капиталом. Кроме того, интересы представителей среднего класса в области направлены на развитие малого бизнеса и предпринимательства в целом.

Конечно, на данный момент доля среднего класса среди населения еще не позволяет выполнять функцию стабилизатора при экономических потрясениях, и средний класс нуждается в поддержке со стороны государства. Но можно говорить о реализации адаптационной функции и способности развивать рыночные процессы.

Таблица 5

Коэффициенты зависимости улучшения жизни от разных источников

	Средний класс в масштабах всей страны	Население области в целом
Зависит от Вас самих	91	81
От близких родственников	32	28
От друзей, земляков	-20	-17
От начальника по работе	27	31
От районной, городской властей	13	26
От областной власти	9	19
От общероссийской власти	25	29

Достаточно высоких различий в ценностях у населения и среднего класса не наблюдается, можно лишь говорить о степени склоняемости к той или иной из них. Так представители среднего класса больше склоняются к ценностям, влияющим на экономически активное поведение (табл. 6).

Таблица 6

Ценности, влияющие на экономически активное поведение среднего класса и всего населения Тюменской области (в %)

	Средний класс	Население области
Свобода человека — это то, без чего его жизнь теряет смысл		
Склонны согласиться	81	79
Полностью согласны	49	45
Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни		
Склонны согласиться	82	78
Полностью согласны	36	36
Я стал таким, какой я есть, благодаря собственным усилиям		
Склонны согласиться	84	81
Полностью согласны	35	35
Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве		
Склонны согласиться	69	66
Полностью согласны	20	22
Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других		
Склонны согласиться	31	29
Полностью согласны	6	6

Последствием инновационной активности является повышение активности личности к участию в информационном обмене, коммуникабельность и стремление всегда быть в курсе дел. Пополнение культурного капитала через средства массовой информации можно проследить через показатели просмотра телепередач, чтение журналов и газет. Так для представителей среднего класса характерно уделять больше внимания как центральным так и местным газетам и журналам (51% ответивших, что на 7% превышают данные по населению в целом, которое отдает большее предпочтение местным изданиям).

Такую же тенденцию, но с меньшими расхождениями в предпочтениях можно наблюдать относительно телевидения. Здесь центральные и местные передачи предпочитают в равной

В-третьих, это проблемы, связанные с демографическим развитием в регионе, темы профессиональной мобильности и миграционной активности занятого населения (вопросы по схеме интервью №№ 4, 9).

В-четвертых, это проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе и возможные конфликты на этой почве, опасения развития негативных тенденций в регионе, конфликты социальных интересов населения и устремлений корпоративных групп; различные протестные движения (вопросы по схеме интервью №№ 5, 17, 20).

В-пятых, это проблемы, связанные с возможными рекомендациями экспертов по законодательному регулированию отношений в социальной сфере (вопросы по схеме интервью №№ 7, 12, 23).

В-шестых, это социально-политический блок вопросов — особенности социально-политических институтов Тюменской области; роль и место Тюменской области в УрФО; отношения области, округов и федерального центра; наличие традиций социального самоуправления в регионе; оценка влияния органов власти на решение социальных проблем; актуальные проблемы государственного регулирования и самоуправления в сфере социальной жизни региона; уровень партийного строительства и уровень влияния политических партий и общественных объединений в регионе на характер его развития (вопросы по схеме интервью №№ 13-16, 18, 19, 21).

В-седьмых, это проблемы, связанные с теневой экономикой, которая по-прежнему является характеристикой движения страны к рынку. Предлагалось оценить примерный ее объем в регионе (вопрос по схеме интервью № 22).

В-восьмых, это проблемы, связанные с наличием инвестиционного и инновационного потенциалов в регионе, с учетом отраслевой специфики и самых перспективных проектов в регионе (вопросы по схеме интервью № 10, 25).

В итоге в интервью было включено восемь блоков следующих 25 вопросов для экспертов:

1. Какие проблемы социальной сферы наиболее актуальны для Вашего региона? Укажите три из них, в порядке значимости.

2. Как Вы считаете, что является преимуществом Вашего региона, его сильной стороной, в экономике, политике, культуре?

3. Дайте, пожалуйста, общую характеристику качества жизни и социального самочувствия населения Тюменской области, уровня его экономического развития (высокое, среднее, низкое) и его особенностей?

4. Каковы, по-Вашему, проблемы демографического развития в регионе, и существующие здесь тенденции?

5. Тюменская область известна еще с советских времен, как устойчивый, в плане межэтнических и межконфессиональных отношений, регион. Есть ли опасения развития негативных тенденций в Вашем регионе?

6. Как Вам представляется, является ли фундаментально развитой, в плане целостного, самостоятельного развития вашего региона, по следующим социальным сферам:

6.1. Как Вам представляется, является ли фундаментально развитой, в плане целостного, самостоятельного развития вашего региона, сферы образования (общее, среднее, профессиональное, высшее);

6.2. Как Вам представляется, является ли фундаментально развитой, в плане целостного, самостоятельного развития вашего региона, сфера здравоохранения;

6.3. Как Вам представляется, является ли фундаментально развитой, в плане целостного, самостоятельного развития вашего региона, сфера культуры;

6.4. Как Вам представляется, является ли фундаментально развитой, в плане целостного, самостоятельного развития вашего региона, сфера социальной защиты;

6.5. Как Вам представляется, является ли фундаментально развитой, в плане целостного, самостоятельного развития вашего региона, сфера молодежной политики.

7. Дайте, пожалуйста, Ваши рекомендации по законодательному регулированию отношений в социальной сфере (новое законодательство, соблюдение имеющегося — на муниципальном, окружном уровне и т.д.).

8. Каковы, по-Вашему, главные тенденции и проблемы экономического развития, предпринимательской активности населения, специфика отраслевой занятости в Вашем регионе?

9. Что Вы можете сказать о профессиональной мобильности и миграционной активности занятого населения?

10. Каков, по-Вашему, инвестиционный и инновационный потенциал в регионе, с учетом отраслевой специфики региона?

11. Проблема среднего класса по-прежнему является ключевой для демократического развития любой страны. Есть ли он и какова его доля в населении Вашего региона. Каковы его наиболее характерные признаки?

12. Дайте, пожалуйста, Ваши рекомендации по законодательному регулированию отношений в социально-экономической сфере для развития самостоятельности и предпринимательской активности населения.

13. Как можно охарактеризовать особенности социально-политических институтов Тюменской области?

14. Оцените, пожалуйста, отношения области, округов и федерального центра.

15. Каковы, по-Вашему, роль и место Тюменской области в УрФО?

16. Есть ли в регионе традиции социального самоуправления, и, если есть, то каковы они?

17. Есть ли в регионе конфликты социальных интересов населения и устремлений корпоративных групп?

18. Оцените, пожалуйста, влияние органов власти на решение социальных проблем региона. Можно ли найти позитивные и негативные примеры?

19. Каков уровень партийного строительства и уровень влияния политических партий и общественных объединений в регионе на характер его развития?

20. Можно ли сказать, что протестные движения в России, в том числе и в Вашем регионе, в прошлом?

21. Назовите, пожалуйста, актуальные проблемы государственного регулирования и самоуправления в сфере социальной жизни региона.

22. Теневая экономика, по-прежнему, является важной характеристикой движения страны к рынку. Можно ли оценить примерный ее объем в вашем регионе (ВРП в %)?

23. Дайте, пожалуйста, Ваши рекомендации Тюменской областной Думе по законодательному регулированию отношений в социально-политической сфере.

24. Насколько реальна в Вашем регионе реализация приоритетных национальных проектов?

24.1. Назовите основные препятствия успешной реализации национальных проектов в регионе, и какие мероприятия Вы предлагаете. Образование;

24.2. Насколько реальна в регионе реализация национальных проектов? Назовите основные препятствия успешной реализации национальных проектов в регионе, и какие мероприятия Вы предлагаете. Здравоохранение;

24.3. Насколько реальна в регионе реализация национальных проектов? Назовите основные препятствия успешной реализации национальных проектов в регионе, и какие мероприятия Вы предлагаете. Жилье;

24.4. Насколько реальна в регионе реализация национальных проектов? Назовите основные препятствия успешной реализации национальных проектов в регионе, и какие мероприятия Вы предлагаете. Сельское хозяйство.

25. Назовите, пожалуйста, возможные проекты в регионе, потенциально наиболее перспективные? Каковы Ваши предложения?

Согласно предложенному алгоритму, далее приводится анализ ответов экспертов на предложенные вопросы и видение экспертов по решению поставленных задач. Общий объем информации по экспертному опросу составил около 100 страниц текста отчета. В качестве первого шага реализации идеи о том, чтобы обсудить полученные данные и в связи с этим было предложено провести «круглый стол» в Тюмени с заинтересованными сторонами представителей Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. Но после публичного выступления проф. Г.Ф. Ромашкиной на совместном заседании областной Думы и правительства Тюменской

К существенным элементам, влияющим на проявление инновационной активности, относятся разделяемые человеком ценности и пропагандируемые им убеждения; количество человек, находящихся в подчинении у респондента на основной работе. Наличие властных полномочий, кроме того, является одной из важнейших характеристик среднего класса. В проведенном исследовании данный параметр выяснялся с помощью вопроса «Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?». Положительно ответили на данный вопрос 37—38% среднего класса во всех трех идентификационных характеристиках и 29% опрошенных всей выборочной совокупности. Количество подчиненных напрямую влияет на уверенность в принадлежности к среднему классу (рис. 3).

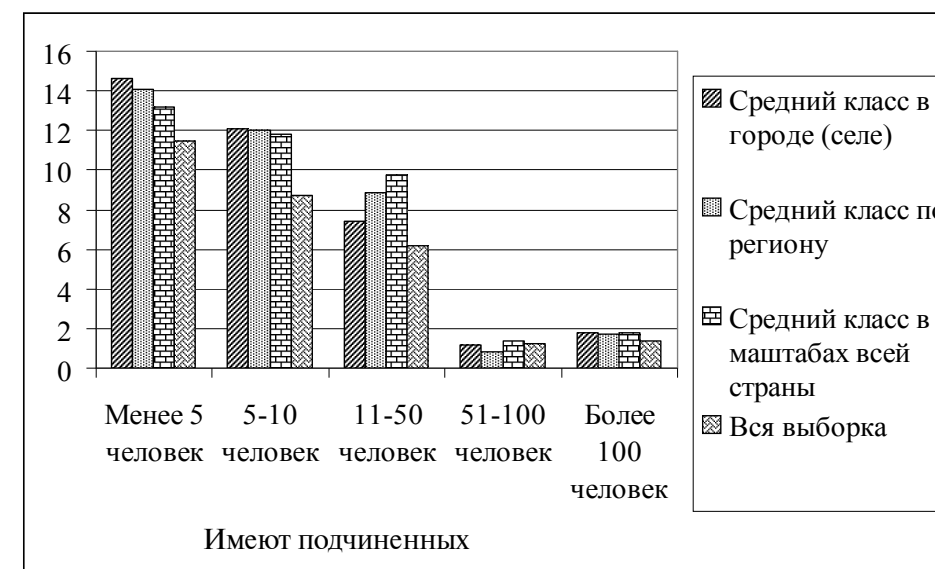

Рис. 3. Властные полномочия представителей среднего класса и всего населения Тюменской области (в %)

Таким образом, представители среднего класса обладают большими возможностями для осуществления инновационной деятельности.

Ценности определяют мотивацию и стратегии экономического поведения. В центре мотивации экономически активного населения лежат:

- опора на собственные силы;
- высокая оценка собственных возможностей влиять на ситуацию;
- определенная гибкость нравственных категорий;
- стремление в каждой конкретной ситуации выбрать наиболее выгодную позицию, избегание шаблонов;
- высокая способность к инновациям;
- способность изменяться;
- постоянное стремление привести свои возможности в соответствии со своими потребностями, повышая первые и не понижая вторые [9].

Для определения степени опоры на собственные силы и оценку собственных возможностей влиять на ситуацию в исследовании применим параметр зависимости улучшения собственной жизни от самого себя, окружающих и властных структур. Для рассмотрения полученных результатов были рассчитаны коэффициенты в сопоставлении положительных и отрицательных оценок (табл. 5).

Согласно полученным данным для представителей среднего класса характерно больше рассчитывать на себя и своих родственников, тогда как население области в целом в два раза выше оценивает влияние районной, городской и областной власти на их жизнь. Тем не менее оценка собственных усилий у населения достаточно высока.

Основным индикатором активности среднего класса в инновационной сфере послужил ответ на вопрос об участии за последние пять лет в создании и/или внедрении чего-то нового. Согласно полученным данным, около 35% представителей среднего класса за последние пять лет участвовали в создании чего-то нового, при этом более половины из них выступала организаторами (табл. 3).

Таблица 3

Активность среднего класса и всего населения
Тюменской области в инновационной сфере (в % по столбцам)

	Средний класс			Вся выборка по области
	в своем городе (селе)	в регионе	в масштабе всей страны	
Участвовал как организатор	12	14	15	10
Участвовал наравне с другими	21	20	21	16
Не участвовал	59	58	56	62
Затруднились ответить	9	8	8	12
Всего	100	100	100	100

Согласно предположению Й. Шумпетера, соотношение инноваторов и консерваторов, или инновационно активного и инновационно пассивного населения определяется как 1:9. Соотношение населения Тюменской области по уровню инновационной активности соответствует теории Й. Шумпетера. На долю организаторов инноваций (активных инноваторов) приходится около 10% населения, в среднем классе этот показатель достигает 15%. Доля исполнителей (пассивных инноваторов) достигает 16% населения области и 21% среди представителей среднего класса.

Однако оценка успешности инновационной деятельности оказалась невысокой. Встретили поддержку только 19% представителей среднего класса, или 14% населения региона, а столкнулись с противодействием 4%, еще 8% населения отметило безразличие к инновациям. Таким образом, необходимо отметить довольно высокую долю противодействий инновациям среди населения.

Готовность участвовать в общественной жизни у населения Тюменской области незначительна, но выше, чем у представителей среднего класса (табл. 4).

Таблица 4

Готовность среднего класса и всего населения Тюменской области принять участие в акциях протеста (против снижения уровня жизни, прав и свобод человека) (в % по столбцам)

	Средний класс			Вся выборка по области
	в своем городе (селе)	в регионе	в масштабе всей страны	
Готов	14	13	14	16
Пожалуй, готов	30	29	29	27
Пожалуй, не готов	25	26	24	24
Не готов	28	28	30	27
Отказ от ответа	4	4	4	5
Всего	100	100	100	100

Полученные данные позволяют сделать вывод об ориентированности среднего класса, в первую очередь, на экономические цели, тогда как некоторые социальные группы представляющие население в целом, и занимающие менее устойчивое положение в обществе, нуждаются в равных возможностях для самореализации и доступа к ограниченным ресурсам.

области в адрес социологов прозвучала критика со стороны вице-губернатора Тюменской области С.М. Сарычева по поводу того, что мы афишируем некоторые данные, с которыми не согласуются материалы, полученные другими социологическими службами (приводился пример ВЦИОМа), с которыми администрация области заключила свои договора. Но, наверное, подразумевалось, что полученные нами социологические данные на самом деле имеют гриф «ДСП», и мы, поэтому, на совместном заседании Думы и правительства Тюменской области не можем о них говорить, как о достоверных. На самом деле, опрос в Тюменском регионе был вполне репрезентативный: $n = 4016$ чел., ошибка выборки по одному признаку, по формулам Паниотто, $\Delta = 1,6\%$. В этом «столкновении» с представителем власти по поводу презентации в Тюменской областной Думе «Социокультурного портрета региона» проявились и оформились интересы администрации Тюменской области, которые отражали противоречия, участникам проекта не известные. Тем не менее, президиум Тюменской областной Думы принял решение издать «Социологический портрет Тюменского региона» и разослать его по всем муниципальным образованиям [7]. Хотя «Социологический портрет Тюменского региона» был исполнен, а некоторые достигнутые успешные результаты этого исследования могли бы быть охарактеризованы как достояние профессионального коллективного творчества Тюменского государственного университета и представителей областной Тюменской думы, тем не менее, конфликт по этому поводу с администрацией Тюменской области достаточно серьезно омрачил дальнейшее продвижение проекта как на уровне различных ветвей власти, так и в средствах массовой информации (по некоторым темам был наложен гриф «для служебного пользования»). На мой взгляд, представляя проект «Социокультурный портрет регионов», осуществляемый в ряде субъектов Российской Федерации под руководством Центра изучения социокультурных изменений, мы вступили в конкуренцию на политическом поле исполнительной власти — даже если она носила неформальный характер — так как реализация идей этого проекта позволяет увязывать и целостно сопрягать как программы социально-экономического, так и культурного развития отдельных взятых регионов, включая инновационные проекты преобразования этих регионов с особенностями образа жизни их населения; и в связи с тем, что Проект нацелен на выявление, а затем и на преодоление и разрешение всяких «несстыковок» различного характера, и на выработку соответствующей социокультурной политики. Политическая конкуренция сейчас явно не является приоритетным проектом власти, и это — тоже опыт реализации проекта «Социокультурный портрет регионов».

Можно предположить, что мы не учли особенности менталитета представителей исполнительной власти. Социологические исследования общественного мнения населения региона дают важную информацию для исполнительных органов власти, но почему-то они в ней не особенно нуждаются. В то же время для законодательной власти среди задач социологического сопровождения (обеспечения) ее деятельности одна из важных задач — организация каналов обратной связи с жителями региона, в правовом регулировании деятельности которого она принимает участие в соответствии со своей компетенцией. Через социологические исследования как собственный канал обратной связи к законодательной власти поступает оперативная и достоверная информация о текущем отношении населения, социальных групп к той или иной проблеме развития территории, отрасли, сферы жизнедеятельности, а также к предпринимаемым органами государственного управления действиям, к практике правоприменительной деятельности. Непосредственный вклад в реализацию этой задачи внесло комплексное социологическое исследование и ознакомление депутатов с его результатами, как это и имело место в Тюменской области при подготовке социологического портрета региона. В Тюменской области практика социологического сопровождения деятельности Тюменской областной Думы установлена Законом области «О порядке подготовки, принятия и действия нормативных правовых и правовых актов Тюменской области», который определяет социологические исследования как один из видов научной экспертизы.

Сегодня Тюменская область стабильно занимает лидирующие позиции среди регионов Уральского Федерального округа по темпам роста инвестиций, зарплаты, вводу жилья, динамики промышленного производства, которые превышают общероссийскую и среднюю по УрФО. Объем валового регионального продукта в 2006 г., по сравнению с 2000, в Тюменской

области увеличился в 1,7 раза. По итогам 2007 г. рост ВРП составил 6,3% по отношению к 2006: темпы также опережают среднероссийские. Высокими темпами растет выпуск промышленной продукции. Среднегодовая динамика производства в 2006 и 2007 гг. — около 10%. Причем основной прирост достигнут в обрабатывающем секторе, объемы которого за последние шесть лет увеличились на 75%.

В регионе реализуется политика развития высокотехнологичных производств в этой сфере, снижения зависимости от конъюнктуры мировых рынков сырья. Тюменская область — одна из мощнейших по экономическому и финансовому потенциалу. Стратегия ее развития опирается на собственный совокупный потенциал и строится на его максимальной мобилизации, вовлечении в экономический оборот.

На наш взгляд, все это в дальнейшем и должно отслеживаться в процессе внедрения и подготовки социокультурного портрета Тюменской области.

Теперь остановимся на тех сложностях и противоречиях социокультурного портрета Тюменской области, которые у нас возникли, и которые мы еще до конца так и не преодолели и которые должны быть преодолены при составлении социокультурных портретов других областей.

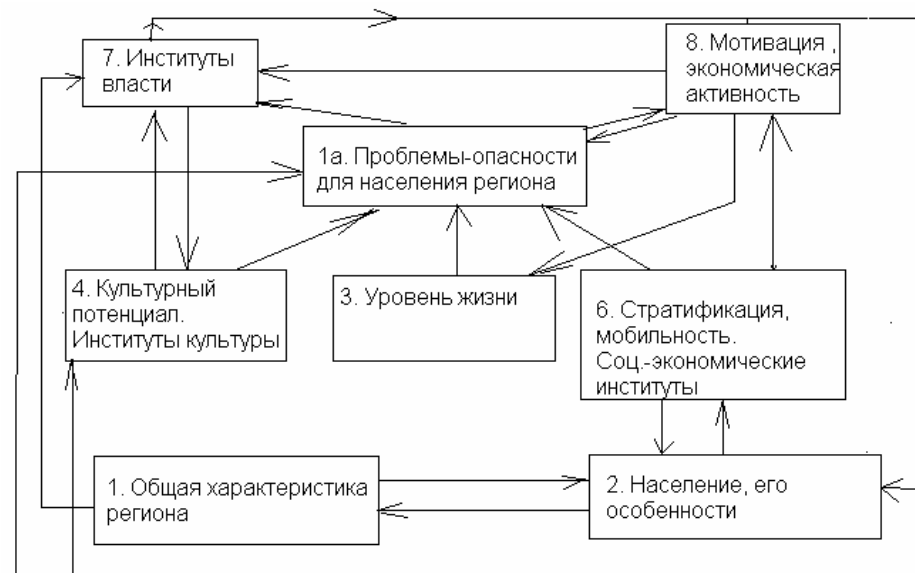

Рис. Блок-схема подготовки социокультурного портрета региона

Составление портрета предлагалось строить на основе вышеуказанной блок-схемы. Основой изложения становятся индикаторы социального самочувствия. Однако такая схема имеет ряд непреодоленных недостатков, которые заключаются в следующем.

1) Многие данные, представленные как обязательные для отражения в разделах портрета, дублируются. Например, параметры социального самочувствия считаются в разделе 1.7, далее продолжают в 3, и частично в 7. Получается, что для целостного восприятия этого текста надо объединить эти разделы, но тогда теряется логика. И, наоборот, если перенести эти индексы в один раздел, в других изменяется логика построения. Поэтому мы излагаем сначала проблемы-опасности, затем защищенность-незащищенность, а затем по порядку рассматриваем все составляющие социального самочувствия.

2) В этом случае выпадают третий и пятый разделы. Они становятся фрагментарными, а попытки их связать приводят либо к тому, что мы повторяемся, либо надо впереди сослаться на то, что подробно должно быть рассмотрено ниже. Так обстоит дело с разделами по уровню жизни (3) и имущественной дифференциации населения (6). Индексы, показанные ранее, включают самооценку уровня жизни и стратификации, а рассматриваются они позже. Отсюда вывод — может быть, индексы социального самочувствия рассматривать в последнем — седьмом разделе?

Таблица 2

Предпочтения среднего класса и всего населения Тюменской области в выборе типа предприятия (основная и дополнительная работа) (в % по столбцам)

	Средний класс			Вся выборка по области
	в своем городе (селе)	в регионе	в масштабе всей страны	
<i>Хотели бы работать на основной работе:</i>				
В государственном секторе	53	50	50	55
В частном секторе, в том числе	45	48	48	42
на собственном предприятии	24	28	30	22
Затруднились ответить	2	2	2	3
<i>Хотели бы работать на дополнительной работе:</i>				
В государственном секторе	21	21	25	22
В частном секторе, в том числе	78	77	73	75
на собственном предприятии	39	35	29	31
Затруднились ответить	1	2	1	3

Почти треть среднего класса считает, что необходимо развивать средний и малый бизнес, и пятая часть среднего класса считает, что необходимо усилить государственный контроль за экономикой. Данные Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют, что численность малых предприятий после кризиса 1998 г. начала возрастать только в 2003 г. и характеризуется низкими темпами роста (рис. 2).

Государственный контроль экономики страны является не только необходимостью для социально незащищенных слоев населения, но и актуализируется для среднего класса в связи с переходом от «стабильной трехуровневой структуры» общества к «дезинтегрирующей двухуровневой» в западных странах, связанным с сокращением государственных расходов. Данный процесс спрогнозирован И. Валлерстайном и М. Кастельсом. Это подтверждает необходимость государственной поддержки для развития среднего класса и поддержания стабильности в обществе и обуславливает полученные данные. Таким образом, представители среднего класса Тюменской области осознают экономическую ситуацию в регионе и влияние экономических процессов на успешность социально-экономических стратегий.

Рис. 2. Темпы роста численности малых предприятий в Тюменской области

государственной статистики: частный сектор занимал в 2006 г. в Тюменской области только 36,6% от общего распределения организаций по формам собственности. Тогда как 55% представителей среднего класса по России заняты в основном на частных и акционерных предприятиях. Доля предпринимателей в среднем классе по Тюменской области — 4%, по России — 6%.

Нужно отметить, что инновационно-преобразовательный потенциал населения раскрывается, прежде всего, через экономическую активность населения. Существует два подхода к рассмотрению данной активности: первый подразумевает под ней всеобщее качество населения трудоспособного возраста, второй наделяет этим качеством только группу предпринимателей, что соответствует первоначальной модели экономического человека. Тогда как наиболее отражает деятельностный аспект социальной сферы определение социально-экономической активности данное Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной — «это действия, направленные на ликвидацию несоответствия между потребностями и условиями бытия субъекта; представляет собой процесс созидания целеполагающим субъектом (индивидом или социальной группой) новых общественных норм, условий собственного существования» [9].

Данное определение более указывает на социокультурный подход к оценке экономического поведения и учитывает рациональную составляющую.

Эмпирически было обнаружено, что экономически активная группа в России стала проявляться в период трансформации социально-экономической системы страны, что характеризовалось приобретением акций населением, обращением за новыми банковскими услугами и т.д. Именно тогда же можно было наблюдать всплеск предпринимательской активности. Тем не менее, анализ, проделанный А. Туреном, показывает, что на этапе развития индустриального общества активность нуждалась в дополнительных общественных формах. Тогда как с появлением информационного общества, определение которому дал М. Кастельс, появляются хозяйственные инструменты, дающие возможность отдельным акторам проявлять не предпринимательскую активность. Основой для данной активности служат новые организационные формы, например Интернет и финансовые технологии [9].

Таким образом, с одной стороны, преобладание категории предпринимателей среди представителей среднего класса по России говорит о большей адаптации к рыночной экономике, а с другой стороны — наличие в среднем классе в области профессиональных групп соответствует характеристике сильного класса (преобладание технических, финансовых работников и управленческого персонала) и также может служить источником инноваций. На данную возможность указывает и уровень образования данного класса в Тюменской области (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования среднего класса Тюменской области и России (в %)

Образование	Средний класс			
	в своем городе (селе)	в регионе	в масштабе всей страны	по России
Среднее специальное	31	29	27	40
Незаконченное высшее	16	16	17	16
Высшее и послевузовское	53	55	56	43

Средний класс в Тюменской области характеризуется более высоким уровнем образования по сравнению с общероссийским. Более уверенно причисляют себя к среднему классу люди с высшим и послевузовским образованием. При этом эмпирически доказано, что среди экономически активных людей чаще встречаются люди с высшим образованием [9].

Кроме того, в среднем классе существует потенциал развития предпринимательской деятельности. Так, треть среднего класса Тюменской области хотела бы иметь собственные предприятия, и 20% при выборе характера трудовой деятельности отметили, что предпочли бы иметь свое дело и вести его на свой страх и риск. Высок процент желающих подрабатывать на частных предприятиях (табл. 2).

3) Изложение разделов портрета «привязано» по блок-схеме к проблемам-опасностям для населения региона, но ниже предлагаемые вопросы «про» используются крайне слабо, либо совсем не используются (особенно вопрос 8, 8а, 9), например:

8. Расстояние в километрах до ближайшего врача/фельдшера поликлиники: _____

8а. За сколько времени Вы можете добраться до ближайшего врача/фельдшера поликлиники
_____ часы _____ минуты

9. За сколько времени Вы можете добраться до ближайшей больницы?

_____ часы _____ минуты

10. Как работает общественный транспорт, которым Вы пользуетесь?

1. В целом хорошо	2. Скорее хорошо
3. Скорее плохо	4. Плохо
5. Не пользуюсь общественным транспортом	

33. Какие Вы читаете газеты, журналы?

1. — Областные, местные	2. — Центральные
3. — Те и другие	4. — Никакие

34. Какие передачи Вы чаще смотрите по телевизору?

1. — Чаще областные, местные	2. — Чаще центральные
3. — И те и другие в равной мере	4. — Никакие

35. Что Вас больше интересует на телевидении? (отметьте не более трех вариантов)

1. Экономические новости	2. Политические новости
3. Спорт	4. Музыкальные передачи, ток-шоу
5. Художественные фильмы, спектакли	6. Сериалы, детективы
7. Другое	77 — затрудняюсь ответить

36. Как часто Вы посещали в последний год:

	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в полгода	Реже, чем раз в год	Затрудняюсь ответить
Библиотеку	1	2	3	4	77
Театр	1	2	3	4	77
Цирк	1	2	3	4	77
Музей	1	2	3	4	77
Стадион	1	2	3	4	77
Клуб по интересам	1	2	3	4	77
Дискотеку	1	2		4	77
Кинотеатр	1	2	3	4	77

38. Используете ли Вы:

	Нет	Да
Мобильный телефон	1	2
Компьютер	1	2
Интернет	1	2

Возникает вопрос — а что мы замеряем в вопросах 8, 8а, и почему автор методики господин Туманов так много внимания уделял на анализ этих вопросов, если нам ни разу не удалось свести ответы на эти вопросы с другими?

Поскольку нет индексов, учитывающих «культурную» составляющую, в логике, приведенной в блок-схеме, эти вопросы либо выпадают, либо смотрятся недостаточно обоснованными.

4) Сравнение регионов и их типология возможны либо на основе линейки обобщенного индекса, построенного по «частным», либо (что гораздо сложнее, но более описательно и более интерпретируемо) на основе многомерной классификации.

Поскольку в индексах социального самочувствия учитываются материальное самочувствие, защищенность, самостоятельность, удовлетворенность, оптимизм, то вполне логично выделить четыре измерения — социальное самочувствие, стратификация, культурный потенциал и качество управления, и применить методы многомерной классификации для этих показателей. Сами показатели имеют смысл привести к шкале [-1, 1], и тогда они стыкуются с индексами социального самочувствия, предложенными Н.И. Лапиным. Методы многомерной классификации (см., например, Крыштановский А.О. «Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS», с.217) хорошо «ложатся» на методику, и не нужно тогда строить один «обобщенный» индекс. Тогда продолжение методов — это расположение исследуемых регионов на шкале.

5) По предложению Л.А. Беляевой был проведен кластерный анализ социальной стратификации и получены, на наш взгляд, вполне интерпретируемые результаты для Тюменской области. Очевидно, что можно было бы провести такой анализ для всех исследуемых регионов, расширив таким образом методику применения и устранив главный ее недостаток — большое количество разнородных таблиц, не дающих зримого эффекта.

6) Методика не предусматривает проверку распределений (хотя бы таких простых, как хи-квадрат, Стьюдента) и потому вопросы репрезентативности исследования остаются как бы «за скобками»; не проводится проверка статистических гипотез в генеральной совокупности. На наш взгляд, это надо бы провести, выполнив несколько минимально необходимых условий.

Все вопросы (кроме множественных или номинальных) следует привести к порядковой шкале, убрав варианты: «нет ответа, затрудняюсь, отказ» из выборки (это можно сделать, просто убрав такую кодировку в матрице), и далее провести проверку. Номинальные значения признаков переводятся в (0; 1), т.е. дихотомическую шкалу, и далее все можно проводить таким же образом. Это приведет к еще одной возможности проверки. Есть ведь несколько мер, которые показывают разброс (или согласованность) ответов: например, мера риска, энтропии. Таким образом, по ряду вопросов проводится анализ достоверности. Можно проверить все регионы по таким мерам разброса и посмотреть, каким образом происходят отклонения у тех или иных регионов, по каким вопросам, и почему.

7) Методику следует уплотнить и операционально уточнить, особенно учитывая, что в движение «Портрет региона» вливаются новые и новые регионы, учитывая наши трудности.

8) Изложение «статистика» и «социология» как бы распадается, и их связь просматривается весьма слабо. Особенно затрудняют просмотр результатов огромные таблицы.

Литература

1. Лапин Н.И. Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2006. № 2; Лапин Н.И. Пути России. М.: ИФРАН, 2000.
2. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы: Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» // Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
3. Опыт апробации типовой методики «социологический портрет региона». Часть II: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции / Отв. ред.: проф. В.А. Давыденко, проф. В.В. Мельник, проф. Г.Ф. Ромашкина. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2007. — 240 с.
4. Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Научно-практической конференции // Под ред. Е.А. Когай. Курск: Изд-во КГУ, 2007.
5. Беляева Л.А., Корепанов Г.С., Шафранов-Куцев Г.Ф., Лапин Н.И. Тюменский регион в современной фазе социокультурной эволюции России // Мир России. 2008. № 1. Т. XVII. С. 50—89; Лапин Н.И., Беляева Л.А. Российское общество в пути: консервация социальных контрастов, асимметричный рост. М.: ИФРАН, 2007.
6. Официальные данные Министерства финансов РФ по налоговым поступлениям, контролируемым Федеральной налоговой службой, по состоянию на 1 января 2005 г.
7. Социологический портрет Тюменского региона / Авт. колл.: Л.А. Беляева, Г.С. Корепанов, Г.Ф. Куцев, Н.И. Лапин и др. Тюмень: Тюменская областная дума, 2007. — 90 с.

среднего класса является фактором его приверженности представительной демократии: большинство, на которое опирается такая демократия, может в условиях современного общества формироваться только из многих меньшинств и при условии учета интереса каждого из них, а именно из таких меньшинств и состоит средний класс [3].

В странах с рыночной экономикой средний класс — наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти среднего класса теперь связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями. Средний класс — это социальное образование, обладающее признаками, которые характеризуют его материальные ресурсы, культурный капитал и социальный статус. Эти признаки выделяют социальную группу активного, профессионально подготовленного и относительно материально обеспеченного населения, который становится актором социального и экономического развития региона.

Субъективное представление людей о существующей в обществе иерархии и своем месте в ней, позволяет определить, с каким слоем идентифицируют себя респонденты.

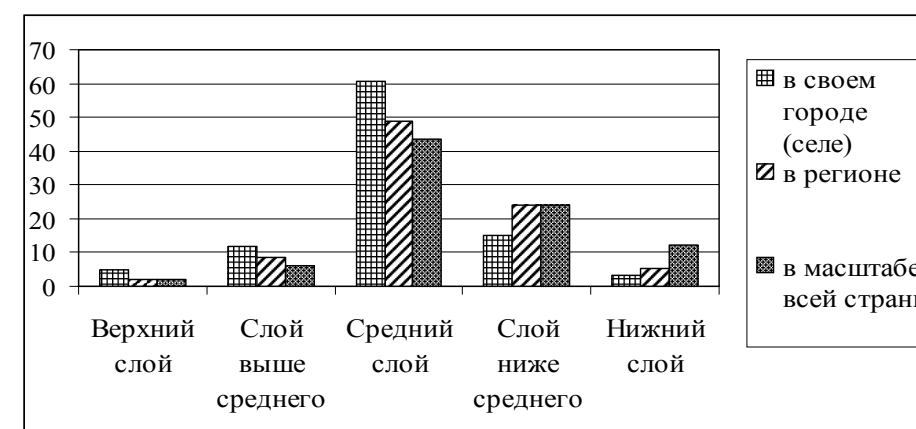

Рис. 1. Социальная самоидентификация респондентов Тюменской области (в %)

Колебание показателя самоидентификации в поселенческих, региональных и всероссийских масштабах говорит об отсутствии у населения представления о среднем классе как об устойчивой социальной группе, обладающей определенными стратегиями поведения в экономической и социальной сфере.

В Тюменской области средний класс в сопоставлении самоидентификации, соответствующего уровня материальной обеспеченности (достаточность материальных средств на повседневные нужды, но затруднение с покупкой дорогостоящих предметов и недвижимости) и наличия квалификации составляет 23,6% в масштабе всей страны, 26,7% в регионе и 32,4% в поселенческих характеристиках. По России средний класс по аналогичной методике составляет 22% [1].

В Тюменской области, профессиональный и возрастной состав формирующего класса образует либо население в наиболее трудоспособном возрасте в финансовой сфере, либо население старшего возраста, обладающее дефицитными профессиональными навыками, либо представители востребованных профессий на рынке труда основного трудоспособного возраста. Наиболее представлены в среднем классе инженерно-технические работники, государственные служащие и средний управленческий персонал (23%, в показателях всей выборочной совокупности 17%), что связано со спецификой региона.

Так как основу экономической деятельности региона составляет добыча полезных ископаемых, то средний класс в Тюменской области получает дополнительные возможности для самореализации в профессиональной сфере в данной области, что накладывает также отпечаток на развитие государственного сектора. Поэтому более половины представителей среднего класса, как и население в целом занято на государственных предприятиях или предприятиях с участием государства, что подтверждается данными Федеральной службы

*А.И. Ковальчук
(Тюмень)*

РОЛЬ СРЕДНЕГО КЛАССА В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

В России переход от административно-командной к рыночной экономике вызвал перемены в социальной системе общества и повлек за собой усиление социального неравенства, возникновение нового типа элиты общества и формирование среднего класса. Экономическая система страны, олицетворявшая собой индустриальный тип общества, переживает трансформацию в рыночный тип и характеризуется переходом к постиндустриальному типу общества. При этом развитые страны представляют собой уже информационный тип общества, где основой экономического развития служат инновации.

Средний класс в современных обществах западного типа служит источником стабильности экономической системы и обеспечивает прогресс в силу того, что он сосредотачивает в своих рядах наиболее активную и профессионально образованную часть общества.

Особенностью экономической подсистемы российского общества является неоднородность развития регионов, и как следствие различие в показателях уровня доходов, дифференциации населения, характера занятости, что также влияет на особенности формирования среднего класса.

Кроме того, в связи с такими тенденциями развития мировой экономической системы, как увеличение роли информации и нарастающая глобализация, необходимо не только изучать средний класс как фактор стабилизации социально-экономической системы, но и его способность вывести Россию в рыночную информационную экономику. Для рассмотрения данного вопроса необходимо изучение инновационно-креативного потенциала среднего класса, активности жизненной позиции, ориентированности на либеральные ценности, что в дальнейшем может обеспечивать открытость социальной системы российского общества, высокую социальную мобильность и дальнейшее увеличение доли среднего класса.

На данный момент разные исследователи и официальные источники информируют о не менее чем двадцатипроцентной доле среднего класса в российском обществе. Тем не менее, вызывает большой вопрос способность данного формирующего класса выполнять стабилизирующую и развивающую роль в экономике страны.

Сознание и поведение средних слоев обусловлено не «срединным» положением как таковым, а влияющими на их экономический и социальный статус процессами и ситуациями в экономике и в обществе. Если это влияние негативно, стабилизирующая функция средних слоев и их приверженность демократическим ценностям подвергаются серьезным испытаниям. К тому же гетерогенность среднего класса делает проблематичным приписывание ему неких единых стандартов ментальности и поведения. При попытках исследовать типы группового сознания и психологию капиталистических обществ рассмотрение среднего класса как некоей единой общности оказывается практически невозможным, наиболее адекватный метод ~ выделение отдельных его слоев (служащих, интеллигенции, менеджеров, мелких предпринимателей). При всех этих существенных оговорках средний класс (или классы) все же действительно является в современных демократиях решающей силой, гарантирующей стабильность существующих социальных и политических институтов. Ибо эти институты, несмотря на воздействие тех или иных деструктивных факторов в общем и целом защищают его интересы от угроз, которые могут представлять для них более сильные экономические группы или стихийные социально-экономические процессы. В каком-то смысле гетерогенность

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

*Е.А. Козай, Ю.М. Пасовец
(Курск)*

О РАЗРАБОТКЕ И ПРИМЕНЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА РЕГИОНА*

На прошедшей в марте 2008 г. Юбилейной сессии ИС РАН и ИСПИ РАН в докладе М.К. Горшкова была отмечена значимая веха в развитии отечественной социологии, связанная с повышением интереса к социальным проблемам регионов Российской Федерации, с возрастанием статуса нового направления социального познания — региональной социологии [1]. Проблемы социально-региональной идентификации, социокультурного потенциала регионов, возможностей их инновационного развития и ряд других привлекают пристальное внимание исследователей на местах и в столице. Следует отметить, что исследования по программе «Социокультурная эволюция регионов России», осуществляемые на протяжении ряда последних лет под эгидой Центра изучения социокультурных измерений (ЦИСИ) Института философии РАН, — существенный шаг в развитии данного направления.

Исследовательский коллектив Курского государственного университета приступил к реализации своей части данной программы в 2006 году при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Курской области. Следует отметить, что за прошедший с тех пор период сделано немного, и, вместе с тем, немало. Задача данной работы состоит в том, чтобы проявить ряд позиций в разработке регионального проекта, касающихся вопросов организации исследования, сотрудничества в ходе проведения исследования и апробации его результатов, а также вопросов методического характера. Следует подчеркнуть, прежде всего, тот факт, что исследование в основе своей опирается на исходную типовую программу и методику, разработанную сотрудниками ЦИСИ ИФ РАН при участии специалистов МГУ им. М.В. Ломоносова, что позволяет производить сопоставление данных, полученных в разных регионах России [2].

Началась реализация проекта в Курске с анализа информационного массива региональных и республиканских средств массовой информации, научно-исследовательских разработок и статистических материалов. Был заключен договор с Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Курской области на предмет предоставления исследователям необходимой региональной статистической информации. В октябре 2006 г. силами коллектива Курского государственного университета была проведена первая волна полевого социологического исследования — опрошено 510 респондентов девяти населенных пунктов Курской области. По результатам первого года работы над проектом опубликован аналитический отчет «Опыт построения социокультурного портрета Курской области» [3], по итогам второго — коллективная монография «Социокультурный портрет Курской области» [4]. Следует отметить, что в первый год научная работа осуществлялась в условиях довольно скромного финансирования. Тем не менее, анализ обширной статистической информации и результатов первой волны полевого исследования позволил исследовательскому коллективу очертить общие контуры «портрета» Курской области, проявить узловые проблемные точки развития региона. Во второй год работы над проектом ранее проявленные усилия были вознаграждены. Благодаря финансовой поддержке РГНФ было проведено широкомасштабное полевое социологическое исследование «Социокультурный потенциал Курской области», охватившее 40 населенных пунктов региона, а также проведены три экспертных опроса и две фокус-группы. В составлении вопросов для экспертной анкеты «Социальные аспекты функционирования Курского региона»

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00498а.

нам помощь оказали коллеги из Тюмени, за что выражаем им глубокую благодарность. Отметим также, что 2007 год стал годом тесного сотрудничества нашего исследовательского коллектива с Областной думой, Администрацией области, Общественной палатой и другими общественными организациями, электронными и телевизионными средствами массовой информации, а также региональной холдинговой компанией «Русский дом». Это в пределах Курской области. За пределами области крепко научное сотрудничество с исследователями Москвы, Белгорода, Орла, Петрозаводска, Тулы, Тюмени, а также Харькова (Украина). И, конечно же, круг нашего исследовательского содружества значительно расширился благодаря научно-практической конференции «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России», проведенной в сентябре 2007 г. на базе Курского государственного университета и Курского филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института. В этой конференции очное или заочное участие приняли свыше 40 специалистов из 16 регионов. Опыт этого научного мероприятия еще раз подтвердил, что ежегодные конференции являются ключевой формой самоорганизации исследователей, работающих над региональными проектами.

Несколько слов *об апробации результатов проекта*. Отметим, что отношение к проекту в регионе было проявлено неоднозначное. Так, в Курской областной научной библиотеке имени Н.Н. Асеева в ходе презентации нашей первой книги-брошюры «Опыт построения социокультурного портрета Курской области» (собранных исследователей, представителей административных структур и тех, кто интересуется жизнью региона), прошла острая дискуссия как по книге, так и самому проекту. После выступления руководителя проекта Е.А. Когай в мае 2007 г. в Областной думе с результатами социологического опроса к проекту было проявлено амбивалентное отношение: одни сочли, что перед ними — практически первый опыт комплексного анализа проблем региона, пропущенных сквозь призму восприятия социальных проблем населением, другие — что «...команда Е.А. Когай проявляет негатив развития области». Тем не менее, позитивное восприятие результатов наших усилий взяло верх, и за результаты работы мы получили благодарственное письмо Областной думы. В отчете за первый год работы Общественной палаты Курской области «О построении гражданского общества в Курской области», прозвучавшем в июне 2007 г., практически весь текст выстроен на результатах первой волны проведенного нами социологического полевого исследования. Администрация области и г. Курска выразила свое отношение к разработчикам проекта как к высоко-профессиональному коллективу. Весной 2008 г. представители исследовательского коллектива КГУ вошли в экспертный совет по составлению Стратегии развития г. Курска. В июне 2008 г. руководитель проекта Е.А. Когай была утверждена в составе Общественной палаты Курской области. Тем самым наш опыт работы показал, что вполне возможно осуществление принципов толерантности и партнерства социологии с органами управления, что реализация серьезных социологических проектов может служить делу повышения престижа социологической науки в обществе и во властных структурах. Наши публикации результатов проекта в местных печатных и электронных СМИ (в информационно-аналитическом журнале «Курск.com», на электронном портале KURSKCITY.RU), выступления в региональных передачах радио и телевидения, полагаем, проявляют одну из важнейших социальных функций социологического знания — просвещенческую.

Обратимся к вопросам *методического обеспечения проекта*. Опыт применения Типовой методики «Социокультурный портрет региона» в региональном эмпирическом исследовании «Социологический портрет региона: Курская область» выявил некоторые недостатки предложенного методического инструментария. В связи с этим считаем целесообразным внести ряд предложений по совершенствованию методического обеспечения научно-исследовательского проекта «Социокультурная эволюция регионов России».

Прежде всего, обращаем внимание на необходимость изменения формы вопросов методики, предусматривающих выбор либо положительного, либо отрицательного варианта ответа. В этих вопросах в случае выбора отрицательного варианта ответа респонденту необходимо конкретизировать свою позицию, обозначив основные причины своего выбора.

среды могут служить конгломераты компаний высоких технологий или виртуальные сети производителей программного обеспечения, дизайнеров, производителей и поставщиков услуг по Интернету.

5. Инновационная активность населения зависит от уровня образования. Наиболее высока инновационная активность респондентов с высшим и послевузовским образованием. Таким образом, чем выше уровень образования респондента, тем выше его инновационный потенциал.

6. К наиболее существенным факторам ИПН относится *образование*. Чем выше его уровень, тем выше инновационный потенциал человека и тем более активно он проявляет себя в жизни. К существенным факторам, влияющим на проявление инновационной активности, относится *социальный статус*. Чем выше статус человека, тем больше возможностей для инновационной деятельности.

7. На ИПН оказывает положительное влияние *наличие инфраструктуры*, о чем свидетельствует преобладающее количество инноваторов в городах.

Литература

1. Тьчинский А.В. Управление инновационной деятельностью компаний: современные подходы, алгоритмы, опыт // www.aup.ru/books/m87/3_3.htm
2. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука [Электронный ресурс] // www.karamurza.ru
3. Управление персоналом: Энциклопедический словарь / Под ред. А.Я.Кибанова. М.: ИНФРА-М, 1998.
4. Малинецкий Г.Г. Инновационный вызов России [Электронный ресурс] // www.smisvoi.ru

Инновационная активность определяется так же профессиональной деятельностью (см. рис. 5). Можно отметить группу респондентов, занимающихся предпринимательской деятельностью, среди них организаторов новаций 35,1%, участников – 29,7%. На втором месте руководители госпредприятий, акционерных обществ – 18,2% и 36,4% соответственно. Далее представлены госслужащие, средний управленческий персонал – 10,3% и 15,5%. Остальные категории больше принимают участие в реализации инновационных проектов наравне с другими.

Следует рассмотреть, как организаторы инноваций описывают реакцию внешней среды на проявление инновационной деятельности (см. рис. 6). Так, 76 (10,8%) организаторов инноваций встречали поддержку, 25 (3,5%) столкнулись с безразличием со стороны окружающих, а 18 (2,5%) отметили явное противодействие. Таким образом, инновационная деятельность поддерживается со стороны окружающих.

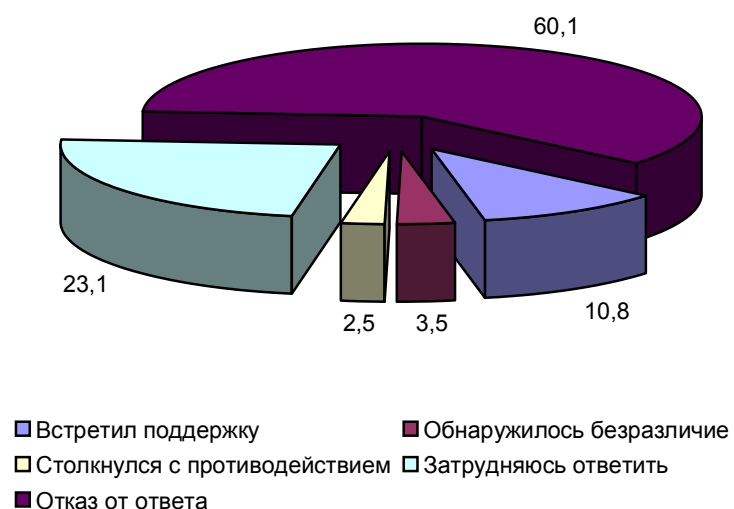

Рис. 6. Уровень поддержки инновационной активности (в %)

Исходя из выше сказанного, можно сделать следующие *выводы*:

1. Данные социологического исследования в Ульяновской области подтверждают теорию Й. Шумпетера. Свое участие в инновационной деятельности отметили 11,6% респондентов, не участвовали в ней вовсе – 81,5%, затруднились ответить 4,2%.

2. При оценке результатов исследования мы выявили, что в роли активных, думающих инноваторов, выступающих в роли организаторов, преобладают мужчины, в то время как в роли исполнителей несколько (на 5–10%) больше женщин. Разумеется, гендерный фактор не может являться определяющим. Преобладание мужчин в роли организаторов инноваций, на наш взгляд, может объясняться существующими общественными стереотипами.

3. По данным исследования, уровень инновационной активности обратно пропорционален возрасту респондента – пик инновационной активности в качестве организаторов приходится на возрастную группу от 26 до 35 лет. В группе более старшего возраста наблюдается определенный спад участия респондентов в качестве организаторов нововведений, и в то же время увеличение доли опрошенных как «участников наравне с другими».

4. Зависимость ИПН от типа поселения определяется в основном имеющейся инфраструктурой, которая сопутствует развитию ИПН. Следует признать, что инновация – это во многом городской феномен. Многие респонденты отмечали, что в деревнях «не развернуться» и что там «не нуждаются в инновациях». Однако инновационная активность в малых городах проявляется значимо и имеет поддержку. Это объясняется тем, что жители малых городов не встречают противодействия со стороны окружающих по внедрению каких-либо инновационных проектов. Следует отметить особую культурную среду больших городов. Примерами такой

К этой группе вопросов относятся вопросы Типовой методики под номерами 7 (о причинах неудовлетворенности населения государственным медицинским обслуживанием), 39 (о факторах, препятствующих созданию семьи и способствующих ее разрушению), 40 (о причинах депопуляции населения в регионе), 41 (о факторах, определяющих сверхсмертность мужчин), 49 (о принадлежности респондента к какой-либо общественной организации).

Существующая формулировка обозначенных вопросов усиливает возможность выбора респондентом отрицательного варианта ответа, и, следовательно, возрастает общее количество социологической информации, выявляющей негативные стороны социальной жизни. Полагаем, что для данных вопросов целесообразнее применять форму вопроса-фильтра, позволяющую выделить адресата основного вопроса. Например, вопрос 7 может иметь следующую формулировку:

«Удовлетворяет ли Вас государственное медицинское обслуживание?»

1. Да 2. Нет

Если нет, то чем? Отметьте не более трех причин, особенно важных для Вас.

- 1) Трудно попасть к врачу, большие очереди
- 2) Советы, рецепты врачей редко помогают
- 3) Врачи выписывают лекарства, которые трудно достать или они очень дорогие
- 4) Врачи обычно стараются не выписывать больничный лист
- 5) Не добьешься, чтобы врач приехал на дом к тяжело больному
- 6) «Скорая помощь» обычно приезжает через несколько часов
- 7) Очень трудно получить место в больнице».

Следует заметить при этом, что преобразование формы указанных вопросов не повлечет за собой изменения их содержания. При проведении мониторинговых исследований это является важным методологическим принципом изучения социальных объектов, обеспечивающим единство методического инструментария и соответственно сопоставление результатов разных волн мониторинга.

Полагаем, что в целях обеспечения сравнения данных региональных исследований, проводимых на основе Типовой методики, и общероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня», следует унифицировать формулировку вариантов закрытий в вопросах о причинах неудовлетворенности населения государственным медицинским обслуживанием, о предпочтениях определенных характеристик работы, о причинах сохранения и изменения работы респондентом после 1990 г.

Отметим, что в случае вопросов о причинах недовольства населения государственным медицинским обслуживанием и факторах изменения работы после 1990 г. методика общероссийского мониторинга содержит относительно исчерпывающие списки вариантов ответов на данные вопросы. При проведении регионального опроса по Типовой методике мы обнаружили, что респонденты достаточно часто называют в качестве основных причин своей неудовлетворенности государственной системой здравоохранения такие факторы, как «невнимательное, халатное отношение врачей к пациентам», «неквалифицированная помощь». Указывая причины смены работы после 1990 г., опрашиваемые обозначали такие факторы, как «выход на пенсию», «уход с работы по состоянию здоровья, в связи с получением инвалидности» и др. Приведенные варианты ответов на рассматриваемые вопросы предусматриваются в методике общероссийского исследования, в Типовой же методике их относили к графе «Другое».

В целом единообразие формулировок вариантов закрытий способствует однозначному пониманию и четкой интерпретации получаемых данных, а достаточно полный перечень возможных вариантов ответов на конкретный вопрос облегчает обработку первичной социологической информации.

В конструкции вопросов 20 и 21 Типовой методики проявляется совмещение трех критериев определения социально-профессионального статуса индивида: профессиональной при-

надлежности к определенной отрасли экономики (промышленность, транспорт, здравоохранение и др.), ранга руководителя трудового коллектива (руководитель высшего, среднего и малого звена) и типа расселения (городской, сельский житель). Данный подход не соответствует методологическим нормам социального измерения, предусматривающим фиксацию каждого индикатора отдельным вариантом ответа, поэтому требует некоторой корректировки. Так, не совсем некорректным, на наш взгляд, выглядит включение в одну категорию руководителей в сельском хозяйстве и сельской интеллигенции, в другую — «других прочих сельских жителей» и сельских пенсионеров. В то же время такие профессии городских жителей, как рабочие в промышленности, транспорте, связи, работники финансовой сферы, работники сферы быта и услуг, работники торговли разделяются по разным социально-профессиональным категориям.

На наш взгляд, для выяснения профессионального статуса респондента и его родителей желательно использовать критерий отнесенности их профессии к определенной отрасли экономики, социальной сферы, органам государственной власти. При этом следует выделить принадлежность индивида к социальным общностям, не включенным в процесс производства — учащимся ссузов, студентов вузов, пенсионеров, безработных.

Взаимосвязь профессионального статуса индивида с рангом руководства и типом расселения может быть определена с помощью таблиц сопряженности для вопросов 20, 21 (о профессии респондента и его родителей), 27 (о количестве подчиненных на основной работе) и 61 (о типе поселения, где живет респондент).

Практика также показала, что в графе «Другое» одним из распространенных ответов на данный вопрос применительно к статусу родителей выступает вариант «умерли» или «нет», если опрашиваемый является сиротой. В этой связи в целях оптимизации обработки данных по этому вопросу желательно ввести вариант ответа, фиксирующий указанную позицию. Тем самым конструкция вопроса 20 может выглядеть следующим образом.

20. Кем Вы и Ваши родители работали в 1990 г.?

(ИНТЕРВЬЮЕР: передайте карточку № 4, кодируйте то, что сказал респондент, согласно карточке. При выборе респондентом применительно к своему профессиональному статусу 15, 16, 17 и 18 вариантов ответа переходите к вопросу 21, затем пропустите вопросы 22 и 23.)

В вопросе 21 «Кем Вы и Ваши родители работаете сегодня?» исключается вариант ответа «Не работал, не учился, не был пенсионером», фиксирующий статус малолетнего и несовершеннолетнего, который респондент мог занимать в 1990 г., так как опрос проводится среди взрослого населения региона старше 18 лет.

В вопросе 56 следует представить полный перечень возможных ответов на вопрос о количестве детей у респондента. В формулировке этого вопроса в Типовой методике отсутствует вариант «нет детей», что приводит к некоторому искажению получаемой информации, так как не имеющим детей респондентам формально присваивается позиция «отказ от ответа».

Также обратим внимание на необходимость включения в Типовую методику вопроса/вопросов о состоянии жилищных условий населения. В региональный вариант Типовой методики «Социокультурный портрет Курской области» мы ввели вопросы об оценке респондентом качества своего жилья, о возможности улучшения жилищных условий в ближайшее время. Примечательно, что методика общероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» содержит вопрос об удовлетворенности населения качеством жилья. Социологическая информация о таком важном компоненте уровня жизни населения, как жилищные условия, оказывается значимой в контексте реализации национального проекта «Доступное жилье».

Обозначенные предложения по совершенствованию Типовой методики «Социокультурный портрет региона» носят рекомендательный характер. Вместе с тем их осуществление, как мы полагаем, будет способствовать повышению качества методического инструментария в реализации проекта «Социокультурная эволюция регионов России».

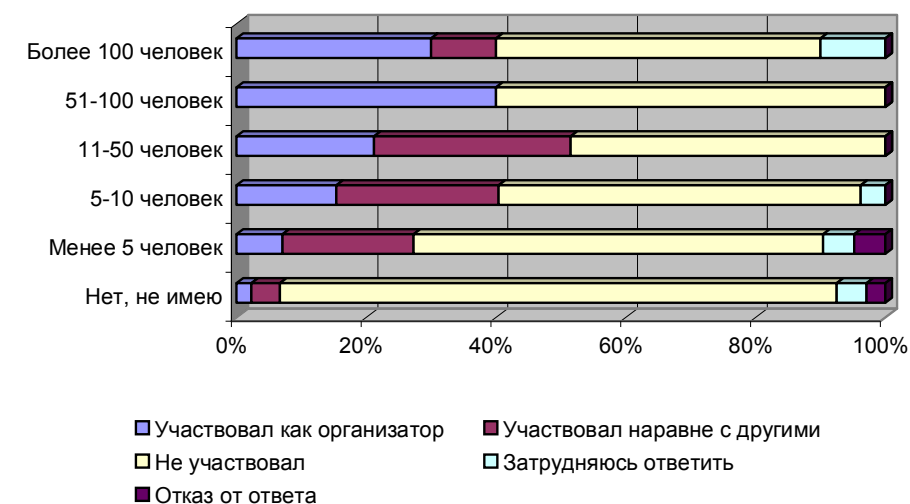

Рис. 4. Распределение инновационной активности в зависимости от численности подчиненных (в %)

Рассмотрим связь социального статуса респондента и инновационной активности. На своей основной работе руководители, управляющие штатом более 5 человек, занимаются инновационной деятельностью (см. рис. 4). Можно отметить, что если штат сотрудников составляет от 5 до 50 человек, то руководитель участвует в инновационной деятельности наравне с другими (от 25% до 30,3%). В случае увеличения численности подчиненных от 51 и более руководитель берет на себя функции организатора инновационной деятельности (40%). Следовательно, инновационная активность является одним из факторов управленческой деятельности. Оптимальное количество сотрудников для эффективной осуществления инновационных проектов и реализации управленческих решений в этой сфере составляет от 50 до 100 человек.

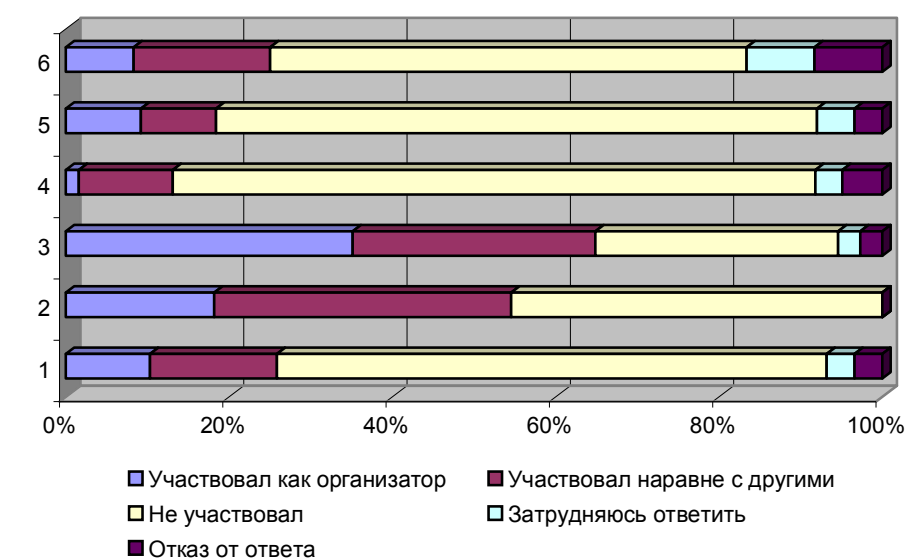

Рис. 5. Распределение инновационной активности в зависимости от профессиональной деятельности (в %)

- 1 — ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал
- 2 — Руководители госпредприятий, акционерных обществ
- 3 — Предприниматели
- 4 — Бухгалтеры, экономисты, работники банков
- 5 — Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.
- 6 — Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция

В группе более старшего возраста наблюдается определенный спад участия респондентов в качестве организаторов нововведений, и в то же время увеличение доли опрошенных как «участников наравне с другими». Этот факт можно отнести к позитивным, так как он указывает на достаточную «инновационность» поведения молодых, активных членов социума.

К 35—39 годам накопленный человеком инновационный потенциал позволяет перейти от роли исполнителя «чужих» идей к роли организатора и координатора инновационных проектов. Далее инновационная активность заметно угасает.

Следующим существенным критерием роста инновационного потенциала является тип поселения.

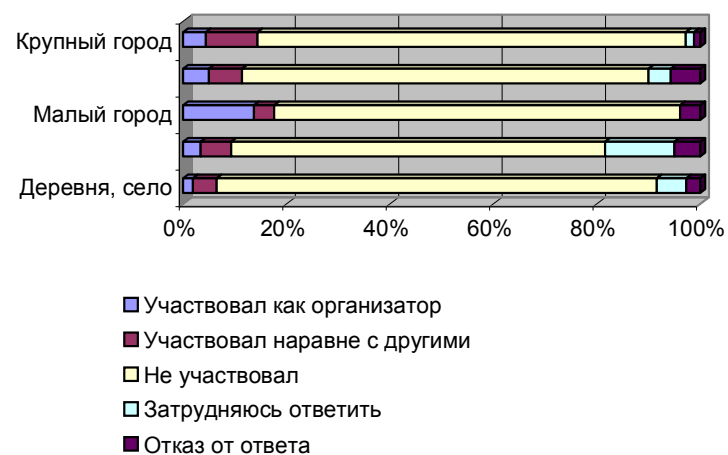

Рис. 3. Распределение инновационной активности в зависимости от типа поселения (в %)

Зависимость ИПН от типа поселения определяется в основном имеющейся инфраструктурой, которая сопутствует развитию ИПН и росту инновационной активности населения. Многие респонденты отмечали, что в деревнях «не развернуться» и что там «не нуждаются в инновациях».

Интересен факт, что инновационная активность в малых городах проявляется значимо и имеет поддержку. Это объясняется тем, что жители малых городов отметили, что не встречают противодействия со стороны окружающих по внедрению каких-либо инновационных проектов. Данная ситуация может быть объяснена характером социального взаимодействия. Так в деревнях и селах острой необходимости в реализации инновационных проектов не существует, в крупных городах такая потребность сталкивается с противодействием со стороны социальной среды в силу традиционного (корпоративного) характера общественных связей. Что касается малых городов, там есть как потребность в нововведениях, так и развитость социальных сетей у организаторов и участников инноваций, которая позволяет последним предельно беспрепятственно осуществлять свою деятельность.

Следует признать, что инновация — это во многом городской феномен (рис. 3). Исторически считается, что творчество имеет тенденцию возникать не в отдаленных сельских районах, а в плотно населенных пунктах. Следует отметить особую культурную среду больших городов. Примерами такой среды могут служить конгломераты компаний высоких технологий или виртуальные сети производителей программного обеспечения, дизайнеров, производителей и поставщиков услуг по Интернету. Обмен идеями важен также для инноваций, как и сеть производств.

Наиболее высока инновационная активность респондентов с высшим и послевузовским образованием. Между показателями образования и инновационной активности выявлена значимая, но очень слабая корреляция, следовательно, можно сделать вывод о том, что чем выше уровень образования респондента, тем выше его инновационный потенциал.

Код	Профессия/специальность	Респондент	Родители	
			мать	отец
1	Промышленность, транспорт, связь, строительство, лесное хозяйство, геология	1	2	3
2	Сельское хозяйство	1	2	3
3	Торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение, сбыт и заготовки	1	2	3
4	ЖКХ, непроизводственные виды бытового обслуживания населения	1	2	3
5	Информационно-вычислительное обслуживание	1	2	3
6	Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	1	2	3
7	Образование	1	2	3
8	Культура и искусство	1	2	3
9	Наука и научное обслуживание	1	2	3
10	Финансы, кредит, страхование и пенсионное обеспечение	1	2	3
11	Управление	1	2	3
12	Армия, милиция, суды, прокуратура, органы безопасности	1	2	3
13	Предпринимательская деятельность, ведение частного хозяйства	1	2	3
14	Ведение домашнего хозяйства	1	2	3
15	Учеба в средних и высших профессиональных учебных заведениях	1	2	3
16	Пенсионеры	1	2	3
17	Безработные	1	2	3
18	Не работал, не учился, не был пенсионером	1	x	x
19	Другое _____	1	2	3
20	Только для родителей Умерли / Нет	x	2	3
21	Не знаю	1	2	3
22	Отказ от ответа	1	2	3

И последнее. В мае 2008 г. в г. Симферополе состоялась международная научно-практическая конференция на тему «Интеллигенция, ее роль в поиске гражданского согласия в условиях общества переходного периода». На этой конференции много внимания было уделено вопросам уточнения понятия «интеллигенция», проблемам невостребованности интеллигенции в посткоммунистических трансформационных процессах. В выступлениях же курских участников конференции были сделаны иные акценты: «Сегодня актуальной задачей интеллигенции является не только осмысление смысложизненных проблем социального развития в целом..., но и обустройство собственного Дома, своей бизнес-сферы. Обустройство жизненного пространства, измеряемого региональными координатами» [5, с. 59]. Полагаем, что наша дальнейшая совместная разработка программы «Социокультурная эволюция регионов России» будет служить выполнению этой благородной миссии современной интеллигенции.

Литература

1. Горшков М.К. Уроки возрождения отечественной социологии и ее развитие в постсоветский период / Интернет-ресурс: http://www.isras.ru/index.php?page_id=689

2. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 2006.

3. Опыт построения социокультурного портрета Курской области: аналитический отчет/ Сост. и отв. ред. Е.А. Когай, Т.Г. Кульсеева, Ю.М. Пасовец, А.А. Телегин. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. — 102 с.

4. Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. — 227 с.

5. Когай Е.А. Интеллигенция в социокультурном самоопределении региона // Интеллигенция, ее роль в поиске гражданского согласия в условиях общества переходного периода: тезисы докладов международной конференции (Симферополь, 23–26 мая 2008 г.) / Культура народов Причерноморья. Научный журнал, 2008. № 134. С. 59–60.

ответ 97,7% опрошенных. Среди респондентов, ответивших на данный вопрос, указали себя в качестве организаторов инноваций 4,2% опрошенных, наравне с другими в создании и внедрении новшеств участвовали 7,4%, не участвовали в них вовсе — 81,5%, затруднились ответить 4,2%.

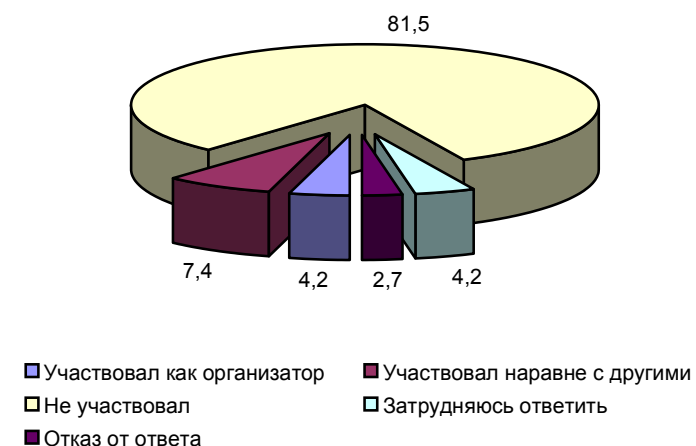

Рис. 1. Распределение населения по уровню инновационной активности (в %)

Из рисунка 1 видно, что уровень инновационной активности в регионе соответствует теории Й. Шумпетера. Всего 11,6% населения региона являются инновационно активными. Остальных можно причислить к группе потенциальных инноваторов.

При оценке результатов исследования мы обнаружили, что в роли активных, думающих инноваторов, выступающих в роли организаторов, преобладают мужчины, в то время как в роли исполнителей несколько (на 5–10%) больше женщин. Разумеется, гендерный фактор не может являться определяющим. Преобладание мужчин в роли организаторов инноваций, на наш взгляд, может объясняться существующими общественными стереотипами.

По данным исследования, уровень инновационной активности обратно пропорционален возрасту респондента — пик инновационной активности в качестве организаторов приходится на возрастную группу от 26 до 35 лет (33,3%) — это на 22,2% больше, чем в предыдущей возрастной категории 18–25 лет. При этом с одной стороны, наблюдается определенный спад участия респондентов в роли организаторов нововведений, с другой стороны — увеличивается процент опрошенных как участников инновационных проектов (см. рис. 2.).

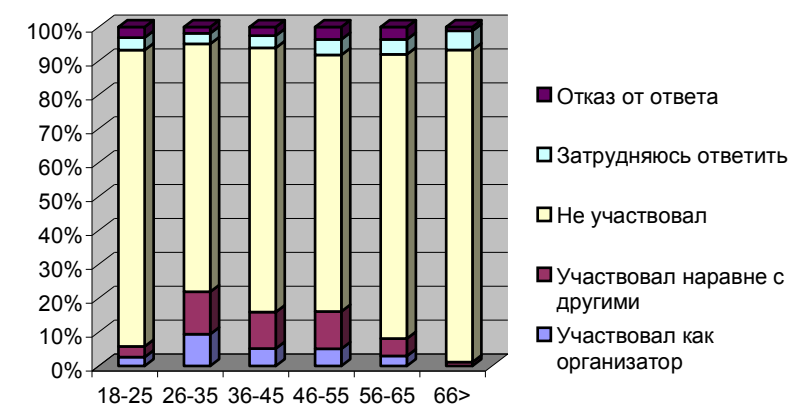

Рис. 2. Зависимость инновационной активности от возраста респондента (в %)

*Н.В. Власова, Е.П. Галкина,
О.В. Степанова
(Ульяновск)*

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Современная государственная инновационная политика России заключается в формировании таких нормативно-правовых и экономических условий, которые всемерно стимулировали бы субъектов экономической деятельности к проведению исследований, разработок, НИОКР, приобретению новых знаний и технологий, выпуску новых высоко конкурентоспособных товаров и освоению производств. Она сводится к реализации следующих задач:

1. Создание законодательной базы, стимулирующей и поддерживающей инновации и инновационную деятельность, к которой в первую очередь относятся законы: об общих принципах организации инновационной деятельности и проведения исследований и разработок; о защите интеллектуальных прав на объекты научных исследований и разработок; о льготном налогообложении и налоговом стимулировании субъектов инновационной деятельности; о создании особых экономических зон и ином стимулировании субъектов инновационной деятельности;

2. Создание в РФ развитой и эффективной инновационной инфраструктуры, которая заключается: в государственном финансировании фундаментальных и прикладных исследований, осуществляемых высшими учебными заведениями, исследовательскими институтами и прочими субъектами инновационной деятельности, имеющих стратегическое национальное значение; создание и поддержка технопарков, инновационных инкубаторов, центров трансферта технологий, инновационно-технологических центров, наукоградов, венчурных фондов и т.д.; финансовая поддержка высшего и профессионального образования для подготовки специалистов по управлению инновационной деятельностью.

3. Прямое финансирование отдельных стратегических национальных программ НИОКР, в том числе с привлечением частного инвестиционного капитала [1].

Развитие отдельных регионов, качество и уровень жизни во многом определяется инновационным потенциалом населения. Этим фактором во многом обуславливается научная и инновационная деятельность в регионе. Например, С.Г. Кара-Мурза утверждает, что общества, в котором практически отсутствует инновационная активность, не может быть в принципе. «Инновационная активность пронизывает жизнь <...> каждого человека. Это его биологическое свойство» [2].

Имеется большое количество толкований понятия «инновационный потенциал населения» (ИПН). В соответствии с одним из наиболее близких по содержанию к цели основного эмпирического исследования, ИПН — это «способность к восприятию новой информации, приращению профессиональных знаний, выдвижению новых конкурентоспособных идей, нахождению решений нестандартных задач и новых способов решения стандартных задач» [3].

В рамках научно-исследовательского проекта «Социокультурный портрет региона: Ульяновская область» было проведено социологическое исследование, в котором приняло участие 1102 человека. В качестве генеральной совокупности принимается население старше 18 лет. Согласно предположению Й. Шумпетера [4], соотношение инноваторов и консерваторов, или инновационно активного и инновационно пассивного населения, определяется как 1:9. Данные социологического исследования в Ульяновской области подтверждают это положение. Так, на вопрос об участии за последние пять лет в создании (внедрении) инноваций дали

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТОВ РЕГИОНОВ

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-18005е.

Л.А. Беляева
(Москва)

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПОРТРЕТЕ РЕГИОНОВ*

Россия представляет собой уникальный объект для анализа проблем социального неравенства населения в регионах, поскольку сами регионы находятся на разных ступенях экономического развития и включения в мировые глобальные экономические процессы. В период первого этапа реформ государство устранилось от регулирования экономической и социальной жизни областей, краев и республик, практически перестало участвовать в выравнивании их уровней развития. Более того, как показали А.Ю. Шевяков и А.Я. Кирута, в начале XXI века в России территориальная концентрация экономического роста обусловлена концентрацией собственности в отдельных регионах, что усиливает социально-экономические диспропорции между ними [1]. Добавим, что параллельно нарастает и концентрация культурного капитала в точках экономического роста. Соответственно он сокращается в стагнирующих и депрессирующих регионах. Создается своего рода порочный круг: при отсутствии рабочих мест дееспособное население, и, прежде всего молодежь, покидает слабые регионы, и это препятствует их развитию.

Карта страны стала представлять собой еще более пеструю, чем при советской власти, мозаику из регионов разного уровня развития, материальной дифференциации и социальной стратификации населения. В части из них, и ранее не слишком развитых, произошла архаизация экономической и социальной жизни и деиндустриализация экономики, другая часть находится на стадии индустриального развития, постепенно преодолевает промышленный спад. В некоторых регионах получают развитие постиндустриальные производства, информационные технологии и сервисный сектор, а в немногих первичный сектор (добывающие отрасли), основанный на извлечении природных богатств, позволяет вступать в глобальные мирохозяйственные связи и иметь высокий уровень жизни части населения. Внутри страны сложились различия между регионами, аналогичные различиям между странами мира: есть богатые регионы, среднего развития и бедные.

Одной из целей составления социокультурных портретов регионов является сравнительный анализ социального расслоения и проблем формирования среднего класса.

На первых этапах выполнения проекта большое внимание уделялось уровню жизни, который рассматривался, прежде всего, как производный от доходов населения [2]. При этом дифференциация населения по доходам оценивалась как на основании статистических показателей, представленных в сборниках Росстата, так и по оценкам, данным в ходе опроса по единой методике. Кроме того, были использованы данные о расходах и потреблении домашних хозяйств, жилищных условиях, наличии предметов длительного пользования и т.д. у разных категорий населения и домохозяйств — городских и сельских, с детьми и без детей, с разным числом детей, разных возрастных групп. Особое внимание было уделено наиболее острой проблеме — бедности и ее распространению в России. Использование статистических данных и данных интервьюирования позволило довольно подробно рассмотреть проблему материальной дифференциации населения в регионах. Об этом красноречиво говорят материалы, посвященные уровню жизни в рамках составленных социокультурных портретов [3].

Но материальная дифференциация не исчерпывает палитру социальных неравенств в регионе, также как материальное расслоение не тождественно социальному расслоению. Социальное пространство каждого региона наполнено множеством социальных позиций индивидов, которые вступают между собой в социальное взаимодействие. Позиционирование или расстановка индивидов в пространстве социальных взаимодействий составляет, по мнению

* Работа выполнена в рамках плановой темы Института философии РАН: «Эволюция ценностей и социокультурная мобильность населения современной России».

исследования. 2007. № 11; Ахтямова Г.Р. Социальная дифференциация общества и интересов // Там же. 1997. № 8; Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Экономическая стратификация населения России в 90-е годы // Там же. 2001. № 6; Социальная стратификация российского общества (Под ред. Голенковой З.Т.). М., 2003; Тихонова Н.Е. Социальная структура современного российского общества // Вестник РГНФ. 2006. № 3; Шкаратан О.И., Иванов И.М., Иняевский С.А. Анализ социально-экономического неравенства россиян // Общественные науки и современность. 2005. № 5, 6.

4. Великий П.П. Российское село в условиях новых вызовов // Социологические исследования. 2007. № 7; Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Там же. 2005. № 11; Калугина З.И., Фадеева О.П. Сельское предпринимательство и сельские сообщества в борьбе за выживание в условиях реформ // Вестник РГНФ. 2005. № 1; Пацюрковский В.В. Сельская Россия: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 1; Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни // Там же. 2004. № 12; Захаров А.Н. О перспективах развития АПК // Там же. 2006. № 7; Широкалова Г.С. Тенденции изменения социальной структуры села // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». В 3 т. М., 2003. Т. 3.

5. Анурич В.Ф. Контуры провинциального среднего класса России // Социологические исследования. 2006. № 10; Ильин И.Е. «Великий перелом» в чувашском селе. Результаты и следствия аграрной реформы // Там же. 2007. № 11; Михеев П.А. Сельский социум изменяющейся России. Саратов, 2004; Мореханова М.Ю. Социально-экономическая дифференциация в сельском социуме: состояние и перспективы // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М., 2006. Т. 16; Муханова М.Н. Российское село: социально-структурные процессы в меняющемся обществе // Тезисы докладов III Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации». Т. 5. М., 2007; Олейник Н.П. Возможен ли «средний класс» в сельских поселениях? (Региональный срез) // Социологические исследования. 2005. № 4; Сергиенко А.М. Положение и стратегии поведения сельских наемных работников на рынке труда // Социология. 2005. № 2; Хагуров А.А. Земельная реформа на Кубани: региональный срез // Социологические исследования. 2004. № 5.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007 // Росстат. М., 2007. С. 38, 57.

7. Руткевич М.Н. Основное социальное противоречие современного российского общества // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 50.

8. Великий П.П. Российское село: кризис созидания // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т. М., 2006. Т. 16. С. 94—96.

9. Горшков М.К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 4—5.

10. Шкаратан О.И., Иванов И.М., Иняевский С.А. Указ. соч. С. 39.

11. Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002. С. 371.

12. Анурич В.Ф. Контуры провинциального среднего класса России // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 3.

13. Староверов В.И., Захаров А.Н. Агротрансформация России, ее состояние и перспективы. М., 2006. С. 277—278.

14. Михеев П.Н. Указ. соч. С. 120—121.

15. Руденко Л.И. Социальное содержание современных реформ на селе: проблемы жизнедеятельности российского крестьянства (очерки социологического исследования). Саратов, 1999. С. 81.

16. Пацюрковский В.В. Указ. соч. С. 94—95.

17. Волчкова Л.Т., Минина В.Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социологические исследования. 1999. № 1.

18. Некипелов А.Д. От квазирынка — к рынку (Концептуальные вопросы стратегии экономического развития России в начале XXI века) // Российский экономический журнал. 2001. № 2. С. 3.

19. См.: Тихонова Н.Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 3.

20. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 435.

21. Бондаренко Л.В. Бедность в сельской России. М., 2005; Она же. Российское село в эпоху перемен: занятость, доходы, инфраструктура. М., 2003.

22. Новиков А.В. Национальный экономический менталитет в контексте российских реформ: историко-экономический очерк. СПб., 2006. С. 33—34.

23. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 64.

24. Староверов В.И. Указ. соч. С. 74.

25. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 51—52.

26. Пацюрковский В.В. Сельская Россия: 1991—2001 гг. М., 2003.

работа поглощает их прежде всего, оставляя далеко позади все прочие интересы, даже семью и заработок, который является для них производным от их успешной работы.

Менталитет «преуспевающих» наиболее близок к либеральной системе ценностей. Для них свобода личности почти столько же значима, как и личная безопасность, а среди прав и свобод только они ставят на первое место право на личную собственность и на второе место — равенство перед законом.

В менталитете «выживающих» сохранилось то представление о важности прав и свобод, которое было воспитано советским периодом российской истории, а сами права и свободы окрашены традиционализмом. Такая ценность либерального, рыночного общества, как право на личную собственность, поистине не актуальна для тех, кто не имеет этой собственности и только выживает.

Избирательный характер адаптации, который сложился за годы реформ в России, блокирует реализацию большинством населения своих социально-экономических ожиданий и поддерживает высокий уровень пессимизма в обществе в целом. Самую высокую степень пессимизма показали «выживающие». Из них более половины считали, что жить будет хуже, в том числе почти 30% — значительно хуже [25].

Характеризуя социальный портрет проигравших, В.В. Пациорковский приводит примеры по Чувашской Республике. Абсолютное большинство опрошенных считают, что они лично (63,4%) и их семьи (63,5%) проиграли в ходе происходящих перемен («Реформы сделали нас бедняками». «Эти перемены забрали у нас все, что было»). Для 26,3% опрошенных и 27,3% их семей, по мнению самих опрошенных, несмотря на большие подвижки, происходившие вокруг них, в действительности в их положении ничего не изменилось. Такие оценки имеют двойственную природу.

С одной стороны, они делают теми, кто считает, что их положение было и остается вполне удовлетворительным: «все ничего», «как было, так и осталось». С другой стороны, сюда также относятся те, кто считает, что им и раньше было плохо, и сейчас все осталось по-прежнему («были бедными и остались бедными»).

Лишь 9,4% опрошенных и 10,3% их семей считают, что они выиграли в ходе происходящих перемен: «сейчас, безусловно, лучше», «теперь все зависит от нас самих».

Конечно, приведенные оценки — довольно печальное свидетельство при подведении итогов перемен, происходивших в рассматриваемый период. Возможно, здесь уместно надеяться, что подводимые итоги имеют промежуточное значение и все лучшее еще впереди. Но это слабое утешение для тех, кто считает свою жизнь сломленной, а себя обобраным с головы до ног. Многим из них уже вряд ли придется воспользоваться тем, что они потеряли [26].

Среди отечественных обществоведов все чаще слышатся голоса тех, кто призывает к серьезному, неполитизированному социологическому анализу сложившейся социально-экономической, политической обстановки как в стране в целом, так и в регионах в отдельности.

Литература

1. См.: Ланин Н.И. Динамика базовых ценностей и социальное самочувствие россиян // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». М., 2007; Опыт построения социокультурного портрета Курской области: аналитический отчет. Курск, 2006; Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Тюмень, 2006; Андреев А.Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9; Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006; Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1; Харитонова В.Г. Культурный потенциал населения Чувашской Республики в 1995—2006 годах: опыт апробации методики «Социологический портрет региона» // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1.
2. Култыгин В.П. Исследования социальной структуры в переходных обществах (Историко-методологический обзор) // Социологические исследования. 2002. № 4; Бельский В.Х. Социальная структура российского общества: состояние и проблемы теоретической разработки // Там же. 2006. № 1.
3. Ануриин В.Ф. От Москвы до самых окраин (Социальное неравенство: региональный разрез) // Социология. 2005. № 3—4; Белева Л.А. Материальное неравенство в России. Реальность и тенденции // Социологические

Э.Гиденса, фундамент социальной жизни [4]. Одним из важнейших и актуальных срезов такого позиционирования является место в системе социального расслоения, которое индивид занимает в силу обладания экономическим, политическим, культурным капиталами. Отражаемое в социальном расслоении фактическое социальное неравенство, существующее в обществе, означает разный доступ к его ресурсам — системе образования, качественному здравоохранению, полноценному отдыху и культурному развитию.

Кроме социальной стратификации в современной России специального исследования заслуживает проблема формирования среднего класса, который представляет собой социальное образование, имеющее не только определенный капитал, но и адекватное ему субъективное представление о своем месте в обществе и позитивные жизненные стратегии.

Ниже излагаются методики эмпирического анализа этих двух срезов «социального устройства» региональных сообществ, которые целесообразно использовать при составлении социокультурных портретов регионов.

Социальная стратификация

Для анализа социальной стратификации в регионах предлагается опробованная на материалах всероссийского мониторинга [5] методика выделения социальных слоев. Каждый индивид обладает разными видами капиталов, которые предопределяют его место на политическом, экономическом и культурном полях социального пространства. Эти поля рассматриваются как важнейшие для построения социальной стратификации российского общества. Но при этом можно предполагать, что на отдельных территориях страны к числу значимых могут относиться и другие поля, например, этническое поле, или религиозное. Но, как представляется, при анализе всероссийских данных эти поля имеют незначительное влияние по сравнению с тремя названными выше. Значимость этих полей в некоторых регионах может быть пранализирована на местных материалах.

Капиталом или ресурсами *социально-политического поля являются*: а) обладание властью, б) выполнение управленческих функций, в) руководство людьми; в *социально-экономическом поле* доминируют следующие ресурсы: а) владение собственностью, в том числе производственной, б) управление собственностью, в) доходы и др.; *социокультурное поле представляют*: а) уровень образования, б) квалификация, профессия в) самоидентификация, г) потребности, д) интересы, е) ценности и др.

При изучении стратификации российского общества существует трудная проблема методического характера: определение минимума признаков, которые будут заложены в эмпирическом анализе. Они должны достаточно полно отражать специфику ресурсов каждого поля. Нам приходится идти во многом экспериментальным путем, подбирая такое сочетание признаков, которое необходимо и достаточно для убедительного описания социальной дифференциации общества.

Другая трудность связана с тем, что эмпирический материал, которым, как правило, располагают сегодня социологи, не позволяет анализировать проблему расслоения общества как целого. Дело в том, что верхние слои (политическая и экономическая элита и субэлита, крупные собственники) и подлинны низы (нищие, бродяги, лица без регистрации) остаются вне досягаемости интервьюеров в подобных исследованиях. Тем не менее, основная часть общества может быть исследована и на ограниченных выборках, но репрезентативных основной части общества по четырем показателям — пол, возраст, образование, тип поселения. Именно такими параметрами обладает всероссийский мониторинг, который проводит ЦИСИ ИФ РАН с 1990 г. раз в четыре года, и таковы базы данных региональных эмпирических исследований, собранные по Типовой методике в ряде регионов. Это создает возможность для анализа данных мониторинга и данных региональных исследований по единой методике, с использованием одних критериев.

При выборе критериев, представляющих социально-политическое поле, учитывалось, что мала вероятность попадания в массив политических агентов любого уровня, или их незначительное представительство. Поэтому роль политических ресурсов была отведена ресурсам управленческим, реализуемым через практику управления людьми в различных средах: на производстве, в организациях и т.д. В нашем случае точнее было бы определить это поле как поле власти, руководства людьми.

Социально-экономическое поле представляет критерий материального благосостояния. На современном этапе формирования рынка в России крайне незначительная доля респондентов располагает какими-то видами собственности, представляющими экономический капитал. Материальные ресурсы, которые заключаются в наличии накопленного имущества, удовлетворяющего повседневные потребности, не могут рассматриваться как активный экономический ресурс. Поэтому в современной России именно доходы обеспечивают материальный уровень жизни, а оценка этого уровня может использоваться как свидетельство наличия экономического ресурса у респондентов. Репрезентация культурного поля проводилась по уровню полученного респондентом образования.

Все критерии представлены в анкетах и мониторинга и регионального опроса по Типовой методике в виде идентичных шкал. Так, наличие властных функций фиксировалось в ходе ответа на вопрос: имеете ли Вы на работе подчиненных? При этом отмечалось число подчиненных [6]. Для оценки уровня материального благосостояния применялась шестиуровневая шкала, по которой респонденты распределились от самого низкого уровня — условно «нищих» до самого верхнего — условно «богатых» [7]. В фиксации уровня образования, который является свидетельством наличия профессиональной и культурной подготовки или культурного капитала, использовалась стандартная шкала [8]. Таким образом, в основу анализа были положены три критерия — руководство людьми, материальный уровень жизни и образование. Каждый из критериев представляет одно из рассмотренных выше социальных полей.

Данные всероссийского мониторинга 2002 и 2006 гг. были проанализированы с применением процедуры кластерного анализа или распознавания образов методом К-средних (K-Means) [9]. В Тюменской области, используя предложенную методику, Г.Х.Ромашкина также провела кластерный анализ данных регионального опроса по Типовой методике и получила результаты, сопоставимые с российскими данными. Но при этом рельефно проявились особенности социальной стратификации регионального сообщества. Это позволяет сделать заключение об эффективности этой методики для анализа российского общества в целом и населения отдельных регионов. Ниже представлены кластеры-социальные слои в России (2006 г.) — рис. 1 и в Тюменском регионе (2006 г.) — рис. 2. а также проведено некоторое сопоставление полученных результатов.

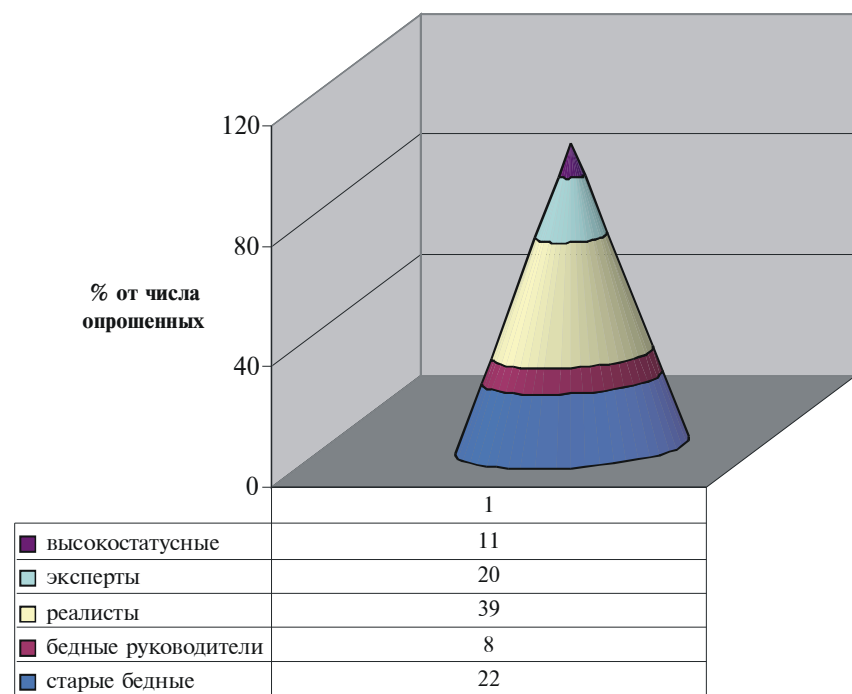

Рис. 1. Социальная стратификация российского общества по данным Всероссийского мониторинга, 2006 г.

предприимчивости, деловитости, хозяйственности еще не стали доминирующими в трудовой составляющей образа жизни селян. Вероятнее всего, нужен довольно длительный период, чтобы на уровне ментальности произошли глубинные трансформационные изменения в экономическом сознании и поведении сельского населения. К тому же советский период истории страны с принципами уравнилельного распределения материальных благ также сыграл свою роль в формировании определенных стереотипов, представлений о богатстве и богатых людях.

Авторы модернизационных концепций, предлагающие модернизацию сознания, менталитета нации, не задумываются о том (или же осознанно этого желают), что народ, забывший свои национальные традиции, изменивший свой менталитет не в связи с естественным ходом истории и изменениями окружающей среды, а в процессе «одноразовых» модернизационных воздействий, постепенно теряет свою индивидуальность, свою национальность, и его имя остается только истории, как это случилось со множеством народов не только мира, но и Европы [22].

Исследования свидетельствуют о наличии в сельском социуме Чувашии большого количества людей, которые не надеются на улучшение своей жизни или вообще, или в обозримом будущем. В 1997 г. 45,1%, а в 2000 г. 29,9% опрошенных крестьян Чувашии ответили, что живут хуже, чем в соседних регионах (Нижегородская, Ульяновская области, Республики Марий Эл, Мордовия, Татарстан). За 1997—2002 гг. среди крестьян, оценивающих различные стороны своей жизни (работа, отдых, учеба, семья), к сожалению, уменьшилось количество оптимистов. Если в 1997 г. 25,9% опрошенных ответили, что большинство населения Чувашии никогда не будет жить хорошо, то в 2002 г. таковых оказалось уже 32,7%.

В 2006 г. по материалам социологического исследования «Социокультурный портрет Чувашской Республики» 15,1% сельских респондентов считали, что они живут лучше, чем в соседних регионах Приволжского федерального округа. Однако 19,5% ответили, что живут хуже, 46,7% — по сравнению с одними регионами живут лучше, а по сравнению с другими — хуже. Более половины опрошенных (57,1%) удовлетворены своей жизнью в целом, а 41,1% — уверены в своем будущем.

В 2005 г. на вопрос: «С каким настроением Вы смотрите в будущее?» — 36,6% опрошенных селян (43,3% мужчин и 30,2% женщин) сказали, что с надеждой и оптимизмом. Однако 30,8% респондентов (28,7% мужчин и 32,7% женщин) обеспокоены своим будущим, смотрят с тревогой и неуверенностью, со страхом и отчаянием.

Выводы, сделанные ведущими социологами-аграрниками страны на основе многолетних социологических исследований о будущем современного села, не позволяют сформулировать оптимистические, обнадеживающие прогнозы.

«Если динамика, характерная для последнего десятилетия, сохранится, то село вряд ли выживет. Так, лишь 7% опрошенных замечают возрождение села, 74,6% говорят о его медленном вымирании» [23].

«Рассмотренные и оставшиеся за рамками рассмотрения сдвиги в социокультурном пространстве современной российской деревни обретают необратимый системно-структурный характер. Это грозит ей в перспективе не просто деформациями культурного, социального, экономического развития, но социально-цивилизационной деградацией и сходом с арены исторического бытия. А без деревни не выжить (даже без усилий по ее развалу извне) и России, поскольку оставшиеся без социального контроля со стороны постоянно проживающего населения одичавшие сельские просторы создадут смертельные угрозы и для ее городов» [24].

Л.А. Беляева анализирует происходящие трансформационные процессы в стране, стратификационные процессы, затронувшие и ее сельские провинции (регионы). Сегодня социальные реалии таковы: сельский социум разделен на отдельные группы, которые исследователи называют по-разному: бедные и богатые, проигравшие и выигравшие, выживающие и преуспевающие и т.д.

«Преуспевающие» — не только самостоятельные люди, рациональность сочетается у них со смелостью: они готовы ставить перед собой большие цели, даже если они трудно достижимы. Главная цель — богатство, и для ее достижения они готовы самозабвенно работать. Именно

Хотя процесс социокультурной модернизации в России начался, но идет он очень медленно и противоречиво, подчас в «маятниковом» режиме. В целом можно говорить о том, что этап социокультурной модернизации, который переживает сейчас российское общество, можно охарактеризовать скорее как начальные ее шаги, нежели ее завершение [19].

В этих условиях многократно возрастают требования морально-этического, нравственного характера деятельности ученых, в первую очередь социологов, которые должны ориентироваться на получение объективных, достоверных данных функционирования сельского социума. В этом плане по сей день актуальны и созвучны слова П.А. Сорокина, отражающие, на наш взгляд, гражданскую позицию социологов. «Но когда же кризис действительно происходит, то он производит основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре. Нам предоставлен редкий шанс жить, наблюдать и действовать в котле такого мирового пожара. Если мы не в силах остановить его, то следует хотя бы попытаться понять его природу, причины и последствия. Если же мы сможем это сделать, то, вероятно, в некоторой степени сократим его трагический ход, смягчим его последствия» [20].

За 1996—2003 гг. в оценках сельских жителей Чувашии материального положения, в целом своей жизни появились позитивные подвижки, характеризующие некоторую социально-экономическую стабилизацию. Так, в 1996 г. 57,1 % опрошенных ответили, что терпеть такое бедственное положение уже невозможно, а 28,6% — жить трудно, но можно жить, то есть «бедных» насчитывалось 85,7%. В 2003 г. удельный вес «бедных» снизился до половины опрошенных (52,2%).

Особенностью феномена российской бедности является то, что обеспеченность работой, а вернее, статус работающего не является гарантией от обнищания. Большая часть основных кормильцев в семьях, живущих на грани или за чертой бедности, имеют постоянную работу. Реальные масштабы бедности в России определяются сегодня вовсе не отсутствием работы или низким социально-профессиональным статусом работающих. Первопричина явления кроется в существующей системе оплаты труда, которая во многом зависит от таких факторов, как причастность к предпринимательской деятельности, наличие собственности, обладание ценными бумагами, род и место деятельности, возможность дополнительных заработков.

Несмотря на положительный сдвиг в решении проблемы бедности, она остается чрезвычайно острой, особенно на селе. В сельской местности масштабы бедности в 6—8 раз превышают предельно допустимый уровень. За чертой бедности находится по денежным доходам 29,5 млн сельчан, по располагаемым ресурсам — 23,8 млн, влачат нищенское существование 8,7 млн сельских жителей, их располагаемые ресурсы в 2 и более раза ниже прожиточного минимума. По денежным доходам, основную долю которых составляет вознаграждение за труд в сельскохозяйственных предприятиях, нищих на селе 17 млн человек.

Таким образом, российское село сегодня представляет собой сферу тотальной бедности, что создает реальную угрозу для генофонда деревни [21].

В массовом сознании сельских жителей сформировался социальный портрет бедных. Их характерными признаками их образа жизни, по мнению большинства россиян, выступают плохое питание, недоступность приобретения новой одежды и обуви, плохие жилищные условия, недоступность качественной медицинской помощи, отсутствие возможностей получить хорошее образование, удовлетворить первоочередные нужды без долгов, провести свое свободное время так, как хочется, а детям — добиться того же, что и большинству их сверстников.

Наиболее характерными особенностями жизни богатых большинство россиян считают качество их жилищных условий, возможность провести отпуск за границей, доступность приобретения дорогой мебели и бытовой техники, уровень медицинского обслуживания, возможность для детей добиться намного большего, чем большинство их сверстников, возможность получения хорошего образования и проведения досуга, уверенность в завтрашнем дне.

Таким образом, на протяжении длительного исторического времени среди сельских жителей сохраняется натянуто-прохладное отношение к социально-экономической дифференциации, к появлению в их среде малочисленной группы богатых людей. Социальная практика, социологические исследования в различных регионах страны показывают, что сегодня черты

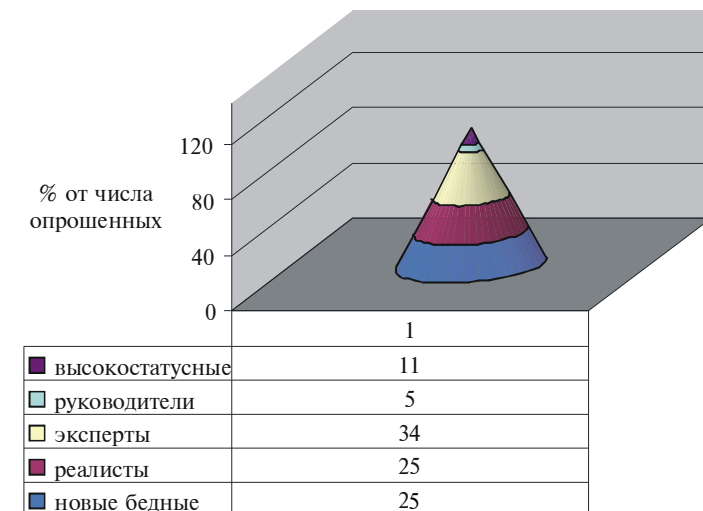

Рис. 2. Социальная структура населения Тюменской области по данным регионального исследования 2006 г.

Ранее был проведен подробный сравнительный анализ кластеров-социальных слоев в российском обществе в динамике за 2002—2006 гг. [10]. Отмечу здесь только основные их характеристики. **Высокостатусные** — наиболее успешная группа, которая выросла за эти годы на 5% и еще более укрепилась в своем социальном оптимизме, высокой самооценке и ожидании хороших перспектив своей жизни.

Эксперты, как социальный слой, численно не изменились, но стали близки к высокостатусным по самоидентификации со средним слоем и по общей удовлетворенностью жизнью, хотя они и менее радужно, чем высокостатусные, оценивают свои будущие успехи в повышении материального уровня жизни. В этом они типичные наемные работники, зависящие от работодателя.

Стабильна численность **реалистов** (39%), не располагающих богатыми социальными ресурсами, но неплохо зарабатывающих на современном рынке труда и имеющих высокую самооценку. Хотя они еще более осторожны, чем эксперты, в оценке своих материальных успехов в следующем году.

Кластер **бедных руководителей** очень небольшой — всего 8%. Он представлен старшими возрастными группами руководителей на неэффективных производствах и в социальной сфере. Половина из них относит себя к среднему слою, но оценки перспектив жизни в следующем году, удовлетворенность жизнью, отношение к рыночным преобразованиям, очень низкие.

Пятый слой — это **старые бедные**, не имеющие властного ресурса, с низкими доходами и с плохим образованием. Их самооценка, надежда на улучшение жизни самые низкие из всех выделенных слоев, при этом они не имеют достаточных социальных ресурсов, чтобы изменить свое положение. Но парадоксальным образом удовлетворенность жизнью, положительное отношение к рыночной экономике в этой группе выше, чем у бедных руководителей. Объяснение кроется в их трудовом статусе и возрасте. В этой группе много пенсионеров и лиц старшей возрастной группы, т.е. это те люди, которые повидали в своей жизни еще более трудные времена и которым есть с чем сравнивать жизнь свою и своих детей и внуков.

В отличие от общероссийской социальной стратификации население Тюменской области, где значительно выше доходы, чем в среднем по России, и имеется высокорентабельный нефтегазовый сектор, разделяется на социальные слои несколько иначе. Но некоторые социальные слои количественно совпадают с общероссийскими данными. Так, слой высокостатусных практически одинаков по объему (11—12%), как и близка численность реалистов (34—39%). Во многом совпадают и социально-демографические характеристики этих слоев.

Существенно отличаются те слои руководителей, которые не относятся к высокостатусным, и имеют только среднее специальное образование. В Тюменской области они следуют в иерархии

сразу за высокостатусными, поскольку их материальное положение на уровне обеспеченных. А по России в целом, как отмечалось выше, они на предпоследнем месте в социальной пирамиде из-за низких доходов.

В Тюменской области почти в 1,7 раза больше численность экспертов — специалистов с высшим образованием, достаточно молодых, имеющих материальный уровень, соответствующий «обеспеченным». Они заняты в высокорентабельных отраслях. В то же время 25% с аналогичным образованием имеют очень низкий материальный уровень («нищие» и «бедные»), поскольку заняты, как правило, в бюджетной сфере. Практически такая же доля (25%) в общероссийской выборке приходится на «старых бедных» — людей с плохим образованием и низкими доходами.

Таким образом, региональная стратификация Тюменского региона, повторяя основные параметры общероссийской, имеет свою специфику, рождаемую отраслевой направленностью области, обеспечивающей более высокие доходы в нефтегазовой отрасли. При этом в бюджетных отраслях непропорционально много людей с низким по сравнению с нефтяным сектором материальным уровнем, но обладающих значительным культурным капиталом.

Средний класс

Анализ проблем формирования среднего класса является важной составной частью составления социокультурного портрета. В социальном пространстве региона его можно выделить как группу активного, профессионально подготовленного и относительно материально обеспеченного населения, которая наряду с элитной и предэлитной частью общества, становится актором социального и экономического развития России. Отличает средний класс от элитных групп динамика формирования, которая может привести в будущем к его превращению в массовый слой общества. Но сегодня, видимо, размеры среднего класса, его профессиональная деятельность, занятость в отраслях экономики, ценностные ориентации имеют различия в регионах России.

Можно выделить несколько обстоятельств, способствующих росту среднего класса: начавшийся экономический подъем, адаптация занятых в экономике к новым условиям трудовой деятельности, превращение частного сектора в неотъемлемый и увеличивающийся сегмент российской экономики, расширение сферы применения информационных технологий, изменение трудовой мотивации и ценностных представлений молодых, средних и частично пожилых возрастных когорт.

Среди специалистов практически нет сомнения, что средний класс в России находится в стадии формирования. Наиболее дискуссионным вопросом является определение критериев, по которым его надо выделять. Сейчас в российских исследованиях можно увидеть несколько разных методических позиций [11]. Они были проанализированы мною в одной из публикаций [12] и сделано заключение, что относительно существования в российском обществе среднего класса дискуссии у специалистов не возникают, основной предмет спора — критерии его выделения и количественные характеристики.

Впервые примененные к анализу данных всероссийского мониторинга 1998 г. три критерия: социальная самоидентификация, материальная обеспеченность и статус профессионала, который дает специальное образование (высшее и среднее), показали свою достаточность для определения границ и численности среднего класса в России. Анализ трех массивов мониторинга (1998, 2002 и 2006 гг.) выявил, что его рост, сначала небольшой, был ускорен на этапе экономического подъема и развития третичного сектора (услуг), распространения информационных технологий. По данным мониторинга, в России численность среднего класса составляла 9,4%, 14 и 22% в 1998, 2002 и 2006 гг. соответственно. При этом, социальные характеристики среднего класса отличают его от средних показателей по всему населению. Он значительно более молодой, чаще занят на частных предприятиях (более 50%), в том числе владеет своим собственным делом (6%), в его составе больше руководителей, занятость в экономике приближается к 100%.

Опробованную методику рекомендуется использовать и при анализе массивов данных при составлении социокультурных портретов регионов. Опишу технику этих расчетов. *Первый шаг.* Сделать подвыборку по переменной из вопроса 30 (3), т.е. создать три группы респондентов,

Под бедностью в широком смысле слова Л.Т. Волчкова и В.Н. Минина понимают такое состояние, при котором возникает несоответствие между достигнутым средним уровнем удовлетворения потребностей и возможностями их удовлетворения у отдельных социальных групп, слоев населения. Она характеризуется неразвитостью самих потребностей, стремлением удовлетворить материальные потребности и нужды в ущерб духовным и социальным нарушениям (разрывом) социальных связей. Это приводит к низкой материальной обеспеченности определенных групп людей, к изменению их системы ценностей, к формированию особого социального мира и своей культуры (субкультуры бедности), жизненного стиля, диссонирующего с общепринятым, утверждавшимся в обществе, что вызывает угрозу нормального функционирования последнего.

Диагностика проблемы бедности предполагает и исследования социального самочувствия населения, показывающие, как люди осознают данную проблему и как оценивают ее, есть ли у них ощущения тревоги, неудовлетворенности, беспокойства за будущее своей семьи, своих детей, готовы ли они самостоятельно выходить из сложившейся ситуации или рассчитывают на «внешнюю» помощь при сохранении собственной пассивной позиции, какие действия намерены предпринимать для улучшения своего положения. Эти данные позволяют социологам сделать вывод об остроте проблемы, о возможных действиях со стороны самого населения и необходимых действиях со стороны государства для ее разрешения (смягчения).

Анализ складывающихся стратегий исследования феномена и проблемы бедности социологическими методами имеет принципиальное значение для выработки адресной социальной политики и принятия управленческих решений в социальной сфере.

Таким образом, выделяя в сельском населении богатых и бедных, необходимо учитывать то обстоятельство, что распределение людей по среднему доходу не дает полной картины дифференциации, отнесения их к определенной социальной группе.

Для эмпирической верификации состояния адаптации сельского населения к рыночным условиям социологи используют их оценки проводимых реформ, уровня и условий жизни, материального положения, социального самочувствия, уверенности в будущем и т.д.

Среди сельского населения Чувашии число сторонников и противников рыночных реформ распределяется примерно поровну. В 2002 г., отвечая на вопрос «Дела в России в целом идут в правильном или неправильном направлении?», 22,4% выделили вариант «в правильном», 22,9% — «в неправильном», а 54,7% — затруднились ответить. В 2000 г. на вопрос «Аграрная реформа в России идет в правильном или неправильном направлении?» утвердительно (положительно) ответили всего 4,2% сельских респондентов, а 47,5% были против такой политики на селе. Однако в 2003 г. уже 8,8% опрошенных отметили правильность курса аграрных реформ, а неудовлетворенных, выбравших вариант ответа «в неправильном направлении», насчитывалось 39,4%.

Академик А.Д. Некипелов утверждает, что в стране примерно равное количество сторонников и противников рыночных реформ. В определенной степени такое положение дел объясняется вполне естественными (в сущности непреодолимыми) ценностными расхождениями. Людям, которые на первый план выдвигают ценность индивидуальной свободы, значительно легче примириться с распространением бедности, нередко сопровождающим реформы, нежели тем, кто отдает предпочтение принципам социальной солидарности и справедливости [18].

Эту картину дополняют выводы Н.Е. Тихоновой, базирующиеся на результатах социологического исследования 2007 г. Сегодня в российском обществе существуют как традиционалистски и патерналистски настроенная часть населения, так и те, где видение мира строится на идеях личной ответственности, инициативы, индивидуальной свободы, словом, представляет собой картину мира, характерную для эпохи модерна. Большинство возрастных когорт (и 55% населения в целом) сегодня убеждены, что уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством важнее, чем инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве. При этом 44%, то есть почти половина всех россиян, занимают в этом вопросе прямо противоположную позицию, считая, что инновационность и инициативность важнее следования традициям.

рование, а также беспокойство, неуверенность. Они названы «прочими» и составили подавляющее большинство всех опрошенных» [15].

В свою очередь В.В. Пациорковский рассматривает социально-экономические преобразования, происходящие в сельской местности страны в 1991—2006 гг., их влияние на перспективы развития России в фокусе перемен, связанных с национальным проектом «Развитие АПК».

Одной из центральных тем социологического изучения является формирование новой социальной структуры на селе, где идет углубление социальной дифференциации и расслоения сельского общества. По расчетам В.В. Пациорковского к 2010 г. в сельской местности сформируется следующая социальная структура: 1-я группа — верхний слой среднего класса составит примерно до 5%, 2-я — средний слой — 15%, 3-я — нижний слой — 40%, 4-я — переходные группы — 10%; 5-я группа — бедные слои — 30%.

Новая социальная структура сменит аморфное состояние 1997—2005 гг. Оно возникает в результате быстрых перемен, повлекших за собой глубокие изменения ролевых отношений и статусных различий в самом сельском обществе и в его отношениях с внешней средой. В результате перемен почти все последние годы в сельском сообществе существовало три основных доходных групп, а именно: возникший почти сразу верхний слой среднего класса (около 5%), переходные группы — 45% и бедные слои — 50%.

По мнению В.В. Пациорковского, в предстоящий период до 2015 г. снижение доли бедных зависит главным образом от правильно выстроенной социальной политики государства и системы социальной защиты населения. Связано это с тем, что к настоящему времени на селе уже сложился фундамент новой социальной дифференциации. Средний и нижний слои среднего класса уже устоялись и постепенно начинают заполнять свою социальную нишу. В то же время лимитирующие факторы укрепления этих слоев и ликвидации обширной бедности, а именно низкий уровень оплаты труда (минимальная заработная плата), пенсий (минимальная пенсия) и пособий (детские), слабо связаны с хозяйственной деятельностью населения. Сами пропорции, сложившиеся в соотношениях прожиточного минимума, минимальной заработной платы и минимальной пенсии, обрекают на бедность широкие слои населения [16].

При анализе социально-экономического расслоения сельского населения необходимо изучать феномен бедности, являющейся прямым следствием реформирования российского общества.

Естественно, возникает вопрос об определении социологического поля в исследовании бедности, междисциплинарного подхода. На наш взгляд, серьезным вкладом в социологическое исследование бедности является коллективный научный труд Л.Т. Волчковой и В.Н. Мининой, где анализируется теоретико-методологическая база изучения данного феномена [17]. Сегодня многие социологи критически оценивают возможности официальной статистики адекватно отражать состояние бедности. Это связано прежде всего с неэффективной организацией статистического учета доходов и расходов семей ввиду переживаемых трудностей переходного периода, что имеет следствием искажение реальной картины доходов населения и их дифференциации. Негативную оценку вызывает также официально принятый критерий бедности. Определение ее уровня и масштабов на основе прожиточного минимума, устанавливаемого политико-административным путем, не позволяет адекватно отразить феномен. Более того, существует практика использования данного критерия для политических манипуляций, что нередко служит удовлетворению скорее политических амбиций, чем реальных нужд населения.

Именно поэтому многие ученые считают, что наиболее предпочтительным для изучения феномена бедности является общественная экспертиза, базирующаяся на социологических методах получения информации. Вследствие этого сегодня получает все более широкое распространение практика эмпирических социологических исследований социально-экономического неравенства россиян.

В настоящее время социологические исследования, проводимые различными научными коллективами, аналитическими центрами, дают пеструю картину масштабов бедности в России. Причем оценки доли бедных в составе населения колеблются от 50 до 80%. Это объясняется тем, что разные социологические группы опираются на различную теоретико-методологическую базу.

которые относят себя к среднему слою в своем поселении, в регионе и в стране. *Второй шаг.* Из этих групп делаем выборку тех респондентов, кто имеет доход в соответствии с переменными вопроса 28 (4,5) (в основном хватает и почти на все хватает). *Третий шаг.* Из образованных трех групп делаем выборку тех, кто имеет образование не ниже среднего специального — вопрос 57 (4,5,6,7).

Следуя этим шагам, можно сформировать три группы, в которых респонденты идентифицируют себя со средним слоем (в трех вариантах), при этом они обеспеченные или зажиточные и имеют образование не ниже среднего специального. В российском мониторинге в соответствии с рассмотренными критериями образуется только одна группа, идентифицируемая как средний класс. Количественные оценки среднего класса в регионе, характеристика его демографических и социальных параметров, составляют необходимый сюжет социокультурного портрета региона, который, как лакмусовая бумажка способен показать наличие в нем социальной группы, мотивированной к успеху и которая может оказать влияние на развитие региона по пути модернизации и инноваций.

Еще один довод, который может подчеркнуть необходимость исследования среднего класса в регионах, заключается в следующем. Сейчас стало ясно, что успехи в формировании среднего и малого бизнеса в России более чем скромные. Между тем, самозанятые, предприниматели, работающие в семейном бизнесе — это важная составная часть среднего класса. По данным Европейского социального исследования, в котором Россия впервые участвовала в 2006 г., у нас только 5% населения может быть отнесено к владельцам собственного дела, остальные — это наемные работники на государственных или частных предприятиях [13]. Для сравнения, в странах Западной Европы почти 13% населения составляют предприниматели, самозанятые, работающие в семейном бизнесе, в России доля таких людей в населении меньше, чем в любой из стран не только Западной, но и Восточной Европы. Очевидно, здесь сказываются, с одной стороны, объективные условия для развития частного дела: противодействие бюрократического аппарата, коррупция, незащищенность бизнеса, несовершенство кредитной политики и т.д., а с другой стороны, неготовность самого населения рисковать, брать ответственность на себя.

В связи с затронутой проблемой, хотелось бы привлечь внимание к роли этой группы среднего класса в формировании гражданского общества в России в целом и в регионах в особенности. Она объединяет индивидов, которые должны стать субъектами в сфере свободной автономии, огражденной от незаконного посягательства официальных органов и чиновников разного уровня. Ей должна быть предоставлена свобода создавать в рыночном обществе материальные и интеллектуальные блага. Но сейчас в России обострилась опасность экспансионистских притязаний государства на сферу экономических отношений, поскольку не отрегулировано взаимодействие между государственными, общественными и собственно экономическими регуляторами поведения и деятельности людей, между официальными государственными и негосударственными институтами в сфере экономики. Неукорененность в российской действительности демократии, во многом имитационный характер либеральной модели, внедряемой в стране в 1990-е годы, неразвитость рынка рабочей силы и жилья заставляют говорить о суженных возможностях свободного поведения в экономической сфере в России сегодняшней.

Здесь проблема становления гражданского общества тесно коррелирует с проблемой выработки и реализации социальной политики государства: будет ли она ориентирована на помощь и патернализм по отношению к гражданам, или стимулировать их экономическую активность. Современный откат назад — к усилению государственного регулирования экономики, был спровоцирован эгоистическими устремлениями бизнес-элиты. В свою очередь, ужесточение контроля над крупным бизнесом со стороны центральной власти спровоцировало бюрократические злоупотребления в отношении среднего и малого бизнеса. Был дан как бы карт-бланш на незаконное регулирование действий частных предпринимателей. Власти на местах поторопились показать «кто в доме хозяин». При этом в обществе слаба, а порой и совсем не развита система «сдержек и противовесов» а сами институты гражданского общества,

регулирующие экономическую сферу, находятся в зачаточном состоянии, создаются под эгидой государства и работают под его контролем.

Формирующийся в России средний класс представляет собой активный и мотивированный социальный слой населения. Культивирование этого слоя, поддержка его дальнейшего развития, в том числе предпринимателей, должны составлять одну из целей общероссийской и региональной социальной политики.

Литература

1. Россия в глобализирующемся мире: стратегия конкурентоспособности. Отв. ред. Д.С. Львов, Д.Е. Сорокин. М.: Наука, 2005. С. 338.
2. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. М., ИФРАН, 2006. С. 170—217.
3. См.: Социологический портрет Тюменского региона. Тюмень, 2007. С. 30—44; *Козай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А.* Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008. С. 84—110; *Пивов В.М., Бирин В.Н., Швец Л.П., Ижикова Н.В.* Социокультурный портрет республики Карелия. По результатам социологического исследования. Петрозаводск, 2007. С. 39—61.
4. *Гиденс Э.* Устроение общества. Очерки теории структуризации. М.: Академический Проект, 2005. С. 20.
5. См.: *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и ценностно-адаптационные стратегии социальных групп // Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты. М.: Наука, 2005. С. 353—388; *Беляева Л.А.* Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования, 2005. № 12. С. 57—64.
6. (1) — нет, не имею; (2) — менее 5 человек; (3) — 5—10 человек; (4) — 11—50 человек; (5) 51—100 человек; (6) — более 100 человек.
7. Характеристики материального уровня жизни позволили распределить респондентов по следующим группам: (1) — «нищие»; (2) — бедные; (3) — необеспеченные; (4) — обеспеченные; (5) — зажиточные; (6) — богатые.
8. (1) незаконченное среднее, (2) среднее, (3) среднее специальное и незаконченное высшее и (4) высшее образование.
9. См.: *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и ценностно-адаптационные стратегии социальных групп // Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты. М.: Наука, 2005. С. 353—388; *Беляева Л.А.* Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и в регионах // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов. Материалы III Всероссийской конференции. 25—28 сентября 2007 г., г. Курск. Курск, 2007. С. 33—46.
10. Материальная дифференциация и социальная стратификация в России и в регионах // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 25—28 сентября 2007 г., г. Курск.
11. *Хахулина Л.* Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения, 1999. № 5. С. 34—40; *Аврамова Е.М.* Появился ли в России средний класс? // Средний класс в современном российском обществе. М., 1999. С. 21—30; Социальное расслоение и социальная мобильность. Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1999. С. 42—43; Средний класс в России: количественные и качественные оценки. Колл. авторов под рук. *Малеевой Т.М.* М., 2000. С. 84—86. Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии. Под ред. Т. Малеевой. М., 2003. С. 269; *Шкаратан О.И., Ильин В.И.* Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М., 2006. С. 199—200.
12. *Беляева Л.А.* И вновь о среднем классе России // Социологические исследования, 2007. № 5.
13. *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство. Сравнительный анализ // [www.cessi.ru /European social survey/Analytical report ESS/](http://www.cessi.ru/European%20social%20survey/Analytical%20report%20ESS/).

сбережений в течение двух-трех лет, 26% — способны купить холодильник или телевизор, 58% — удовлетворить текущие потребности в еде и одежде, не залезая в долги.

К средней страте отнесли себя: почти вся сельская интеллигенция (врачи, учителя, работники клубных учреждений), 3/4 фермеров, 40,4% — работников сельхозпредприятий, 90,8% — руководителей и специалистов сельского хозяйства, 81,5% предпринимателей, а в целом — 38,6% занятого сельского населения.

Однако только 49,2% из них считают, что они живут в удовлетворительных условиях, при этом 62,7% сетовали, что хватает средств только для выживания, но они ограничены в средствах на досуг, образование, здравоохранение.

К нижней средней страте отнесли себя 19,4% опрошенных: преимущественно квалифицированные работники физического и умственного труда с низкой его оплатой, владельцы убыточных единоличных крестьянско-фермерских хозяйств. Их средние доходы составляют 0,5—0,7 прожиточного минимума.

Остальные отнесли себя к низшей страте или вообще не ответили на соответствующие вопросы, не желая, вероятно, самоунижаться. Им свойственна органическая неспособность адаптироваться к современным жестким социально-экономическим условиям [13].

Результаты аграрной реформы отразились на социальной структуре селян. Социально-экономическая дифференциация сельского населения часто рассматривается социологами в контексте формирования среднего класса. Можно согласиться с мнением П.А. Михеева, который считает, что в сельской структуре нет слишком богатых людей, средний класс может быть выделен лишь условно, основную позицию занимают массовые слои со значительным удельным весом сельского люмпен-пролетариата [14]. Материалы нашего исследования подтверждают правильность такой трактовки. На основе данных самоидентификации (2006 г.) сельское население Чувашии представляет следующую социальную структуру: высший слой — 0,5%; выше среднего — 2,8%; средний — 39,9%; ниже среднего — 35,3%; нижний слой — 10,8%; не определились — 8,5%; не ответили — 2,2% респондентов. Действительно, условно здесь можно отнести к среднему классу 42,7% — тех, кто в группе «средний» и несколько выше среднего. Однако срединное положение его обеспечивается слишком слабо — полпроцентным высшим слоем. Основную позицию занимают те, кто идет после среднего слоя. Это слой бедных: их 46,1%, а вместе с неопределившимися и не ответившими 57,3%. Согласно исследованию 2006 г., 69% опрошенных считали, что они живут плохо: у 24,8% респондентов денег не хватает на повседневные нужды; у 26% — на каждодневные затраты уходит вся зарплата, а у 18,2% — на повседневные расходы хватает, но покупка одежды затруднительна. Можно предположить, что при самоидентификации некоторые респонденты несколько завысили свой статус. В 2002 г. к бедным относили себя до 80% селян региона.

Тяжелый экономический, социально-психологический груз, легший на плечи селян в 1990-е годы, внес определенные шатания и неуверенность в будущем, в их сознание. Естественно, на наш взгляд, в этих условиях часть сельского населения растерялась, опустила на социальное дно, а трудолюбивые, инициативные, чувствующие ответственность за свою семью смогли выстоять.

Проведенные социологические исследования позволяют проследить соотношение индивидуальной системы жизненных ценностей и общезначимых норм жизни по различным возрастным, половым и социально-профессиональным группам сельских тружеников, выявлять мотивы их деятельности и систему их ценностных ориентаций. Вся гамма социально-экономических, психологических установок личности подразумевает выход исследователя на уровень изучения социального и социально-психологического механизма формирования осознанного отношения отдельного человека к своему бытию, к различным сферам своей жизнедеятельности.

Исследования Л.И. Руденко в Саратовской области выявили обеспокоенность селян проводимыми реформами, их социальными последствиями. «Аграрные реформы в агросистемах дифференцировали крестьян по отношению к себе на приспособившихся, приспособляющихся и не могущих приспособиться, что требует дифференцированной политики. Социологический анализ показал, что большая часть крестьян испытывает отсутствие интереса ко всему, разоча-

вы будете рассчитывать при решении насущных проблем?» 62% опрошенных работников физического труда ответили, что только на себя, 33% — на помощь родственников и друзей и лишь 3% — на руководителя местного сельскохозяйственного предприятия и государство [8].

Материалы социологического исследования, проведенного в 2006 г. Институтом социологии РАН, убедительно показывают, что потенциальные ожидания большинства россиян являются не столько следствием иждивенческих умонастроений, сколько их единственной надеждой на получение помощи при неспособности самостоятельно решить свои проблемы. Современное государство должно гарантировать социальные права граждан и защищать их от социальных рисков. Нельзя целиком переводить ответственность за благосостояние на плечи индивида [9].

Ученые убеждены в том, что на данном этапе существования России **только государство может обеспечить справедливое и общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики**. Для этого нужны: реализация закона о прожиточном минимуме, устраняющего массовое обнищание населения; недопущение отставания повышения размеров пенсий от темпов инфляции; резкое увеличение государственных ассигнований на нужды образования, науки, здравоохранения; государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств.

Для финансирования этих программ необходимо вернуться к прогрессивному налогообложению доходов, ввести ощутимый налог на обладающую повышенной рыночной стоимостью недвижимость, находящуюся в личном владении. Опыт развитых стран убедительно показывает, что отлаженная система налогообложения (с учетом ренты) может предоставить государству огромные ресурсы для развития экономики и реализации социальных программ [10].

Академик Т.И. Заславская считает, что требуется глубокое междисциплинарное осмысление посткоммунистических трансформационных процессов, творческое обновление науки. Фундаментальной научной задачей является описание российского общества как целостной социальной системы, преобразующейся прежде всего под влиянием внутренних движущих сил. Важнейшими характеристиками этой системы служит, во-первых, социальная структура, т.е. состав и отношения определяющих ее развитие групп, и, во-вторых, стратификация общества, или расположение названных групп на иерархической шкале социальных статусов.

Основными критериями статуса общественных групп, а соответственно и социальной стратификации общества, принято считать политический потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций; экономический потенциал, проявляющийся в масштабе собственности, доходов и в уровне жизни; социокультурный потенциал, отражающий уровень образования, квалификации и профессионализма работников, особенности образа и качества жизни, и, наконец, социальный престиж, являющийся концентрированным отражением названных выше признаков. Все эти критерии в известной степени связаны, но вместе с тем образуют относительно самостоятельные оси стратификационного пространства [11].

Сегодня представители различных общественных наук в социальной структуре обществ с развитой рыночной экономикой выделяют средний класс (слой) и подчеркивают его значение в роли социального «стабилизатора» общества. Так, В.Ф. Анурин, рассматривая количественно-качественные характеристики провинциального среднего класса России, считает, что среди представителей социологической науки нет единодушия по поводу границ среднего класса (слоя) и его численности. Однако и значительного расхождения мнений о качественных характеристиках также нет. Все вроде согласны с тем, что к среднему классу, или слою по социологическому смыслу этого понятия, относятся члены общества, которые располагаются в пирамиде социальной иерархии между низами и высшим классом [12].

Мониторинговые социологические обследования Института аграрной социологии в Центральном административном округе показали, что к высшей страте отнесло себя 1,1% занятого сельского населения — руководители районных администраций, крупных предприятий, районного центра и сельхозпредприятий, наиболее удачные предприниматели. Но из них только 64%, по их собственным оценкам, не испытывают недостатка в средствах, удовлетворены уровнем получаемых доходов.

К верхнему среднему слою отнесло себя 23,5% занятого сельского населения, при этом лишь 17% из них ответили, что они способны купить автомашину за счет собственных

Г.Ф. Ромашкина
(Тюмень)

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Тюменская область находится между Европейским и Азиатским суперрегионами страны, по обширности пространства и резко дифференцированной плотности населения, по богатству ресурсами и контрастам уровня жизни людей, по разнообразию культурных традиций и сложнопостроенности политических институтов регион во многом напоминает Россию в целом. Многие его черты имеют характер общероссийской модели и потому заслуживают особого внимания исследователей и федеральных элит. С севера на юг Тюменская область простирается на 2100 км, а с запада на восток максимальная протяженность достигает 1400 км.

Человек на территории современной Тюменской области появился несколько тысяч лет тому назад. Первобытные люди продвигались с юга на север и к началу I тысячелетия до н.э. достигли берегов Северного Ледовитого океана. В начале новой эры на территории края появились племена угров. Они расселились на значительном пространстве к востоку от Уральских гор, смешавшись с древним монголоидным населением. Некоторые племена угров носили название сапири или сиберы. Они и дали название обширному краю — Сибири. Из угорских племен позже и сформировались родственные народности — ханты (до 30-х годов XX в. именовались остяками) и манси (вогулы). Тюркские племена появились на территории края в XIII в., продвигаясь из Центральной Азии. Пришедшие сюда позже монголо-татары смешались с тюркскими племенами и к XV в. образовали новую народность — западно-сибирских татар.

Завоевание Русским государством Сибирского ханства началось в XVI в., и в нем решающую роль сыграл поход Ермака (1581—1582). После него завоевание Сибири пошло быстрыми темпами, и в 1601 г. завершилось основанием города Мангазея, на р. Таз, центра торговли сибирскими мехами, просуществовавшего до 1672 г.

Сибирь традиционно была местом ссылки, в том числе передовых людей России. До XX в. главной отраслью Тобольской губернии оставалось сельское хозяйство. Население сел составляло 94% жителей губернии.

Тюменская область (ТО) является субъектом Российской Федерации, а входящие в ее состав Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) и Ямало-Ненецкий автономный округ (Ямал) также являются равноправными субъектами России. В современных границах область существует с 1944 г. За время ее существования административно-территориальное устройство многократно изменялось. Тюменскую область часто называют тюменской «матрешкой», поскольку многие проблемы территории заложены в сложнопостроенности территории, неравномерности, а также разнонаправленности развития трех региональных субъектов.

Освоение и развитие Тюменской области получили мощный толчок с открытием запасов нефти и газа. В 1960 г. на ее территории насчитывалось 6 городов и 10 поселков городского типа, причем в северных округах имелось только два города — окружные центры Ханты-Мансийск и Салехард и пять поселков городского типа. В 1995 г. насчитывалось уже 26 городов (из них 21 — в районах крайнего Севера) и 43 поселка городского типа.

В настоящее время для области характерен *высокий уровень урбанизации*: на долю городского населения к началу 2008 г. приходится 79%, сельского — 21% (по России — соответственно 73% и 27%). Средний возраст жителей области — 34,3 года, тогда как в России — 38,5 лет. К 2008 г. в области насчитывается 29 городов. Среди городских поселений преобладают малые с численностью населения до 50 тыс. человек, в них проживает почти треть горожан.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

Среди сельских населенных пунктов большая часть приходится на деревни с населением от 50 до тысячи человек. Для Тюменской области характерна высокая контрастность в ее заселенности. Средняя плотность населения составляет 2,3 человека на кв. км, но на юге плотность составляет 8,2 чел./кв.км., а в Югре 2,8 и на Ямале 0,7 чел./кв.км. При этом плотность населения очень мало изменилась за последние двадцать лет, на юге снизилась, на севере — выросла, но не более, чем на 0,3%.

Основным фактором, определяющим динамику населения области и его состав, являются миграции. По данным социологических опросов, проведенных в Тюменской области еще в советское время, главная причина привлечения сюда людей — материальная заинтересованность, т.е. стремление получать высокую заработную плату. Однако этот фактор не способствовал закреплению жителей и формированию устойчивой территориальной общности. Для области всегда был характерен высокий уровень выбытия населения (обратной миграции) и низкий уровень региональной идентичности. За годы нефтегазового освоения во второй половине XX в. через Тюменскую область прошло почти 15 млн человек. За последние 15 лет через область прошли еще 2 млн человек. Наиболее тесные миграционные связи сложились с областями и республиками Западной Сибири, Урала, Северного Кавказа (и особенно с Азербайджаном), Поволжья, а также с Украиной.

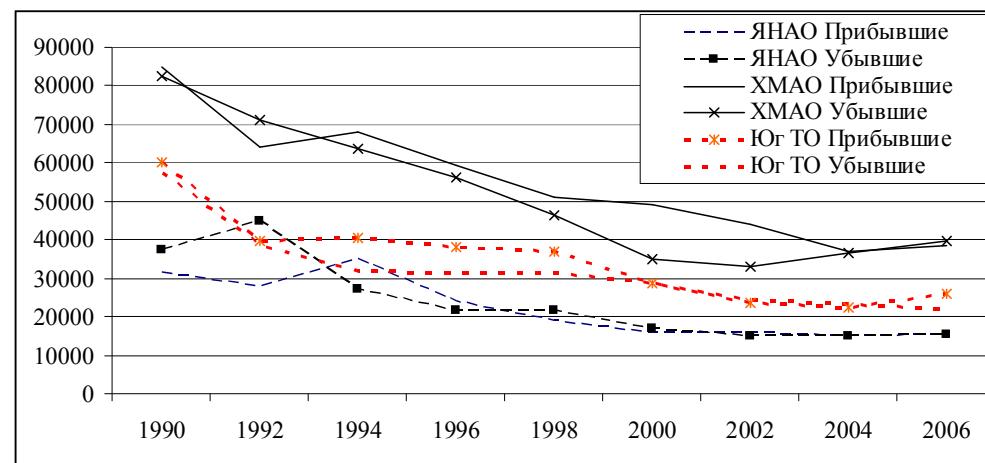

Рис. 1. Миграция населения в Тюменской области (чел.)

Основным источником сохранения численности населения в области остается миграция, как внешняя, так и внутренняя. Исключение составляет Югра, где за последние годы сложился положительный естественный прирост населения. Пики миграционного прироста населения приходились на 1990—1991 гг. и 1994 г. Общий миграционный поток постоянно снижался, за 16 лет снижение составило 49%. В основном приезжают в ЯНАО из стран СНГ — это так называемая трудовая миграция, и она носит скорее временный характер. Обратим внимание на небольшой рост миграции за последние годы на юге области — это также в основном трудовая миграция. На рис. 1 хорошо видно, что в 1992 г. наблюдалось превышение убытия по сравнению с прибытием населения. Во все остальные периоды сальдо миграции носит положительный характер, но абсолютное значение очень мало и продолжает снижаться.

Все это привело к тому, что к настоящему времени численность населения области стабилизировалась, и растет в основном за счет естественного роста численности населения Югры, которая с 1996 г. превысила по численности население юга области, и рост численности которой продолжается примерно на 1% в год.

Заселенность Тюменской области возрастает с юга на север. Причем более плотно заселены полосы вокруг железнодорожных магистралей, речных транспортных артерий. За период нефтегазового освоения произошло существенное перераспределение населения между севером

ИСПИ РАН (N = 772); в 2002 г. «Чувашское село Приволжского федерального округа в XXI веке» (N = 185); в 2003 г. «Сельская Чувашия в условиях рынка» (N = 465); в 2005 г. «Оптимизация здорового образа жизни сельского населения Чувашской Республики» (N = 309); в 2006 г. «Социокультурный портрет Чувашской Республики» совместно с Институтом философии РАН (N = 998).

Чувашская Республика имеет некоторые демографические, социально-экономические особенности: сельское население составляет 42,7% от общей численности (1286 тыс. человек); по среднемесячной номинальной заработной плате работников организаций занимает 74 место, а по среднедушевым денежным доходам — 78 место в стране [6].

В настоящее время в России идет активный процесс становления гражданского и политического общества буржуазного типа. Капитализация национального производства — экономическая основа этого процесса. В социальной структуре и социальном составе населения происходят как количественные, так и качественные изменения. Они связаны прежде всего со структурной перестройкой экономики, снижением числа занятых в одних отраслях и увеличением численности работающих в других (увеличение в сфере услуг), появлением массовой безработицы, а также изменением отношений собственности (сокращением доли занятых в государственном секторе экономики и в кооперированном сельскохозяйственном производстве, при росте числа занятых в частном секторе, — акционеров-рантье, владельцев мелких, средних и крупных частных предприятий).

Мы солидарны с мнением известного специалиста по социальной структуре член-корреспондента РАН М.Н. Руткевича, анализирующего суть основного противоречия российского общества — противоречия между господствующим классом и людьми наемного труда, дает генезис классов, социальных групп и слоев. «Все классы, социальные группы и слои современного российского общества появились в процессе **скоротечной трансформации** раннего социализма, обладавшего в СССР весьма специфическими чертами, обусловленными прежде всего мобилизационным характером экономики, в разновидность периферийного капитализма. Это трансформация особого рода, поскольку сопряжена не с переходом к более высокой ступени общественного развития, а с **реставрацией капитализма**, не с **прогрессом** производства и благосостояния народа, а с **обвалом** того и другого. Вследствие скоротечности (одно десятилетие) этого процесса, обусловленного в экономике «шоковой терапией», ваучерной приватизацией, залоговыми аукционами, на которых госимущество распродавалось за бесценок, финансовыми «пирамидами» и т.д., а в политике — расстрелом парламента и фальсификацией народного волеизъявления при принятии новой («ельцинской») Конституции 1993 г., он еще весьма далек от завершения. Тем не менее, класс бизнес-бюрократии в основном уже сложился из двух источников: номенклатуры советского периода, «сменившей» «Капитал» на «капитал», но при этом сохранившей командные посты в государственном аппарате, и дельцов теневой экономики, превратившихся при Горбачеве в «кооператоров», а затем при Ельцине — в банкиров и владельцев предприятий, руководителей корпораций и коммерческих фирм. Сформировалась в основном также совокупность промежуточных слоев, которую именуют чаще «средним классом», что представляется весьма условным, поскольку при зачислении в него учитывается, как правило, только уровень дохода» [7].

В системе ценностных ориентаций общественных групп и слоев происходят коренные изменения, являющиеся и частью производной от вышеназванных процессов. Темп и характер изменений политической и экономической системы, социальной структуры и массового сознания во многом зависят от экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических условий.

Автор согласен с характеристикой П.П. Великого состояния современного российского села через 15 лет с начала аграрной реформы в стране, когда жизнь большинства сел и деревень до сих пор не перешла из стадии распада и застоя в стадию созидания. Состояние системы, длительное время функционирующей без наступления позитивных результатов, ученый определяет как кризис созидания.

В сложных условиях состояния отечественного села крестьяне надеются в основном на потенциал самопомощи. В 2005 г. в Саратовской области на вопрос «На кого в первую очередь

И.Е. Ильин
(Чебоксары)

РОССИЙСКОЕ СЕЛО: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Трансформационные процессы, происходящие в современной России, ее регионах, повлекли за собой глубокую социально-экономическую дифференциацию сельского населения, которая в свою очередь непосредственным образом отразилась в массовом сознании. Сознание россиян характеризуется совмещением общечеловеческих, традиционных и современных ценностей, повышением их взаимной толерантности. В этом отражаются своеобразие менталитета граждан России, их евразийское геополитическое положение, исторические особенности социокультурной эволюции. Эти особенности по-разному проявляются в различных регионах страны, в различных территориально-культурных сообществах. Однако при всей дифференциации наблюдается существенное единство, общность структуры ценностного самосознания подавляющего большинства россиян, где бы они не проживали [1].

Проблемы, связанные с изучением социального неравенства, социальной структуры современного российского общества, динамикой ее развития, являются одними из ключевых в отечественной социологии и требуют использования репрезентативного эмпирического материала, серьезного теоретико-методологического подхода. Все это обусловлено изменившимися объективными и субъективными факторами, из которых наиболее существенное объективное обстоятельство — переходное состояние российского общества (причем впервые в истории человечества вектором этой трансформации является переход от социалистического общества к обществу капиталистическому). Под переходным обществом понимается такое состояние социума, при котором достаточно радикально изменяются его основные задачи и функции, что влечет в свою очередь качественное изменение социальных институтов на основе трансформирующейся иерархии социальных ценностей [2].

Представители разных научных и идеологических направлений разрабатывают вопросы социально-экономической дифференциации, материального неравенства, социальной структуры, издана огромная социологическая литература, в одной статье невозможно даже перечислить все написанное. Характерной особенностью большинства публикаций является недоучет, а в целом, на наш взгляд, определенное игнорирование сельского среза социологических исследований названных проблем [3].

Социально-экономические преобразования на селе, изменения в социальной структуре населения в масштабе страны [4] и отдельных регионов [5] стали предметом социологического анализа ученых-аграрников.

Автор статьи задался целью на основе сравнительного анализа социологических и статистических данных проследить динамику социально-экономической дифференциации сельского населения Чувашской Республики за пятнадцатилетний период реформ, показать изменения в структуре ценностей и социальном самочувствии селян.

Эмпирическую базу составили материалы социологических исследований, проведенных в 1991—2006 гг. отделом социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) в рамках программ: «Возрождение российского села», «Социальное развитие села». В числе наиболее значимых: исследование в 1991 г. «Российская деревня в рыночных условиях (региональный аспект)» совместно с Институтом социально-политических исследований (ИСПИ) РАН (N = 2200); в 1997 г. «Село Чувашии в условиях рынка и политические процессы» (N = 648); в 2000 г. «Аграрная реформа в Чувашии в конце XX века» совместно с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208а/В.

и югом области, а количество и численность городов, резко выросшее до 1980 г., к настоящему времени стабилизировалось.

Наряду с возникновением новых городов и расширением их географии в Тюменской области произошло образование групповых форм расселения — локальных систем, включающих несколько близкорасположенных городских поселений с тесными трудовыми, культурными и экономическими связями между ними. Такие локальные системы сложились вокруг Тюмени, Тобольска, Сургута, Нижневартовска, Нового Уренгоя, Салехарда. Вместе с тем развитых агломераций, таких, как в европейской части России, в Тюменской области нет.

Узкоспециализированный характер развития ряда городов в районах нефтегазодобычи поставил проблему их перспективного развития. В конце прошлого столетия власти двух северных округов, планируя развитие на ближайшие десятилетия, выбрали принципиально различные стратегии развития. В ХМАО-Югре была выбрана стратегия закрепления населения на территории округа, построение небольших комфортных городов и дальнейшее развитие территории в сторону большей освоенности. На Ямале, учитывая условия крайнего севера, трудности менее освоенной и комфортной для проживания территории, была выбрана стратегия опоры на вахтовый метод работы, стремление не закреплять людей на территории округа.

История заселения и специфика формирования области привели к тому, что жители всей области целостностью себя ощущают весьма слабо. Отношение людей к своему региону имеет ярко выраженную региональную специфику, как и ответы на более конкретные вопросы. Так на вопрос «*Какие чувства Вы испытываете к своему региону?*» в среднем 70% людей испытывает положительные чувства к региону (*я рад, что живу здесь, в целом я доволен, но многое не устраивает*), 11—19% испытывает отрицательные чувства (*мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать, хотел бы уехать в другой регион России*), и еще 3% хотели бы вообще уехать из России. При этом на юге области заметно выше доля тех, кто испытывает положительные чувства или безразличие, тогда как в северных округах резко возрастает доля испытывающих отрицательные чувства, и снижается доля безразличных.

Характер заселения и столь существенные различия в условиях жизни и освоенности территорий привели к тому, что структура населения в трех территориях области существенно различна. Так, на Ямале менее всего представлено старожильческое население, больше мигрантов, существенно выше доля тех, кто испытывает к региону отрицательные чувства.

Коэффициент общей демографической нагрузки в области снизился за последние 15 лет на 30%, продолжительность жизни в период с 1993 по 1996 г. снизилась на 3 года (минимум — 64 года по всей области) и далее постепенно возросла до 66,8 лет. Ожидаемая продолжительность жизни населения в итоге снизилась за 13 лет на 0,4 года, что особенно заметно на фоне роста продолжительности жизни во всем мире за счет прогресса в медицине.

За последнюю четверть XX в. Тюменская область превратилась в один из наиболее развитых индустриальных регионов России. Резкое повышение цен на углеводороды в начале XXI в. привело к тому, что область превратилась в один из основных регионов-доноров России, лидирующих среди субъектов РФ по объему промышленного производства и валового продукта.

Тюменская область занимает 8,6% всей России, концентрируя 2,3% населения страны, при этом регион обеспечивает 11,9% всех российских инвестиций в основной капитал. Основная часть доходов и инвестиций приходится на ресурсно обеспеченную Югру. Не менее богатый полезными ископаемыми, но обладающий гораздо более суровыми природными условиями Ямал немного отстает в своем развитии. Юг области традиционно считался сельскохозяйственным, но приток инвестиций, обеспеченный в основном благодаря успешному сотрудничеству трех губернаторов, приблизил некоторые показатели юга области к северным округам, а по развитию инфраструктуры юг области опережает Ямал.

Область располагает заметными в мировом масштабе ресурсами углеводородного сырья, в ее недрах сосредоточена основная часть разведанных запасов нефти и газа России. Все это определяет роль Тюменской области как региона-донора.

Экономический потенциал Тюменской области подтверждается абсолютной величиной вклада в формирование валового внутреннего продукта Российской Федерации. По объему валового регионального продукта в расчете на душу населения область не имеет себе равных в России. *Среднемесячная номинальная заработная плата* в регионе стабильно высока и по этому показателю область занимает 2-е место в России. Однако анализ динамики абсолютных и относительных доходов населения показал тенденцию дальнейшего снижения относительных показателей уровня жизни на юге области (кроме Тюмени) и рост этих показателей в Югре. ЯНАО характеризуется огромными разрывами по уровню доходов между городами и районами на уровне поселений.

Коэффициент фондов, характеризующий степень дифференциации доходов населения превысил уровень 2005 г. на 0,6 процентных пунктов и равнялся 21,4 раза. Индекс Джини (индекс концентрации доходов) также повысился к 2007 г., с 0,451 до 0,455. Денежные доходы ниже величины прожиточного минимума имели 382 тыс. человек или 11,5% от общей численности населения (в 2005 г. — 12,1% населения). Темпы роста расходов населения в области несколько отставали от среднероссийских и с 2004 по 2006 гг. область перешла со второй на пятую позицию в стране.

При этом заметно, что за прошедшее десятилетие различия между тремя территориальными региональными субъектами в отношении неравенства доходов населения уменьшились. То есть во всех трех регионах области сегодня достигнуто примерно одинаковое значение коэффициента, отражающего неравенство доходов населения в региональном аспекте. Анализ динамики коэффициента Джини также приводит к выводу о «выравнивании» трех субъектов РФ. Термин «выравнивание» мы поместили в кавычки, так как речь идет о «выравнивании неравенства», пространство региона осваивается все более неравномерно. Неравенство в локальном масштабе только закрепляется, тогда как межрегиональные различия сглаживаются.

Одной из актуальных проблем в области является *качество потребления*. Так по потреблению мяса и мясопродуктов на душу населения область с 2004 по 2006 г. переместилась с 70 места на 69. По молоку и молочным продуктам остается на 72 месте в России. Наличие в области стабильно работающих птицефабрик обусловило относительно высокую доступность яиц и мяса птицы. Немного улучшается в области ситуация со снабжением населения овощами, и за три года область переместилась с 71 позиции на 60 в общероссийском рейтинге.

В среднем на одного жителя области на конец года приходилось 19,0 кв. метров жилья (по России — 21,1 кв. метров). В рейтинге регионов России по данному показателю область в 2004—2007 гг. находилась на 74 месте.

Проблема *обеспеченности населения жильем* актуальна для области, и региональные власти много делают в этом направлении. В течение 2006 г. снесено по ветхости и аварийности жилых зданий площадью 116,6 тыс. кв. метров (на 14,7% меньше, чем в 2005 г.), это 3% площади ветхого и аварийного жилищного фонда области. Площадь ветхого и аварийного жилищного фонда в 2006 г. увеличилась (относительно 2005 г.) с 3,6 млн кв. метров до 3,8 млн (на 5,4%). Его удельный вес во всем жилищном фонде вырос соответственно с 5,9% до 6,0%.

Высокий уровень экономического развития, доходов и расходов не обеспечил региону столь же высокие показатели в качестве жизни населения. Так, по обеспеченности населения больничными койками регион с 2004 по 2006 г. поднялся с 16-го на 8-е место, но по обеспеченности медицинским персоналом имеет едва ли не самые худшие показатели в России. В регионе недостаточна обеспеченность жилищами, невысоко качество питания, слабо развита промышленная и общеэкономическая инфраструктура (см. табл. 1).

Рост валового регионального продукта на душу населения жестко связан с ростом стоимости углеводородного сырья, что не может не вызывать определенного беспокойства населения и некоторой неуверенности в будущем, характерного в первую очередь для жителей северных округов области, и противоречащей положительной динамике уровня жизни в регионе. Так, на юге области только 35% населения отвечают, что они полностью или частично уверены в будущем, тогда как в северных округах.

величине миграционного сальдо, отмеченные в начале 2000-х годов неслучайны. Согласно статистическим данным в группе сельско-городских миграций преобладают возвратные (из города в село 2316 человек), далее следуют миграции в связи с учебой и работой (село—город), которые даже в сумме — 1801 и 423 человек — не перекрывают абсолютных значений возвратных миграций. Факт относительно высокой численности возвратных миграций, на наш взгляд, объясняется положительным действием инвестиционных проектов на селе. Активная социальная политика, направленная на сохранение села, в том числе строительство жилья, дорог, завершение газификации, а также национальные проекты в образовании и здравоохранении на селе стимулируют приток людей. Зная о перспективах получения благоустроенного жилья и прочих социальных благах, квалифицированная молодежь, получившая высшее образование в городе, постепенно возвращается в сельскую местность.

Выводы

1. На рубеже XX—XXI веков наблюдается трансформация миграционных процессов, что связано с их видовой и территориальной дифференциацией. Действием трансформационных процессов объясняется, во-первых, несоответствие некоторых законов Е. Равенштейна, а во-вторых, несоответствие размеров реальных миграционных потоков данным органов статистики.

2. Дифференциация и поляризация миграционных процессов требует усилий не только со стороны управленческих структур. Вопросы управления миграционными процессами находятся в ведении Федеральной миграционной службы и ее региональных представительств. Однако реальная ситуация такова, что сфера влияния миграционных процессов гораздо шире и распространяется на экономические, социальные, демографические и правовые аспекты регионального развития.

3. Наибольшее значение в современных миграционных процессах приобретает трудовая миграция. Специфика Чувашской Республики определяется доминированием межрегиональных выездных трудовых миграций. К сожалению, в настоящее время в республиканском представительстве ФМС налажены регистрация и учет лишь внешних (из-за пределов РФ) трудовых миграций. В то же время вне поля зрения осталась самая массовая межрегиональная выездная трудовая миграция.

Литература

1. Ивахнюк И.В. Международная трудовая миграция. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2005.
2. Миграция населения Чувашской Республики в 2005 году: Стат. Сб. / Чувашстат, Чебоксары, 2006.
3. Трифонова З.А. Миграционная ситуация в Чувашской Республике / Миграционная ситуация и миграционная политика в современном мире / Материалы международной школы-семинара: Миграция: теория, методы и практика регулирования миграционных процессов. Смоленск: 2003. С. 211—219.
4. Трифонова З.А., Блинова Е.Ю. Трудовая миграция в районах Чувашии: структура, масштабы, направления. Особенности // География и регион: актуальные вопросы исследований: матер. межрегион. научн.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2005. С. 368—374.

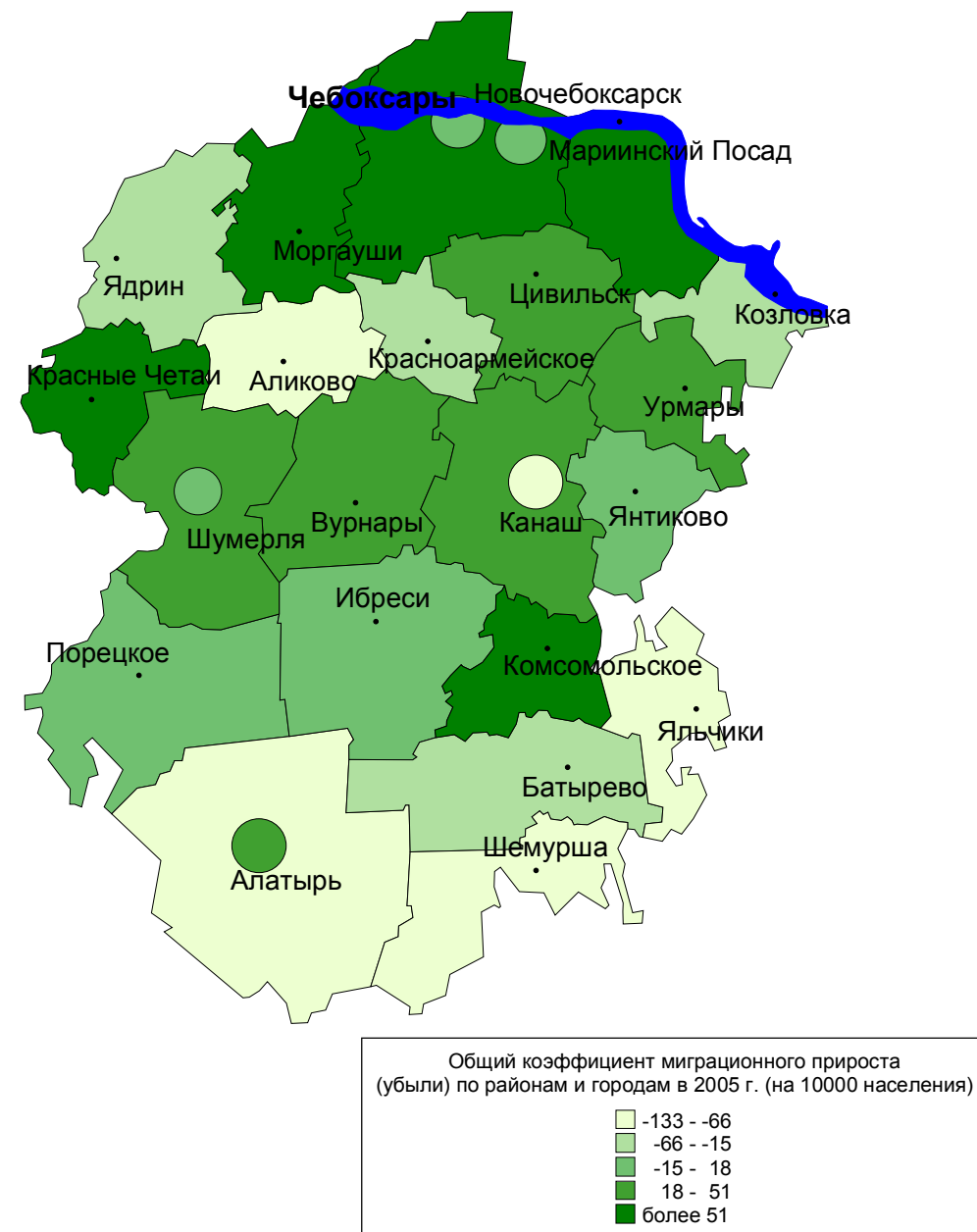

Рис. 4. Миграционный прирост населения в Чувашской Республике в 2005 г.

Выделяется два пояса со стабильной величиной миграционной убыли населения. Первый представлен южными районами, которые отличаются самыми высокими значениями миграционной убыли в республике, за исключением г. Алатыря. Второй пояс составляют районы, входящие в зону влияния чебоксарской агломерации, откуда происходит «вымывание населения» в столицу республики (Аликовский, Красноармейский районы). В эту же группу можно отнести Козловский район. Миграционная убыль в Козловском районе обусловлена пограничным положением района между двумя городскими агломерациями — Чебоксарской и Казанской, что способствует «вымыванию» населения.

Необходимо отметить еще один важный факт — в ряде сельских районов величина миграционного прироста выше в сельской местности, чем в городах. В центральных районах республики наблюдается миграционная убыль в городах (Шумерля, Канаш) и повышенные значения миграционного прироста в соответствующих районах. Сельско-городские различия в

Таблица 1

Рейтинг Тюменской области в Российской Федерации по отдельным социально-экономическим показателям [6]

Показатели	2004 г.	2006 г.
Валовый региональный продукт на душу населения, тыс. руб.	1	1
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.	2	2
Территория, тыс. км ²	3	3
Оборот розничной торговли на душу населения, руб.	5	4
Среднедушевые расходы населения, руб. в месяц	2	5
Инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.	5	5
Число зарегистрированных преступлений на 10000 населения, единиц	6	5
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	3	6
Наличие легковых автомобилей в собственности граждан на 10000 населения, штук	7	8
Число больничных коек на 10000 населения, единиц	16	8
Естественный прирост, убыль (-) на 10000 населения	6	10
Ввод в действие общей площади жилых домов на 10000 населения, м ²	8	10
Объем платных услуг на душу населения, руб.	9	11
Численность населения, тыс. человек	11	11
Численность студентов государственных высших учебных заведений на 10000 населения, человек	13	13
Миграционный прирост, убыль (-) на 10000 населения	14	13
Средний размер назначенных месячных пенсий, руб.	43	14
Численность врачей на 10000 населения, человек	45	50
Численность студентов государственных средних специальных учебных заведений на 10000 населения, человек	47	59
Численность среднего медицинского персонала на 10000 населения, человек	60	63
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, тыс. человек	42	73
Потребление продуктов питания на душу населения в год, кг		
- хлебные продукты, мука, крупа, бобовые	32	32
- яйца, штук	38	36
- мясо и мясные продукты	70	69
- овощи и продовольственные бахчевые культуры	71	60
- молоко и молочная продукция	72	72
Площадь жилищ, приходящая в среднем на одного жителя, м ² общей площади	74	74

Рассмотрим, какова социальная стратификация в Тюменской области. Для этого был проведен кластерный анализ методом К-средних. Критериями выделения послужили ответы на следующие вопросы «*Имеете ли Вы на основной работе подчиненных?*», «*Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня — Ваше, Вашей семьи?*», и образование респондента.

Исследования показали, что население области достаточно устойчиво подразделяется на пять социальных слоев (кластеров), мы назвали их «высокостатусные», «руководители», «эксперты», «реалисты» и «новые бедные» (табл. 2).

Для анализа применялись различные методы, и все они выделяли пять социальных слоев. Результаты, как это обычно и бывает в кластерном анализе, зависят от способа разбиения и метода вычисления расстояний, но в целом разбиение оказалось достаточно устойчивым.

Таблица 2

Центры кластеров-социальных слоев. 2006 г. Тюмень

	Кластеры				
	5	4	3	2	1
	Высокостатусные	Руководители	Эксперты	Реалисты	Новые бедные
	Объем (%)				
	11%	5%	34%	25%	25%
Центры	4	4	1	1	1
Власть	11–50 чел.	11–50 чел.	нет	нет	нет
Центры	5	4	4	4	2
Доход	Зажиточные	Обеспеченные	Обеспеченные	Обеспеченные	Бедные
Центры	7	5	7	4	6
Образование	Высшее	Среднее специальное	Высшее	Начальное специальное	Незаконченное высшее

Итак, социальная стратификация в Тюменской области по трем выделенным критериям графически выглядит следующим образом. Достаточно широкие три нижних слоя, очень узкий слой руководителей, и немного более широкий слой «высокостатусных» респондентов. Причем наиболее широк слой «экспертов», включающий респондентов, оценивающих себя обычно как выше среднего и средние слои (рис. 2).

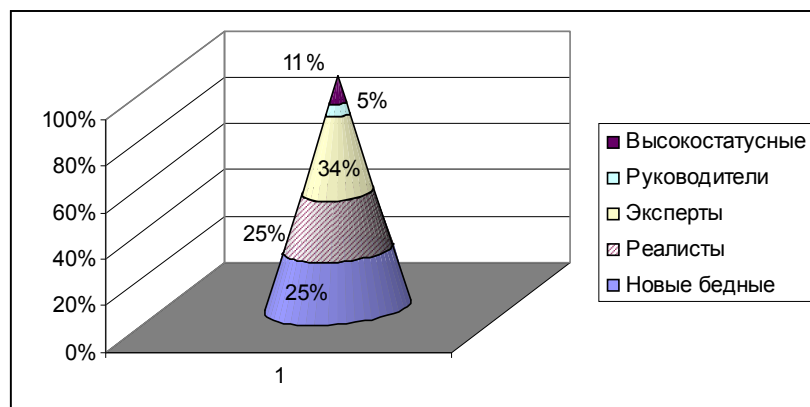

Рис. 2. Социальная стратификация Тюменской области, 2006 г. (в %)

Рассмотрим, как формировались социальные слои в Тюменской области. Два верхних слоя содержат только тех, кто имеет не менее 5 подчиненных.

Верхний кластер (номер 5) количественно небольшой — 12%, но в его центре признаки обладания властными ресурсами (с числом подчиненных 11–50 человек), и символическим капиталом в виде высшего образования. Верхний слой на 70% состоит из мужчин, а их возраст ниже 45 лет. Для этого кластера характерен и довольно высокий уровень дохода, позволяющий входить в группу зажиточных. Можно назвать этот слой «высокостатусный», констатируя, что это группа крупных руководителей.

Четвертый кластер (номер 4) — самый маленький по наполняемости — 5%, представлен в своем центре такими признаками, которые говорят о социально довольно сильных позициях входящих в него людей, поскольку они располагают средним специальным образованием и уровнем дохода, по которому их можно причислить к обеспеченным. У этого слоя есть властный ресурс (5–10 человек подчиненных), но уровень образования ниже, очевидно, сказывается

как во внешней, так и во внутренней. Во внутренней миграции массовой является учебная миграция, а во внешней — трудовая. В профессиональной структуре среди прибывших и выбывших мигрантов преобладают студенты и учащиеся (31,3% и 31,1% соответственно), второе место занимают неработающие лица (28,3% и 26,3% соответственно), на третьем месте оказались работники здравоохранения, причем доля выехавших (9,9%) в этой отрасли выше въехавших (9,4%) [2].

Внутрирегиональная миграция в пределах республики динамична и претерпела существенные изменения за последние годы. Усилилась дифференциация районов по величине миграционного сальдо, если в 1990-х годах разница между районами по значению миграционного сальдо не превышала 1,3 на 10000 жителей, то в 2005 г. она составила 23,43 (рис. 3, 4). Увеличилась величина миграционной убыли, а также количество районов с характерной для них миграционной убылью населения. На фоне усиливающейся дифференциации районов по величине миграционного сальдо наблюдается территориальная поляризация республики.

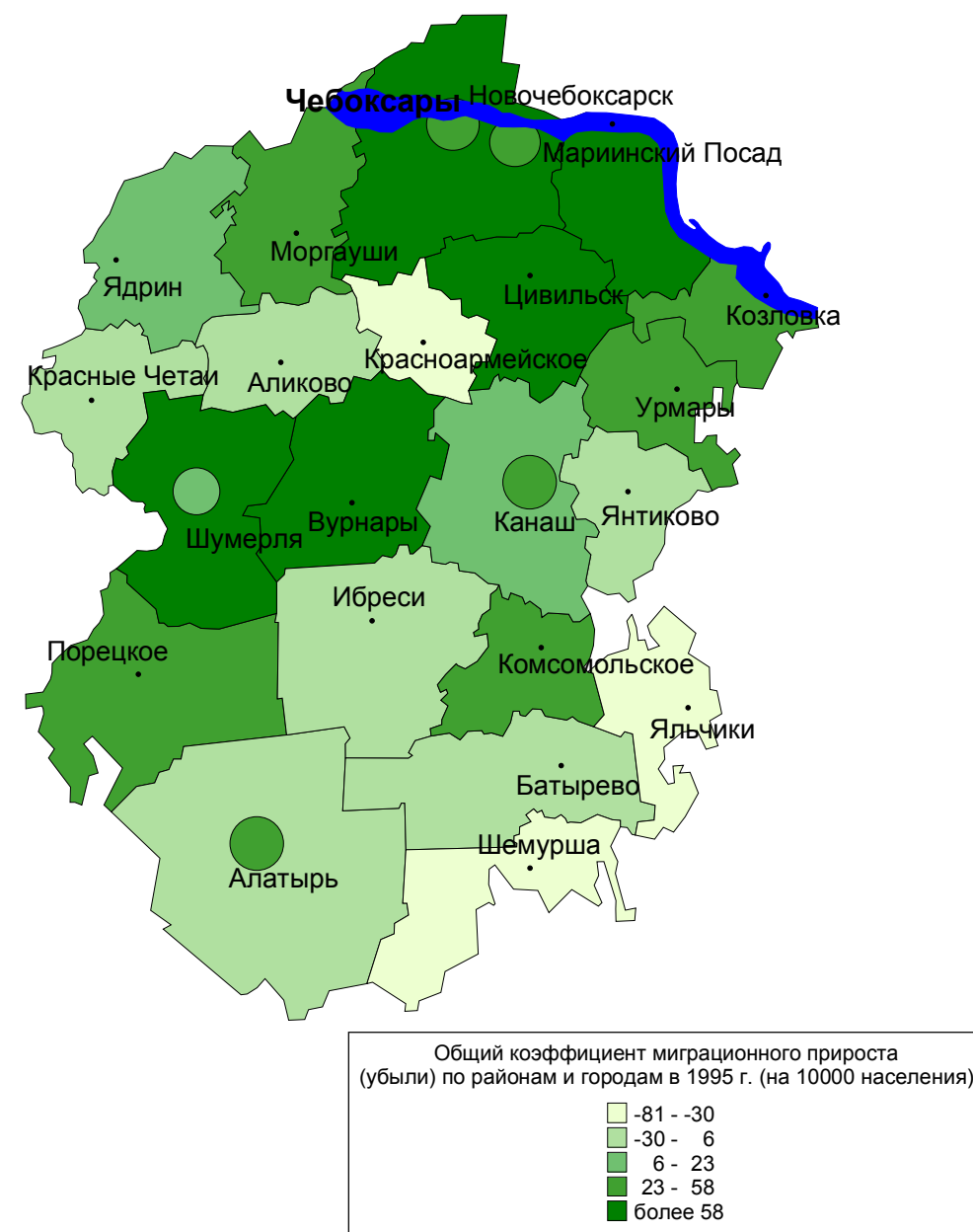

Рис. 3. Миграционный прирост населения в Чувашской Республике в 1995 г.

республиканских городов, не утратившие связи с малой родиной и вынужденные заняться натуральным хозяйством, но и мигранты из других регионов страны и стран СНГ.

Снижение миграционного оборота отразилось на динамике внутрирегиональных и межрегиональных передвижений, которая с 1995 по 2005 годы имела тренд снижения. Несколько больше уменьшение наблюдалось в межрегиональных миграциях, за 10 лет данный показатель сократился на 10,3 тыс. человек, во внутрирегиональных миграциях величина уменьшилась на 7,1 тыс. человек (рис. 2).

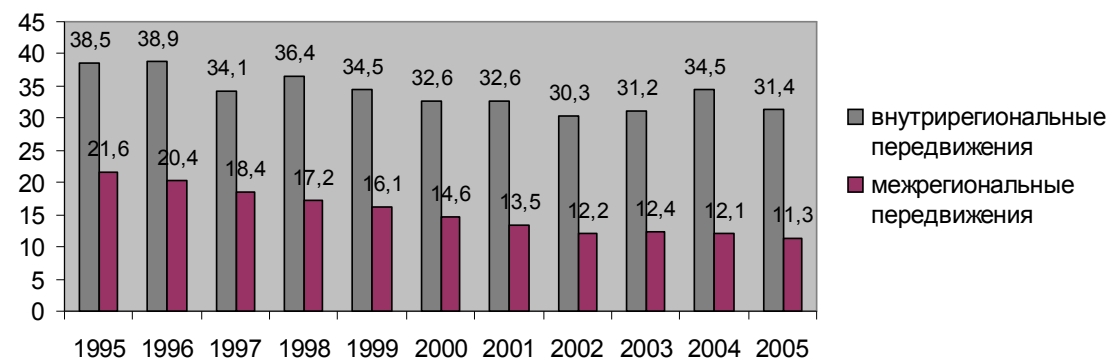

Рис. 2. Динамика внутрирегиональных и межрегиональных миграций, тыс. чел. (составлено по [2])

Интенсивностью миграционных связей выделяется Приволжский федеральный округ, его доля в миграционном обороте с 1993 по 2005 гг. увеличилась с 46,5% до 49%. В соответствии с законами миграционной подвижности населения, сформулированными Е.Г. Равенштейном, наибольшей величиной миграционного оборота выделяются непосредственные соседи — Республика Татарстан, Нижегородская и Ульяновская области, суммарно на них приходилось в 2005 г. 30,7%. Обратим внимание на рост миграционного оборота с Республикой Татарстан, в связи с тем, что в миграционном обмене преобладают выезжающие из Чувашии. Миграционная убыль наблюдается и в обмене с Нижегородской областью, в то же время с Ульяновской областью сохраняется положительный миграционный прирост. Сопоставление динамики социально-экономических показателей на примере четырех субъектов, позволяет выделить главную экономическую причину миграционной подвижности населения, оно «выбирает ногами». Второе место в миграционном обороте приходится на регионы Центрального федерального округа. Доля ЦФО в миграционном обороте увеличилась 13,6% в 1993 г. до 14,3% в 2005 г. Если в начале 1990-х годов миграционный обмен с регионами этого округа был положительным для республики, в настоящее время он отрицателен. Естественно, основные миграционные потоки направлены в Москву и Московскую область, что также связано с более высоким уровнем жизни населения в центре и большими возможностями получения высокооплачиваемой работы и получения образования.

Как отмечалось ранее, в республике прослеживается этническая доминанта миграций. Этническая структура миграционного обмена республики с регионами России и зарубежными странами характеризуется постепенным уменьшением доли чувашей с 74,4% в 1990 г. до 64,7% в 2005 г. В возрастной структуре мигрантов преобладают лица трудоспособного возраста, их удельный вес изменялся с 77% в 1990 г. до 76,1% в 2005 г. За этот же период увеличилась доля лиц старше трудоспособного возраста с 6,7% до 9,5%, и снизилась доля лиц моложе трудоспособного возраста с 16,3% до 14,4%. Среди мигрантов доминируют женщины, их удельный вес составил 57,7% в 2005 г. Женская доминанта прослеживается как на коротких расстояниях, так и в миграциях за рубеж, что не соответствует закону Равенштейна, согласно которому женские миграции доминируют на коротких расстояниях, а мужские — на дальних.

Согласно данным Чувашстата в структуре миграционного оборота по причинам переезда выделяются следующие причины: личные, семейные причины, возврат к прежнему месту жительства, в связи с учебой, в связи с работой. Выше названные причины являются основными

на уровне дохода, который ниже, чем у первого слоя. Можно назвать этот слой «руководители».

Причем все респонденты, имеющие более 50 человек подчиненных, попадают в высокостатусные, а 5% руководителей — это те, кто имеет от 5 до 10 подчиненных. Таким образом, для выделения двух верхних слоев главным фактором стал властный ресурс. При этом наблюдается прямая зависимость — чем выше уровень социального капитала (властный ресурс, образование), тем выше социальный статус в верхних двух слоях. В двух верхних кластерах практически нет молодежи до 20 лет, пенсионеров. Причем средний возраст «высокостатусных» меньше, чем возраст «руководителей». В верхний кластер входят преимущественно образованные молодые люди от 25 до 44 лет. В слой «руководителей» входит больше людей среднего возраста — от 40 до 50 лет (см. рис. 3).

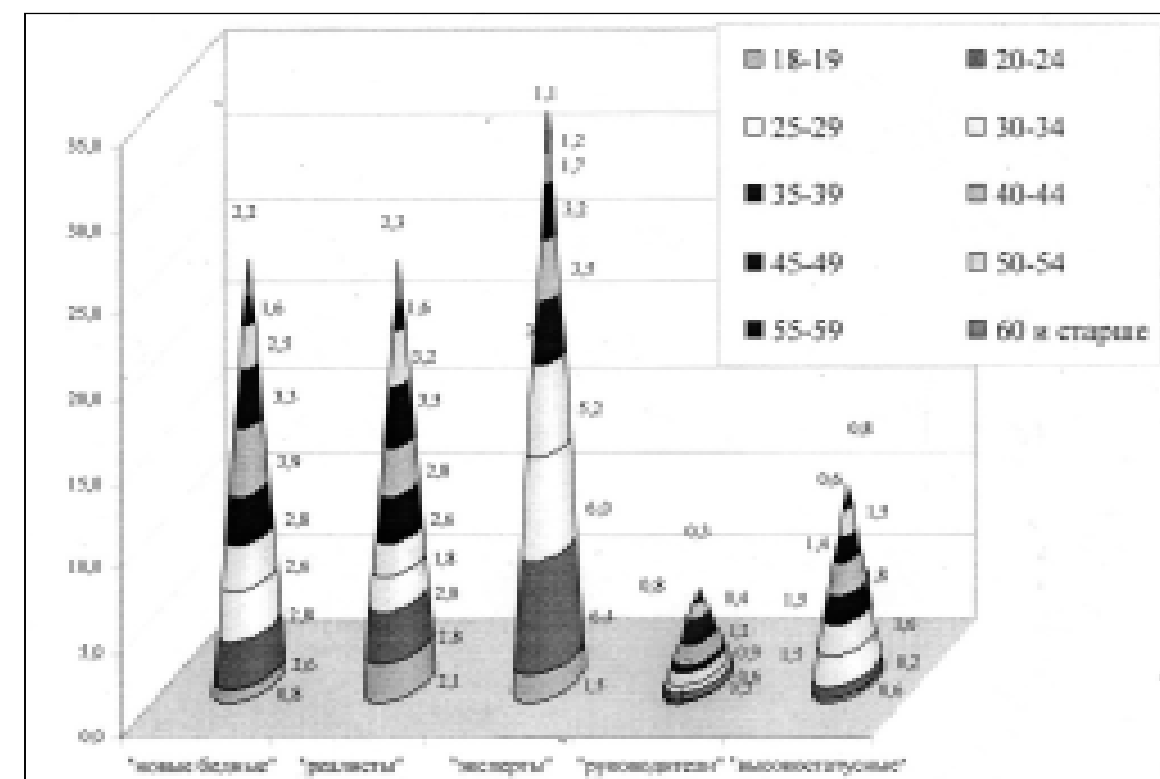

Рис. 3. Состав социальных слоев Тюменской области по возрасту

В трех нижних слоях наличие менее 5 подчиненных или отсутствие таковых решающего влияния на социальный статус не оказывает (табл. 2).

Третий кластер (номер 3), самый широкий, объединяющий 34% населения, близок ко второму. В его центре располагаются респонденты, у которых высокий уровень образования — высшее, но у них нет подчиненных, а доход высокий — «обеспеченные». Этот кластер можно отнести к «экспертам». Таким образом, слой экспертов выделяется по наличию высшего образования и дохода выше, чем обеспеченные. Третий кластер на 70% состоит из молодых людей от 20 до 40 лет. Мода по возрасту — 25-29 лет. Таким образом, слой экспертов состоит из достаточно молодых образованных людей, которые либо еще начинают делать карьеру, либо не считают это для себя важным.

Второй кластер (номер 2) — «реалистов», в его центре те, кто, не обладая достаточным социальным капиталом (нет подчиненных, образование начальное специальное), тем не менее смог достичь достаточного дохода (обеспеченные). Его наполняемость 25%. Слой реалистов — это, как правило, не слишком хорошо образованные, но имеющие устойчивый доход лиц,

обычно они относят себя к «обеспеченным». В этом слое нет людей с образованием выше среднего специального. Средний возраст «реалистов» гораздо выше, чем возраст «экспертов». Половина этого слоя имеет возраст от 35 до 55 лет. В этом социальном слое немного (на 3%) больше мужчин, чем женщин, но, если учесть, что в совокупности на 10% женщин больше чем мужчин, расхождения в шансах достигают 13%.

Первый кластер (номер 1) имеет в центре людей без властного ресурса, бедных, с незаконченным высшим образованием. Это группа плохо вписавшихся в рыночную экономику людей, но имеющих социальный ресурс в виде образования. Объем пятого кластера 25%. Можно назвать этот кластер «новые бедные», поскольку в социалистический период они находились на средней ступени социальной лестницы. Таким образом, нижний слой – новые бедные – в него попали все «нищие» и 10% из 13% «бедных». Отнесение к этим двум категориям является главным фактором формирования слоя «новых бедных». Мы назвали этот слой «новым бедным» потому, что по уровню социального капитала этот слой находится выше следующего, менее бедного. В этот слой попали более образованные люди, преимущественно работники бюджетной сферы. Примечательно, что возрастная структура этого социального слоя подобна генеральной совокупности. Можно сказать, что вне зависимости от возраста люди имеют равные шансы попасть в «новые бедные». Женщины имеют почти в два раза больше шансов попасть в эту группу, чем мужчины.

Таблица 3

Состав социальных слоев Тюменской области по стратифицирующим критериям (в %)

	Критерии	Социальные слои					Всего
		Новые бедные	Реалисты	Эксперты	Руководители	Высоко-статусные	
	№ кластера	1	2	3	4	5	
Власть	Нет, не имею	22	22	27			71
	Менее 5 человек	2	3	7			12
	5–10 человек	1			3	5	9
	11–50 человек				2	4	6
	51–100 человек					1	1
	Более 100 человек					1	1
	По всей выборке	25	25	34	5	11	100
Доход	нищие	8					8
	бедные	10	2				12
	необеспеченные	7	2	5	1	1	16
	обеспеченные	0	12	15	2	4	33
	зажиточные	0	8	12	2	5	26
	богатые	0	1	2		2	5
	По всей выборке	25	25	34	5	12	100
Образование	Без образования, начальное		1				1
	Незаконч. среднее		2				2
	Среднее общее	1	8		1		10
	Начальное спец.		1				1
	Среднее спец.	14	13		3		30
	Незаконч. высшее	4		7	1	1	13
	Высшее	6		25		8	39
	Послевузовское			2		2	4
По всей выборке	25	25	34	5	11	100	

Мы склонны связывать такое значительное снижение величины миграционного оборота с трансформацией миграционных процессов, с ростом и дифференциацией трудовой миграции, ставшей массовым видом, но к сожалению не фиксируемой органами статистики. Так, по результатам наших оценок в трудовую миграцию вовлечено как минимум 50 тыс. человек [4].

Период 1990-х годов отличался наибольшей экономической нестабильностью в стране. По-видимому, статистические данные о снижении миграционной активности лишь отчасти отражают реальную картину (невидимая, а точнее не учитываемая органами статистики трудовая миграция восполняет резкое снижение величины миграционного оборота). С другой стороны статистические данные свидетельствуют о снижении числа выезжавших из республики [2]. Стремясь смягчить собственное экономическое неблагополучие, в годы реформ население республики минимизировало перемещения и ограничило выезды за пределы республики. В итоге величина миграционного прироста оказалась высокой. В последующие годы реформ население, видимо, адаптировалось к новым социально-экономическим условиям, вновь увеличилось количество выезжающих, а показатель миграционного прироста снизился, более того, приобрел в начале 2000-х годов отрицательные значения.

Из числа въехавших мигрантов, осевших в республике в середине 1990-х гг., прослеживалась этническая доминанта. Во-первых, в кризисные годы в Чувашии отмечалось медленное стягивание титульного народа. В основном, это чувашаи, в прошлом выехавшие в северные и восточные регионы страны с экономическими целями или военные, по достижению пенсионного возраста. В связи с экономическим кризисом 1990-х годов они предпочли вернуться на малую родину. Во-вторых, именно в 1990-е годы появился такой вид мигрантов как вынужденные переселенцы – в основном русское и русскоязычное население, выезжавшее из стран СНГ. В целом за 1992–2006 гг. в республику из стран СНГ и Балтии прибыло 18724 переселенцев на постоянное место жительства. Максимальная численность беженцев и вынужденных переселенцев в Чувашии отмечалась в 1997 и составляла 3245 человек. Больше всего в те годы прибывало вынужденных переселенцев из стран Средней Азии – 38,5% (особенно из Таджикистана и Узбекистана), из государств Закавказья – 22,6% (особенно из Грузии). В дальнейшем их численность снижалась, в связи с обустройством вынужденных переселенцев в республике и снятием их с учета. По сравнению с 1997 г. их число сократилось приблизительно в 3 раза. Ежегодно с учета снимается около 200–300 человек. На 1 января 2004 г. численность вынужденных переселенцев составила 741 человек. Изменилась география прибывающих: возросло число вынужденных переселенцев из Казахстана, их доля составляет 58% от общего числа, из стран Средней Азии – 27,3%, из государств Закавказья – 19,3%. Средний состав семьи вынужденных переселенцев 2,5 человека. По сравнению со средне-республиканскими показателями среди них высока доля лиц трудоспособного возраста – 64%, понижена доля пожилых лиц – 11%, 50–52% вынужденных переселенцев имеют высшее или неполное высшее образование, что выше среднереспубликанского показателя.

В общей динамике изменений величины миграционного прироста наблюдаются сельско-городские различия (рис. 1). Динамика миграционного прироста городского населения сопоставима с общереспубликанской динамикой, однако в начале 1990-х годов эта величина резко сократилась. За три года (1990–1992) величина миграционного прироста сократилась на 9 тыс. человек (рис. 1). Основная причина снижения связана с сокращением численности прибывших в города мигрантов, которые практически сравнялись с численностью выбывших. Подобная картина повторилась в 1997 г., когда величина миграционного прироста составила лишь 0,5 тыс. человек. Мы склонны связывать снижение миграционной активности населения с социально-экономическими причинами. В начале 1990-х годов в городах Чувашии многие предприятия закрылись и отправляли своих работников в вынужденные отпуска, отсутствие перспектив трудоустройства, а следовательно и места жительства сказалось на выборе мигрантов не в пользу городов. Динамика миграционного прироста в сельской местности является «зеркальным отражением» городской. Повышение величины миграционного прироста на селе наблюдалось в начале 1990-х и в 1997–1998 гг. и в основном за счет увеличения численности прибывших в сельскую местность. Отметим, что среди них были не только жители

З.А. Трифонова
(Чебоксары)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЧУВАШИИ И ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ*

За сравнительно небольшой промежуток времени проблема миграций населения вышла за рамки национальной и все отчетливее приобретает черты глобальной. Столкнувшись с этой проблемой, России, а также отдельным ее регионам необходимо внимательно изучить территориальные и временные проявления миграционных процессов, как на уровне страны, так и на уровне регионов. Опыт регулирования миграций населения, имеющийся в России, а также сложившийся в Западных странах, активно решающих этот вопрос на протяжении десятилетий, позволит выработать оптимальные направления по ведению корректной миграционной политики в Чувашии.

Задача статьи — изучить миграционные процессы в Чувашской Республике в период с 1990 по 2005 гг. Миграционные процессы могут быть описаны с помощью количественных и качественных методов, включающих анализ обработку статистических и социологических материалов. На примере Чувашии исследованы такие аспекты миграционных процессов как динамика численности мигрирующих, изменения величины миграционного прироста, внешние (за пределы республики) и внутренние миграции, сельские и городские миграции, а также поло-возрастные, образовательные и профессиональные группы мигрантов. Изучение территориальных различий миграционных процессов в республике будет проведено через анализ изменений в миграционном приросте по районам и городам республики.

Динамика величины миграционного прироста Чувашии до начала 2000-х годов соответствовала общероссийскому тренду. В дореформенный период для республики, как и в целом для России, были характерны довольно высокие значения миграционной подвижности. Согласно данным Чувашстата величина миграционного оборота в 1985 г. составляла 119,8 тыс. человек, при этом миграционный прирост равнялся 1,3 тыс. человек. Впоследствии миграционная активность населения сокращалась из года в год, по сравнению с 1985 г. в 2,7 раза снизился и миграционный оборот, составив в 2005 г. 43,4 тыс. человек. Миграционный прирост достиг в 1994 г. максимальных значений в 5,3 тыс. человек, в последующие годы эта величина стала снижаться (рис. 1).

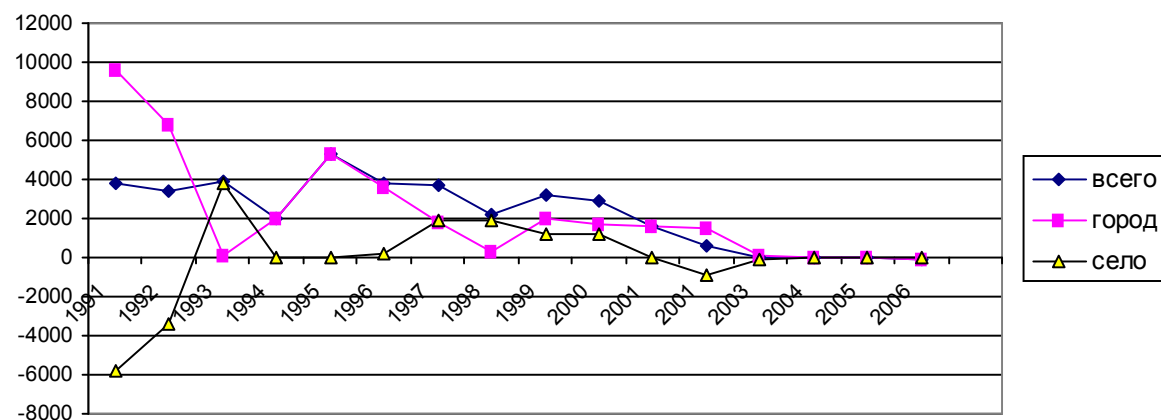

Рис. 1. Миграционный прирост населения Чувашии, чел. (составлено по [2])

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208а/В.

Социальная структура населения отражает специфику области как нефтегазовой провинции. В Тюменской области много бедных с высшим и незаконченным высшим образованием — работники бюджетной сферы и пенсионеры. Руководители заняли место между экспертами и высокостатусными. Эксперты, занимая промежуточное положение между руководителями и реалистами, практически совпадают по идентификации с социальной группой, выделенной ранее как «средний класс». В слой «новые бедные» попадали лица с высшим образованием и низкими доходами. Учитывая, что образование «экспертов» совсем ненамного хуже, чем образование «новых бедных», становится понятно, что часть образованных людей, не сумевших конвертировать свой символический капитал в социальный статус перешла в слой «новых бедных».

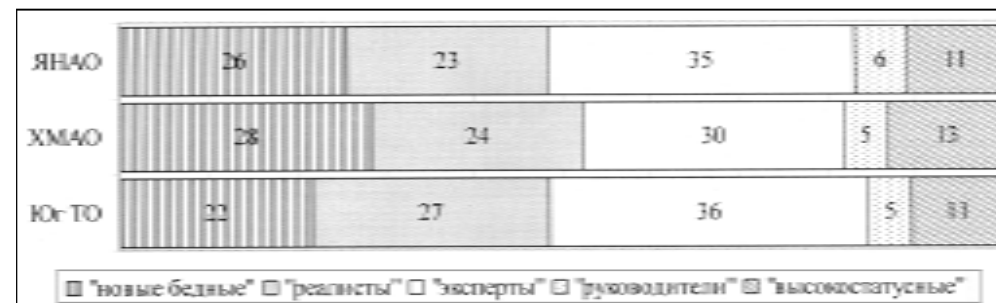

Рис. 4. Социальные слои в трех субъектах Российской Федерации в Тюменской области (в % по категории)

Состав социальных слоев по трем субъектам Федерации подтверждает вывод о том, что самооценка материального положения — относительная категория, и характеризует в первую очередь дифференциацию доходов в ближайшем окружении. Так, более бедный юг области имеет более узкий слой «новых бедных», но у них шире слой «реалистов». Более широкий слой «экспертов» на юге области обусловлен более высоким уровнем образования, а верхние слои во всех трех субъектах — одинаковые.

Литература

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
2. Лапин Н.И. Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность, 2007. № 6. С. 39—53.
3. Социологический портрет Тюменского региона. Тюмень: Тюменская областная Дума, 2007.
4. См.: Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона» Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006; Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. 25—28 сентября 2007 г., г. Курск. Курск, 2007; Известия Международного института финансов, управления и бизнеса: Ежегодный научный сборник. Вып. 2—3. Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2006, 2007.
5. Статистический ежегодник: Стат. сб. в 4-х частях. Ч. 1.(I) /Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Тюмень, 2007. С. 20.

Г.С. Корепанов
(Тюмень)

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

В настоящее время в политологии и социологии усилился научный и практический интерес к проблеме идентичности как таковой и региональной идентичности в частности.

В социологической и социально-психологической традициях *теория социальной идентичности* развивалась как концепция объяснения групповых и межгрупповых феноменов в терминах их преимущественного порождения «коллективным Я». В частности, социологи используют понятие социальной идентичности, обращаясь к проблемам массового поведения и коллективного процесса, политической риторики, девиантного поведения, молодежных субкультур; социальные психологи опираются на эту теорию при изучении психологии организации, межгрупповых отношений и внутригрупповых процессов, социального познания, политических реалий. Г. Тэджфел [1], один из первых признанных психологов-теоретиков, в большой мере опирался на понятия и категории социологической науки, доказывая опосредованное влияние социальных факторов на формирование у членов конкретной группы чувства групповой обособленности и отличительности. Такие социальные параметры группы, как статус, легитимность и степень открытости образуют своеобразную внешнюю рамку, которая, как считал Тэджфел, преломляется в зеркале коллективных представлений членов группы о индивидуальной и групповой обособленности и социально опосредует процесс кристаллизации идентичности и группы, и входящих в нее индивидов. Согласно его теории, «Я—концепция» личности образована такими когнитивными образованиями, связанными с самоопределением, как личностная (физическая, нравственная, интеллектуальная) идентичность и групповая (этническая, социальная, профессиональная) идентичность. Социологи, в отличие от психологов, предпочли собственную традицию, берущую начало в работах Ч. Кули и Г. Мида — традицию символического интеракционизма. Соединение этих идей с ролевой теорией привело к возникновению целого ряда социологических концепций социальной идентичности, среди которых популярна модель Ш. Страйкера и П. Берка [2]. Фокусом социологического анализа идентичности, согласно этой модели, служит специфика социальных структур, в рамках которых индивиды вступают в межличностные отношения и осуществляют свою идентификацию.

Одним из оснований теоретико-методологического анализа социальной идентификации является диспозиционная теория регуляции социального поведения личности В.А. Ядова [3], которая стала рассматривать социальную идентичность как относительно устойчивое диспозиционное образование. По мнению автора данной статьи, следующего данной научной традиции, понятие *социальная идентичность* при определенных условиях можно «конвертировать» в понятие *региональная идентичность*. Эти опосредующие условия таковы. Во-первых, обязательный учет индивидуальных когнитивных механизмов и мотиваций, которые лежат в основе формирования не только межличностных связей, но также и его эмоциональных связей с данным местом. Тем самым, реализуется психологическая компонента идентификации. Данное условие предполагает детальный анализ параметров социального контекста, а именно: наличие социально значимых групп на данной территории, возможности доступа в эти группы новых членов, степень проницаемости и открытости групп, особенности межличностных связей, особенности межгрупповых контактов. Важен учет влияния идентификации на индивидуальные чувства человека и отношения его *Я* с другими; важен также учет действий,

15. Прокин В.В. Социально-трудовые отношения на предприятиях как индикатор социального партнерства. // Социальное партнерство: опыт, проблемы и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (20 ноября 2003 г.). Пермь, 2003. С. 94—97; Слюсарянский М.А. Индивидуальные аспекты стимулирования инновации труда // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З.И. Файбурга (сентябрь 2004 г.). Т. 1. Пермь, 2004. С. 58—63; Вассерман Ю.М. Модернизационный социокультурный континуальный синдром // Социология. 2007. № 1. С. 47; Лейбович О.Л., Шушкова Н.В., Кабацков А.Н. «Складывается впечатление, что у нас концлагерь...»: напротив работников постсоветского промышленного предприятия... // Там же. С. 60—72; Прокин В.В. Парадигматика и стратегии социальной трансформации России. // Там же. С. 126—146; Разинский Г.В. Материальные процессы как атрибут социальной мобильности // Там же. С. 145—158; Слюсарянский М.А. Методология социального поведения и его регуляции // Там же. С. 159—171; и др.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

к труду. Так, менее значимыми становятся мотивы, что отмечают пермские исследователи трудовых отношений [15], связанные с общественным долгом, общественной значимостью своей специальности и деятельности. Для значительной части населения падает престиж профессионального мастерства, повышения квалификации и т.д.

Жизненные интересы занятых в экономике региона все более выражены в инструментальных мотивах трудовой деятельности. Доминирующими из них являются: «возможность иметь гарантированную работу», «получать высокую заработную плату или постоянные денежные компенсации», «хорошие санитарно-гигиенические условия», «возможность проявить свои способности, деловые качества», «хорошие отношения с товарищами по работе».

В области решения проблем занятости и мотивации труда региональными властями традиционно используются механизмы трехстороннего сотрудничества (с начала 1990-х годов), заключения соглашений о сотрудничестве с предприятиями крупного бизнеса (первым соглашением такого рода было Соглашение Администрации Пермской области с ОАО «Лукойл», подписанное в середине 1990-х годов), проекты, направленные на поддержку среднего и малого бизнеса, а также на легализацию т.н. «серых зарплат».

Для региональной политики на протяжении многих лет характерны либерализм (особенно в экономической сфере), относительно устойчивый межэлитный консенсус (в политической сфере), а в последние два-три года технократизм стал отличительной чертой края в области принятия политических решений. Именно технократизм, замещающий политику, а также проектное управление в условиях диверсифицированной структуры региона обусловили достаточно активную инновативную по своему характеру региональную политику, ориентированную, в том числе, на ускоренное реформирование социальной сферы. В условиях российской трансформации 1990-х годов, сопровождавшейся максимальным «уходом государства» из социальной сферы, последняя оказалась наиболее проблемной и нуждающейся в реформировании в начале 2000-х годов. В пермском случае эта общая для России проблема характеризуется фактором наличия достаточно сильных внутрирегиональных различий экономики и рынков труда, что весьма типично для индустриальных регионов с преобладанием монофункциональных городов, имеющих отрасли разной конкурентоспособности.

Литература

1. Текст доклада см.: <http://www.perm.ru/files/poslanie19072007.doc> [по состоянию на 10 февраля 2008].
2. На долю Пермской области приходится 100% производства в стране турбобуров, 79,3% — рудничных электровозов, 40,2 — минеральных удобрений, 25,8 — газовых плит, 9,8% синтетического аммиака, 5,7% первичной переработки нефти. В целом же удельный вес продукции промышленности региона в общероссийских основных экономических показателях составляет 2,5% [Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2005 г.: Стат. сб. / Рос. стат. М., 2006. С. 407].
3. Формально, Пермь перестала быть «миллионником» в 1990-е гг. Но по многим структурным и социокультурным характеристикам оставалась в одном ряду с такими региональными столицами как Новосибирск, Нижний Новгород, Свердловск. По данным переписи населения 2002 г. Пермь вновь обрела статус города-миллионника.
4. Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ // Социальный атлас российских регионов. Портреты регионов. Режим доступа: <http://atlas.socpol.ru/portraits/perm.shtml> [по состоянию на 12 февраля 2008].
5. По данным формализованного опроса, проведенного в феврале—марте 2006 г. ПЦИСИ.
6. По данным Администрации Пермского края. Режим доступа: <http://www.perm.ru/region/national/> [по состоянию на 12 феврал 2008].
7. Программа социально-экономического развития Пермского края (рабочий проект). Режим доступа: <http://www.perm.ru/finances/?document=1087> [по состоянию на 12 февраля 2008].
8. Там же.
9. Более подробно см.: http://human.perm.ru/demography/dem_monitor/
10. Чиркунов О. Доклад о социально-экономическом и политическом развитии Пермского края... Режим доступа: <http://www.perm.ru/files/poslanie19072007.doc> [по состоянию на 10 февраля 2008].
11. Там же.
12. Там же.
13. <http://www.perm.ru/social/educat/> [по состоянию на 15 марта 2008].
14. Отчет о деятельности службы занятости населения Пермского края в 2006 году. Пермь, 2007. С. 8.

мотивированных социально-заданными трактовками этих отношений в данном локальном (территориальном) контексте.

Во-вторых, формирование и опыт региональной идентичности тесным образом связаны с поддержанием социального порядка на уровне региона (территории); поэтому объектом исследовательского интереса здесь являются социально-региональные роли и опосредованные ими интеракции; речь идет о том, как социальные ожидания, которые обусловлены конкретными социальными идентичностями, поддерживают тип поведения, отвечающий существующим социальным нормам. Так, индивид осуществляет активный поиск адекватной ему социальной региональной группы (например, группы с высоким статусом), изменяет свои мотивации и оценки только в том случае, если членство в искомой группе оказывается для него невозможным.

Наконец, в-третьих, очень важен учет социокультурных стереотипов, определяющих общий склад сознания жителей данного региона, их базовые жизненные ценности, мотивации, способы восприятия действительности — понимаемые как относительно устойчивое диспозиционное образование, в итоге обеспечивающее достаточно надежную их трансляцию как во времени, так и в пространстве.

Подчеркнем, что деление на социальную и региональную идентичность носит условно-аналитический характер. Узкое и широкое понимание идентичности (или самосознания) предлагает Л.М. Дробижева. По ее мнению, согласно узкому пониманию, идентичность — это просто самоотнесение к группе, а в широком понимании простое самоотнесение дополняется более содержательными и глубокими представлениями о своей группе, о ее языке, культуре, истории, регионе, государственности и т.п. Дополнение этого списка представлений «интересами, осознаваемыми личностью, группой как этническими», делает возможным работать с идентичностью как с установочным образованием, включающим когнитивный, эмоциональный и регулятивный (поведенческий) компоненты. В итоге, по мнению Л.М. Дробижевой, указанное «дополнение» расширяет объяснительные возможности концепта идентичности [4].

Таким образом, можно утверждать, что *региональная идентичность* — это переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы. Вопрос региональной идентичности для них является по сути дела вопросом смысло-жизненным. Так, для типично русского населения *региональная идентификация* определялась, как правило, не столько его национальной (русский), сколько его территориальной принадлежностью, придающей в собственных глазах и глазах окружающих специфические социально, психологически и культурно значимые признаки. Об этом писал еще П. Сорокин, согласно которому «из всех связей, которые соединяют людей между собой, *связи по местности* являются самыми сильными. Одно и то же местожительство порождает в людях общность стремлений и интересов. Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь ... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т.п.» [5]. Помогая ответить на вопрос «к чему я принадлежу?», идентификация с данной территориальной общностью и обстоятельства его социальной жизни приобретают для индивида глубокий личностный смысл.

Выделяют две составляющих региональной идентичности: объективную и субъективную. В *объективном плане* региональная идентичность часто выступает как процесс интерпретации региональной уникальности, когда данный регион становится институционализированным в определенном виде сообщества. Этот процесс обусловлен и поддерживается дискурсивными практиками и ритуалами и состоит из производства региональных границ, системы символов, смыслов и институтов. Акцент делается на объединении людей по региональному признаку для выражения своих региональных (локальных) интересов в тех или иных сообществах вне прямой связи с территориальным делением. Возникает *сообщественный эффект*, что в свою очередь означает, что сообщество существует, оно обретает политическую субъектность, происходит его активизация и актуализация в политическом и в социально-экономическом пространстве. Индикатором существования именно такого сообщества и является наличие

региональной идентичности, или в терминах Дж. Эгнью — «чувства места» [6]. Бывает, что на основе данного типа региональной идентичности развиваются некоторые признаки национализма, свидетельствующие о высокой степени развития прежде всего политических интересов данного сообщества.

В *субъективном плане* региональная идентичность выступает как осознание интересов, индивидуальных когнитивных механизмов, мотивации индивидом, которые лежат в основе формирования межличностных связей; групповых и межгрупповых феноменов в терминах их преимущественного порождения коллективным региональным сознанием. Обратим внимание на тот факт, что понимание идентичности как категории, обозначающей переход объективности в субъективность и наоборот, субъективного в объективное — важный методологический момент также и для определения категории экономико-социологического регионального интереса; причем такой интерес может рассматриваться именно «с точки зрения переходного элемента в сознании людей — к действию, к мотивации» [6]. Помогая ответить на вопрос «к чему я принадлежу?», региональная идентичность позволяет индивиду ощущать себя частью общности, фиксируя при этом его особый интерес и выступая фактором, объединяющим его в соответствующую коллективность. В этом отношении региональная идентичность является идеальной представленностью социального отождествления: как «Я — член территориальной общности» [7].

Использование данного подхода позволяет рассматривать территорию не только как жизнедеятельность сообщества, но и как жизнедеятельность элиты, которые выступают от имени сообществ, представляя в той или иной степени их интересы.

Всегда имеется глубокая связь между региональной идентичностью и региональным интересом, особенно в политическом смысле. Региональный (локальный) политический интерес в своем «чистом виде» может представлять собой синтез разнообразных интересов местного сообщества, происходящий под воздействием сугубо местных, уникальных условий. Он основан «на развитой региональной идентичности, не имеющей этнического или даже субэтнического характера и связанной только с «чувством места», которое, на взгляд членов сообщества, нуждается в поддержке, защите» [8]. Особенностью регионального интереса является его уникальность, несводимость к простой сумме тех или иных интересов нерегionalного происхождения. Конкретные составляющие регионального интереса в то же время имеют как духовный (идеальный) (защита местных культурных особенностей), так и материальный (экономические требования) характер. Одной из составляющих региональной идентичности может быть борьба за политический статус региона как условие реализации духовных или материальных потребностей местной элиты [8].

В развитом локальном сообществе «первичными элементами» идентичности могут быть и социально-экономические, и символические (духовные), и морально-нравственные, а не только «чисто политические» или «чисто экономические» детерминанты ее развития.

Так, особенности тюменской региональной идентичности заключаются в том, что она амбивалентна: опросы показали исключительную сложность, многоуровневость и многозначность самоидентификации части населения в разном качестве: согласно одной точке зрения, Тюменский регион (а также и те жители, которые идентифицируют себя с ним) — это нефтяная и газовая столица Российской державы, согласно другой — это колония, эксплуатируемая центром. Однако жизнь людей, населяющих тюменскую землю, их «коллективное региональное Я» — намного шире и глубже этой «ресурсной парадигмы». По выражению губернатора Тюменской области В. Якушева, для России Тюмень — это и столица нефтегазового региона, и ее нефтяной символ, и мировой брэнд, а не только, допустим, политическая составляющая социальной идентичности тюменцев.

Сегодня осуществляется программа «Сотрудничество», работающая в трех субъектах Российской Федерации, входящих в Тюменскую область. Уникальность состоит в том, что этот мега-проект призван сохранять и политическое, и экономическое, и социальное равновесие на всей территории Тюменской области как сложно-составного субъекта Российской Федерации. Подобных проектов экономико-социальной интеграции в сложносоставных российских регионах до сих пор не было. И хотя взаимоотношения северных округов и юга Тюменской области

Важным фактором социального самочувствия, активной деятельной позиции является сопричастность личности к проблемам региона. Исследование показало, что более всего жители края ощущают свою близость с населением того поселения, в котором живут. Об этом заявили 39,7% опрошенных. Близкими, но не своими названы жители Перми и Пермского края (11,7% и 33,2% соответственно). Более трети опрошенных (35%) считают свой регион перспективным для жизни, а, по мнению 22,1% жителей, здесь много возможностей для инициативных людей.

Для большей части населения края характерны активные жизненные установки. Две трети (66,1%) опрошенных считают, что улучшение собственной жизни полностью зависит от них самих, чем от родственников, друзей, руководителей производственных и властных структур. В то же время эти установки далеко не всегда реализуются в реальной жизни, на практике. Готовность принять активное участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, реализацию прав и свобод граждан высказали 39,1%, в то время как 49,3% отметили позицию «пожалуй не готов» и «не готов». Об участии за последние 5 лет в различного рода инновациях заявили только 18,7% респондентов.

Проблема формирования, сохранения и развития культурного потенциала населения достаточно широка и разнообразна. И эта проблема также время от времени попадает в сферу внимания региональных властей. Краевые власти в 2006 г., когда началась реализация нацпроектов, выступили с инициативой продвижения региональных проектов, продолжающих и конкретизирующих проекты федеральные. В области высшего образования было оказано софинансирование федеральному проекту. Кроме того, Пермский край участвовал в федеральном проекте «Информатизация системы образования». Вклад Пермского края в реализацию проекта составил 52 млн руб. Проект был направлен на наращивание материальной базы, программных средств, увеличение числа педагогов, использующих ИКТ в образовательном процессе. Ключевое место заняла работа по внедрению в опытную эксплуатацию региональной распределенной информационной системы образования и науки (РРИСОН), разработанной департаментом образования Пермского края. Данная система призвана «решить вопросы интеграции информационных и учебных ресурсов, обеспечения единых стандартов в представлении компьютерной педагогической информации, объединения информационных систем образовательных учреждений и органов управления образованием» [13].

Мотивация трудовой деятельности и экономическая активность

Пермский край имеет достаточную численность экономически активного населения (далее — ЭАН) для успешного социально-экономического развития, рационально распределенную как по гендерному составу, так и по виду расселения, хотя динамика численности ЭАН при этом имеют неустойчивый характер. Как свидетельствуют данные Агентства по занятости населения Пермского края, уровень занятости населения региона не уменьшается и остается выше среднероссийского [14].

В составе занятого в экономике населения по возрасту наметилась тенденция снижения с 2002 г. доли лиц в возрасте до 20 лет. Структура занятых по уровню образования в последние годы значительно улучшилась: выросла доля занятых, имеющих какое-либо профессиональное образование — с 65,0% в 2001 г. до 71,4% в 2006 г.; увеличилась доля занятых с неполным высшим образованием (с 18,7 до 20,9%) и с начальным профессиональным образованием (с 18,8 до 26,3%). Доля же имеющих среднее профессиональное образование при этом уменьшилась (с 29,2 до 24,2%). Вместе с тем в составе занятых в экономике населения высокой остается доля лиц, не имеющих никакого профессионального образования — 28%, хотя это и ниже общероссийского показателя (в 2004 г. РФ — 30,5%, ПФО — 32,8%). Эта социальная группа вместе с занятыми, имеющими лишь начальное профессиональное образование, а это 26,3%, требует к себе пристального внимания всех властных структур, объединений работодателей.

В Пермском регионе как и всей РФ, с начала 1990-х годов происходит изменение базовой трудовой мотивации занятого в экономике населения. Система ее стимулирования во многом утратила прежний комплексный характер, учитывающий профессиональную и личностную сторону жизнедеятельности работника. Изменилась оценка работником своего рабочего места и своей роли в обществе — происходит деформация трудовых мотивов, отношения

доверяющих обеим палатам парламента в целом по России). Политические партии в том же, 2005 г., пользовались доверием 7% россиян и 16,2% жителей Прикамья.

Важной особенностью социального самочувствия населения Пермского региона является их высокий уровень доверия региональной и местной власти. Так, в 2001 г. в целом по России региональным администрациям доверяли порядка 20% населения, в Прикамье данный показатель составил 69,1%, превысив среднероссийский более чем в три раза. К 2002 г. наметилась общероссийская тенденция падения уровня доверия региональным властям, наблюдавшаяся и в Пермском регионе.

Сравнительный анализ показателей уровня доверия россиян в целом и жителей Пермского региона социальным институтам в период с 1994 по 2005 г. позволяет сделать вывод о том, что практически все социальные институты, как государственные, так и негосударственные, вызывают у пермяков большее доверие, нежели у россиян в целом.

Важным показателем социального самочувствия и социальной напряженности выступает готовность населения участвовать в массовых акциях протеста. Как показывают результаты исследований, пермяки не одобряют радикальных протестных форм поведения. Вместе с тем, пермяки достаточно быстро научились использовать для выражения протеста легальные формы, и, прежде всего, голосование: исследователи региональной политической жизни отмечают высокий уровень протестного голосования пермяков. Так, на выборах президента в 2004 г. процент голосов, поданных «против всех» в Пермской области составил 3,77%, а это несколько выше, чем на выборах 1996 года (1,8%). Уровень же протестного голосования на выборах президента 2000 г. достиг 5,8%, на выборах губернатора области — 3,4 %.

Культурный потенциал населения и его использование

С точки зрения анализа культурного потенциала населения актуальным являются проблемы доступности образования и качества предоставляемых образовательных услуг. Для системы образования Пермского края характерны те же процессы, которые наблюдаются и на российском уровне. В то же время по ряду показателей регион уступает близким по уровню развития регионам — Нижегородской, Самарской, Свердловской и Челябинской областям. Во-первых, сохраняется тенденция сокращения числа школ в регионе. За последние 5 лет их количество уменьшилось на 324, т.е. на 22,0 %. Основным фактором этого процесса является снижение числа учащихся общеобразовательных учреждений вследствие сокращения рождаемости населения.

Во-вторых, по численности студентов Пермский край существенно отстает от других областей. В начале 2005/2006 учебного года по данному показателю регион находился лишь на 60 месте в России (347 студентов на 10000 чел. населения).

В-третьих, увеличивается платный сектор в системе профессионального образования. Статистика показывает, что за период с 1998 г. по 2005 г. доля студентов, обучающихся в средних специальных учреждениях на условиях полного возмещения затрат, увеличилась в 2,3 раза и составила 38,1% от всей совокупности учащихся.

Интенсивное развитие сферы образования основывается на широком использовании информационных и телекоммуникационных технологий. Значимым для системы образования региона является и тот факт, что два ВУЗа в крае (ПГУ и ПГТУ) выиграли федеральный конкурс на реализацию программы инновационного образования. Финансирование данных проектов для обоих вузов осуществляется как из средств федерального бюджета, так и регионального.

Проведенное в Пермском крае исследование позволило выявить следующие предпочтения в системе ценностных ориентаций населения края. На первое место вышли человеческая жизнь, дети и личная безопасность, получившие наибольшее количество баллов (11) по 11-балльной шкале. Десятью баллами были отмечены ценность семьи, здоровья, свободы и наличие интересной, творческой работы. Красота, а также инициативность, предприимчивость, поиск нового в работе и в жизни как важные качества личности и уважение к сложившимся обычаям и традициям получили по 9 баллов. Нравственные качества личности как ценность были оценены в 8 баллов. Власть (4 балла) заняла низшую позицию в системе ценностей пермяков.

остаются непростыми, чреватые противостояниями по различным региональным интересам, тем не менее, взаимно выгодный консенсус находится. Реализация программы «Сотрудничество» привела к мощному синергетическому эффекту во всем Тюменском регионе, одновременно усилив позитивное действие соединения ресурсов различных территорий, минимизировав, насколько это возможно, негативные эффекты. Губернатор Тюменской области В. Якушев в это контексте пишет: «Интересы — двусторонние, сегодня никто не претендует на главенство. Есть понимание, что мы друг другу необходимы. Надо просто нормально двигаться, нормально сотрудничать. А кто старше, кто главнее — надо выносить за скобки» [9]. Данная концепция лежит в основе и региональной идентичности и регионального интереса Тюменской области.

Переходя от методологически-теоретических рассуждений и разработке аналитических категорий региональной идентичности к их содержательной «наполняемости» и привязке к конкретным явлениям, автор представляет здесь некоторые социологические данные — результаты эмпирических исследований, непосредственно связанных с заявленной проблематикой.

В частности, речь идет об основных результатах масштабного опроса жителей Тюменского региона, который включает три субъекта Российской Федерации (Тюменская область, Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа) и вносит значительный вклад в валовой национальный продукт страны. Всего было опрошено 4016 человек по опросному листу интервью, разработанному Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН [10], а также 90 специалистов по анкете эксперта (июнь 2006 г.). В соответствии с антропосоциетальным подходом Н.И. Лапина [10], в инструментарий были включены вопросы, характеризующие степень идентификации населения («свое — чужое») с социально-территориальными структурами: поселение (городское, сельское); административный район, его поселение-центр; регион, его город-центр; и в опросе выяснялось, какие из этих структур действительно являются социальными общностями, лично значимыми для жителей региона («свое»), а из них какие функционируют как необходимые формализованные системы, далекие от личности («чужое»); на уровне методики была операционализирована и верифицирована концепция социального самочувствия как совокупность оценок, которые люди дают себе, своим повседневным взаимодействиям друг с другом, с социальными институтами, территориальными сообществами и обществом в целом [10].

В процессе исследования респондентам предлагалось оценить свою жизнь по нескольким параметрам. Летом 2006 г. 12% опрошенных в области ответили, что они инвалиды или хронические больные, во всероссийском исследовании так ответили 20%. Инвалидов по самооценке почти в два раза меньше, чем по статистическим данным, однако рейтинг оценок подобен рейтингу статистических данных по трем субъектам Федерации региона. Больше всего инвалидов на юге (8%), затем идет Югра (3,3%), и затем Ямал, где инвалиды — 2,7% населения согласно данным статистики, тогда как по самооценке эти цифры равнялись 4,6%, 2,5% и 1,2% соответственно. Таким образом, люди склонны к более оптимистичным оценкам, не обращая особого внимания на свое здоровье.

Согласно самооценке, общий уровень заболеваемости в области выше среднероссийского. Так, 38% жителей региона считают, что они имеют нормальное здоровье. В среднем по России здоровы согласно самооценке 57% россиян. Такой оптимизм мужчины в возрасте от 25 до 45 лет выражают на 20 процентных пунктов чаще, чем женщины того же возраста. При этом отметим, что на долю мужчин от 25 до 45 лет приходится 54% среди всех ответивших по этой категории. Учитывая уровень смертности и заболеваемости мужчин в России вообще, и в нашем регионе в особенности, такой оптимизм относителен и вызывает сомнения. Согласно статистическим данным, в 2006 г. зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни 82%, 92% и 113% от всего населения на юге области, в Югре и на Ямале соответственно.

Основные заболевания — болезни органов дыхания, в пересчете на душу населения — это 32,7% на юге области, 36,6% в Югре и 46,7% на Ямале. Отметим, что это единственный вид болезней, по которым в Югре заболеваемость существенно снизилась с 1991 года (на 7,5%), на Ямале снижение заболеваемости 3,4%, на юге области отмечен рост на 2,3%.

Инфраструктура здравоохранения в регионе развита явно недостаточно. Об этом свидетельствует, например, 59 место в общероссийском рейтинге по обеспеченности населения врачами и 63 — по обеспеченности населения средним медицинским персоналом. Полностью удовлетворены качеством государственного медицинского обслуживания 20,8% населения юга области, в Югре и на Ямале таковых оказалось 25,4% и 27,5% населения соответственно. В основном люди жалуются на большие очереди к врачу (более 60% ответов). Платные медицинские услуги получали при последнем обращении к врачу 38% мужчин и 62% женщин на юге области. В Югре и на Ямале эта цифра равна 51,2% и 39,6% среди мужчин и 42,8% и 60,4% среди женщин соответственно. Данные опроса свидетельствуют о том, что, будучи вынужденными платить врачам, даже имея на руках полис, жители юга области менее удовлетворены медицинским обслуживанием, чем население северных округов, полис которых финансово более обеспечен.

Социально-материальная самоидентификация населения по слоям: нищие, бедные, необеспеченные, обеспеченные и зажиточные определялись на основе соответствующего самоотнесения: «денег не хватает на повседневные затраты»; «на повседневные затраты уходит вся зарплата»; «на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна»; «денег в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов надо брать в долг»; «почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры»; «практически ни в чем себе не отказываем». Данная процедура самоидентификации населения по материальным слоям является стандартной и применяется во всех социологических исследованиях. Самооценка материального уровня населения России и Тюменской области представлена в таблице 1.

Таблица 1

Самооценка материального уровня населения России и Тюменской области (в %)*

Признаки материального положения	Россия				Тюменская область	Материально-имущественные слои
	1994 г.	1998 г.	2002 г.	2006 г.		
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	6,9	24,2	13,0	11,0	9,0	«Нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31,0	29,0	23,0	22,0	13,0	«Бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28,9	20,5	30,0	21,0	16,0	«Необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22,4	14,4	22,0	29,0	31,0	«Обеспеченные»
5. Почти на все хватает, но недоступны приобретение квартиры, дачи	6,7	9,5	11,0	9,0	25,0	«Зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1,1	1,4	1,0	2,0	5,0	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3,0	1,2	—	6,0	2,0	
Всего	100	100	100	100	100	

* Беляева Л.А., Корепанов Г.С., Шафранов-Куцев Г.Ф., Лапин Н.И. Тюменский регион в современной фазе социокультурной эволюции России // Мир России, 2008. № 1. Т. XVII. С. 62.

Нижний слой составляют «нищие» и «бедные» — те, кто оказался в очень тяжелом материальном положении. Это слой с очень низким уровнем социального самочувствия и минимальными ресурсами развития. Слой «необеспеченных» занимает промежуточное положение и отличается от низшего более позитивным самоощущением. Слой «обеспеченных» уже достиг приемлемого уровня жизни и в последние годы растет высокими темпами. Самый верхний слой объединяет наиболее успешных («зажиточные» и «богатые»).

В Тюменском регионе существуют значительные отличия в материальной дифференциации населения по трем входящим в его состав субъектам РФ (табл. 2). Данные самооценки

росту добавились развитие человеческого потенциала и пространственное развитие. На этот раз главная задача оказалась очень простой и понятной: «Наша основная цель — рост численности населения края» [10]. Обращаясь к статистике он заметил, что «...в 2006 году в крае родилось более 30 тысяч детей. Чтобы быть в рамках планируемых федеральных тенденций, необходимо увеличение рождаемости в 2010 году до 33 тысяч новорожденных в год» [11]. В результате внедрения механизма стимулирования рождаемости на федеральном уровне (т.н. «материнский капитал») в Прикамье в 2007 г. несколько выросли темпы рождаемости, что характерно в целом для России. Но демографы отмечают, что такие меры недостаточны и они в лучшем случае могут дать краткосрочный эффект. Губернатор не раз озвучивал сходную точку зрения, считая, что политика государства в решении демографических проблем не должна носить протекционистский характер: «...Как государство может эффективно повлиять на решение семьи о рождении ребенка? Как сделать так, чтобы это решение принимали в первую очередь успешные семьи, способные вырастить полноценных членов общества? Назову три ключевых момента. Материальное благополучие, наличие собственного жилья, и главное — уверенность в будущем детей» [12]. Иными словами, главным объектом социальной политики государства является средний класс, — считает О.А. Чиркунов. А это уже значительно сужает число тех, на кого ориентируется государство.

Уровень жизни и социальное самочувствие населения

Уровень жизни в Пермском регионе по сравнению с большинством субъектов Российской Федерации более высокий; по данному показателю Пермский край находится на первом месте в Приволжском федеральном округе.

Уровень средней заработной платы в Пермской области и динамика данного показателя в регионе на протяжении последних пятнадцати лет во многом является демонстрацией ситуации в России в целом — различие среднего уровня заработной платы в области и в целом по стране не превышает 10%.

Высокий, по сравнению с прочими субъектами Приволжского федерального округа, уровень доходов населения Пермской области во многом определяет особенности социального самочувствия жителей региона. Так, оценка тревожности экономическими аспектами жизни населением Пермского региона по сравнению с жителями России за период с 1994 г. до середины первого десятилетия 2000-х годов была несколько ниже, чем в среднем по России; около половины респондентов регулярно говорили о том, что им удалось найти свое место в жизни. На начало 2005 г. порядка 40% жителей Пермского края рассчитывали на улучшение своей жизни. На первый взгляд последний показатель не вызывает оптимизма, однако сравнение его со среднероссийскими значениями демонстрирует, что Пермский регион опережает страну на 7 процентных пунктов и по сравнению с другими регионами является одним из лидеров.

Отличительной особенностью Прикамья можно также считать достаточно высокий уровень доверия населения базовым социальным институтам — оценки пермяков весьма существенно отличаются от среднероссийских показателей доверия в большую сторону. Сравнительный анализ показателей уровня доверия россиян в целом и жителей Пермского региона социальным институтам в период с 1994 по 2005 г. позволяет сделать вывод о том, что практически все социальные институты, как государственные, так и негосударственные, вызывают у пермяков большее доверие, нежели у россиян в целом.

С 2000 г. в России институтом, пользующимся наибольшим доверием граждан, является президентство (во многом благодаря личной привлекательности В.В. Путина для многих россиян): число респондентов, в ходе социологических опросов сказавших, что президент «в целом заслуживает доверия» ни разу не упало ниже 40%. Максимальные показатели доверия данному институту были зафиксированы в 2004 г., когда 62% респондентов заявили о своем доверии президенту. В Пермской области (включая Коми-округ) подобные показатели были еще выше — весной 2005 г. доверяли президенту 66,4% пермяков.

Традиционно низкий уровень доверия среди россиян имеют такие политические институты как парламент и политические партии. Начиная с 1994 г. уровень доверия парламенту в целом по России ни разу не превышал 15%, тогда как в Пермском регионе весной 2005 г. Государственной Думе доверяли 26% населения, Совету Федерации 30,3% (против 13%

Увеличен до 75% показатель семейного устройства детей-сирот (в РФ — 69%), сократилось на 27% количество безнадзорных детей и семей с детьми, находящимися в социально-опасном положении.

В феврале 2008 г. в Прикамье решением Законодательного Собрания края создан институт Уполномоченного по правам ребенка, который призван содействовать государственной защите прав ребенка, их соблюдению органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Наиболее интересным институциональным проектом стало создание в Прикамье совета по вопросам семьи, материнства, отцовства и детства. Впервые за долгие годы существования официальной государственной политики в области семейных отношений появилась институция, целью которой является защита не только материнства и детства, **но и отцовства**. Трудно пока прогнозировать станет ли этот орган реальным проводником гендерно ориентированного курса в сфере семейной политики, о приверженности которой региональные власти заявили в 2007 г., обозначив значимость вопроса мужского здоровья как одного из краеугольных в проблеме демографического развития региона [9]. Совет является постоянно действующим совещательным органом. Он призван обеспечивать коллективное рассмотрение и выработку предложений по вопросам формирования и реализации региональной политики по вопросам семьи, материнства, отцовства и детства.

Специалисты Пермстата считают, что тенденция сокращения численности трудоспособного населения является достаточно долгосрочной и устойчивой. Особенно остро эта проблема стоит в 16 территориях Пермского края, среди которых выделяются города Гремячинск, Губаха, Кизел, что связано с реструктуризацией шахт угольного бассейна, вызвавшей большой уровень безработицы в данном территориальном образовании, и выездом шахтеров в другие города края и страны. Именно в этих территориях имеет место т.н. проблема «территорий без населения», которая в последние три года называется властями, как одна из наиболее острых в регионе. Причина носит структурный характер — это старопромышленные моноотраслевые территории, которые в условиях кризиса угольной промышленности оказались в депрессивном состоянии.

Наиболее продуктивным вариантом преодоления кризиса, с точки зрения краевых властей, является политика расселения этих территорий и подобных им (удаленных от транспортной инфраструктуры, экономически и инвестиционно непривлекательных). В конце 1990-х годов для решения проблем сглаживания территориальных диспропорций использовалась политика бюджетирования и бюджетной поддержки. Но с точки зрения новых властей (администрация губернатора О.А. Чиркунова), ориентированных на управление регионом исходя из идей бизнес-планирования и бизнес-администрирования такой подход не может быть признан целесообразным и эффективным. В устранении территориальных диспропорций может оказать помощь способ управления территориями, основанный на выявлении ядер тяготения «полосов роста», способных повести за собой территорию и формировании новых территориальных образований — управленческих округов. Последние в свою очередь должны сыграть важную роль в повышении устойчивости и сбалансированности пространственного развития и конкурентоспособности региона. Соответственно «не точки роста» остаются «за бортом», и эти территории в лучшем случае расселяются. Политика расселения отдельных территорий имеет в Прикамье почти десятилетнюю историю. Еще в самом конце 1990-х годов была начата реализация программы по переселению жителей Кизела, Гремячинска в наиболее перспективные территории. Для этого использовали инструменты финансовой поддержки: сертификаты на получение жилья и т.п. Но такая политика не дала результатов: получив сертификаты, жители депрессивных регионов обналичивали их и оставались жить в родных городах. Эта проблема, как нам кажется, носит не столько социально-экономический, сколько социо-психологический характер.

В своем третьем послании к Законодательному собранию края в 2007 г. губернатор О.А. Чиркунов впервые обратил внимание на проблему рождаемости. В докладе—2004 основными целями О.А. Чиркуновым объявлялись стимулирование экономического роста и повышение качества государственного управления, в 2005 г. список расширился — к экономическому

материального положения по Тюменскому региону показывают, что наиболее динамично расширяется слой «богатых» и «зажиточных», слой «обеспеченных» совпадает по численности с российскими данными, а слой «необеспеченных» и «бедных» значительно тоньше. Возрастной срез дает еще более дифференцированную картину: если на юге области среди бедных преобладают представители старшего поколения, что характерно и для России в целом, то в северных округах дифференциация по возрасту существенно ниже. На юге области также сильнее гендерные различия: доля «бедных» женщин оказалась выше доли женщин в общей выборке на 17%; в ХМАО это соотношение несколько ниже — 14%, в ЯНАО такой разницы практически нет.

Таблица 2

Самооценка материального положения населения Тюменской области, 2006 г. (в %)

Признаки материального имущественного положения	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО	Материально-имущественные слои
Денег не хватает на повседневные затраты	10,1	10,3	8,0	«Нищие»
На повседневные затраты уходит вся зарплата	14,7	14,2	14,4	«Бедные»
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	18,5	15,8	15,0	«Необеспеченные»
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов надо брать в долг	32,0	28,7	29,7	«Обеспеченные»
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры	20,7	26,2	26,9	«Зажиточные»
Практически ни в чем себе не отказываем	3,3	4,9	6,0	«Богатые»
Не знаю, отказ от ответа	0,6	0	0,1	

В различии по признаку самоидентификации материального положения в целом в Тюменской области наблюдаются существенные отличия от общероссийских процессов. Общей проблемой для России и для Тюменского региона остается бедность и необеспеченность сравнительно большого числа жителей, которые, не смотря на рыночные реформы, так и не могут качественно изменить свое материальное положение (по России в целом эта проблема актуальна для 55—60% населения, в Тюменском регионе для 38—40%).

В нашем исследовании также изучалась идентичность жителей Тюменского региона с поселением (город, село), районом, областью (краем, республикой).

Таблица 3

Степень интенсивности слоевой близости («свое»—«чужое»), Тюменский регион, 2006

Территория	Жители поселения, в котором я живу	Жители областного центра, хотя я там и не живу	Жители всей моей области	Жители Москвы — столицы России	Жители всей России	Жители всей Земли
Юг ТО	8,72	1,91	0,91	0,12	0,36	0,22
ХМАО	7,22	1,09	0,49	0,11	0,31	0,21
ЯНАО	9,67	1,02	0,60	0,18	0,38	0,31

Респонденты отвечали на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое»—«чужое») с людьми ... (перечень с кем: «Жители поселения, в котором я живу», «Жители областного центра, хотя я там и не живу», «Жители всей моей области», «Жители Москвы — столицы России», «Жители всей России», «Жители всей Земли»)» [11]. Полученные результаты опроса в Тюменском регионе представлены в таблице 3 и на рисунке 1.

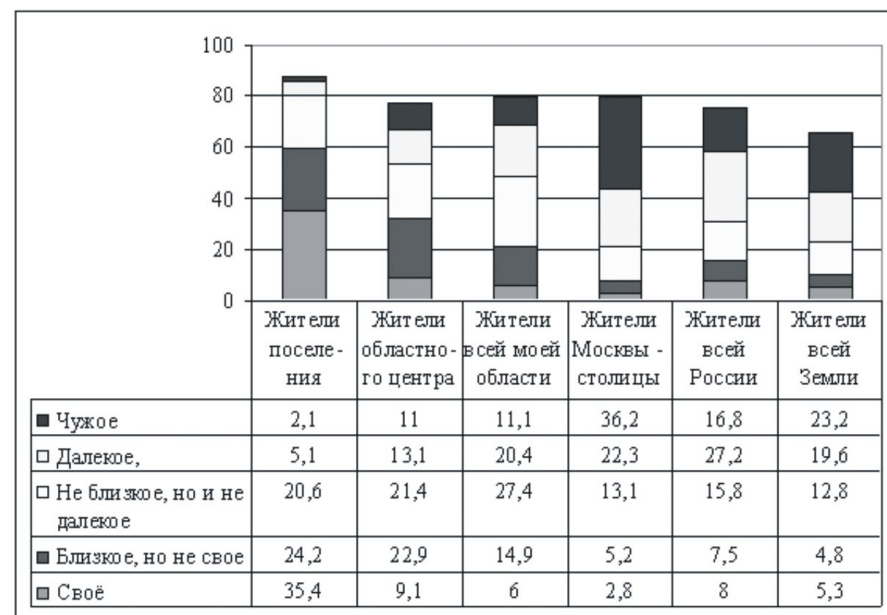

Рис. 1. Пространство идентичности жителей «свое—чужое», Тюменская область в целом, 2006 г. (в %)

Для измерения степени интенсивности слоевой близости («свое»-«чужое»), используется коэффициент интенсивности близости ($K_{инб}$) — отношение числа респондентов, отметивших наличие близости, к числу тех, кто отметил ее отсутствие. Как видно из табл.3, максимальный коэффициент интенсивности слоевой близости ($K_{инб}$) оказался для «жителей поселения, в котором я живу» — в пределах 7,22—9,67; для «жителей областного центра, хотя я там и не живу» — в пределах 1,02—1,91. Важно отметить, что коэффициент интенсивности слоевой близости ($K_{инб}$) для «жителей Москвы — столицы России» оказался минимальный — в пределах 0,11—0,18, и он оказался даже меньше, чем коэффициент интенсивности слоевой близости ($K_{инб}$) для «жителей всей России» (0,31—0,38) и «жителей всей Земли» (0,21—0,31). Все это говорит о том, что идентичности микроуровня намного сильнее, чем макроуровня, а идентичность, связанная с Москвой, самая «худшая».

Согласно нашей гипотезе, следовало ожидать, что жители Тюменского региона будут максимально солидарны с теми жителями поселения, в котором они живут. С этой точки зрения гипотеза подтвердилась: так, 35,4% респондентов ощущают жителей своего поселения как «свое», и еще 24,2% — как «близкое», в этой категории ответов меньше всего затруднившихся с ответом — 13,5%. На втором месте стоит категория «жители областного центра» (9,1% ответили «свое», 23% — «близкое»), и на третьем — «жители всей моей области» (6% ответов «свое», и 15% «близкое»). Анализ самоидентификаций россиян дает основание говорить о том, что каждый россиянин внутренне включен в систему сложных социальных ролей и связей, важность которых для разных людей и групп далеко не одинакова. Для большинства из них не очень важны макротерриториальные общности, зато важны территориальные микро-общности, отражающие духовную близость людей в своем регионе. Этот признак возможно зафиксировать путем получения ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете к своему региону?» (см. табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете к своему региону», Тюменский регион (в %)

Отношение к региону	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО	Вся область
Испытывают положительные чувства к региону	72	67	67	69
Испытывают отрицательные чувства к региону	11	17	19	15
Хотел бы вообще уехать из России	3	3	3	3
$K_{пер}$	62	49	48	54

и округом, который имеет не только этническое, но и социо-экономическое, демографическое измерение. Краевые власти, как минимум, декларируют приверженность принципам политики развития и поддержки этносов, в т.ч. коми-пермяцкого народа. В то же время институционализация этой политики все-таки проходит с видимым опозданием. Так в структуре краевых властей министерство, занимающееся проблемами коми-округа, было создано только в начале 2008 г., спустя два года после объединения субъектов. Хотя, соответствующий отраслевой комитет в краевом Законодательном собрании был создан сразу же после его избрания в декабре 2006 г. в процессе обсуждения структуры новой легислатуры.

Проблема раскола между Пермской областью и Коми-Пермяцким округом нашла отражение в таких важных для региона нормативных актах, как Концепция программы социально-экономического развития Пермского края, принятая в 2006 г. и программа Социально-экономического развития Пермского края. Разрабатывая эту программу власти, эксперты фиксировали значительную диспропорцию в системе расселения в регионе, а именно тот факт, что треть всего населения Пермского края проживает в областном центре, что только два города обладают численностью населения более 100 тыс. человек и в более 2700 населенных пунктах — численность жителей менее 100 человек. Кроме того, восточная часть края отличается повышенной долей городского населения, а в южной в основном преобладают сельские жители. Четко фиксируется уменьшение плотности населения по мере удаления от крупных населенных пунктов, особенно на севере, северо-западе и северо-востоке Пермского края.

Власти оценивают Коми-Пермяцкий округ как территорию с низким уровнем экономического и социального развития, заселенности и освоенности территории. «Округ занимает 20,5% всей площади Пермской области (0,2% России) и сосредоточивает лишь 5,1% ее жителей (0,1% жителей России). Плотность населения в Коми-Пермяцком округе — 4,9 чел./кв. км (в 4 раза ниже, чем в целом по Пермской области и почти в 2 раза ниже, чем в России). Коми-Пермяцкий округ — слаборазвитый и депрессивный регион, занимающий последнее место по всем показателям в Приволжском федеральном округе.

Достаточно серьезной проблемой для региона является проблема естественной убыли населения. С 1990 года естественная убыль населения наблюдалась в Прикамье, население которого сократилось за этот период на 4,5%, что составило примерно 138 тыс. человек. По данным территориального органа федеральной службы государственной статистики по Пермскому краю численность постоянного населения края постоянно снижалась: в 2004 г. — 2791,0 тыс., в 2005 г. — 2769,8 тыс., в 2006 г. — 2748,2 тыс., к началу 2007 г. она составила 2730,9 тыс. человек.

Особенностями формирования возрастной структуры Пермского края является сокращение численности и доли детей в населении и демографическое старение населения. В настоящее время возрастная структура населения Пермского края включает 17,3% детей в возрасте до 15 лет, 67,1% лиц в возрасте от 16 до 60 лет, и 15,6% тех, кто старше 60 лет.

Негативные тенденции (высокая смертность, кризис семьи, снижения рождаемости) фиксируются региональными властями, которые в рамках разработки и принятия программы социально-экономического развития Пермского края заявили о безусловном приоритете в региональной, общественно-государственной политике «наилучшего обеспечения прав и интересов ребенка» [7], как одного из факторов повышения рождаемости и улучшения демографической ситуации в регионе. Следует отметить, что региональная политика в области защиты материнства и детства в регионе была более чем продуктивной. Речь идет об областной целевой программе «Семья и дети Прикамья», законах Пермской области «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства», «О приёмной семье», «О патронатном воспитании», программы адресной социальной поддержки и др., которые способствовали повышению статуса семьи, охране здоровья матери, защите прав детей, некоторому улучшению брачно-семейных показателей Прикамья. Так, в регионе зафиксировано [8] увеличение числа браков и сокращение числа разводов на 1000 населения (в период 2001—2005 гг. с 5,8 до 6,7 и с 4,2 до 3,7, соответственно). Снижены показатели смертности: материнской — до 20‰ (в РФ — 33,6‰); перинатальной — до 10,3‰ (в РФ — 12,08‰); младенческой — до 11,2‰ (в РФ — 13,3‰).

Структурные изменения стали результатом миграционных потоков на постсоветском пространстве в 1990-е годы. В целом, анализ внутрирегиональных и внешних миграционных потоков показывает, что с течением времени объем перемещений населения региона постепенно сокращается, что указывает на сужение возможностей для мобильности населения. Так, например, три четверти нынешних жителей края, являющихся выходцами из других регионов, поменяли место жительства еще в советский период: 53% — более 25 лет назад, 22% — от 16 до 25 лет назад. В 1990-е годы край пополнился еще 18% внешних мигрантов, а за последние пять лет — только 8% [5].

Миграционные процессы не могли не отразиться и на конфессиональных характеристиках пермского сообщества. В Прикамье действуют 7 традиционных религиозных течений. Опираясь на исследования, проводимые учеными Пермского государственного технического университета в сотрудничестве со службой мониторинга Областной администрации, профессор М.Г. Писманик отмечает, что к 2004 г. численность религиозно ориентированных граждан в Пермском крае составила более трех четвертей (77,6%) взрослого населения региона. Интерес и активное участие пермских властей в этно-конфессиональных вопросах и процессах на региональном уровне имеют более чем 10-летнюю историю. Тенденции усложнения этно-конфессиональной структуры региона обусловили интерес властей к этническому вопросу, который традиционно еще с советских времен называется «национальным вопросом». Пермская область была первым регионом в России, где в начале 1990-х гг. власти осознали необходимость пристального внимания и серьезного отношения к национальному вопросу и стали разрабатывать механизмы реализации национальной политики, привлекая для этого, в т.ч. и пермское академическое сообщество. В период с 1993 по 2008 гг. были реализованы четыре областных целевых программ. В первой половине и середине 1990-х гг. две программы по Поддержке развития национальных культур народов Прикамья на 1993—1995 гг. и 1996—1998 гг., на рубеже 1990—2000-х гг. программа «Гармонизации национальных и межнациональных отношений народов Прикамья на 1999—2003 гг.». В настоящее время действует областная Программа развития и гармонизации национальных отношений народов Пермской области на 2004—2008 годы. Именно она является базовым документом для регулирования и реализации региональной национальной политики в Прикамье.

Все реализуемые в регионе национальные программы, так или иначе, направлены на сохранение и распространение знаний о культуре и истории этносов, проживающих в Прикамье. Мониторинги, проводимые в регионе в рамках этих программ, фиксируют особую активность населения аграрных территорий, особенно тех муниципальных образований, где преобладают представители нерусских народов [6]. Такая динамика, по видимому, стала и следствием целенаправленной региональной политики по поддержке и развитию национального образования в регионе.

Кроме того, региональные власти активно используют возможности СМИ для реализации национальной политики. Еще в 2002 г. была сформулирована новая концепция национального вещания. На договорной основе организовано вещание по национальной тематике Пермской ГТРК «Т 7» (теле и радиопередачи на национальных языках; тематические телерепортажи по актуальным вопросам национально-культурного развития народов региона; освещение событий национальной сферы в новостийных передачах и т.п.).

При содействии администрации края были созданы новые областные национальные объединения: региональная НКА чувашей Пермской области, общественный центр коми-язввинцев, общественный центр белорусов Пермской области, национально-культурное русское общество Пермской области, общественный центр таджиков Пермской области, общество грузин Пермской области «Иверия». Создание этих организаций характеризует как специфику миграционной ситуации Прикамья, так и инновативно-активный характер национальной политики Пермских властей, действующей по принципу: «лучше предупредить и контролировать, нежели не обращать внимания и в будущем решать серьезные проблемы».

В середине первого десятилетия 2000-х годов власти стали особое внимание уделять коми-пермяцкому народу, что было обусловлено сугубо политической целью — объединением Пермской области и Коми-Пермяцкого АО. Вместе с тем, наблюдается раскол между областью

Для количественной оценки положительного отношения к Тюменскому региону использован коэффициент, отражающий рефлексию субъекта по отношению к данной территории: индекс $K_{\text{рег}}$ (коэффициент региональной рефлексии) вычисляется, исходя из ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?» (Варианты ответа: «Я рад, что живу здесь»; «В целом я доволен, но многое не устраивает»; «Не испытываю особых чувств по этому поводу»; «Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать»; «Хотел бы уехать в другой регион России»; «Хотел бы вообще уехать из России») — см. табл. 5. Значительная часть респондентов настроена весьма благожелательно к своему региону: около 30% заявили: «Я рад, что живу здесь», а 40% ответили, что «в целом я доволен, но многое не устраивает».

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете к своему региону», Тюменский регион (в %)

Отношение к региону	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО
Я рад, что живу здесь	31,2	26,0	30,4
В целом я доволен, но многое не устраивает	41,2	40,8	36,4
Не испытываю особых чувств по этому поводу	14,1	12,1	10,1
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	6,5	6,0	6,1
Хотел бы уехать в другой регион России	4,2	11,4	13,1
Хотел бы вообще уехать из России	2,7	2,6	3,2
Отказ от ответа	0,1	1,2	0,7
Итого	100	100	100

Тем самым, были получены достаточно веские доказательства того, что после радикальных реформ структура регионального российского социума продолжала обеспечивать достаточно надежную трансляцию жизненных мотиваций и способов восприятия действительности на региональном уровне и, несмотря на революционный характер происходившей смены социально-экономического строя, социокультурные региональные стереотипы остались заметно устойчивыми. Поселенческие особенности в оценке региона малозначимы на юге области и достаточно существенны в ХМАО и ЯНАО (см. табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете к своему региону», сельское/городское население, Тюменский регион (в %)

	Юг ТО		ХМАО		ЯНАО	
	сельское (раб.пос.)	город-ское	сельское (раб.пос.)	город-ское	сельское (раб.пос.)	город-ское
Я рад, что живу здесь	33	30	18	28	19	32
В целом я доволен, но многое не устраивает	38	43	41	41	43	36
Не испытываю особых чувств по этому поводу	17	13	13	12	8	10
Мне не нравится жить здесь, но привык и не собираюсь уезжать	9	5	11	5	13	5
Хотел бы уехать в другой регион России	2	6	13	11	16	13
Хотел бы вообще уехать из России	2	3	2	3	1	3
Отказ от ответа		0	1	1		1
Всего	100	100	100	100	100	100

По нашему предположению, поскольку максимальная идентификация сегодня имеет региональный характер, то жители конкретных региональных общностей по всем субъектам Тюменской области будут максимально испытывать чувство солидарности (или чувство общности) именно с теми жителями поселения, в котором они конкретно проживают, — это подтверждается данными, приведенными в табл. 7.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» — «чужое» с жителями ...), Тюменская область (в % по столбцу)

Ответы на вопрос: «В какой мере вы чувствуете свою близость ...»	Жители поселения, в котором я живу	Жители областного центра, хотя я там не живу	Жители всей моей области	Жители Москвы — столицы России	Жители всей России	Жители всей Земли
Свое	39	13	9	3	9	5
Близкое, но не свое	23	25	16	5	7	4
Не близкое, но и не далекое	20	19	27	10	15	12
Далекое, но не чужое	5	13	22	24	30	20
Чужое	2	9	10	39	19	28
Затрудняюсь, или нет ответа	11	21	16	18	21	32
Итого	100	100	100	100	100	100
Свое	35	6	3	2	7	4
Близкое, но не свое	23	24	13	4	7	6
Не близкое, но и не далекое	22	21	28	14	16	13
Далекое, но не чужое	6	16	22	21	27	21
Чужое	2	13	13	37	16	21
Затрудняюсь, или нет ответа	13	20	22	22	28	36
Итого	100	100	100	100	100	100
Свое	34	7	5	4	10	8
Близкое, но не свое	28	21	15	6	7	4
Не близкое, но и не далекое	19	24	26	15	17	15
Далекое, но не чужое	4	11	18	21	25	18
Чужое	3	15	14	33	16	20
Затрудняюсь, или нет ответа	14	22	22	21	25	35
Итого	100	100	100	100	100	100

Ответы на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость ...» по идентификационному признаку «Свое» фиксируют в максимальной степени «жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)»: юг Тюменской области — 38,6%; ХМАО — 34,6%; ЯНАО — 33,5%. Для более наглядного представления этого признака введен коэффициент близости, который вычисляются как разность между долей ответов на вопрос («Свое», «Близкое, но не свое») и («Далекое, но не чужое», «Чужое») в общем количестве ответов на вопрос по данному поселению. Коэффициент близости отражает степень самоидентификации человека по отношению к различным типам поселений и территорий (табл. 8).

Данная технология расчета коэффициента близости была применена ко всем поселениям (города, поселки городского типа и села / деревни) Тюменской области, где проводились социологические опросы. Все расчеты представлены в табл. 9. Столбцы таблицы проранжированы по значению уровня рефлексии (K_{per}) субъекта по отношению к поселению.

инициативами федерального центра, целями и задачами, которые ставят перед собой собственно региональные власти. Воздействие может носить как позитивный, так и негативный характер по отношению к сообществу, возможно даже разрушая его. Вместе с тем, сами региональные власти — это тоже часть сообщества, потому их деятельность находится внутри него. Таким образом, анализ пермского случая оказывается достаточно сложным: с одной стороны, мы рассматриваем Пермский край — как сообщество, анализируя его структурные характеристики, оценивая процессы, происходящие в нем. С другой стороны, мы должны учитывать тот факт, что происходящее с Пермским краем как сообществом — это результат не только и не столько некогда ранее заданного сценария развития. Жизнь пермского сообщества — это повестка дня, формируемая политическими и экономическим элитами в постоянном режиме. Эти элиты принимают решения как внутри самого региона, так и за его пределами. Решения являются своего рода вызовом для сообщества, которое не может не отвечать, не реагировать на них. Таким образом, в фокусе нашего внимания оказывается не просто описание структуры сообщества, но анализ политико-управленческих решений, их воздействие на социокультурные характеристики сообщества, реакция последнего на эти инновации и реформы.

Общая характеристика региона, его проблем, тенденций

Пермский край — регион, во многом типичный для современной России — по глубине формирования рыночных отношений, по содержанию и уровню социально-экономического развития, социальному составу населения, его занятости в экономике, уровню благосостояния, демографическим процессам.

Пермский край, или Прикамье, по праву считается ядром старопромышленного Урала. По объему промышленной продукции регион занимает 14-е место в Российской Федерации (в Приволжском Федеральном округе (далее ПФО) — 4-е) [2].

Экспортно-ориентированный характер региональной экономики обеспечивает уже на протяжении последних 6—8 лет более высокие среднедушевые доходы населения. Пермь, как город-«миллионер» [3], оказывает инновативное и модернизирующее воздействие на весь регион. Вместе с тем, пространственная структура региона не может быть описана в виде пирамиды. Наряду с Пермью наличествуют нескольких центров («точек») экономического роста (Березники, Соликамск, Кунгур, Чайковский, Добрянка, Полазна, Губаха) с преимущественно экспортными, или перерабатывающими отраслями промышленности. «Наличие нескольких центров делает центр-периферийное неравенство многополярным, а социальный ландшафт — достаточно мозаичным» [4].

Наряду с успешно развивающимися экспортно-ориентированными территориальными и районными экономиками в крае есть и депрессивные города, даже целые районы, где расположены практически умершие в настоящее время предприятия угольной отрасли промышленности. Уже по линии территорий края, где расположены предприятия добывающей промышленности, мы можем видеть колоссальный раскол между экспортно-ориентированными успешными «вотчинами» Лукойла, Уралкалия, Газпрома (Березники, Соликамск, Полазна, Краснокамск, Куеда, Оса, Чернушка) и системно умирающими, абсолютно дотационными «угольными» территориями Кизеловского угольного бассейна, чьи «золотые годы» пришлись на начало второй половины прошлого века. Такое различие тем более очевидно по линии «город» — «село», и особенно между значительно урбанизированной Пермской областью и преимущественно аграрным Коми-Пермяцким округом. Именно множественный и структурно сложный социально-экономический раскол в территориальном пространстве края обуславливает сложно-устроенный, нелинейный характер региональной социальной политики начала 2000-х годов.

Население, его этнокультурные, социальные особенности

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. на территории края проживает представители более чем 120 национальностей. Доля русских в Пермской области на начало 2000-х годов составляла чуть менее 88%. Коми-Пермяцкий АО — один из двух автономных округов России с преобладанием титульного населения, но, в отличие от автономий Крайнего Севера, доля титульного населения, коми-пермяков, за межпереписной период 1989—2002 гг. почти не изменилась (59%). Этнические проблемы для Прикамья нехарактерны, однако уровень жизни титульного населения округа намного ниже, так как оно в основном сельское.

Н.В. Борисова, Е.Б. Плотникова,
И.А. Германов, Н.А. Несеверя
(Пермь)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИННОВАЦИЙ В ПЕРМСКОМ КРАЕ*

«...Наш исторический шанс в том, чтобы возглавить процесс перемен региональных государственных институтов... Я хочу, чтобы наш край стал таким центром, центром активных людей, новых технологий, идей и проектов, новой экономики и «нового государства».

Чиркунов О.А. Доклад о социально-экономическом и политическом положении Пермского края. Пермь, 19 июля 2007 г. [1]

В современной России, переживающей трансформационные процессы, с одной стороны, а, с другой, вступившей на путь так называемой новой региональной политики, ориентированной при ее реализации на учет региональной специфики, регионы, как сообщества, испытывают постоянное воздействие инноваций из центра. И эти инновации провоцируют те или иные ответы на них со стороны регионов. Сами инновации в последние 5—6 лет носят, на наш взгляд, преимущественно политико-административный характер: они направлены, говоря публицистическим языком, на «укрепление вертикали власти».

Пермский край является примером ко-инновативного (следует инновациям центра) и вместе с тем инновативного (продуцирует инновации сам) развития. Начиная от интегративного процесса, муниципальной и административной реформы, заканчивая социальной политикой — эти сферы оказываются своего рода «проектами», реализуемыми региональными властями. О Пермском крае в последние три-четыре года нередко в журналистской среде говорят как о проекте. В этом смысле речь идет, во-первых, о процессе объединения двух регионов — Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Две части единого субъекта — область и округ — весьма отличны друг от друга по основным показателям экономического развития, уровню жизни, социальному самочувствию, степени урбанизации, инновативности жизни, электоральным предпочтениям и т.п. Можно утверждать, что в случае с округом мы имеем дело с аграрной, в большей степени традиционной общественной структурой и стилем жизни. Во-вторых, это реализующиеся по экспериментальному варианту муниципальная и административная реформы.

Область, и, прежде всего, Пермь, Березники, Чайковский, Соликамск, в последние годы Кунгур, Добрянка и Полазна представляют собой пример интенсивного развития как в технико-технологическом, так и социокультурном отношениях. Между областью и округом в целом, между городами (прежде всего, Пермью) и аграрными территориями края наличествует раскол, преодоление которого, как представляется, должно быть основной задачей краевых властей.

«Расколотость» региона актуализирует проблему структурных характеристик (социокультурных, экономических, демографических, политико-культурных) регионального сообщества, степени его сплоченности (как обязательного атрибута сообщества), степени потенциала для дальнейшего развития и роста регионального сообщества. Что происходит и происходит ли что-либо с регионом как сообществом в условиях инновативной региональной политики? Все инициативы властей (политики, как policies, проекты, реформы) — это всегда воздействие на сообщество. Такое воздействие обусловлено не только интересами самого сообщества, но

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-82307а/У.

Таблица 8

Уровень рефлексии и самоидентификации регионального субъекта
как разность (+) и (-) ответов в общем количестве ответов по данному поселению

Уровни рефлексии	Самоидентификации (круги близости «свое» — «чужое» / Жители ...						
	Какие чувства испытываю по отношению к своему региону	поселения, в котором живу	областного центра	всей моей области	Москвы — столицы России	всей России	всей Земли
Юг ТО	0,62	0,55	0,16	-0,06	-0,55	-0,33	-0,39
ХМАО	0,49	0,50	0,01	-0,19	-0,52	-0,29	-0,33
ЯНАО	0,48	0,55	0,01	-0,13	-0,44	-0,24	-0,26
В среднем по ТО	0,54	0,53	0,07	-0,12	-0,51	-0,29	-0,34
Стандартное отклонение	0,06	0,02	0,07	0,04	0,04	0,03	0,05

Очевидно, что все поселения Тюменского региона можно разделить на те, которые отличают высокий уровень самоидентификации, средний уровень самоидентификации и относительно низкий уровень самоидентификации.

При этом в первую группу попадают все три региональных центра и поселения, находящиеся в непосредственной близости от Транссиба на юге области.

Заметна такая закономерность: чем дальше от железнодорожных магистралей расположены поселения, тем ниже в этих поселениях уровень самоидентификации регионального субъекта и тем выше — поселенческого. Например, в поселке Боровский, расположенном в непосредственной близости от областного центра, жители показывают высокий уровень рефлексии по отношению ко всей области, высокий уровень близости с жителями областного центра и всей области, и самый высокий в регионе уровень внутриселенческой близости. В третью группу по уровню рефлексии по отношению к региону относятся наиболее отдаленные от основных трасс поселения или неблагополучные в социальном отношении поселки. В свою очередь сельские населенные пункты показывают относительно более высокий уровень поселенческой близости.

В областном центре (Тюмень) доля тех, кто испытывает положительные чувства по отношению к региону выше доли тех, кто испытывает отрицательные чувства на 71% (очень высокий показатель), а еще выше этот показатель в Ханты-Мансийске — 81%. В верхней части таблицы 9 первые девять поселений — это те, для которых характерен высокий уровень региональной рефлексии. Среди них выделяются два типа — относительно высокий уровень региональной самоидентификации (Тюмень, Салехард), поселки Боровский, Московский, Викулово; относительно низкий уровень региональной самоидентификации (Ханты-Мансийск, Ишим). Можно сказать, что жители последних двух городов, высказывая в целом положительные чувства по отношению к своему региону, не ощущают «своими» жителей этого региона. Причины могут быть различными. Одна из них та, что в Ханты-Мансийске, — один из наиболее высоких уровней жизни в Тюменском регионе, а в Ишиме — один из наиболее низких. В поселениях, для которых характерен относительно низкий уровень региональной рефлексии, (нижние семь поселений в таблице) более низок уровень региональной самоидентификации, тогда как все другие показатели не слишком отличаются от среднего уровня.

Отметим весьма важный для нас в методологическом плане факт, что наибольший разброс в разрезе поселений имеет самоидентификация по признаку: «свой—чужой» по отношению к областному центру (стандартное отклонение 0,22), а наименьший разброс — самоидентификация по признаку отношения к поселению (стандартное отклонение 0,14).

В среднем по региону наиболее высокий уровень имеет показатель поселенческой близости (0,53) и региональной рефлексии (0,54); наиболее низкий — близости с жителями столицы России Москвы (-0,51). То есть тех, кто считает жителей Москвы «чужими» на 51% больше чем тех, кто считает москвичей «своими». Очевидно, что поселения отличаются главным образом по отношению к областной столице и жителям всей области.

Таблица 9

Уровень рефлексии и самоидентификации регионального субъекта
как разность (+) и (-) ответов в общем количестве ответов по данному поселению

Поселения	Уровень рефлексии	Уровень самоидентификации (круги близости «свое»–«чужое»)					
	Какие чувства испытываю по отношению к своему региону	Жители поселения, в котором живу	Жители областного центра	Жители всей моей области	Жители Москвы – столицы России	Жители всей России	Жители всей Земли
Ханты-Мансийск	0,81	0,50	-0,03	-0,16	-0,52	-0,34	-0,36
Боровский	0,75	0,90	0,62	0,48	-0,02	0,08	-0,03
Тюмень	0,71	0,44	0,18	0,00	-0,53	-0,25	-0,37
Викулово	0,69	0,62	0,16	-0,08	-0,77	-0,45	-0,56
Салехард	0,67	0,60	0,09	-0,08	-0,53	-0,39	-0,43
Нефтеюганск	0,67	0,63	-0,02	-0,12	-0,43	-0,10	-0,16
Бердюжье	0,61	0,78	0,49	-0,07	-0,74	-0,50	-0,37
Ишим	0,61	0,42	-0,06	-0,15	-0,56	-0,36	-0,34
Московский	0,60	0,59	0,33	-0,07	-0,72	-0,35	-0,49
Упорово	0,54	0,52	0,14	-0,10	-0,71	-0,56	-0,64
Новый Уренгой	0,53	0,65	0,09	-0,06	-0,38	-0,17	-0,10
Урай	0,53	0,68	-0,16	0,00	-0,53	-0,21	-0,37
Нягань	0,53	0,56	0,13	-0,08	-0,49	-0,21	-0,21
Заводоуковск	0,52	0,55	0,13	-0,03	-0,56	-0,43	-0,51
Радужный	0,51	0,61	0,12	-0,17	-0,56	-0,20	-0,37
Тобольск	0,51	0,55	-0,09	-0,23	-0,42	-0,19	-0,23
Нижневартовск	0,50	0,48	-0,08	-0,23	-0,60	-0,31	-0,42
Покачи	0,49	0,40	-0,08	-0,21	-0,41	-0,19	-0,26
Сургут	0,49	0,54	0,21	-0,06	-0,31	-0,23	-0,26
Тарко-Сале	0,48	0,52	0,12	-0,14	-0,57	-0,05	-0,31
Лангепас	0,47	0,47	0,00	-0,09	-0,47	-0,18	-0,15
Казанское	0,46	0,82	0,10	-0,26	-0,74	-0,70	-0,68
Гольшманово	0,39	0,83	0,65	0,33	-0,11	-0,37	-0,57
Пойковский	0,36	0,49	-0,09	-0,34	-0,69	-0,40	-0,40
Ноябрьск	0,34	0,42	-0,11	-0,22	-0,38	-0,20	-0,21
Пыть-Ях	0,33	0,32	-0,18	-0,33	-0,59	-0,45	-0,46
Муравленко	0,32	0,58	0,00	-0,16	-0,32	-0,21	-0,26
Пангоды	0,22	0,41	-0,12	-0,14	-0,41	-0,22	-0,20
Губкинский	0,03	0,48	-0,19	-0,16	-0,58	-0,35	-0,45
В среднем по области	0,54	0,53	0,07	-0,12	-0,51	-0,29	-0,34
Стандартное отклонение	0,17	0,14	0,22	0,16	0,18	0,16	0,16

Можно предположить, что региональная самоидентификация и региональная рефлексия есть основания для возникновения конфликта. Как известно, на ментальности жителей Тюменского региона сильно отразился весьма длительный конфликт между тремя субъектами федерации, глубокие причины которого были заложены в Российской Конституции. К сожалению, действующие в последнее время весьма успешные и полезные программы «Сотрудничество», «Урал промышленный — Урал полярный» хотя и снизили напряженность, но не сняли все основания для возможных конфликтов.

Если рассмотреть уровни рефлексии и самоидентификации регионального субъекта как разность (+) и (-) ответов в общем количестве ответов по данному региону по тесту Хи-квадрат на значимость различий, то он показывает, что в разрезе поселений все различия

Присутствие газет, телевизионного вещания в жизни людей в анкетном опросе не выявил никакой тенденции. Не обнаруживается влияние просмотра экономических и политических передач на активную и неактивную позиции к новаторству.

Наличие мобильного телефона, компьютера, Интернета отчасти находится в некоторой связи с творческим потенциалом «новатора». Тем не менее, необходимы новые данные, возможные в случае более детального исследования в этом направлении, для того, чтобы более отчетливо эту связь выявить.

Исследовательская практика в рамках социологии инноватики позволяет выявить роль государства в формировании инновационной среды, социальные стратегии инновационного развития регионов, становление мотивации и готовности к участию в инновационной деятельности, социальные факторы ее развития, а также общие вопросы инновационной культуры и общества знания.

Литература

1. http://gov.karelia.ru/gov/Info/2006/eco_union06.html
2. Республика Карелия в цифрах. Петрозаводск, 2006. С. 242.
3. Инновационный потенциал Республики Карелия. Петрозаводск, 2006. С. 26–27.
4. Неклесса А.А., Шедровицкий П.Г. Инновационная Россия // Экономические стратегии, 2003. № 5. С. 5.
5. http://msb.karelia.ru/msb_review.html
6. Инновационный потенциал Республики Карелия. С. 28.

Тем не менее, позитивная с точки зрения роста созидательного, творческого потенциала общества в целом тенденция (установка на собственные силы), указывает на постепенный уход от иждивенческих настроений. Наибольший процент таких людей обнаруживается среди «новаторов-организаторов». Респондентам был задан вопрос: Как Вы считаете, в какой степени улучшение Вашей жизни сегодня зависит, и один из ответов был сформулирован «От Вас самих». Среди участников инновационных процессов доля избравших такой вариант ответа превышает верящих в собственные возможности в других группах респондентов (табл. 7).

Таблица 7

Участие в инновациях и определение субъекта по улучшению жизни (вариант: «От Вас самих», в %)

	Полностью зависит	Пожалуй, зависит	Не знаю	Скорее не зависит	Совсем не зависит
Участвовал как организатор	85,2	11,1	2,5	1,2	
Участвовал вместе с другими	61,0	31,4	2,9	2,9	1,9
Не участвовал	67,6	19,6	4,3	6,2	2,3
Затрудняюсь ответить	61,5	28,2	5,1	2,6	2,6
Отказ от ответа	67,9	11,3	11,3	5,7	3,8

Люди с организаторскими способностями, способными на инновационную деятельность, готовы брать ответственность за трудоустройство и благополучие других людей: это видно, если сравнить, по показателям наличия-неналичия подчиненных у «новаторов» и «неноваторов» (см. табл. 8).

Таблица 8

Участие в инновациях и неналичие-наличие подчиненных (в %)

	Нет подчиненных	Менее 5 чел.	5–10 чел.	11–50 чел.	51–100 чел.	Более 100 чел.
Участвовал как организатор	38,4	21,9	16,4	13,7	5,5	4,1
Участвовал вместе с другими	59,8	14,4	18,6	5,2	2,1	
Не участвовал	85,8	7,1	3,2	3,4	,6	
Затрудняюсь ответить	74,2	19,4	3,2		3,2	
Отказ от ответа	85,4	8,3	2,1	4,2		

Понятно, что активные, деятельные люди вынуждены проходить через многие препятствия, в том числе через те, которые находятся в коридорах власти, в чиновничьих кабинетах. Из данных табл. 9 видно, что чаще сталкиваются с фактами вымогательства и коррупции именно те, кто берется за внедрение новшеств в устоявшемся социальном мире власти и подчинения. (Респонденты отвечали на вопрос: «Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?»)

Таблица 9

Участие в инновациях и факты вымогательства и коррупции

	Лично не сталкивался	Изредка сталкивался	Часто сталкивался	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Участвовал как организатор	27,6	42,1	23,7	5,3	1,3
Участвовал вместе с другими	50,5	35,6	10,9	2,0	1,0
Не участвовал	68,2	23,2	3,9	2,6	2,0
Затрудняюсь ответить	33,3	41,0	10,3	15,4	
Отказ от ответа	46,3	18,5	9,3	13,0	13,0

значимы, максимальны различия в оценке близости населения с жителями Москвы и областного центра и минимальны — внутрипоселенческие.

Анализ теста Хи-квадрат в разрезе регионов (юг области, ХМАО, ЯНАО) подтверждает, что практически нет отличий между регионами в оценке близости в поселенческом и всероссийском масштабе, и наиболее велики эти различия между регионами в оценке близости с жителями Москвы и областного центра.

Это означает, что среди рассмотренных показателей территориального поведения социальных субъектов наибольший конфликтный потенциал заложен в отношении к жителям областного центра и Москвы.

Литература

1. Тэджфел Генри (1920—1982) — английский социальный психолог, автор теории социальной идентичности. Автор книги: «Социальная идентичность и межгрупповые отношения» (1982).
2. Stryker S., Burke P.J. The Past, Present, and Future of an Identity Theory // Social Psychology Quarterly. December 2000. Vol. 63. Issue 4. Special Millenium Issue on the State of Sociological Social Psychology. P. 284—297.
3. См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979. С. 47—87 (гл. 3 «Диспозиционная структура»); Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «несвоих» групп и сообществ (1999—2002 гг.). Мастер-класс профессора В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 2004.
4. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 10—11.
5. Сорокин П. Система социологии. В 2-х томах. Т. 2. М., 1993. С. 210, 213.
6. См.: Agnew J. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987.
7. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94.
8. См.: Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: Монография. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 18.
9. Якушев В. Сердце Тюмени // Тюмень: старт века. Тюмень: Тюменский дом печати, 2006. С. 365.
10. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы: Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
11. Там же. Вопрос № 14. С. 50—51.

Е.В. Андрианова
(Тюмень)

МОТИВЫ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ РАБОТНИКОВ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

Социальные процессы, сопровождающие переход России к рынку, повлекли за собой кардинальные изменения в мотивационных структурах работников. Социокультурные нормы трудящихся, сложившиеся в условиях патернализма в СССР, не способствовали сильной мотивации экономической деятельности и, в конечном счёте, тормозили социально-экономическое развитие страны. Рыночная экономика ориентирует людей на иной тип трудовой мотивации, предполагая мотивацию достижительного типа. Поскольку одной из целей рыночных реформ провозглашалось формирование у населения системы мотивации, ориентированной на эффективный и высококачественный труд, то она рассматривается как социальный показатель качества развития экономики, играющий важную роль среди других факторов адаптации к рынку.

Россия, в силу огромного территориального, экономического, социального и культурного разнообразия, не должна рассматриваться как своего рода монолит. В этом контексте актуальным представляется изучение общего и особенного в трудовой мотивации работников Тюменской области как региона с определённой спецификой.

В ходе проведения реформ именно сфера труда оказалась в самом уязвимом положении, поскольку именно в ней выразительней всего были видны изъяны экономической политики российского государства, а также все экономические и социальные деформации, наблюдавшиеся в постсоветской России. Происходит перераспределение социальных акцентов у работников в направлении мотивов адекватных требованиям рыночной экономики. Здесь важна сравнительная распространённость ценностей самостоятельности и независимости или, наоборот, покоя и защищённости, патернализма или готовности к ответственности и риску, соотношение ориентации на достижение успеха или на избегание неудач.

В этой связи встаёт ряд вопросов:

- Насколько проводимые на протяжении последнего периода реформы затронули структуру трудовой мотивации;
- Произошла ли трансформация трудовой мотивации в постсоветский период;
- Есть ли расхождения между реально осуществляемым трудовым поведением населения и идеальными предпочтениями в труде;
- В какой степени перераспределение работников между секторами экономики является адекватным потребностям самих работников;
- Какие внешние и внутренние условия на сегодняшний день формируют трудовую мотивацию.

Для ответа на эти вопросы, проведем сравнительный анализ динамики отношения к труду россиян в постсоветский период на примере данных Всероссийского центра изучения общественного мнения и исследованием населения юга Тюменской области (далее — ТО), проведенным автором в составе рабочей группы. Исследование проведено по методике «Социологический портрет региона», разработанной под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [1]. Исследование на юге ТО — массовый опрос, объем выборки составил 1715 человек, репрезентирующий население юга ТО по половозрастной структуре, ошибка выборки 3,5%. В выборку попало население Тюмени, Тобольска, Ишима и Заводоуковска и 7 сельских населенных пунктов, из них 63% городского и 37% сельского населения. ВЦИОМ начиная с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

В составе новаторов 46 чел. имеют высшее и 14 — незаконченное высшее образование. Опрос показал, что инициаторами инноваций выступают главным образом жители городов (68 чел. из 81), только 13 чел из сел и поселков. Новаторами являются преимущественно люди с высшим или незаконченным высшим образованием (60 чел.), а также — со средним специальным образованием (19). 50 из них относятся к числу людей «зажиточных и обеспеченных», 11 — к числу «богатых», а 16 — «необеспеченные». 28 новаторов не имеют подчиненных, 16 — имеют менее 5 человек подчиненных, 12 — имеют 5—10 чел. в подчинении, у 4 — от 11 до 50.

12,1% респондентов полагают, что получают поддержку при внедрении нового, 5,3% считают, что к этой деятельности проявляется безразличие, 2,5% — встречали противодействие новому, остальные не дали определенного ответа на данный вопрос.

В интервью, которое использовалось в исследовательском проекте, присутствует блок индикаторов, позволяющих оценить отношение к инновациям людей разного материального достатка. Люди с активной позицией, с установкой на освоение нового более обеспечены материально.

Те, кто участвовал во внедрении нового, как организатор или в команде (с другими) соответственно склонны к позитивному отношению к новому. Но процентные результаты, говорящие о людях с безразличным отношением, готовых на противодействие, а также «затрудняющихся ответить», с «отказом ответить» свидетельствуют о противоречии, выявляют картину осторожного отношения к новому и неверие в безусловную позитивность новизны. Интересный результат виден у тех, кто не участвовал в инновационном процессе: в большинстве своем они и не знают, как относиться к новому. На этот вопрос отказываются отвечать 70,6%, затруднились с ответом — 25,2%, не склонны противодействовать — 1,0% и безразличны 2,0% и только 1,3% готовы поддержать новое. Еще более отчетливая картина о некой растерянности и неясности позиции в ответах респондентов: те, кто затрудняется или отказывается отвечать по поводу своих действий по введению в жизнь новизны также неопределенны и по поводу своего отношения к новому вообще.

Реализация своего творческого потенциала совсем не означает, что это уже может принести чувство удовлетворенности в жизни и уверенность в будущем (см. табл. 5, 6). По крайней мере, об этом следует говорить с осторожностью, например, в связи с короткими временными сроками.

Таблица 5

Участие в инновациях и удовлетворенность жизнью (в %)

	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	Затрудняюсь точно ответить	Не очень удовлетворен	Совсем не удовлетворен	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Участвовал как организатор	20,0	43,8	13,8	16,3	3,8	1,3	1,3
Участвовал вместе с другими	7,5	46,2	17,9	26,4	,9	,9	
Не участвовал	7,3	42,5	17,7	25,4	4,7	2,0	,3
Затрудняюсь ответить	22,0	26,8	22,0	22,0	4,9	2,4	
Отказ от ответа	10,9	30,9	30,9	16,4	5,5	1,8	3,6

Таблица 6

Участие в инновациях и уверенность в будущем (в %)

	Вполне уверен	Скорее уверен	Не знаю точно	Скорее не уверен	Не уверен	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Участвовал как организатор	20,0	28,8	31,3	13,8	5,0	1,3	
Участвовал вместе с другими	4,7	39,3	32,7	15,0	8,4		
Не участвовал	9,6	28,2	36,9	16,0	6,4	2,6	,3
Затрудняюсь ответить	14,6	17,1	43,9	12,2	9,8	2,4	
Отказ от ответа	7,3	20,0	41,8	14,5	10,9	1,8	3,6

В выборке около 40% составили петрозаводчане, примерно треть — население районных городов и чуть больше трети — жители сел и рабочих поселков.

Анкетирование выявило среди жителей не самый высокий процент новаторского, творческого потенциала — всего 20%, готовых на креативную деятельность. При этом организаторов насчитывалось 8,6%, участвующих вместе с другими — 11,4%. Почти 70% не участвовали за последние пять лет во внедрении чего-либо нового.

Основные возрастные группы были представлены в выборке в следующей пропорции: молодежь до 30 лет — 35,9%; работающие взрослые от 31 до 50 лет — 41,1%; группа от 51 до 60 лет — 11,2%, пенсионеры старше 60 лет — 11,8%. Наиболее «новаторский» возраст выявляется от 31 до 40 лет и от 41 до 50 лет, но представители других возрастов также имеют свою «долю креативности» (см. табл. 3).

Таблица 3

Участие в инновациях респондентов и возраст (в %)

	от 18 до 23 лет	от 24 до 30 лет	от 31 до 40 лет	от 41 до 50 лет	от 51 до 60 лет	старше 60 лет
Участвовал как организатор	16,0	14,8	25,9	37,0	3,7	2,5
Участвовал вместе с другими	25,2	13,1	24,3	25,2	8,4	3,7
Не участвовал	20,3	13,6	18,2	20,2	13,3	14,5
Затрудняюсь ответить	24,4	36,6	9,8	19,5	4,9	4,9
Отказ от ответа	27,3	12,7	16,4	20,0	9,1	14,5

Распределение по полу показывает, что среди активных организаторов инновационной деятельности мужчины составляли две трети, среди участников вместе с другими — 41,5%. Чуть меньшей (38,8%) оказалась доля мужчин среди тех, кто не участвовал в такой деятельности.

Из числа опрошенных 1% имеет начальное образование, 2,9% — незаконченное среднее образование, 16,2 — среднее общее, 2,9% начальное специальное образование (профтехучилище), 34,4% — среднее специальное, 14,4% — незаконченное высшее, 23,6 — высшее образование и 2,9% — послевузовское образование.

Как и следовало предполагать, чем выше образовательный статус, тем больше стремление узнать и освоить новое. Отметим, что не только высшие, но и средние специальные образовательные учреждения также способствуют развитию творческого потенциала (см. табл. 4).

Таблица 4

Участие в инновациях и образование респондента (в %)

	Начальное	Незаконченное среднее	Среднее общее	Начальное специальное	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее	Послевузовское	Отказ
Участвовал как организатор			1,3		23,8	17,5	48,8	8,8	
Участвовал вместе с другими			17,1	1,9	21,0	25,7	30,5	3,8	
Не участвовал	1,4	3,8	17,7	3,7	39,3	12,1	20,1	1,8	
Затрудняюсь ответить		2,5	15,0		25,0	20,0	35,0	2,5	
Отказ от ответа	1,8	3,6	18,2	1,8	34,5	14,5	14,5	7,3	3,6

В системе образования Республики Карелия 900 образовательных учреждений, в том числе 96 — государственных, 669 — муниципальных. В них работает 30,4 тыс. человек.

В республике имеется 16 учреждений начального и 22 учреждения среднего профессионального образования с филиалами. В 2006 г. в учреждениях начального профессионального образования обучалось 7800 человек по 60 профессиям. В учреждениях среднего профессионального образования обучалось 14000 человек по 76 специальностям.

1989 г., на протяжении многих лет изучает общественное мнение о том, что для россиян значит работа. Последний всероссийский опрос проведен в апреле 2008 г. Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России [2. С. 1].

Один из вопросов, задаваемых жителям России относительно мотивации труда, звучал так: «Какое из следующих суждений о том, что значит для человека работа, подходит лично Вам?». Вопрос предполагал следующие варианты ответов:

1. Работа для меня важна и интересна сама по себе, независимо от оплаты;
2. Работа — это, прежде всего источник получения средств к существованию;
3. Работа для меня — не самое главное, в моей жизни есть вещи, значащие для меня гораздо больше, чем работа;
4. Работа для меня — неприятная обязанность, если бы я мог, я бы вообще не работал.

Ключевая трансформация в мотивации труда за годы реформ произошла в радикальном изменении соотношения двух мотивов: «содержательного» и «инструментального». «Инструментальный» мотив, в период кризиса 1990-х годов из аутсайдеров, выбрался на лидирующую позицию и с 20% (в 1989 г.) поднялся до 50% (в 1992 г.) и сохраняет постоянную тенденцию роста. При этом доля тех, для кого работа — не самое важное в жизни в 1989 г. (в начале наблюдений) была лидирующей, в 1992 г. резко упало число людей, руководствующихся этой мотивацией, и с тех пор прослеживается тенденция к ее постоянному снижению. Доля населения, для которого работа — «неприятная обязанность, если бы я мог, я бы вообще не работал» на протяжении всего периода наблюдений волнообразно колеблется в пределах 10%.

По данным на 2008 г. для двух третей россиян работа (64%) — это, прежде всего источник средств к существованию. Люди, для которых работа важна и интересна сама по себе, независимо от оплаты, составляют 12%. Ещё 13% делают акцент на том, что работа для них не главное, есть вещи и поважнее. К работе как неприятной обязанности и предпочли бы вовсе не работать относятся 3% респондентов [2. С. 1]. Если в СССР значительная часть респондентов показывала интерес к работе как таковой, то теперь на передний план выдвинуты деньги, а содержание же работы как таковое занимает в массовом сознании скромное место.

Для обозначения динамики общественного мнения относительно идеальных мотивационных предпочтений, в исследованиях задавали респондентам вопрос: «Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?». Вопрос предполагал следующие варианты ответов: небольшой заработок, но больше свободного времени; небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне; много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее; иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск; затрудняюсь ответить.

Придерживаясь объяснительной модели трудовой мотивации Д.С. МакКлелланда — одной из основных потребностей человека является потребность в достижении, которая находится в противоборстве с потребностью избегания неудач. По другому говоря, одни люди склонны к мотивации достижения, готовы к риску и ответственности, решают задачи повышенной сложности, другие же желая успеха, больше боятся потерпеть неудачу, отсюда их основная мотивация — это избегание неудачи. Такие люди более осторожны в принятии решений, не готовы действовать без гарантий, согласны довольствоваться меньшим, при этом сохраняя стабильность.

Согласно этой классификации варианты ответов на вопрос «Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?», то есть идеальные предпочтения работников, мы соотнесли с двумя типами мотивации: *достижения успеха* (1 тип) и *избегания неудач* (2 тип).

Варианты ответов на вопрос об идеальных мотивационных предпочтениях соотносятся с выделенными типами следующим образом:

1 тип, достижения успеха — респонденты, выбирающие варианты ответов: «много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск»;

2 тип, избегания неудач — респонденты, выбирающие варианты ответов: «небольшой заработок, но больше свободного времени», «небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне».

Итак, доля респондентов, которые предпочли бы иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне (модель трудовой мотивации — «избегание неудач»), возросла с 54% в 1994 г. до 60% в 1999 г., но затем начала снижаться, и в 2008 г. достигла 44%. О стабильном снижении показателя говорить нельзя, но данные свидетельствуют как минимум о понимании населением происходящих социально-экономических преобразований. Напротив, возросла доля тех, кто готов рисковать ради высоких доходов — хотел бы много работать и хорошо зарабатывать, даже без гарантий на будущее с 23% до 34% (модель трудовой мотивации — «достижения успеха»). Стоит отметить тенденцию стабильного роста доли работников, выбирающих мотивацию «достижения успеха». Стало больше и тех, кто готов вести собственное дело на свой страх и риск (с 6% до 10%). Доля тех, для кого лучше небольшой заработок, но много свободного времени, — в России стабильно немного: 3–4%.

Для того чтобы, выявить какие мотивы трудовой активности доминируют на данном этапе рыночных трансформаций у работников ТО, сравним результаты общероссийского исследования и исследования трудовой мотивации работников ТО.

Чтобы выяснить есть ли специфические отличия мотивационных предпочтений работников ТО, сопоставим ответы на вопрос: «Какую работу Вы предпочли бы сегодня, если бы могли выбирать?», полученные в ходе нашего исследования и всероссийского исследования ВЦИОМ. Ответы на заданный вопрос позволяют делать выводы о степени готовности населения к рискам, связанным с работой в новой экономической ситуации в постсоветский период.

Патерналистская мотивация получения «небольшого, но твердого заработка и уверенности в завтрашнем дне» свойственна 44% жителей России. Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее, готовы 34% россиян. Иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск хотели бы 10%. Небольшой заработок, но больше свободного времени выбрали бы 3% респондентов. Рассматривая мотивационные предпочтения на уровне Российской Федерации, видно, что большая часть работников в идеале предпочли бы руководствоваться мотивацией избегания неудач — 47% и меньшая доля готовых работать в условиях рынка. Люди с мотивацией достижения составили 44% [2. С. 1].

Среди работников ТО желали бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне 40% опрошенных. К этой группе большей частью относятся люди с низкими доходами и средним уровнем образования. На втором месте респонденты, которые готовы много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее (22%). Это респонденты с высшим образованием, молодого и среднего возраста. Третья значительная группа — желающие иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск (15%).

Мотивация достижения успеха присуща респондентам, выбравшим варианты «много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск» и составила 37%. Второй тип, мотивации избегания неудач определялся следующими вариантами ответов: «иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне», «Иметь пусть небольшой, но твердый заработок, больше свободного времени и более легкую работу», «Иметь пусть небольшой, но твердый заработок». Мотивация «избегания неудач» присуща 50% респондентов. (Здесь и далее в сумме проценты не составляют 100%, так как в анализ не включены те, кто затруднились с ответом и отказались от ответа на вопрос).

Из сопоставления мотивационных предпочтений жителей всей России и Тюменской области, видно, что пропорциональные распределения мотивации достижения успеха и избегания неудач примерно совпадают. Но, с другой стороны, отличительной особенностью работников Тюменской области явилось, то, что 15% хотят иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск (на уровне всей России этого хотели бы 10% опрошенных). Это позволяет говорить о сравнительно большей готовности жителей Тюменской области работать в современных рыночных условиях.

В период изменений, происходящих в обществе, происходили процессы приспособления к сложившейся социальной ситуации. Для понимания трудовой мотивации важен анализ данных о перемене места работы, о причинах по которым человек сегодня сохраняет или

Инновации, с одной стороны, всегда несут угрозу стабильности, распада и гибели общества, но с другой стороны, составляют содержание самой жизни, необходимое условие существования общества, способ поддержания, утверждения его бытия в изменяющемся мире. Инновация в культуре может привести к соответствующим изменениям в социальных отношениях, так как она создает новые основания для воспроизводства человеком новых отношений.

Сегодня в экономике республики в малом бизнесе работает более 53 тыс. человек (предприниматели без образования юридического лица). Это составляет около 16% всех занятых в Карелии. Растет количество малых предприятий, которое в 2005 г. достигло 4,6 тыс. единиц. Объем продукции, произведенной малым бизнесом, достиг 12 млрд руб. и по сравнению с 2002 г. увеличился более чем в 1,5 раза. Доля оборота малых предприятий в общем обороте всех предприятий достигла в 2005 г. 30%. Ведущее место в общем количестве малых предприятий занимает сфера торговли и питания — 48%. В промышленном производстве функционирует более 17% предприятий, в строительстве — более 10%. Важными сферами развития малого бизнеса становятся сельский (фермерский) туризм, различные виды ремесел и услуг.

В настоящее время действует Отраслевая программа государственной поддержки малого предпринимательства в Республике Карелия на 2006–2008 годы, утвержденная постановлением Правительства № 143-П от 16.12.2005 г. (см. табл. 2).

Малое предпринимательство в Карелии [5]

Таблица 2

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Количество малых предприятий	3601	4012	4348	4400
Объем продукции малых предприятий, всего (млн руб.)	7125,7	8224,9	10025,2	12220
Численность занятых на малых предприятиях (тыс.чел.)	31,7	32	32,5	35,8
Удельный вес малых предприятий в выпуске товаров (работ, услуг), %	10,0	7,0	7,0	8,0
Доля занятых на малых предприятиях, в % от общей численности занятых	8,0	10,4	12,4	13
Объем инвестиций в предприятия малого бизнеса, всего (млн руб.)	44,3	135,9	234,3	250,0

Карельским научным центром РАН в 2006 г. проводилось исследование по оценке инновационного потенциала малого бизнеса. Было опрошено 275 руководителей малых предприятий. Из них 20% оценили способность к внедрению инноваций на своих предприятиях как высокую, 57% — как среднюю и 23% — низкую. Было предложен перечень возможных препятствий для внедрения инноваций. На первом месте у опрошенных оказался высокий уровень налога на прибыль, затем: недостаток государственной поддержки предпринимательства и государственных расходов на развитие науки и технологий; менталитет россиян, не желающих рисковать; высокие издержки внедрения инноваций; недостаток кредитов, займов; длительность периода окупаемости затрат; ориентированность образования на «получение работы», а не на «начало своего дела» и другие [6].

В социологическом исследовании «Социокультурный портрет Республики Карелия» было уделено внимание взглядам на инновации, реальному участию в инновационном общественном процессе.

Основным методом сбора информации в данном проекте стало стандартизированное интервью, разработанное членом-корреспондентом РАН, руководителем Центра изучения социокультурных изменений Н.И. Лапиным и доктором социологических наук Л.А. Беляевой. Опрос проводился летом—осенью 2006 г. в 23 населенных пунктах Республики Карелия — г. Петрозаводске, районных городах — Сегеже, Костомукше, Сортавале, Олонце, Кондопоге, Кеми, а также селах и поселках городского типа — Кестеньге, Плотине, Кедрозеро, Тулгубе, Великой губе, Огорельшах, Лендерах, Ляскеля, Кубово, Реболах, Туксе, Шелтозере, Хвойном, Сумпосаде, Святозере и Пряже.

Всего было опрошено 956 респондентов, из них — 57,8% женщин и 42,2% мужчин.

Н.В. Ижикова, В.М. Пивоев
(Петрозаводск)

**ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ (К РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
«СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА»)***

К настоящему времени в Карелии сформировано достаточно ясное видение основных направлений деятельности органов исполнительной власти в построении региональной инновационной системы и господдержки инновационной деятельности, позволяющей осознанно вести нормативно-правовую подготовку решения данных вопросов. Положено начало формированию региональной целевой программы «Государственная поддержка инновационной деятельности Республики Карелия на 2008—2010 годы» [1].

В республике 16 организаций выполняют научно-исследовательские, конструкторские и проектно-изыскательские работы, в том числе 10 научно-исследовательских, 1 проектно-изыскательские, 2 высших учебных заведения, 1 научно-техническое подразделение на промышленном предприятии и 2 прочих. Численность персонала, занимающегося исследованиями и разработками — 935 человек, из них собственно исследователи — 564 чел., 207 — техники, 62 — вспомогательный персонал и 102 — прочие. Из числа исследователей на 2005 г. 70 человек имели степень доктора наук, 278 — кандидата наук [2]. По оценке Независимого института социальных исследований Республика Карелия занимала 29 место по индексу инновационности по показателям 2002 г.

В последние годы растет объем финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ: в 2004 г. он составил 1,4 млн руб., в 2005 г. — 2 млн руб., в 2006 г. — 6 млн руб., в 2007 г. — 8 млн руб. (см. табл. 1).

Таблица 1

Научно-технический потенциал регионов Северо-Западного федерального округа [3]

	Санкт-Петербург	Республика Карелия (2000–2004)	Мурманская обл.	Калининградская обл.
Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	469	11/10	32	21
Персонал, выполняющий исследования и разработки, тыс. чел.	98,4	1,3/1,4	2,8	2,5
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб.	8780,0	63,2/180,3	371,0	199,0
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя, тыс. руб.	89,23	48,6/158,1	132,5	79,9
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию, млн руб.	18,7	5,7/18,0	11,6	9,5
Число высших учебных заведений	78	3/3	4	7
Численность аспирантов	13746	393	292	514

А.А. Неклесса и П.Г. Щедровицкий, выдвигая идеи по развитию инновационной России, выделяют в российской истории и российской среде атмосферу творчества и повышенную креативность, причем «подобная специфика выражается как в привычных формах инновационной деятельности — научных исследованиях, изобретательстве и инженерных решениях, — так и в создании новых социогуманитарных технологиях, искусстве, культуре» [4].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-42301а/С.

изменяет место работы, какую работу он хотел бы иметь и почему, чем вызван конкретный выбор человека в сфере трудовой активности — эти вопросы далее будут подробно рассмотрены.

Рассмотрим, как происходит приспособление населения к новой трудовой ситуации в ходе постсоветского периода. Анализ данных о причинах смены и сохранения работы жителями Тюменской области, позволил рассмотреть *структуру трудовой мотивации* населения в период изменения системы трудовых отношений.

По результатам нашего исследования в 1990 г. работа была у 77% опрошенных, 27% работы не имели по разным причинам — часть еще не вступили в трудовой возраст, часть выбыли из трудового процесса по пенсионному возрасту, часть по другим причинам. Среди тех, кто работал в 1990 г., сохранили свою специальность и место работы только 47%. Доля тех, кто имел работу в 1990г. и поменял организацию или специальность составляет 53% респондентов.

Во-первых, рассмотрим *причины сохранения работы*, после 1990г. Ведущими причинами сохранения места работы в ТО явились привычка к своей работе и коллективу (24%), «мне некуда уходить, другой работы у меня нет» (23%). В группу тех, кому некуда уходить входят частью люди «привязанные» к своему месту работы ведомственными квартирами, общежитиями, удобным для них по тем или иным обстоятельствам, графиком работы, а частью люди, занимающие пассивную позицию. «Работа интересная», как причину ее сохранения выделили 20%. И только на четвертом месте 12% респондентов причиной сохранения работы выделили такой параметр как «работа хорошо оплачивалась». В сумме с параметрами интересная работа, престижная работа и хорошо оплачиваемая они составляют 41%.

Во-вторых, среди *причин изменения места работы*, основной является появление более интересной работы (20%), ответы «работа плохо оплачивалась» (18%) и «были сокращения предприятий» (18%) в равных долях и занимают второе место, на третьем месте возможность проявить себя на новой работе (12%).

В целом, ответы на вопрос о причинах смены или сохранения работы были соотнесены с двумя выделенными типами мотивации.

Таким образом, среди тех, кто сохранил свою работу за последние пятнадцать лет, 52% относится к типу «избегания неудач», 41% — стремятся к достижению успеха. Среди тех, кто сменил работу типа мотивации «избегания неудач» придерживались уже только 21%, а 50% — стремились к достижению успеха.

Исследование показало, что в процессы вертикальной трудовой мобильности были вовлечены в основном те, кто стремится к успеху, и поведение этих людей отличается от поведения тех, кто сохранил свою работу. Люди с мотивацией избегания неудач занимают пассивную позицию и чаще сохраняют работу, но и среди них оказалось достаточно много тех, кто оказался невольным вовлечен в процессы трудовой мобильности. Сравнение этих данных с тем, какую работу жители ТО выбрали бы в идеальной ситуации, позволяет заключить, что доля работников имеющих мотивацию достижения в реальности существенно превышает долю тех, которые предпочли бы ее использовать в идеале. Если бы, имелась возможность выбора, то 37% работников предпочли бы мотивацию достижения успеха и 50% выбрали бы мотивацию избегания неудач.

Исходя из вышесказанного, оказалось, что большинство работников были вынуждены приспособиваться к тем переменам, которые произошли в обществе. Смена ведущего типа трудовой мотивации жителей ТО происходит под давлением обстоятельств. Налицо постепенное смещение мотивации в сторону «достижения успеха», явно неартикулируемого, и, более того, зачастую и неодобряемого самим человеком. Этот факт не может не вызывать озабоченности, поскольку для дальнейшего развития рынка необходимо, чтобы в обществе одобрялось и поддерживалось поведение, ориентированное на достижение успеха.

Итак, сегодня сложилась ситуация, когда меньшая часть жителей ТО готова работать так, как требуется в рыночной экономике и получать адекватное вознаграждение. В этой группе сосредоточены в большей степени мужчины, лица молодого и среднего возраста, образованные, примерно в равных долях представлены жители города и села. Среди людей

ратующих за небольшой, но твердый заработок, дающий к тому же много свободного времени, доминируют лица с низким уровнем дохода и образования.

В процессы вертикальной трудовой мобильности были вовлечены в основном те, кто стремится к успеху, и поведение этих людей отличается от поведения тех, кто сохранил свою работу. Люди с мотивацией избегания неудач занимают пассивную позицию и чаще сохраняют работу, но и среди них оказалось достаточно много тех, кто оказался вовлечен в процессы трудовой мобильности, что объясняется вынужденными внешними факторами. Среди прочих признаков заметное влияние оказывает наличие или отсутствие людей, находящихся в подчинении респондентов, т.е. их статус. Люди значительно тем чаще руководствуются мотивацией достижения успеха, чем выше их статус. Мотивация избегания неудач, наоборот чаще наблюдается у людей, которые не имеют подчиненных, т.е. низкостатусные.

Таким образом, к пассивному поведению на рынке труда более склонны люди имеющие мотивацию избегания неудач, люди же имеющие мотивацию достижения занимают активную трудовую позицию. При этом если население поставить в ситуацию выбора, то большинство предпочтут пассивную стратегию поведения. По степени готовности к риску респонденты с разницей более 10% разделились на: людей готовых рисковать и не готовых. Стоит отметить, что особенностью региона является наличие значительной доли населения, нацеленной на карьерный рост и инновационный характер работы. Результаты исследования подтвердили влияние экономического кризиса 1990-х годов на трудовую мотивацию. При этом отметим, что структура экономики региона уже приобрела стабильность и носит рыночный характер. Образ и уровень жизни населения изменился весьма существенно, что свидетельствует о том, что Тюменская область прошла период рыночных трансформаций в институциональном аспекте. Однако модель мотивации трудовой деятельности так и не приобрела черт, необходимых для дальнейшего развития рыночных отношений.

Можно констатировать, что в свете кардинальных преобразований, произошедших на рубеже веков, трансформируется отношение к труду вообще и мотивация трудовой деятельности в частности.

Литература

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
2. <http://www.joblist.ru/mpb/jolnews>.

развитость инновационной инфраструктуры региона, неразвитость соответствующей нормативно-правовой базы, слабую восприимчивость предприятий к нововведениям. Другие факторы сдерживания (сырьевая ориентация экономики страны в целом, нехватка информации о новых технологиях, недостаток информации о рынках сбыта) постепенно преодолеваются, однако происходит это невысокими темпами.

В целом надлежит признать, что инновационный потенциал в развитии региона задействован довольно слабо. Соответственно стратегия его развития специалистами характеризуется как «догоняющая». Как справедливо указывают местные эксперты, динамика расширения рынков и масштабы экономических процессов развиваются быстрее, чем технологический, финансовый и человеческий факторы старопромышленных регионов, к которым следует отнести и Курскую область. Региону явно не хватает динамичности развития.

Следует отметить, что в Курской области разработана и утверждена Стратегия социально-экономического развития на период до 2020 года. На первый план в этой стратегии выходит «инновационно-прорывной сценарий», нацеленный на утверждение области в качестве устойчиво развивающегося региона, занимающего достойное место в российской экономике, гарантирующего рациональное использование природно-ресурсного, человеческого и экономического потенциала. Как отмечают разработчики, цель данного сценария состоит в создании на базе Курской области региона-локомотива — инновационного центра ЦФО. При этом отмечается, что сценарий может быть реализован только при активном целевом развитии РФ, он требует активного участия региональных властей и федерального центра. Авторы сценария отдают себе отчет в том, что для реализации инвестиционных проектов в производственном секторе требуются значительное время и существенные капитальные вложения, поэтому утверждается, что данный сценарий не приведет к мгновенному росту ВРП, а потребует достаточно *длительных сроков кропотливой работы до получения результатов* [6]. Тем не менее, данный сценарий позволяет надеяться на утверждение инновационного пути развития региона, основанного на максимальной поддержке инновационных экономических проектов и развитии производств на основе высоких технологий.

Литература

1. Ореховский П.А. Инновации и региональный рост // Режим доступа к изд.: <http://www.polit.ru/anthop/2007/08/30/innov.html>.
2. Экономика знаний: коллективная монография / Отв. ред. В.П. Колесов. М.: ИНФРА-М, 2008. — 432 с.
3. Лапин Н.И. Тревожная стабилизация // *Общественные науки и современность*. 2007, № 6. С. 39-53.
4. Котов Ю. День главы города // *Город: инструкция по применению*. № 9. Апрель 2008. С. 14—15.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007. — 992 с.
6. Стратегия социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года // Режим доступа к изд.: <http://www.minregion>.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что Курская область проявляет высокий уровень динамики инновативности по таким показателям, как число использованных передовых производственных технологий, затраты на технологические инновации и объем инновационных товаров.

Для определения «степени инновационности» (инновационного рейтинга) региона в Центральном федеральном округе обратимся к данным анализа инновационного развития регионов ЦФО, осуществленного П.А. Ореховским*. При сравнении регионов он исключил Москву и Московскую область как значительно отличающиеся от других регионов. Итак, определим место Курской области среди шестнадцати регионов Центрального федерального округа по критериям динамики инновативности последних лет.

По численности персонала, занятого НИР в 1997—2005 гг., Курская область оказалась в рейтинге на 10-м месте. Вместе с тем сравнение регионов по темпам прироста затрат на технологические инновации за этот же период выводит эту область на третье место. Сравнение по количеству выданных патентов, 1997, 2002—2005 гг. (за период 1998—2001 гг. данные не представлены), а также по объему отгруженной инновационной продукции, 2000—2005 гг., позиционирует Курскую область лишь на 12 месте. Вместе с тем сравнение регионов по темпам прироста внутренних затрат на НИР дает Курскому региону первое место в рейтинге. По количеству аспирантов, 1997—2003 гг., Курская область заняла пятое место в рейтинге регионов ЦФО, по числу защищенных кандидатских диссертаций — четвертое. При этом следует отметить, что значительное число диссертационных работ, защищенных в регионе, не сопровождаются созданием технологических инноваций, защищаемых патентами. Практическая реализуемость научных достижений этих работ оказывается довольно незначительной. И совсем низкий рейтинг (последнее место в списке регионов ЦФО) проявляет область в сравнении по числу инновационно-активных предприятий в 2000—2005 гг. Тем самым четко проявляется тенденция бизнесменов Курской области обходиться в своей деятельности без заказов НИОКР региональным, да и другим отечественным ученым.

В целом рейтинг инновационной активности Курской области ниже подобного показателя Российской Федерации. Более того, в ней, как и в Белгородской, Ивановской, Орловской и Тульской областях наблюдается снижение рейтинга инновационной активности.

Вместе с тем следует отметить, что инновационные процессы, пусть не в самых благоприятных условиях, но все же в регионе осуществляются. Общая структура инновационных процессов определяется черной металлургией, машиностроением, химической, целлюлозно-бумажной и пищевой промышленностью. Обозначенные отрасли проявляют наиболее высокий уровень инновационной активности, охватывая до 70% всех инновационно активных организаций. Основным результатом инновационной активности промышленных предприятий выступают расширение ассортимента выпускаемой продукции, повышение ее качественных характеристик. В качестве инновационно-активных промышленных предприятий области следует назвать ОАО «Геомаш», ОАО «ГРИНН-ПЛАСТИК», ОАО «Фармстандарт-Лексредства», ОАО «Михайловский ГОК», ЗАО «ГОТЭК», ЗАО «Кондитер-Курск», ОАО «Счетмаш», ОАО «Электроаппарат». В регионе созданы и действуют организации, составляющие инновационную инфраструктуру: Курский региональный фонд поддержки малого предпринимательства, Курский центр научно-технической информации, Курский центр трансфера технологий, а также Центр инноваций Курской общественной палаты. В области активно ведется разработка новой областной целевой программы «Развитие малого и среднего предпринимательства в Курской области на 2009—2011 годы», идет работа над законопроектами о государственной поддержке научной, научно-технической и инновационной деятельности, о создании на территории области технопарка.

Тем не менее, в области до настоящего времени действует ряд факторов, сдерживающих развитие инновационных процессов. К ним следует отнести, прежде всего, недостаточную

А.Н. Тарасова
(Тюмень)

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НЕФОРМАЛЬНО ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОГО РЕГИОНА*

Неформальная занятость достаточно многослойное и противоречивое социально-экономическое явление, которое сложно однозначно оценить. С одной стороны, трудовые права неформально занятых никак не защищены законом. Работники оказываются в очень уязвимом и незащищенном положении, лишены многих трудовых прав и всех социальных льгот. С другой стороны, такая занятость и для общества, и для самих работников во многом предпочтительнее безработицы, она служит фактором выживания населения в условиях снизившегося уровня жизни, помогая лучше адаптироваться. Возникает закономерный вопрос: кто же чувствует себя в новых социально-экономических условиях более комфортно и уверенно — неформально занятые или же работающее официально население?

Оценка социального самочувствия осуществлялась по методике Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой [1] по результатам анкетного опроса среди жителей Тюменской области**. Всего было опрошено 4000 человек, ошибка по одному признаку составляет менее 3%.

Степень удовлетворенности своей жизнью имеет интегрирующий характер для выяснения социального самочувствия людей. Ее коэффициент (*Кудж*) получается в виде процентов положительных ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (полностью удовлетворен. Удовлетворен). На рисунке 1 наглядно представлена удовлетворенность жизнью для трех групп: тех, кто практически не работает без трудового договора, тех, кто работает иногда, и тех, кто работает регулярно, т.е. неформально занятых.

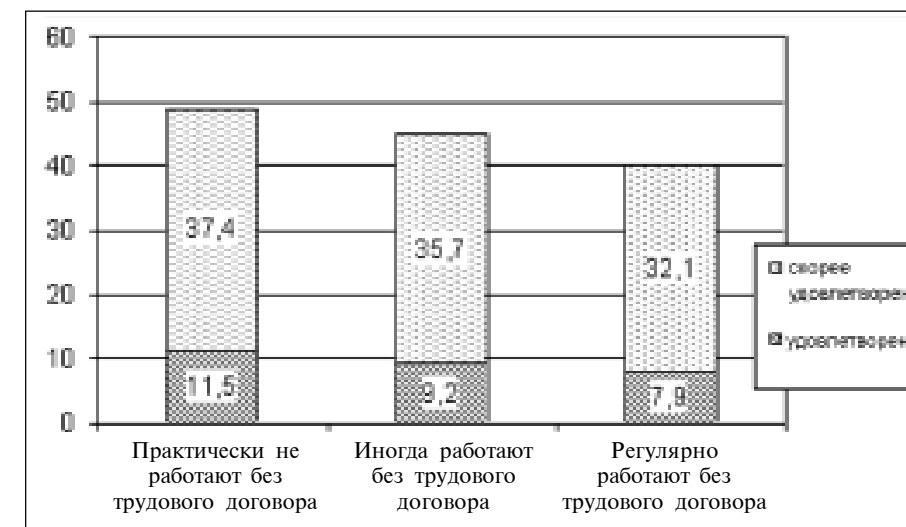

Рис. 1. Степень удовлетворенности жизнью в целом (в % по столбцу)

Отчетливо видно, что удовлетворенность жизнью неформально занятых ниже, чем официально трудоустроенных (40% против 48,9%).

Еще одной составляющей социального самочувствия является степень социального оптимизма человека при самооценке своего (и своей семьи) настоящего и будущего. У

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

** Социологическое исследование по теме «Социокультурный портрет региона» осуществлялось в 2006 году, в г. Тюмени под руководством проф. В.А. Давыденко и проф. Г.Ф. Ромашкиной.

* В данном сборнике эти данные не представлены.

официально трудоустроенных этот показатель равен 0,26, а у неформально занятых 0,20 (социальный оптимизм определяется из разницы положительных и отрицательных ответов человека при самооценке своего (и своей семьи) настоящего и будущего).

Прежде всего, стоит отметить, что степень социального оптимизма по всем трем группам больше 0, а, следовательно, положительное восприятие будущего преобладает (даже у неформально занятых). Причем этот показатель несколько выше, чем по России в целом. Так, например, по России в целом в 2002 г. *уровень оптимизма* был -0,068 [1. С. 216]. Учитывая, что на степень оптимизма влияет множество различных факторов (политических, экономических, социальных), а не только наличие или отсутствие трудового договора, то значение коэффициента оптимизма у неформально занятых и официально трудоустроенных различается незначительно. Вместе с тем даже это небольшое расхождение в 0,06 говорит о том, что регулярно работающие без трудового договора не только в меньшей степени удовлетворены своей настоящей жизнью, но и с большим сомнением, неуверенностью смотрят в будущее. Полученный результат в целом — вполне закономерен, и, думаю в комментариях не нуждается.

Рассмотрим, как такая неуверенность в будущем соотносится с оценкой собственной незащищенности. Изначально предполагалось, что неформалы чувствуют большую незащищенность по сравнению с официально трудоустроенными. Однако эта гипотеза не подтвердилась. Средняя оценка незащищенности разных групп по опыту неформальной занятости примерно одинакова: около 37—38% опрошенных отметили свою незащищенность от различных опасностей. Несмотря на близость средних оценок незащищенности, обращает на себя внимание тот факт, что по самым опасным проблемам (преступность и бедность) незащищенность официально трудоустроенных оказалась чуть выше, чем у неформалов.

Более низкая самооценка незащищенности от преступности может объясняться большей включенностью неформально занятых в теневые отношения, наличием связей с криминальными структурами, то, что хорошо знакомо, пугает меньше. То, что проблема бедности, стоит перед работающими без трудового договора менее остро кажется парадоксальным, особенно если учесть более низкие показатели удовлетворенности жизнью и уверенности в будущем. Подобный результат может быть связан с тем, что, как правило, неформалы лучше адаптированы к рыночным условиям. Это также было подтверждено в нашем исследовании неформальной занятости в 2004 г. [2. С. 79]. Но даже это не может в полной мере объяснить, почему незащищенность от бедности у неформально занятых ниже.

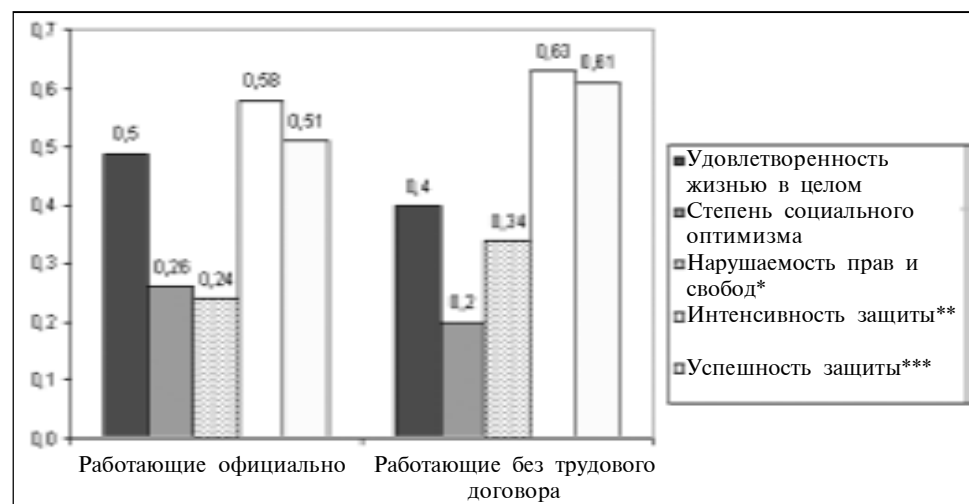

Рис. 2. Индексы социального самочувствия и нарушаемость прав и свобод человека в Тюменской области в зависимости от опыта неформальной занятости

* Нарушаемость прав и свобод определяется как доля тех, кто сталкивался с нарушениями своих прав;

** Показатель интенсивности защиты — доля тех, кто отстаивал нарушенные права среди тех, кто сталкивался с нарушениями;

*** Показатель успешности защиты — доля тех, кому удалось отстоять нарушенные права среди тех, кто отстаивал нарушенные права.

экспертами отмечается отсутствие политической воли для реализации в области инновационного потенциала.

Тем не менее, сегодня в регионе постепенно формируется новый управленческий аппарат для решения вопросов муниципального уровня, связанных с применением инвестиций и инноваций. Так, новый глава областного центра, руководитель городского собрания А.И. Закурдаев в беседе с журналистом издания «Город: инструкция по применению» совершенно справедливо расставляет в своей деятельности управленческие акценты: 1. Исходная позиция: «Моя территория — принятие нормативно-правовых актов, нормальное управление городским хозяйством и взаимодействие с общественными организациями, работа идеологического характера». 2. Организационное регулирование: «Маленькая система — это дом. Фирма, город, страна — это тоже система, и законы везде одни. Чем больше опыт в разных сферах, тем проще, эффективнее будет осуществляться управление». 3. В отношении инвестиций: «Деньги дают. Надо правильно задать вопрос, чтобы получить ответ». 4. И в целом: «Работать надо. В режиме реального времени. Есть городская проблема — есть решение. Системно. Уверенно» [4. С. 14—15]. Можно предположить, что такой настрой главы г. Курска на осуществление системной, комплексной работы, на эффективную реализацию новых проектов будет способствовать повышению инновационного потенциала областного центра, а вслед за ним и потенциала всего региона.

Обратимся теперь к статистическим данным, проявляющим инновационный потенциал Курской области. Отметим прежде, что в качестве ключевых характеристик «инновационности» регионов принято использовать следующие:

1. Персонал, занятый исследованиями и разработками (человек);
2. Внутренние затраты на исследования и разработки (тыс. руб.);
3. Затраты на технологические инновации (тыс. руб.);
4. Число защищенных диссертаций;
5. Поступление патентных заявок и выдача охранных документов;
6. Объем инновационной продукции по степени новизны (тыс. руб.);
7. Удельный вес затрат на технологические инновации в объеме отгруженной продукции инновационно-активных организаций (%).

Проявим в таблице ряд обозначенных показателей в отношении Курской области.

Таблица

Показатели инновационной активности Курской области [5. С. 788—827]

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Численность организаций, выполняющих исследования и разработки	30	24	26	25	24	23	23	19
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками (чел.)	2607	2016	1980	1879	1830	1641	1571	3469
Внутренние затраты на исследования и разработки (тыс.руб., 1995 — млн руб.)	20536	202976	294311	355816	525885	632392	728177	1824533
Численность исследователей, занятых исследованиями и разработками	1326	1077	803	1333
Внутренние затраты на исследования и разработки (млн руб., 1995 — млрд руб.)	19,3	202,8	668,6	1789,7
Численность аспирантов	331	734	942	958	960	955
Прием в аспирантуру (чел.)	112	292	316	330
Выпуск из аспирантуры	56	163	225	245
В том числе с защитой диссертации	9	56	110	102
Число созданных передовых технологий	...	—	1	3	2	1	1	2
Число использованных передовых производственных технологий	...	341	414	440	453	473	1341	1546
Затраты на технологические инновации (тыс. руб.)	...	313047	490887	514590	685725	65422	1080233	1505143
Объем инновационных товаров (услуг) (млн руб.)	...	739,8	...	794,0	614,1	766,0	1428,8	2285,1

Впрочем, следует отметить, что сама активность населения в процессе создания инноваций является невысокой. О своем участии в создании нового заявили немногим более 15% респондентов (см. рис. 3).

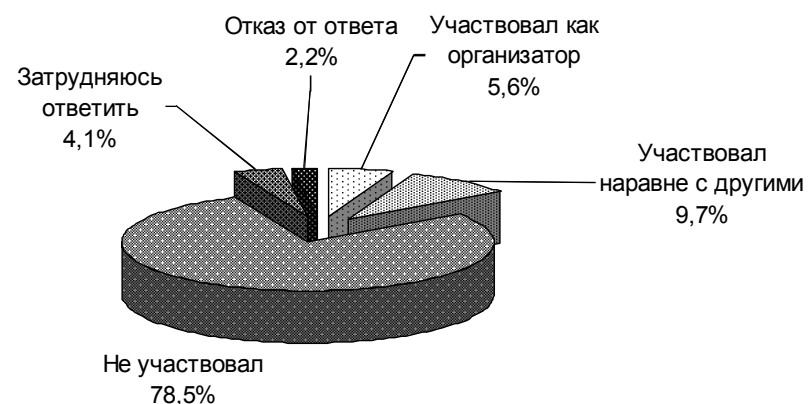
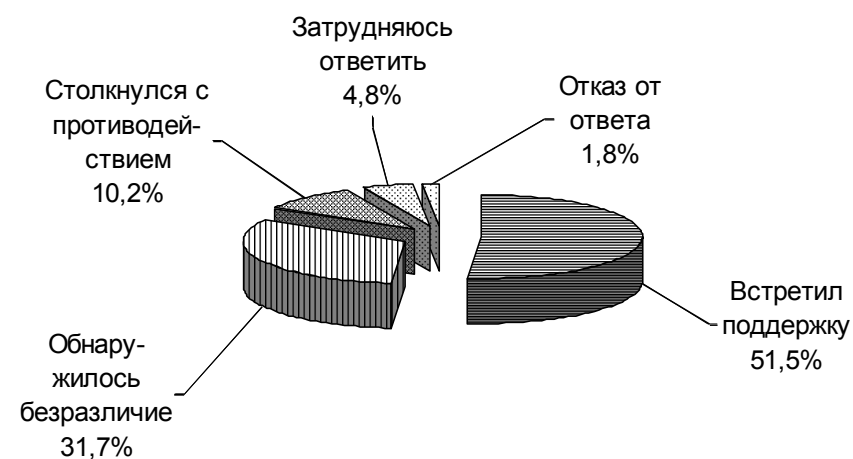

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Участвовали ли Вы в последние 5 лет в создании и/или внедрении чего-либо нового (новая фирма, общественная организация, новое оборудование, новый продукт и т.п.)» (в %)

Общий настрой в отношении инноваторов в регионе довольно толерантный. Как показали корреляционные расчеты данных опроса, с противодействием столкнулись чуть более 10% участников инноваций, каждый второй встретил поддержку (см. рис. 4).

Однако фактически каждый третий участник опроса проявляет к новаторам индифферентное отношение, то есть создает ту инертную среду, в которой продвижение нововведений не получает должного подкрепления.

Обратимся теперь к экспертным оценкам. При оценке инновационного и инвестиционного потенциала региона эксперты отметили, что регион обладает необходимыми условиями для привлечения инвестиций: область имеет широкое поле для инвестиционной деятельности, при этом особо выделяются такие отрасли, как сельское хозяйство и пищевая промышленность. Ряд экспертов высказали также убеждение в том, что инновационные процессы в регионе набирают силу, появляется много интересных разработок. Вместе с тем в целом

Известно, что психологически ощущение угроз, равно как и чувство защищенности в значительной степени являются результатом личного опыта взаимодействия человека с окружающей действительностью. Тогда, когда такого взаимодействия нет, нет и ощущения угрозы. Представляют интерес ответы респондентов на вопросы о практическом отстаивании их нарушенных прав и свобод. Как и следовало ожидать, показатели нарушаемости всех прав и свобод значительно выше у неформально занятых — в среднем на 10 процентных пунктов. Вместе с тем оказалось, что интенсивность и успешность защиты у неформально занятых несколько выше, чем у официально трудоустроенных (рис. 2).

Показатели считались по подвыборке работающие официально и работающие без трудового договора. Поскольку права и свободы неформалов нарушаются чаще, они вынуждены бороться за них. Поэтому более высокий показатель интенсивности защиты, в общем-то, объясним. Исключение — право на миграцию, интенсивность его защиты минимальна.

Вероятно, более активная жизненная позиция неформально занятых и необходимость бороться за свои права ведут к накоплению, во-первых, самого опыта отстаивания своих прав, во-вторых, нужных связей и контактов, т.е. социального капитала. Все это способствует тому, что успешность защиты прав и свобод у неформально занятых выше, чем у официально трудоустроенных.

Литература

1. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов» /Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
2. Социология неформальных отношений: экономика, политика, культура / Коллективная монография под ред. В.А. Давыденко. Тюмень: Тюменский государственный университет. Кафедра экономической социологии. Изд-во «Вектор Бук», 2005.

Т.В. Комбарова
(Тюмень)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ*

По прогнозам демографов каждые 50 лет численность населения России будет уменьшаться на 30%. По словам профессора Л.Л. Рыбаковского: «Всплеск рождаемости, который наблюдается в последние несколько лет, никоим образом нельзя рассматривать как изменение негативной тенденции... Нынешний рост рождаемости вызван исключительно структурными причинами (вступило в репродуктивный возраст более многочисленное поколение 1980-х годов). Коэффициент рождаемости остался на чрезвычайно низком уровне 1,3. Однако уже через каких-то 10 лет наступит провал: повзрослеет малочисленное поколение 1990-х годов. Причем на фоне сокращения численности населения будет идти планомерный рост доли престарелых и нетрудоспособных граждан. При сохранении существующих демографических тенденций только в период с 2006 по 2018 г. страна потеряет около 10 млн трудоспособных людей» [1].

10 мая 2006 г. Президент РФ в Послании Федеральному Собранию РФ отметил, что решение проблемы видится в том, чтобы, во-первых, снизить смертность населения России, по показателям которой страна занимает место наряду со слаборазвитыми странами. Во-вторых, вести эффективную миграционную политику, привлекая в страну русскоязычное население из ближнего и дальнего зарубежья. И, в-третьих, создать условия для повышения рождаемости.

Речь идет о том, что стоит задача изменить демографическое поведение населения страны, которое формировалось в течение не одного десятилетия. Демографическое поведение — важнейшая характеристика социальной общности. Большую роль в его реализации играют определенные социальные, экономические, экологические и прочие условия. Оно складывается из трех видов поведения: *репродуктивного*, связанного с воспроизводством населения (рождаемостью и смертностью, брачностью и разводимостью); *самосохранительного*, показывающего отношение к своему здоровью и *миграционного*, связанного с перемещением масс людей из одних географических мест в другие.

Региональная специфика демографического поведения в том, что проблема, актуальная для страны, может проявляться в каждом регионе по-своему.

Предметом нашего анализа является демографическое поведение населения Тюменской области как исторически сформировавшейся социокультурной территориальной общности во взаимосвязи ее социальных и культурных параметров [2].

Тюменская область — одна из крупнейших областей Российской Федерации была создана в 1944 г., территория составляет 1435,2 тысяч квадратных километров. В ее состав входят два автономных округа — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. В ряду других субъектов России, расположенных за Уральским хребтом, ее отличает не только богатые природные ресурсы, но и более выгодное географическое положение, близость к экономически развитым районам европейской части страны. Численность населения Тюменской области резко возросла во второй половине XX века, когда в связи с открытием крупных месторождений нефти и газа начал формироваться топливно-энергетический комплекс. Некогда сельскохозяйственная территория приняла специалистов и рабочих многих национальностей, которые часто оставались жить в регионе. В настоящее время в Тюменском регионе проживают 3372,8 тысяч человек более чем 50 национальностей, что составляет 2,3% населения России [3].

Социально-демографическая ситуация, сложившаяся в России за последние 20 лет, привела к депопуляции, которую некоторые социологи и демографы уже объявили демогра-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Сталкивались ли Вы с нарушениями следующих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?» (Право частной собственности, в %)

Следует при этом отметить, что, согласно расчетам, произведенным по методике, разработанной сотрудниками Центра изучения социокультурных измерений Института философии РАН [3. С. 53—54], коэффициент самостоятельности (Ксам) в области значительно превышает среднероссийские показатели и равняется 0,58, а общероссийский составляет 0,24. Что касается коэффициента успешности (Кусп) отстаивания своего мнения, то он ниже среднероссийского: в области Кусп=0,29, а Россия в среднем дает 0,33.

При оценке населением области защищенности от различных опасностей после преступности (65% ответов) на втором месте оказался произвол чиновников (57,3% ответов). Далее идут бедность (53,3%) и опасность произвола правоохранительных органов (47,4% ответов). Проявленные ответы также свидетельствуют о том, что экономические свободы в регионе наталкиваются на значительные ограничения.

Об уровне распространения коррупции свидетельствуют данные рис. 2.

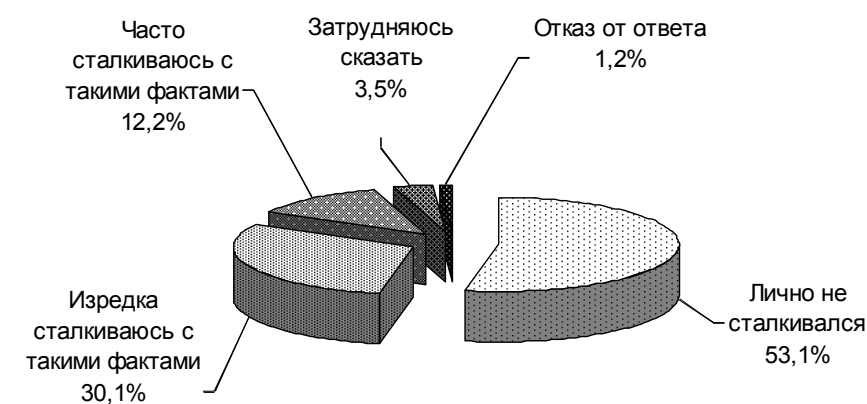

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вам лично приходилось сталкиваться с фактами вымогательства, взяток, коррупции?» (в %)

О частом столкновении с коррупцией в регионе заявляют чуть более 10 % опрошенных, что, в принципе, является невысоким показателем. Правда, о редких столкновениях с фактами вымогательства заявила еще почти треть опрошенных. Следовательно, уровень коррупции в регионе, по оценкам населения, является довольно внушительным. И, конечно же, на эту преграду непременно наталкиваются «инноваторы».

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-00566а.

Е.А. Козай, С.А. Горчакова
(Курск)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КУРСКОГО КРАЯ*

Задачей развития любого российского региона выступает обеспечение устойчивого экономического роста. Данный рост может обеспечиваться как экстенсивным, ресурсным путем (через вовлечение в хозяйственный оборот сырья, рабочей силы и капитала), так и интенсивным, инновационным путем, ориентированным на максимальное привлечение идей (результатов научных исследований и разработок) к получению новых или усовершенствованных продуктов и внедряемых на рынке, к использованию в практической деятельности новых или усовершенствованных технологических процессов [1]. Сегодня повсеместно говорится о необходимости перехода российских регионов к инновационному, социально-ориентированному типу развития, при котором интеллектуальный, творческий потенциал человека выступает ведущим фактором экономического роста и региональной конкурентоспособности.

Инновации характеризуются как внесение новых, ранее неизвестных видов, элементов, способов, в различные виды человеческой деятельности с целью повышения результативности этой деятельности. Их также связывают со способностью человеческого разума решать трудно-выполнимые задачи нестандартным способом, с привлечением новых технологий различного порядка. Наличие и адекватная реализация инновационного потенциала способствуют росту возможностей социально-экономической системы, достижению более высокого уровня ее развития.

Цель настоящей работы — раскрытие инновационного потенциала региона, выявление связей между экономическим ростом и инновациями в регионе, диагностика уровня инновационности Курского края в сравнении с другими регионами Центрального федерального округа.

Прежде всего, отметим, что развитие инноваций предполагает создание особой *инновационной среды*. Последняя включает в себя такие измерения, как экономическая свобода, уровень коррупции, бюрократические барьеры, совокупность условий для ведения малого бизнеса, конкурентоспособность, доступ венчурного капитала, отношение общества к коммерческому успеху, степень защищенности от криминала и произвола чиновников, уровень исполнимости (enforcement) контрактов. По обозначенным измерениям в настоящее время производится расчет индексов как сообществами, так и частными или государственными организациями. Осуществляемые расчеты свидетельствуют о том, что Россия на сегодняшний день по большинству из названных показателей обнаруживает себя в последней трети списка стран, в которых проводятся подобные измерения [2. С. 53—54].

Не выполняя специальных расчетов региональных коэффициентов, тем не менее, проявим некоторые из обозначенных условий в отношении нашего региона, исходя из анализа результатов полевого социологического исследования «Социокультурный потенциал Курской области», проведенного в 2007 году**, а также статистических показателей последнего десятилетия.

Уровень экономической свободы в регионе является невысоким. Ключевыми ограничителями его являются недостаточность собственных финансовых средств, а также значительное количество препон, выдвигаемых административными органами различного уровня. В связи с этим проявим ряд позиций, обнаруженных в ходе социологического опроса. Одним из важных критериев проявления экономической свободы является обеспечение права частной собственности. Нарушение данного права в ответах респондентов фиксируется не часто. Как показал опрос (рис. 1), о нарушении данного права заявили 17,7% респондентов, из которых 6,7% удавалось отстаивать нарушенные права.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00498а.

** Исследование было проведено сотрудниками социологической лаборатории Курского государственного университета в мае—июне 2007 года с участием 1128 респондентов. Опрос проводился по типу стратифицированной, многоступенчатой, случайной на этапе отбора респондентов выборки в 40 населенных пунктах Курской области. Ошибка выборки по одному признаку составила не более 3%. В экспертном опросе приняли участие 30 человек.

фической катастрофой. Первоочередные задачи в области демографии, стоящие перед страной, характерны и для Тюменского региона, однако они имеют свою специфику. Плотность населения в Тюменской области всегда была незначительной, но в отличие от России в целом, где за годы депопуляции плотность населения уменьшилась и достигла 8,4 человек на 1 кв. км, в области и округах за последние годы плотность населения возросла (табл. 1).

Таблица 1

Плотность населения Тюменской области (чел./кв.км)

	1995 г.	2002 г.	2004 г.	2006 г.
Юг Тюменской области	8,3	8,2	8,1	8,2
ХМАО	2,5	2,7	2,8	2,8
ЯНАО	0,6	0,67	0,7	0,7

В 2006 г. при поддержке гранта РГНФ № 06-03-00566а было проведено социологическое исследование населения Тюменской области, включившее в себя юг области и два автономных округов — Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий. Один из разделов дает возможность проанализировать демографическое поведение населения, его региональную специфику.

Первая составляющая демографического поведения — репродуктивное поведение, включающее в себя не только естественный прирост населения — рождаемость и смертность, но также показатели брачности и разводимости.

Рост рождаемости в Тюменской области не обеспечивает простого воспроизводства населения. Это связано как с всеобщей тенденцией в стране и в развитых странах, так и с падением престижа института семьи. В Тюменской области с 1999 г. растет количество браков, но также неуклонно увеличивается количество разводов. В регионах с молодым населением — ХМАО и ЯНАО — на 10 зарегистрированных браков приходится почти 7 разводов, на юге области каждый второй брак заканчивается разводом. Ежегодно в области расторгается более 20 тысяч браков, что приводит к повышению доли разведенных в брачной структуре населения. Повторные браки часто не регистрируются. Меняется модель брака. Из общего числа супружеских пар до 30% состоят в незарегистрированном браке. Меньше заключается браков в возрастной когорте от 18 до 20 лет.

При анкетировании был задан вопрос: «Что, по Вашему мнению, сегодня мешает созданию семьи или ведет к ее разрушению?» (табл. 2). Предлагалось отметить не более двух причин. Большинство респондентов отметили, что «у многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью», а также «плохие жилищные условия», характер, эмоции оказались на третьем, не менее важном месте, а на четвертом — эгоистические мотивы, легче жить одному и отвечать только за себя, а не за семью («Скорее, человек рассчитывает, что ему выгоднее сохранить семью или покинуть ее»). Последнее мнение преобладает в округах, когда как на юге области четвертое место занимает позиция: «Многое зависит от нравственности, от приверженности к нормам религии». Нужно отметить, что материальные причины преобладают в ответах как на юге области, так и в северных округах.

Таблица 2

Причины разрушения семьи (в % по столбцу)

Варианты ответов	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО
Думаю, дело главным образом в характере людей, в их эмоциях	41,8	42,6	38,9
Многое зависит от нравственности людей, от приверженности нормам религии	13,9	12,5	8,6
Скорее, человек рассчитывает, что ему выгоднее: сохранить семью или покинуть ее	9,1	14,4	12,0
Часто мешают плохие жилищные условия	44,4	43,6	43,7
У многих просто нет средств, чтобы нормально обеспечить семью	58,1	47,1	54,3
Не знаю	5,2	8,2	7,2

Несмотря на большое количество разводов, семья остается главным в жизни человека. Об этом говорят данные ответов на вопрос: «Среди каких людей Вы встречаете наибольшее взаимопонимание?», так ответили около 60% опрошенных в области, на втором месте стоит вариант ответа «в компании друзей» — 21%, и на третьем — «на работе» — 6%. Остальные варианты не выходят за границы ошибки выборки. Семья остается важным оплотом не только среди тех, кто состоит в браке, но и среди неженатых и разведенных.

Нестабильность семейных отношений, неуверенность в завтрашнем дне — общая тенденция, наблюдаемая в России и других развитых странах Европы, ведет к уменьшению числа детей в семьях. В этом отношении Тюменская область несколько отличается от многих регионов России. Если в целом по России можно говорить об увеличивающейся тенденции к бездетной и одноплодной семье, то в Тюменской области обращает на себя внимание, что в полных семьях преимущественно по два ребенка. Однако тревожит то, что в семьях, где родители разведены, также воспитываются по двое и по трое детей. Большая часть детей рождается вне брака и в гражданском браке, здесь также наблюдаются семьи с двумя и тремя детьми. Причем, если на юге области вне брака в основном воспитывается по одному ребенку, то в округах в таких семьях встречаются и два, и три ребенка (табл. 3).

Таблица 3

Количество детей в семьях (в % от выборки в регионе, по строке)

Регион	Тип семьи	Количество детей в семье				Итого
		Нет детей	Один ребенок	Два ребенка	Три и больше детей	
Юг ТО	Женат/замужем	7	33	48	12	100
	Разведен/разведена	9	45	41	6	100
	Холост/не замужем	90	9	1	1	100
	Вдовец/вдова	5	23	46	27	100
ХМАО	Женат/замужем	5	35	50	10	100
	Разведен/разведена	8	45	34	13	100
	Холост/не замужем	88	8	3	1	100
	Вдовец/вдова	2	18	55	24	100
ЯНАО	Женат/замужем	8	36	46	11	100
	Разведен/разведена	4	51	35	10	100
	Холост/не замужем	88	8	2	2	100
	Вдовец/вдова	8	26	32	34	100

Большая часть внебрачных рождений приходится не на молодежь до 20 лет и женщин после 35 лет, а на людей в основных репродуктивных возрастах от 20 до 35 лет, что позволяет заключить, что это становится уже результатом сознательного выбора людей, и подтверждает тезис о кризисе семьи и брака. Заметим, что на селе больше внебрачных рождений, чем в городе.

Наличие трех и более детей повышает шансы семьи попасть в категорию бедных и нищих, исключение составляют только самые богатые слои населения (табл. 4). Отметим, что богатые и зажиточные в основном бездетные. Семьи с двумя детьми характерны для всех слоев населения, а вот холостые и незамужние, имеющие детей — это в основном нищие или бедные слои населения. Причем, чем ниже оценивают респонденты свой уровень жизни, тем больше среди них внебрачных детей.

Несмотря на продолжающийся процесс депопуляции в целом по стране, демографическая обстановка в Тюменском регионе более стабильна в основном за счет автономных округов, где проживает 60% населения области. Увеличение рождаемости в настоящее время связано с тем, что в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение, рожденное в 1980-х годах, когда правительство, обратив внимание на серьезность процессов в демографии страны,

руководителей малых и средних предприятий; создание предпринимательских объединений, осуществляющих негосударственное регулирование хозяйственной деятельности.

Приведенные краткие извлечения из стратегий и программ развития федеральных округов, во-первых, позволяют понять особенности инновационных задач каждого округа и общие их тенденции; во-вторых, содержат примеры экономических, институционально-правовых и организационных мер, которые могут быть полезны при решении задач инновационного развития предприятий, муниципальных образований и субъектов Федерации, если эти меры осуществляются. Однако проблема состоит в том, что большинство программ реализуются далеко не полностью.

Отсюда следуют несколько выводов. Прежде всего, предпринимателям и авторам инновационных идей необходимо знать и использовать содержание программ социально-экономического развития соответствующих федеральных округов и субъектов РФ, активно взаимодействовать с их органами управления. Сложные задачи стоят перед руководителями, менеджерами программ ФО: обеспечивать качественный мониторинг хода выполнения этих программ, повышать степень их реализации. Структуры гражданского общества, все население ФО имеют право оперативно узнавать о фактических результатах программ от их руководителей и через СМИ, чтобы иметь возможность соответственно реагировать. Весь этот круг проблем составляет также актуальный предмет научных исследований.

Литература

1. Подробнее см.: *Н.И.Лапин*. Теория и практика инноватики. М., Логос, 2008.
2. См. сб.: Социальные факторы нововведений в организационных системах. Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ВНИИСИ, 1980, а также последующие (1981—1988) сборники трудов ВНИИСИ по этой тематике.
3. См.: *П.Г.Гулькин*. Введение в венчурный бизнес России // Управление наукой в странах ЕС. Под ред. Гууса ван дер Дейке. М., Наука/Интерпериодика, 1999. Том 3.
4. *Nelson R.* (ed). National Innovation Systems: A Comparative analysis. N.Y.: Oxford University Press, 1993; *Freeman C.* Technology policy and economic performance: lessons from Japan. L.: Pinter, 1987; *Lundvall B.-A.* Innovation as an interactive process: from user producer interaction to nation system of innovation // Technical change and economic theory. Ed. By G.Dosi, C.Freeman, R.Nelson. L.: Pinter, 1988; *Nelson R.* Capitalism as an engine of progress // Research policy, 1990. № 2; *Dynamising National Innovational Systems*. OESD, 2002.
5. Инновационный путь развития для новой России. Под ред В.П.Горегляда. М., Наука, 2005. Заключение.
6. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006. С. 126—141.
7. См.: Социальный вектор развития региона: проблемы и перспективы // Стратегия развития региона. Под ред. В.А.Ильина. М., Academia, 2005. Глава 6.
8. См., например: *Данилов И.П.* Конкурентоспособность регионов России (теоретические основы и методология). М.: «КАНОН+», 2007. С. 325—333.
9. См.: *Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики // М., Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2006. Глава 2.
10. См.: *Данилов И.П.* Конкурентоспособность регионов России (теоретические основы и методология). М.: «КАНОН+», 2007. С. 303—304.
11. См.: Стратегия экономического развития регионов // Региональная экономика. Под ред. В.И.Видапина, М.В.Степанова. М., ИНФРА-М, 2005. Глава 1.
12. См.: *Данилов И.П.* Конкурентоспособность регионов России (теоретические основы и методология). М.: «КАНОН+», 2007.
13. См.: Сб. Инновационная экономика как стратегия конкурентного развития региона. Под ред. В.В. Ивченко. Калининград, изд-во КГУ, 2004.
14. Инновации и инвестиции в регионе. Под ред. М.А.Гусакова. СПб, ИРЭ РАН, 2004. С. 140.
15. Инновационное развитие региона. Под ред. В.М.Юрьева. Тамбов, изд-во ТГУ, 2004. С. 835—867.
16. Инновационные процессы: история развития и современная практика. С.М. Лисовский, А.В. Яковлев, К.В. Лушпинин и др. Саратов: Поволжская академия госслужбы, 2003. С. 233—235.
17. См.: *Гневко В.А.* Региональные проблемы инновационного развития экономики. СПб, ИУЭ, 2004. С. 21—27.
18. См.: *Чернова И.* Практические рекомендации по формированию и выбору способа размещения муниципального заказа // Сб. Теория и практика муниципального заказа. Под ред. Э.Маркварта. СПб, 2000.
19. *Гневко В.* Инновационное развитие муниципального образования // Тот же автор. Региональные проблемы инновационного развития экономики. СПб: ИУЭ, 2004. Часть I.
20. Стратегия макрорегионов России: методологические подходы, приоритеты и пути реализации. Под ред. А.Г. Гранберга. М.: Наука, 2004.

Северо-Западный ФО. Развитие комплексов и отраслей народного хозяйства Северо-Запада должно носить инновационный характер. Вместе с тем, отмечается низкая результативность инноваций. Поэтому необходимо максимально задействовать региональные факторы повышения их эффективности: внедрять прогрессивные структуры территориальной организации инновационного процесса, формировать инфраструктуру малого предпринимательства в сфере науки. Требуется создать единое информационно-экономическое пространство округа, преодолевая межрегиональную и межведомственную разобщенность.

Южный ФО. Налицо замедленные темпы, торможение и инерция в процессах инновационной модернизации промышленности, транспорта, связи. Необходимо технологическое обновление, т.е. системное замещение устаревшего промышленного оборудования и развитие современных технологий продаж и сервисного обслуживания для достижения мировых стандартов в рамках нового технологического уклада. Для поддержки малого инновационного бизнеса будут создаваться технопарки, инновационно-технологические центры. В целях повышения конкурентоспособности следует производить импортозамещающее оборудование для нефтедобывающей промышленности, развивать электронную промышленность и другие приоритетные направления машиностроения. В целом Программа развития округа включает 688 проектов. Их реализация позволит создать 700 тыс. новых рабочих мест и сохранить 140 тыс. рабочих мест.

Приволжский ФО. Предприятия обрабатывающего сектора промышленности — основы экономики Поволжья — рискуют остаться без источников самофинансирования, если не встанут на путь инновационного развития. Поэтому приоритетно создание инфраструктуры управления их инновационной активностью. Требуется стимулировать эту их активность, равно как и интеграцию «носителей знаний» (высшей школы, академических институтов) и внешних инвесторов инноваций. Целесообразно создать единые информационные системы передачи и обработки данных (в рамках ФЦП «Электронная Россия»), развивать инновационные технологии в финансово-кредитной сфере, использовать потенциал ВПК для разработки и внедрение технологий двойного назначения, готовить профессиональных менеджеров. На решение этих задач направлен мегапроект «Инновационная сеть Поволжья».

Уральский ФО. К числу стратегических организационно-экономических технологий отнесены: инициирование инновационных преобразований, организационная и финансовая поддержка научных исследований и разработок. В качестве первоочередных задач государственной инновационной политики регионов округа определены: сохранение инновационного потенциала и его адаптация к рынку; обеспечение финансово-экономических, организационных и иных условий для успешного осуществления инновационной деятельности по наиболее значимым для каждого региона направлениям; поддержка быстро окупаемых инновационных проектов; формирование региональной нормативно-правовой базы, направленной на стимулирование инновационной активности предпринимателей; формирование современной инфраструктуры инновационного бизнеса, содействие продвижению инновационных продуктов на рынок; и др.

Сибирский ФО. К числу основных направлений развития отнесены наукоемкие технологии. Научно-образовательный комплекс Сибири подготовил более 150 законченных разработок, предлагаемых для широкого использования. Для их реализации необходима государственная поддержка. Требуется также создать технопарковые зоны в пяти крупнейших городах; организовать подготовку специалистов по инновационной деятельности; разработать механизмы и нормативно-законодательную базу для стимулирования процессов инвестирования доходов, получаемых от эксплуатации природных ресурсов, в машиностроение и инновационную сферу; осуществить ряд других мер.

Дальневосточный ФО. Округ с трудом оправляется от экономической катастрофы, надвинувшейся на него из-за отказа государства в начале 90-х годов от своих обязательств, выполнявшихся на протяжении предшествующих ста лет. На данном этапе среди целей развития округа выделены: модернизация структуры и развитие топливно-энергетического, транспортного и рыбохозяйственного комплексов. Предусмотрено создание институционально-правовых норм и развитие в регионе институтов, обеспечивающих согласование действий региональных властей, финансовых организаций, налоговых органов и бизнеса. Предполагается создать региональный Центр бизнес-проектирования, который обеспечит: консультирование и обучение менеджменту

Таблица 4

Распределение детности по семьям с различным уровнем дохода (в % по строке)

Уровень дохода семьи	Количество детей				Итого
	Нет детей	Один ребенок	Два ребенка	Три и больше детей	
Денег не хватает на повседневные затраты (нищие)	20	28	37	15	100
На повседневные затраты уходит вся зарплата (бедные)	15	28	44	13	100
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна (малообеспеченные)	20	29	42	9	100
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг (обеспеченные)	27	31	34	8	100
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи, машины (зажиточные)	34	28	32	7	100
Практически ни в чем себе не отказываем (богатые)	31	26	32	11	100

издало ряд постановлений, направленных на повышение рождаемости. В целом по России коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину в фертильном возрасте от 15 до 45 лет) составляет 1,32. В Тюменской области он составляет 1,53, хотя этого все же недостаточно для простого замещения поколения родителей, поколениями детей (для этого необходим коэффициент 2,15). Естественный прирост населения по сравнению с 1990 г. по области в целом уменьшился на 64%. При уменьшении рождаемости на 12%, увеличилась смертность на 63%. Причем, если, начиная с 2000 г., рождаемость в области медленно, но неуклонно повышается, то смертность также растет с 1999 г. Беспокоит ситуация в ЯНАО, где рождений стало на 10% меньше, а смертность увеличилось на 94% по сравнению с 1990 г. В ХМАО сокращение рождений произошло на 8%, прирост смертности — на 81%. Следует отметить, что рождаемость в Ханты-Мансийском округе начала резко возрастать с 2001 г. после принятия постановления администрацией округа о поддержке молодых семей с детьми. По югу области сокращение рождаемости самое большое по сравнению с 1990 г. — 18%, а смертность за этот период возросла на 47%.

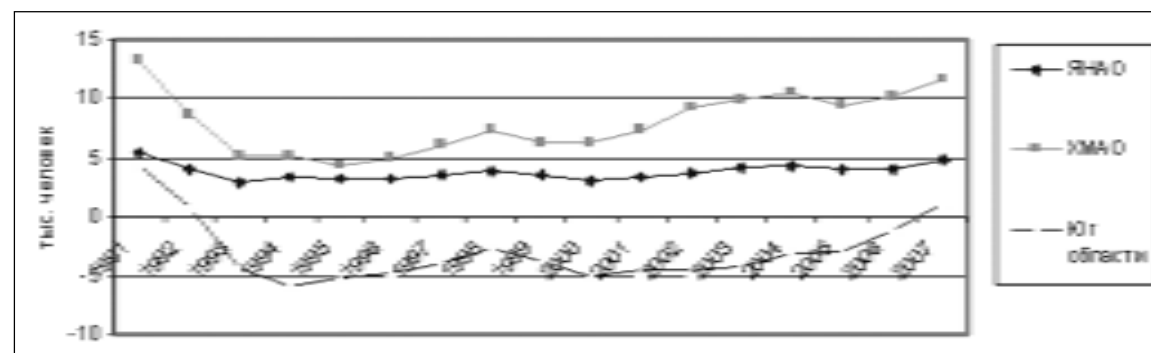

Рис. 1. Естественное движение населения Тюменской области в 1991–2007 гг.

На вопрос анкеты «Что, по Вашему мнению, мешает росту численности населения в нашем регионе?» большинство респондентов отметили низкие доходы, вторыми по значимости идут плохие жилищные условия и с небольшим отрывом — «государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми». Жители юга области чаще, чем жители округов, считают, что «в наше время достаточно иметь одного ребенка». Небольшое количество опрошенных отметили «плохую медицинскую помощь женщинам во время беременности, при родах», что подтверждает состояние медицины в области при родовспоможении и низкую смертность детей в возрасте до 1 года.

Интересный результат получился при ответе «Ничего не мешает, в нашем регионе благополучно с ростом численности населения», где больший процент таких ответов дали округа, где раньше, чем в целом по стране началась программа помощи молодым семьям, имеющим детей (табл. 5). В целом по стране идет сокращение титульного народа России — русских. В проведенном опросе был такой пункт: «В последние десятилетия численность русских в России заметно уменьшается. В чем, по Вашему мнению, главная причина этого?». Предлагалось отметить не более двух причин.

Таблица 5

Мнение населения о причинах малодетности семей
(в % от выборки в регионе, по столбцу)

Варианты ответов	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО
Многие считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	29	27	28
Государство фактически не поддерживает материально семьи с детьми	40	32	38
Плохие жилищные условия	40	45	43
Низкие доходы	60	54	50
Плохая медицинская помощь женщинам во время беременности, при родах	6	7	6
Ничто не мешает, в нашем регионе благополучно с ростом численности населения	5	8	8
Итого, ответов	181*	173*	172*

* Отмечалось более одного варианта ответа.

Большинство респондентов ответили, что многие русские считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка, причем, чем ближе к северу, тем больше таких ответов. Однако ненамного меньшую позицию заняло мнение, что государство в центре и на местах не заботится об увеличении продолжительности населения, и здесь наблюдается такая картина, в ХМАО, где решение о поддержке молодых семей было принято несколько лет назад, так ответило меньше респондентов, чем на юге области или в ЯНАО, но не намного. Третья причина — субъективная — алкоголизм русских семей (большинство ответов — на юге области). Сравнительно высокий процент респондентов отметил и низкую медицинскую помощь, высокую детскую смертность (табл. 6).

Таблица 6

Причины низкой рождаемости среди русского населения (в % по строке)

Регион	Варианты ответа	Пол		Итого
		Мужчина	Женщина	
Юг ТО	Многие русские считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	39	61	100
	Православная церковь перестала уделять внимания вопросам продолжительности рода	48	52	100
	Государство в центре и на местах не заботится об увеличении численности населения	44	56	100
	В русских семьях нередко отец и мать — оба алкоголики, им не до детей, а если у них и рождаются дети, то часто больные	42	58	100
	Из-за низкой медицинской помощи в России — высокая детская смертность, что особенно сказывается на семьях с низкой рождаемостью	38	62	100
ХМАО	Многие русские считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	40	60	100
	Православная церковь перестала уделять внимания вопросам продолжительности рода	57	44	100
	Государство в центре и на местах не заботится об увеличении численности населения	44	56	100
	В русских семьях нередко отец и мать — оба алкоголики, им не до детей, а если у них и рождаются дети, то часто больные	45	55	100
	Из-за низкой медицинской помощи в России — высокая детская смертность, что особенно сказывается на семьях с низкой рождаемостью	49	51	100

и генеральная цель муниципальной политики в области инноваций: поддерживать те научно-технические инновации, которые повышают качество жизни населения муниципального образования. Эта цель конкретизируется как поддержка нескольких групп инноваций: новых образовательных программ и учреждений; улучшение медицинского обслуживания; повышение качества продуктов питания; развитие возможностей физической культуры, рекреации, полноценного досуга и др. Важным элементом реализации местной инновационной политики является формирование и размещение *муниципального заказа* на реализацию конкретных инноваций [18].

Легитимность муниципальной инновационной политики обеспечивается тем, что она соответствует компетенции местного самоуправления и принята решением соответствующего выборного органа. И в целом ключевым элементом инновационной политики муниципального образования является создание нормативно-правовых условий ее реализации. Осуществляется также организационное, финансовое и информационное обеспечение мероприятий, запланированных в рамках этой политики.

Однако ряд экономических прав местного самоуправления на практике не соблюдаются. Не обеспечивается предусмотренный законодательством уровень доходов муниципальных образований. Не в полной мере выделяются средства для осуществления ими увеличивающихся государственных полномочий. Далеко не все руководители муниципальных органов управления ориентируются на предписанную цель — повышение качества жизни населения. В силу этих и других ограничений многие положения инновационной политики муниципальных образований остаются не реализованными, нередко достигаются противоположные результаты [19].

Роль макрорегионов

Иные, более значимые условия для инновационной деятельности предприятий могут быть созданы в масштабе макрорегиона. В настоящее время в России существуют три типа макрорегиональных образований: 11 исторически сложившихся *экономических районов*, которые являются объектами статистического наблюдения, экономического анализа и прогнозирования, а частично и государственного регулирования; 8 *межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия*, которые возникли в 1980—90-е годы, координируют деятельность добровольно входящих в них регионов и представляют их интересы в экономических отношениях с федеральным центром; 7 *федеральных округов*, которые созданы в мае 2000 г. указом Президента РФ с целью укрепления вертикали государственной власти и охватывают все субъекты РФ. Далее пойдет речь именно о федеральных округах (ФО), поскольку, в отличие от экономических районов и ассоциаций, их руководящие органы наделены Президентом России значительными полномочиями в отношении субъектов РФ. В экономической сфере на ФО возложена разработка программ социально-экономического развития округов.

В *программах развития* всех федеральных округов констатируется произошедший в 1990-е годы спад инновационной деятельности предприятий округа, формулируются задачи и меры по срочному преодолению этого спада как главному способу повышения качества жизни населения, экономического подъема и обеспечения безопасности страны. При этом часто подчеркивается недостаточность полномочий и финансовых ресурсов округа для полного решения формулируемых задач. Кратко отметим важнейшие аспекты, касающиеся инновационной деятельности предприятий по каждому федеральному округу (по состоянию на 2003 г.), — на основании материалов фундаментального труда «Стратегии макрорегионов России», подготовленного учеными РАН и специалистами, работающими в аппарате полномочных представителей Президента РФ по соответствующим ФО [20].

Центральный ФО. Приоритетно обеспечение развития науки и научного обслуживания как базы коренной реконструкции хозяйственного комплекса страны. Поскольку многие предприятия ФЦО задействованы в федеральных целевых программах, направленных на развитие высокотехнологичных производств, требуется проводить анализ хода реализации этих программ и изыскивать меры по улучшению их выполнения: путем организации межфирменного сотрудничества, привлечения потенциала научных организаций региона и др. Признано целесообразным разработать программу научно-технического прогресса Центральной России.

А инновационное резюме Саратовской области выглядит так:

<p>В Саратовской области устойчиво и успешно действуют и научно-технологические парки, и инновационно-технологические центры, и инновационно-промышленные комплексы... В области определены приоритетные направления развития науки, технологий и техники, среди которых: новейшие производственные технологии в наукоемких и высокотехнологичных отраслях, информационно-телекоммуникационные технологии, электроника, биотехнологии, экология и рациональное природопользование, сельскохозяйственные технологии, топливо и энергетика.</p> <p>Созданы в нашем регионе и правовые основы научно-технической и инновационной деятельности: принят Закон Саратовской области «Об инновациях и инновационной деятельности»; ведется работа над проектом Закона Саратовской области «О поддержке специализированных субъектов инновационной деятельности в Саратовской области».</p> <p>Развитию инновационных процессов в значительной степени способствует привлечение средств федерального и регионального бюджетов, средств предприятий, инвестиционных компаний, внебюджетных фондов в инновационные программы и проекты. Основной смысл этого механизма заключается в долевым способе финансирования инновационных программ и проектов.</p> <p>Вследствие развития рыночных отношений в сфере НИОКР инновационные процессы охватывают все стороны жизни региона. В соответствии с опытом развитых стран мира основной задачей на региональном уровне становится устранение межведомственной разобщенности для решения местных экономических и социальных проблем [16].</p>
--

Вместе с тем, оставаясь реалистами, будем учитывать, что многое из сказанного— возможности, которые лишь частично, в различном объеме реализуются органами управления субъектов РФ. Их реализация зависит не только от этих органов управления, но и от уровня взаимодействия с ними руководителей предприятий.

Теперь обратимся к двум другим, менее сформированным уровням региональной иерархии: муниципальному и макрорегиональному.

Роль муниципальных образований

Термин «муниципальное образование» вошел в употребление с вступлением в силу Гражданского кодекса РФ (1994 г.). Его формальное определение содержится в Федеральном Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003 г., статья 2): «муниципальное образование — городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения». Подразумевается, что это населенные территории, в пределах которых имеются муниципальная собственность, местный бюджет, местное самоуправление, включая его выборные органы.

К настоящему времени в России завершено формирование муниципальных образований, т.е. установлены их территориальные границы и они могут функционировать на основе принципов и правил местного самоуправления; они также получили право определять стратегию своего развития. Но далеко не все они имеют реальную возможность развиваться как самостоятельные социально-экономические субъекты [17]. Соответственно, влиять на условия инновационного развития предприятий могут прежде всего те муниципальные образования, на территории которых имеются городские поселения, включающие промышленные предприятия и научные организации.

Большая часть этих предприятий и НИИ формально не подчинены муниципальной власти, а управление ими не относится к вопросам местного значения. Однако деятельность этих предприятий оказывает решающее влияние на жизнь муниципального образования. Они являются основными налогоплательщиками в местные бюджеты и основными работодателями; на их балансе нередко находятся важные объекты социальной сферы, обслуживающие население муниципалитета.

Поэтому одной из важнейших задач муниципалитетов является тесное взаимодействие с градообразующими предприятиями и органами управления субъектов РФ. Оно должно основываться на *инновационной политике*, разрабатываемой муниципальными органами управления. Поскольку главным предметом муниципальной деятельности должно быть повышение качества жизни на территории муниципального образования, то этим определяется

Продолжение таблицы 6

Регион	Варианты ответа	Пол		Итого
		Мужчина	Женщина	
ЯНОАО	Многие русские считают, что в наше время достаточно иметь одного ребенка	44	56	100
	Православная церковь перестала уделять внимания вопросам продолжительности рода	49	51	100
	Государство в центре и на местах не заботится об увеличении численности населения	48	53	100
	В русских семьях нередко отец и мать — оба алкоголики, им не до детей, а если у них и рождаются дети, то часто больные	52	48	100
	Из-за низкой медицинской помощи в России — высокая детская смертность, что особенно сказывается на семьях с низкой рождаемостью	47	53	100

Необходимо обратить внимание на то, что уровень смертности в области остается высоким. Общая тенденция динамики смертности такова, что она особенно высока в трудоспособном возрасте. Ожидаемая продолжительность жизни в период с 1998 по 2004 г. сократилась более чем на год (у мужчин на 1,1 года, у женщин — на 1 год), причем разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин составляет 12,2 года. В целом по России после 1998 г. продолжительность жизни у мужчин снизилась на 2,8 года, у женщин на 0,9 года. Вызывает беспокойство причины смертности населения. Несмотря на суровый климат, смертность от заболеваний органов дыхания занимает отнюдь не первое и даже не второе место. Распространенные заболевания системы кровообращения дают самый высокий процент смертности. На втором месте идет смертность «от несчастных случаев, отравлений и травм», куда входят такие девиации, как убийства, самоубийства, отравления. Причем ЯНОАО по этим причинам занимает первое место (17 на 10000 жителей), затем — ХМАО (16,1 на 10000 жителей).

Рис. 2. Смертность населения от основных причин (чел., вся область)

Вопрос анкеты «Почему, по Вашему мнению, продолжительность жизни мужчин в нашем регионе заметно меньше, чем женщин?» выявил такие особенности. Несмотря на тяжелые климатические условия севера и занятость мужчин на тяжелой и вредной работе, этот пункт стоит на третьем месте. На первом месте стоит ответ: «Мужчины меньше заботятся о своем здоровье, не обращаются к врачам». Но незначительно меньше было ответов: «Мужчины много пьют водку, к тому же низкого качества, самогон»; затем идет гибель молодых людей в армии, убийства и увечья во время драк (табл. 7). Все это говорит о низком уровне самосохранительного поведения жителей региона, особенно мужчин.

Таблица 7

Причины меньшей продолжительности жизни мужчин (в % по столбцу)

Варианты ответов	Юг ТО	ХМАО	ЯНАО
Многие мужчины заняты на тяжелой и вредной работе	7,5	8,3	7,9
У нас много хулиганства, нередко драки заканчиваются увечьями, убийством	6,8	6,2	6,0
Нередко молодые парни погибают во время службы в армии	6,9	6,8	6,8
Мужчины много пьют водку, к тому же низкого качества, самогон	8,9	8,2	8,1
Мужчины меньше заботятся о своем здоровье, не обращаются к врачам	9,0	8,8	8,7
Нет, в нашей местности мужчины живут не меньше, чем женщины	2,5	4,1	2,4
Итого	41,5	42,3	39,8

Такие же результаты показывает и самооценка здоровья мужчин и женщин (табл. 8). По распределению ответов можно было бы сделать вывод, что женщины и болеют чаще, и на инвалидности их больше находится, а живут они все же дольше, чем мужчины, отмечая, что у них здоровье нормальное. Больше хронических больных и часто болеющих в ХМАО, в ЯНАО их гораздо меньше. Причиной может служить то, что в ЯНАО большое количество работающих — вахтовики, а на работу вахтовым методом больных и хроников не берут.

Таблица 8

Самооценка состояния здоровья (в % по строке)

Регион	Самооценка здоровья респондента	Мужчина	Женщина	Итого
Юг ТО	Нормальное здоровье, пока не жалуюсь	51	49	100
	Временами болею	37	63	100
	Часто болею	32	68	100
	Хронически больной	31	69	100
	Инвалид	51	49	100
ХМАО	Нормальное здоровье, пока не жалуюсь	55	45	100
	Временами болею	37	63	100
	Часто болею	33	67	100
	Хронически больной	39	61	100
	Инвалид	50	50	100
ЯНАО	Нормальное здоровье, пока не жалуюсь	56	44	100
	Временами болею	41	59	100
	Часто болею	53	47	100
	Хронически больной	32	68	100
	Инвалид	18	82	100

На самосохранительное поведение большое влияние имеет возможность посещать не только здравоохранительные учреждения, но и спортивные, возможность самим заниматься физкультурой и спортом. К сожалению, не все жители Тюменской области имеют такую возможность не только из-за собственного нежелания, но и из-за отсутствия или малого количества спортивных залов, площадок, стадионов. При ответе на вопрос: «Как часто Вы посещали в последний год: библиотеку, театр, цирк, музей, стадион, клуб по интересам, дискотеку, кинотеатр», выяснилось, что стадион большинство опрошенных посещают реже, чем раз в год. Хотя здесь может иметь место не занятия спортом, а присутствие на стадионе в качестве болельщика (табл. 9).

Однако и на вопрос о возможности занятий физкультурой и спортом в том населенном пункте, где проживает респондент, об оснащении беговыми дорожками, стадионом для

— создание интернет-портала администрации, который оперативно представляет в динамике портрет региона: административный, экономический, социальный, культурный, включая раздел об инновациях в НИИ и на предприятиях региона;

— диагностика конкурентоспособности предприятий региона, меры по ее повышению;

— обеспечение прозрачности, простоты и скорости регистрации новых фирм, включая венчурные;

— меры по повышению человеческого потенциала населения и привлечению в регион высококвалифицированных кадров;

— привлечение туристов и отдыхающих из других регионов страны и из-за рубежа;

— использование мигрантов, обладающих большим производственным и интеллектуальным потенциалом.

Так, специалисты выделили следующие направления создания условий свободного предпринимательства в Ленинградской области:

«оптимизация нормативно-правовых основ администрирования бизнеса со стороны государства; развитие системы финансово-кредитной поддержки предпринимательства; совершенствование механизмов использования государственного и муниципального имущества для развития системы предпринимательства; содействие развитию инновационного предпринимательства; совершенствование инновационной поддержки предпринимательства; укрепление и развитие системы подготовки кадров для предпринимательства» [14].

Вместе с тем, нуждаются в разработке вопросы *межрегиональной координации, кооперации и взаимодействия* как способов роста совокупной эффективности функций региона, а более конкретно — повышения инновационной активности предприятий взаимодействующих регионов, расширения *межрегиональной диффузии инноваций* как пространственного процесса, имеющего волнообразный характер.

Региональные заказы на инновации предприятий, осуществляемые в рамках стратегического регионального планирования или помимо него, являются *прямым вкладом* региональных органов управления в инновации на предприятиях. Важно, чтобы выбор инновационных проектов, обеспечиваемых бюджетными средствами регионов, осуществлялся на основе научных методов и в соответствии с критериями эффективности для данного региона.

Обеспечение трехстороннего инновационного партнерства составляет одну из основных задач региональных органов управления. Речь идет об активном участии представителей этих органов управления в подготовке и реализации партнерских контрактов между авторами инновационных проектов, имеющих ключевое значение для развития региона, и предпринимателями, реализующими данные разработки. На стадии подготовки контрактов органы управления могут осуществлять диагностику проекта и гарантировать начальные инвестиции в его реализацию, повышая уверенность предпринимателей в его реализуемости. На следующих стадиях, с учетом *регионального жизненного цикла инноваций*, они, осуществив свои инвестиции, обеспечивают их возвращение и затем «отпускают» дальнейшую реализацию проекта «под присмотр» его авторов и предпринимателей.

Особенность технологии такого рода партнерства может стать модельной для данного региона, его инновационным брендом.

Завершая характеристику инновационной роли регионов, воспроизведем штрихи инновационных портретов двух областей, подготовленные сотрудниками научных учреждений этих регионов. Вот перечень основных направлений программы инновационного развития Тамбовской области:

1) совершенствование организации инновационной деятельности; 2) создание регионального рынка инноваций; 3) совершенствование механизмов финансирования инновационной деятельности в регионе; 4) комплексное ресурсное обеспечение развития науки и технологий; 5) структурное обновление сферы НИОКР; 6) кадровое обеспечение научно-инженерной и инновационной деятельности; 7) формирование и развитие инновационной инфраструктуры; 8) интеграция инновационной сферы Тамбовской области в национальную и мировую инновационные сети [15].

спечения (создает определенный уровень занятости и доходов населения), а также в значительной мере и функции интеграции, дифференциации, регулирования поведения населения региона.

Как могут региональные власти создавать благоприятные условия для инноваций в условиях рыночной экономики? Выделим несколько путей решения этой задачи: повышение устойчивости институциональной среды функционирования и развития предприятий региона; содействие развитию регионального рынка капиталов, товаров и услуг; меры, направленные на повышение конкурентоспособности региона; региональные заказы на инновационные продукты и технологии; обеспечение трехстороннего инновационного партнерства.

Повышение устойчивости институциональной среды функционирования и развития деловых организаций региона.

Институциональная устойчивость и предсказуемость значительно снижают инновационные риски и тем самым активно способствуют иницированию инновационных процессов. Поэтому как организации, так и региональные власти заинтересованы в такой устойчивости.

Главным способом достижения этой цели служит *разработка и реализация стратегии социального и экономического развития региона* — общего направления развития, учитывающего стратегические ориентиры и цели развития федерального округа, хорошо понятного, позитивно воспринимаемого руководителями предприятий и населением региона, согласованного со стратегическими ориентирами и целями развития федерального округа. Целевые ориентиры задает *социальный вектор развития региона*, который включает показатели демографических процессов, материального благосостояния населения, жилищных условий, социальной инфраструктуры и др. [7]. Базовым инструментом управления экономическим развитием служит *стратегическое планирование*, которое предусматривает использование имеющихся и создание новых местных преимуществ. Полезный опыт разработки и реализации стратегических планов экономического и социального развития накоплен такими субъектами РФ как Вологодская, Нижегородская, Тюменская области и ряд других. Конкретные цели, задачи, механизмы реализации таких планов описаны в литературе последних лет [8].

Содействие развитию региональных рынков капиталов, товаров и услуг составляет новое направление деятельности региональных органов власти. В теоретическом плане известен классический анализ механизма установления цены рыночного равновесия на региональных рынках, связанных друг с другом. Более того, одним из основных подходов к региону является подход к нему именно как к рынку, который имеет определенные границы и обладает своими особенностями [9].

Однако применительно к России проблема региональных рынков мало изучена. Часто справедливо подчеркивается задача интеграции всех регионов страны в «единый национальный рынок», упоминается «конкурентная рыночная среда» региона. Впрочем, постепенно формируется и представление о значимости собственно «региональных рынков». Предлагается рассматривать субъект РФ как *формирующийся региональный рынок (рынки)*, который включает субрегиональные отраслевые и локальные рынки и нуждается в своей стратегии развития [10].

В этой связи возрастает роль *регионального маркетинга*, который осуществляют региональные органы управления с целью активного внутреннего и внешнего позиционирования региона (в российской и зарубежной среде), распространения информации о регионе как хорошем месте для бизнеса и диффузии инноваций, привлечения в регион новых экономических агентов [11]. Требуется специальные исследования роли региональных рынков в развитии инноваций на предприятиях региона.

Повышение конкурентных преимуществ или конкурентоспособности региона также относится к числу новых и обсуждаемых задач регионального управления [12]. Это прямо касается особых экономических зон и эксклавных территорий (Калининградская область [13]). Меры, направленные на решение этой задачи, стимулируют формирование и реализацию инновационной стратегии предприятий данного региона. В числе этих мер выделим:

- актуализация региональных конкурентных преимуществ;
- лоббирование в пользу выделения региону средств федерального бюджета: через трансферты, включение в федеральные целевые и региональные программы, получение средств этих программ и п.т.;

Таблица 9

Ваш пол		Юг ТО	ХМАО	ЯНАО	Всего
Мужчина	Раз в неделю	40	51	20	111
	Раз в месяц	48	48	26	122
	Раз в полгода	102	84	41	227
	Реже, чем раз в год	178	147	92	417
	Затрудняюсь ответить	225	277	218	720
	Итого	594	608	397	1599
Женщина	Раз в неделю	32	21	4	57
	Раз в месяц	31	30	11	72
	Раз в полгода	65	52	32	149
	Реже, чем раз в год	212	167	104	483
	Затрудняюсь ответить	356	342	280	978
	Итого	696	612	431	1739

спортивных игр, бега, лыж и прочего преобладающее большинство ответило «плохо» не только в северных округах, но и на юге области.

Третий вид демографического поведения — миграционная активность населения. Как было отмечено выше, с развитием топливно-энергетического комплекса в область прибыло много специалистов из самых разных районов страны, которые оставались здесь жить и работать, обзаводились семьями. Необходимо отметить, что полвека назад специалистов для газовой и нефтяной промышленности в Тюмени не готовили. Высококвалифицированные специалисты приезжали из Башкирии, Азербайджана, Чеченской республики, где были учебные заведения, готовившие нужные специальности. За прошедшие годы Тюменская область стала многонациональной, появилось много смешанных браков.

Приток населения в регион продолжается, хотя уже не такими темпами, как 15 лет назад. Миграция в ЯНАО снизилась за этот период на 52%, в ХМАО — на 77%, на юг Тюменской области стало прибывать на 62% мигрантов меньше, чем в 1990 г. Несмотря на снизившиеся темпы, Тюменская область остается притягательной для трудовой миграции, сюда едут не только из других регионов России, но и из стран ближнего зарубежья, в основном из Казахстана, Украины, Белоруссии, Киргизии, Молдавии, Азербайджана. Отток населения из региона, увеличившийся в середине 1990-х годов, заметно снизился.

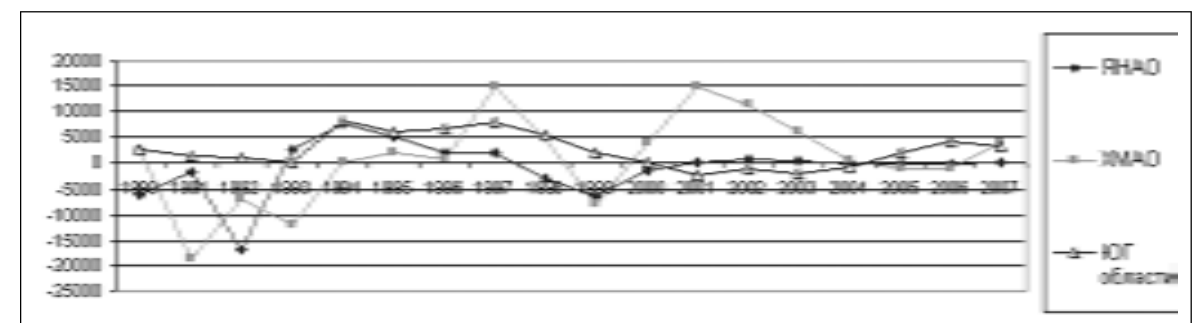

Рис. 3. Миграция населения Тюменской области в 1990–2007 гг. (чел.)

Ответы на вопрос: «Давно ли Вы живете в этом городе (поселке, селе, деревне)?» показали, что на юге области большинство населения проживает более 25 лет, в ХМАО таких тоже немало. Однако в округах в основном население проживает от 5 до 25 лет. Сравнительная малочисленность тех, кто проживает в округах более 25 лет может объясняться тем, что там

действуют программы, помогающие пенсионерам сменить северное место жительства на место с более благоприятным климатом, а также тем, что у большинства трудовых мигрантов на «большой земле» остается жилье.

Тюменский регион со дня основания топливно-энергетического комплекса стал многонациональным регионом, поэтому напряженность в межнациональных отношениях в области меньше, чем в других регионах, но все же присутствует, особенно в последнее время, когда идет миграция неквалифицированных работников в основном из бывших республик Средней Азии и Северного Кавказа. В связи с этим в проект был включен вопрос «Если Вы знаете о жизни приезжих (переселенцев, беженцев и др.) в нашем регионе, поделитесь своими впечатлениями: хорошие ли у них отношения с коренным населением?». Большинство ответов было: «В целом нормальные, но случаются недоразумения»; гораздо меньше: «Отношения неровные, нередко возникают напряжения», причем возникают напряжения больше в ХМАО, чем на юге области или в ЯНАО. Также в ХМАО было отмечено, что отношения напряженные, нередко происходят драки. А в ЯНАО местные и приезжие почти не общаются друг с другом. Устойчивые хорошие отношения отметили на юге области 11,7% респондентов; в ХМАО — 11,4%; и в ЯНАО — 17,4%.

Несмотря на то, что в демографическом поведении населения Тюменского региона присутствуют те же проблемы, что и в целом по стране — низкая рождаемость, высокая смертность, ослабление института семьи и, как следствие, высокая разводимость, малодетность семей, не обеспечивающая простого воспроизводства населения, однако можно говорить о региональных особенностях. Главная особенность Тюменской области, отличающая ее от других, — перспективность региона в плане занятости населения, выгодное географическое положение, правильная политика администраций области и регионов по поддержанию молодых семей с детьми, высококвалифицированных мигрантов из стран СНГ. Все это дает свои плоды. Молодое население, привлекаемое в регион, не боится создавать семьи и рожать не одного ребенка, а двоих, реже — троих. Отмечено, что полные семьи с двумя детьми характерны для всех слоев населения, а вот рождение детей вне брака — для нижних групп населения. Исключение составляет демографическое поведение самых богатых — в этом социальном слое больше всего бездетных, и много семей с тремя детьми. Высокая смертность, заболеваемость и разводимость в северных округах (особенно в ЯНАО) позволяет задуматься о том, надо ли строить города и поселки на Крайнем Севере для постоянного проживания населения, не лучше ли ограничиться вахтовым методом для дальнейшей разработки месторождений. В целом на фоне происходящих изменений в демографическом поведении населения страны, Тюменская область выгодно отличается в этом плане.

Наши результаты подтверждают вывод о том, что снижение детности происходит сегодня в основном потому, что в период нестабильности общества на смену заботе о том, сколько иметь детей приходит забота о том, сможет ли семья обеспечить им необходимое качество жизни. Семьи, не имеющие материальных проблем (а в регионе таких семей больше, чем в среднем по России) могут позволить себе иметь столько детей, сколько они бы хотели.

Литература

1. Рыбаковский Л.Л. Депопуляция — угроза выживанию / Почему вымирают русские. М.: ЭКСМО, 2004. С. 156.
2. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006. — 328 с.
3. Статистический ежегодник: Стат. сб. в 4-х частях. Ч. 1. (I) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Т., 2007.
4. Социально-экономическое положение Тюменской области в январе 2008 года: Стат. доклад / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. Т., 2008.

инновационных систем: 1) *рыночно-сетевая НИС* — классическая рыночная, неиерархическая, в терминологии информационной эпохи — сетевая; 2) *административно-командная НИС* — классическая нерыночная или этатистская, иерархическая, несовместимая с сетевыми рыночными отношениями; 3) *смешанно-сетевая НИС* — постклассическая рыночная, неиерархически-сетевая, основанная на партнерско-паритетном взаимодействии государства и частных структур в инновационных процессах.

Можно выделить следующие базовые принципы построения эффективной НИС в России: 1) обеспечить не административно-командный, а смешанно-сетевой характер НИС; 2) законодательно закрепить достойную оценку интеллектуального потенциала работников научных и образовательных учреждений как предпосылку активного и глубокого их вовлечения в инновационные процессы; 3) интенсифицировать процесс создания российской НИС, включая РИС субъектов РФ, обеспечив выполнение сроков, предусмотренных «Основами политики Российской Федерации в области развития науки и технологии на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу».

Реализация этих принципов позволит российской инновационной системе активизировать и включить в себя множество людей и организаций, способных создавать и распространять инновации. В таком случае это будет действенный социально-экономический институт. На уровне фирм и предприятий работоспособность НИС должна поддерживаться венчурным предпринимательством.

В заключение следует отметить, что в России имеются как значительные ресурсы и возможности, так и серьезные ограничители инновационного развития [5].

3. Условия для инноваций в российских регионах

Территория, на которой разрабатывается и впервые осуществляется инновация — не просто место на географической карте, а свидетельство причастности инновационного процесса к определенному региону как социокультурной территориальной общности.

В России чаще всего выделяют три уровня регионов страны: макрорегионы, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. При этом базовым уровнем регионализации служат субъекты РФ, а верхний и нижний уровни регионов находятся в процессе становления, их влияние на деятельность фирм, предприятий, других деловых организаций, главной целью которых является получение дохода, не вполне определилось. Поэтому сначала мы рассмотрим региональные условия инноваций на уровне субъектов РФ, а затем обрисует эти условия на других уровнях.

Инновационная роль субъектов Российской Федерации

Субъект Федерации представляет собой *базовый уровень* горизонтальной (социо-пространственной) дифференциации страны. Это социальная общность, исторически сложившаяся и территориально определенная в рамках большого общества (в границах государства и, возможно, межгосударственного союза); иными словами, это локальное сообщество жителей, поселений, организаций, взаимоотношения внутри и между которыми регулируются как социальными, так и локальными институтами, традициями, обычаями. Подобно большому обществу, оно выполняет четыре основные функции: культурно-интегративную, жизнеобеспечивающую, социально-дифференцирующую и властно-регулирующую [6].

По ряду административно-политических, экономических, социальных, культурных аспектов статус субъектов Российской Федерации находится в процессе становления. В целом субъект РФ, как базовый уровень социо-пространственной дифференциации страны, нуждается в существенном повышении его статуса именно как **субъекта** российского государства и общества. На этом уровне имеются значительные возможности самоутверждения гражданского общества, повышения участия граждан в деятельности органов государства и местного самоуправления.

Тем не менее, уже сейчас субъект Федерации обладает реальными полномочиями и ресурсами, которые позволяют создавать более благоприятные или менее благоприятные *условия* для функционирования деловых организаций, в том числе для *инноваций*. В свою очередь, сами деловые организации служат *основными субъектами*, благодаря деятельности которых регион лучше или хуже выполняет основные свои функции: прежде всего функцию жизнеобес-

качественный товар должен отвечать его ожиданиям. Теперь эффективность инноваций предприятий, фирм зависит не уже только от инициативы их директоров, но все больше — от научной обоснованности самих инноваций, от квалификации менеджеров инноваций, от качества социально-экономических институтов российского общества и его регионов.

2. Венчурное предпринимательство и национальная инновационная система

Индикатором инновационных качеств институтов общества служит состояние венчурного предпринимательства. Оно представляет собой поисковое и потому наиболее рисковое звено инновационной деятельности (англ. venture — риск) [3]. Его первичной организационной структурой служит тандем: венчурный фонд — малая фирма. Их менеджеры и персонал должны обладать значительным инновационным потенциалом, который позволяет мобилизовать и интенсивно использовать венчурный капитал для апробации инновационных проектов без гарантии их успешности. Здесь выявляется коммерческая ценность и практическая осуществимость большинства инноваций. Это микроуровень инновационной структуры общества и своего рода пульс, который позволяет судить о возможностях национальной инновационной системы данной страны.

Лидером в области венчурного финансирования являются США, где принципы такого финансирования были заложены на рубеже 50-60-х годов XX века. В Европе этот вид предпринимательства стал быстро развиваться с начала 1980-х годов. В 1983 г. возникла Европейская ассоциация прямых инвестиций и венчурного капитала (EVCA); спустя два десятилетия она объединяла свыше 500 участников венчурного бизнеса из более 30 стран. С ее участием создана Европейская ассоциация биржевых дилеров, которая объединяет венчурных капиталистов, биржевых дилеров, банков и иных инвестиционных институтов, а также создана Европейская фондовая биржа для растущих молодых компаний.

Основными источниками прямых инвестиций в Европейском Союзе в 2000 г. являлись пенсионные фонды (24% инвестиций), банки (22%), страховые компании (13%). Около 80% инвестиций было направлено в фирмы с численностью работающих не более 200 человек, причем 56% всех инвестиций поступило в фирмы, находящиеся на ранних стадиях своего развития, преимущественно в те, которые находятся на стадии «расширения» (37%). Все это помогает решать как проблемы занятости населения, так и развития инновационного предпринимательства в странах Европейского Союза.

В Европе динамично развивается культура венчурного предпринимательства. Создаются сети коучинг-центров, которые осуществляют консультации и тренинги для специалистов венчурных фондов и инновационных компаний. Формируются новые команды венчурных менеджеров, объединяемые общими целями, ценностями, профессиональным подходом, методами управления.

В России венчурное предпринимательство начало развиваться с 1994 г., преимущественно за счет средств иностранного капитала. К настоящему времени декларируют свое присутствие в России более 40 венчурных фондов с суммарными активами не менее 4,3 млрд долларов. Одновременно стали появляться российские фонды, которые подготавливают условия для венчурной деятельности фондов. Но в целом в России их пока явно недостаточно для формирования слоя профессионалов с опытом удачных инвестиций, без чего трудно убедить потенциальных инвесторов вложить деньги в их бизнес. Это означает дефицит предложений венчурного капитала, которому на другом полюсе соответствует дефицит спроса со стороны российских предпринимателей на результаты деятельности отечественных венчурных фирм.

В настоящее время в России риски предпринимательства, имеющего дело с базисными, радикальными инновациями, весьма разнообразны и значительно превышают его уверенные ожидания. Перспективы венчурного предпринимательства зависят прежде всего от реальной инновационной политики государства. От этого зависят и перспективы нашей национальной инновационной системы (НИС).

Этот вид деятельности, осуществляемой на микроуровне, служит предпосылкой национальных инновационных систем, повышает их эффективность. Как инновационное развитие любой страны в наше время невозможно без национальной инновационной системы, так и сама эта система невозможна без венчурного предпринимательства.

Подытоживая опыт формирования НИС в странах с рыночной экономикой [4], а также советский опыт управления научно-техническим прогрессом, выделим три типа национальных

М.Г. Ганопольский
(Тюмень)

СЕВЕРНЫЕ СИБИРСКИЕ РЕГИОНЫ КАК СУБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И КУЛЬТУРНАЯ НОСТАЛЬГИЯ)

Территория Сибири неоднократно являла собой арену крупных социальных экспериментов. И тогда история страны именно здесь становилась историей в собственном смысле, утверждая себя как необратимость борьбы с «суровой природой, которая стала нашей судьбой», с «необъятным, непокорным, разбегающимся пространством», с «бременем народности — массой племен и наречий» (И.А. Ильин). Во второй половине XX в. таким поворотным моментом отечественной истории стало массивное индустриальное наступление на Сибирский Север. Сибирь, превратившись в полигон грандиозного эксперимента, задала индустриальный стандарт всему обществу. Она же первой отреагировала на его неспособность в полной мере следовать данному стандарту. В итоге страна, словно ослабленный индустриальный гигант, затерялась в собственных просторах, строя БАМ, увязла в тюменских болотах, хотя именно там рассчитывала получить очередную ресурсную подпитку. Тем самым послевоенный этап интенсивного и масштабного освоения сибирских регионов помимо воли тех, кто связывал с ним определенные экономические, политические и социальные ожидания, реализовал совершенно иную программу.

Удивительно, что этот уникальный этап в жизни страны по-настоящему еще не осмыслен, не превратился в оторефлектированный социальный опыт. Приходится слышать, что время такого осмысления уже ушло. Страна живет в совершенно иной ситуации, общество решает принципиально новые задачи. Но ведь своими корнями многие из них уходят в рассматриваемый период. Именно здесь кроются истоки множества региональных и общесоциальных проблем — и тех, что встали перед обществом и потребовали кардинальных перемен в недавнем прошлом, и тех, которые сегодня напоминают о себе тревожными симптомами экологических катастроф, регионального сепаратизма и межэтнической напряженности. Конечно, можно уповать на то, что История все расставит по своим местам, будущие поколения вынесут свой вердикт, но кое-что должны сделать сами участники и свидетели происходящего.

Сейчас северные регионы Сибири пытаются осознать свою роль, свою перспективу в пестроте и неопределенности современной ситуации. Но это невозможно без самоопределения в социокультурном пространстве. Ведь в ходе естественной трансформации сообществ, имевших утилитарное индустриальное назначение, происходит переоценка отношения к среде обитания, к коренным народам, издавна населявшим эту землю, к традиционным методам хозяйствования. Это стихийное переосмысление, точнее столкновение смыслов, способствует их проявлению. В такой момент особенно важно понять характер происходящего и содействовать формирующемуся региональному самосознанию. А выдвигая обобщающие формы теоретического описания, постараться не упустить возможность реконструкции культурных схем, аккумулирующих человеческий смысл и человеческий опыт индустриального освоения территории. Все это побуждает исследовать возникшие на индустриальной основе региональные образования не столько в социальном, сколько в нравственном аспекте. Почему это так важно?

Во-первых, социальное познание привычно квалифицирует тенденции научно-технического прогресса, индустриальной динамики, урбанизации (а именно они являются существенными для становления сибирских регионов) как нравственно нейтральные. Оно трактует мораль либо как личное переживание, либо как публичный антураж социального действия, но не как его основание. Поэтому попытка увидеть в морали порождающую основу не только традиций, но и намеренно создаваемых социальных технологий, институтов и организаций, скрепляющих территориальные общности, выполняет особую задачу. Речь идет

о том, чтобы обнажить динамично меняющуюся канву нравственных отношений регионального сообщества. Артикулировать в нравственности не одни лишь высоты человеческого духа и глубины личностных исканий, но и тот добровольный массовый порыв, который привел на некогда безлюдных землях не энтузиастов-одиночек, а сотни тысяч людей. Разглядеть то незамеченное (и незаметное) «вещество сплочения», которое первоначально объединило этих людей в общем деле на новом месте, а затем позволило им сосуществовать на добровольной основе и находить взаимопонимание в рамках трудового процесса и за его пределами.

Во-вторых, в последнее время северные сибирские регионы все чаще рассматриваются как субъекты региональной политики. Политический лексикон еще в большей степени, чем социальный, подменяет смыслы, истолковывает место жизни и деятельности людей прежде всего как поле столкновения политических интересов. И на фоне накала политических страстей банальной кажется мысль, что регион и в нынешнем своем облике — это не только политико-административная единица, не только производственные мощности, не только руда, уголь, нефть, газ..., но прежде всего люди, которые заселили эту землю, обжили ее, освоили эти мощности и самое главное — видят (до поры до времени?) смысл в том, как они живут и что делают. То есть чувствуют себя на этой земле, в этом индустриальном пространстве на своем месте. Действительно некогда общий для большинства вчерашних мигрантов вектор интереса Человек — Место распадается на множество векторов различной направленности. В этих условиях ситуация нравственных исканий оборачивается кризисом созидания поскольку переосмысливаются и цели производства, и способы организации, и демографическое поведение. Похоже, это лишь начало последовательного обнажения и распада социальных структур. В конечном счете ревизии подвергаются глубинные основания культуры. Иногда в этом чувствуется какая-то завораживающая устремленность к зияющей бездне всеобщей аморальности. Культура раскрывает собственную конгломеративность. Социальные институты дискредитируются, а иные формы сцепления не срабатывают, будучи лишены позитивного нравственного содержания. Но это лишь одна сторона кризиса. Она напоминает поток, якобы разрушающий основания, а на самом деле апеллирующий к силе и устрашению в качестве гарантов социальной и культурной стабильности. Существует и другая сторона. Она связана с уходом в частную жизнь, с поиском и обретением своего места и максимальной индивидуальной независимости, с повышением статуса личной жизни. Понятно, что достигается это ценой разрушения пресловутого морально-политического единства и тем самым нравственно санкционирует иную политику.

Адекватным данной проблемной ситуации является подход, который может быть назван *этносом*. Становление и развитие регионального этоса рассматривается не как аппликация «большого этоса» к региональной ситуации, а как современный этап его эволюции от праморали (античная форма) — к протоморали (индустриальная форма). Трансформация социального пространства районов нового индустриального освоения — основное содержание данного этапа. Стержневой проблемой, к которой стягиваются в идейном отношении основные исследовательские направления, стала для нас проблема *Человека на своем месте*. Так обычно называют человека, занятого делом, соответствующим его склонностям и способностям. Но так можно сказать и о том, кто выбрал не только место работы, но и место жизни осознанно и считает это место своим. В обоих случаях нравственный смысл отношения Человек — Место не афишируется, он предполагается свободой волеизъявления. Но такого рода нравственное измерение не исчерпывает всех аспектов проблемы, а лишь организует их. И антропологический, и онтологический, и социологический аспекты, и аспект освоения человеком места представимы в качестве проекций этоса, который выступает как доставшийся людям в наследство нравственный код совместной жизни, как первичный организатор жизни человеческого сообщества, как образ жизни человека на своем месте.

Необходимо сказать еще об одном аспекте проблемы — утопическом. Ведь утопия — это не только «место, которого нет», это и люди без места. Люди, не укорененные в одной среде и готовые сыграть соответствующую роль в очередном утопическом проекте, на этот раз — индустриальном. Как справедливо заметил Л. Сарджент: «В классической утопии нравственный идеал трансцендентен, первичен, а социальная организация вторична, она служит только реализации этого трансцендентного идеала. В современной утопии главное — разумная

начала внимание сосредоточилось на фирме как инициаторе и создателе инноваций, на ее «чувствительности» к инновациям, на зависимости этой чувствительности от организационных структур и методов управления. Затем предметом изучения и управления стал маркетинг: поведение фирмы на рынке, факторы риска, методы прогнозирования успеха инноваций, экономические показатели эффективности отдельных стадий и нововведения в целом. Постепенно стала расти роль государственной политики в отношении инновационной деятельности фирм, помогающая их конкурентоспособности на международном рынке, — в 1980-х годах в странах с развитой рыночной экономикой возникли национальные инновационные системы.

Другая ситуация с инновациями сложилась в странах с плановой экономикой. Здесь доминировало централизованное, мобилизационное управление научно-техническим прогрессом на общенациональном, государственном уровне. Административно-командное «внедрение» инноваций позволило Советскому Союзу поначалу достичь выдающихся успехов в отдельных областях, прежде всего в военно-технических. Вместе с тем, не решались проблемы широкого распространения нововведений и их использования гражданскими потребителями. Постепенно нарастало отставание советской экономики от экономики США и развитых стран Западной Европы по важнейшим показателям, определяющим качество жизни населения. Нарастала угроза отставания и в области вооружений, особенно в информационно емких видах техники.

Часть советских ученых осознавала необходимость переместить центр внимания на первичный уровень технических и организационных нововведений, рождающихся в деловых организациях, и помогать успешному их осуществлению. Во ВНИИ системных исследований АН СССР и ГКНТ СССР уже в 1977 г. был инициирован поисковый проект «Факторы, способствующие и препятствующие эффективному осуществлению нововведений в организациях», а с 1980 г. стал осуществляться крупный проект «Нововведения в организациях» [2]. Около 10 лет он был центром развития инноватики в Советском Союзе. Были осмыслены исходные положения этой области знания, ряд выводов и предложений прикладного характера вошли в проект Комплексной программы научно-технического прогресса СССР на 1986—2005 годы.

Оставляя в стороне последующую историю инноватики, представлю несколько исходных ее положений. Во-первых, обосновано базовое определение инновации как процесса создания, распространения и использования новшества для удовлетворения новой или для лучшего удовлетворения прежней потребности людей; его новизна удостоверяется патентом или иным видом государственной лицензии. Во-вторых, инновационный процесс рассматривается как циклический, основной формой которого является расширенное воспроизводство; вместе с тем, его экономическая и иная эффективность реализуется во взаимодействии с его средой и зависит от стадии его жизненного цикла, — инновационная стратегия фирмы выстраивается как последовательная смена реализуемых инноваций новыми, более конкурентоспособными. В-третьих, формирование современной инновационной стратегии фирмы и успешная реализация конкретных инноваций во многом зависят от ключевой фигуры инновационных процессов — менеджера по управлению инновациями, от его профессиональной подготовки и успешного использования методов такого управления.

Необходимым дополнением основ инноватики служит знание природы инновационных рисков, способов их оценки и путей снижения. Например, путем формализованного анализа рисков, разработки бизнес-планов инновационных процессов с поправкой на риск и др. Один из распространенных способов — оптимизация портфеля инновационных проектов по критериям «риски-доходы».

Кроме того, требуется знание инновационного опыта российских предприятий, фирм на современном этапе их эволюции, понимание того, что на данном этапе инновационная стратегия фирмы является одним из основных ее конкурентных преимуществ. Вопреки пессимистическим настроениям, позитивный опыт инноваций накапливается в различных отраслях народного хозяйства и в ряде регионов страны. После дефолта 1998 г. многие фирмы успешно прошли первую стадию оживления инновационных процессов, на которой первостепенное значение имело соответствие продукции ГОСТам, техническим условиям или лучшим зарубежным аналогам. В начале нынешнего десятилетия значительная часть предприятий вступила во вторую стадию инновационного развития, на которой продукция оценивается с позиций потребителя:

Н.И. Лапин
(Москва)

ПРИРОДА ИННОВАЦИЙ И ИХ РЕГИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Инновации, или нововведения являются одним из важнейших факторов развития современного мира. В нашу динамичную эпоху структурных изменений успехи отдельных людей и организаций, целых народов и обществ в большой мере зависят от их способности создавать, воспринимать и использовать разного рода нововведения: продуктные и технологические, социальные и культурные.

Совсем недавно вошли в нашу повседневную жизнь и во многом изменили ее такие новшества как интернет, сотовый телефон, персональный компьютер, компакт-диск, флэш-память, электронная почта, банкомат... На наших глазах происходит слияние компьютера и телевидения в одно мультимедийное устройство, которое принципиально увеличивает роль интернета в нашей жизни. Зреет интерактивное телевидение, скоро с телевизором можно будет «поговорить»...

Тяжелейший системный кризис, который переживала Россия с середины 1980-х до конца 1990-х годов, отступает, уходит в прошлое. Сотни, тысячи частных, государственных и смешанных фирм, предприятий, корпораций входят или вошли в фазу стабилизации, обретают зрелость. Это благоприятные, но отнюдь не простые фазы. За ними маячат новые опасности: ранняя бюрократизация и старение новых деловых организаций.

Чтобы продлить свою молодость и зрелость, в наше время у деловых организаций нет другого способа, кроме постоянного обновления. А для этого необходимо понимание природы инноваций, создание институциональных и иных условий их осуществления, разработка стратегии инновационного развития, знание и применение методов управления инновационными процессами. Ниже мы кратко охарактеризуем исходные положения инноватики и дадим обзор условий осуществления инноваций в российских регионах.

1. Исходные положения инноватики

Инноватика — комплексная, междисциплинарная область знаний об инновациях, наука о возникновении, производстве и распространении практических новшеств, о содержании, условиях и результатах этих процессов [1].

Термин *инновация* (innovation) первоначально, еще в XIX в., связывался с изменениями в культуре. В «Толковом словаре» В. Даля слово *новшество* также имеет культурный смысл: «введение новизны, новых обычаев, порядков».

В начале XX в. термин инновация был воспринят экономической наукой. В 1909 г. В. Зомбарт в большой статье «Капиталистический предприниматель» обосновал концепцию предпринимателя как инноватора. Нарисовав образы ряда пионеров раннего капитализма (например, В. Сименса), Зомбарт заключил: основная функция предпринимателя (ради извлечения прибыли выпускать на рынок технические новинки) побуждает его не довольствоваться получением нового, а стремиться распространить это новое *как можно шире*. В 1911 г. Й. Шумпетер привлек внимание к тому, что предприниматель изобретает *новые комбинации* факторов производства, которые и являются источником предпринимательской прибыли. В конце 1930-х годов он ввел различие базовых инноваций и инноваций-следствий. Это стало важным шагом в становлении теории инноваций.

После «великой депрессии» начала 1930-х годов среди менеджеров США, а затем и других развитых капиталистических стран становится популярным словосочетание *инновационная политика фирмы* — как символ способности фирмы выйти из депрессии. С самого

организация. Она и есть нетрансцендентный утопический идеал». А поскольку внедрение индустрии в географическую среду осуществлялось без значимых социальных опосредований, то индустриальная организация выступала как единственный посредник между Человеком и Природой в процессе их взаимодействия на новом месте. Она не выростала из социальной среды естественным образом, не имплантировалась в нее извне, не становится способом внешнего насилия над своими агентами, а действовала как утопическая программа-призыв и одновременно как мощная адаптационная машина.

В понимании того, как происходит переплавка организационных отношений производственного характера в систему общностных связей, определенную роль может сыграть коммуникативное видение социально-нравственной ситуации в регионе. Здесь можно выделить несколько ценностных орбит.

Первая из них концентрирует ценности преодоления организационно — технологической схемы производства, в которой люди рассматриваются как приделки технологии либо, в лучшем случае, как ее агенты. Трудовые функции обволакиваются коммуникациями, ориентированными на различные потребительские, культурные, престижные, рекреационные и иные стандарты. Вторая связана с преодолением производственной иерархии при ценностном дрейфе от места работы к месту жительства. Третья ценностная орбита формируется в процессе преодоления ведомственных границ в поселенческой организации. Наряду с естественным размыванием ведомственности, происходит ее разрушение за счет сознательного кооперирования людей по внепроизводственному принципу: от землячества в границах предприятий — до территориального сегрегирования на основе имущественного расслоения. Сюда же можно отнести ценностно-мотивационный комплекс, связанный с дальнейшим распространением на север коллективного садоводства и огородничества — естественного канала «заземления популяции» и адекватного способа практически-духовной интерпретации места.

Необходимо сказать и об изменениях, которые происходят в ценностях, поддерживающих своеобразный ритм жизнедеятельности большинства северян. Они концентрируются вокруг преодоления двух противоположных «фронтов»: консервативных стандартов оседлости и авантюристических устремлений кочевничества.

Орбитальная схема ценностей — это и своеобразный набросок картины постиндустриального развития. Организационно-технологический остов индустриального освоения «обволакивается» органикой живых человеческих связей, переплавляется в более гибкую систему коммуникативных связей и отношений. При этом снижается планка романтической приподнятости, энтузиазма и героики. Появляется потребность пристальнее взглянуть в обыденность, отказаться от поэтизации повседневности во имя ее переосмысления.

Это один из примеров инверсии по отношению к опыту западноевропейской цивилизации, где индустрия сформировалась на основе выплавленных в сфере обыденной жизни рациональных способов и механизмов деятельности. «Повседневность как плавильный тигль рациональности» — так назвал свою статью современный немецкий философ Бернхард Вальденфельс. «Индустрия как рациональная программа повседневности» — так может звучать формула того, что произошло в северных сибирских регионах за последние десятилетия.

В уникальном характере послевоенного индустриального освоения в северном сибирском исполнении, присутствуют два взаимодополняющих момента. Об одном из них уже говорилось выше. Это внедрение индустрии в географическую среду без социальных опосредований. Второй момент связан с естественностью обретения географическим (колониационным) фактором развития индустриальных черт. Поэтому экспансионистские тенденции, свойственные индустриализму по месту его рождения и проявившиеся в насильственной колонизации «отсталых» народов, в данном случае были основательно сглажены. В прошлом остался и негативный социально - психологический фон предыдущих отечественных индустриализаций. А благодаря слабой заселенности территории, малочисленности коренного населения, залеганию полезных ископаемых преимущественно в труднодоступных, необжитых местах пафос покорения прежде всего освящал борьбу с суровой, коварной стихией и не выглядел вначале насилием.

Работает ли в этих условиях «классический» постиндустриальный инструментарий, пригоден ли он для трактовки изменений, происходящих в регионе? Ведь асимметрия

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00108а.

индустриального этоса в отечественном и европейском вариантах развития при синхронном сравнении очевидна. Более того, если сопоставить внешне сходные спады и подъемы, то в содержательном отношении они не тождественны. Усталости от цивилизации вещей соответствует очередное обострение синдрома ее неприятия, колониальной экспансии — внутренняя колонизация, развенчанию индустриального мифа — моральный износ... И все же в логике индустриального этоса, интерпретируемого в различных социокультурных координатах, появилось и общее. Это *возвращение к Месту*, своего рода замещение тоски по утраченному первоначальному местожительству. Зачастую такого рода ностальгия фиксируется как повсеместное повышение статуса поселенческих структур. Но в содержательном плане она, конечно, специфична. Если в западных постиндустриальных теориях подобная ностальгия проявляется прежде всего в различных формах явного или неявного отказа от формулы «Время — деньги!», то оборотной стороной поиска общероссийских идеологем все чаще становится переосмысление формулы «Пространство — деньги!». Северный же колорит подобных интерпретаций состоит в обретении Места, формально присвоенного в стародавние времена, но освоенного в течение жизни одного поколения мигрантов в ходе индустриализации.

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ РЕГИОНОВ

настроения становятся тормозом на пути дальнейшего динамичного развития республиканского сообщества, что выражается в замедленном развитии гражданского общества, инновационных форм коммуникаций, бизнеса и культуры.

Литература

1. Парсонс Т. Очерк социальной системы / Т. Парсонс. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 654—655.
2. Лапин Н.И. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике / Н.И. Лапин // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. М.: ИФ РАН, 2006. С. 108—110.
3. Сергеев С.А. Социальные протесты в Республике Татарстан: 2005—2007 гг. / С.А. Сергеев, З.Х. Сергеева // Конфликты в социальной сфере и их регулирование: материалы научно-практической конференции 18—19 мая 2007 г. — Казань: Изд-во Печатный двор, 2007. С. 43—47.
4. Тённис Ф. Общность и общество / Ф. Тённис. СПб., 2002. С. 378—379.

Т.Г. Кульсеева
(Курск)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕГО КЛАССА В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ*

В социально-политическом и экономическом развитии Российской Федерации 2008 г. стал этапным и ознаменовался выступлением В.В. Путина на расширенном Госсовете о стратегии развития России до 2020 г.

Была поставлена задача — к 2020 г. принципиально сменить экономическую модель страны с сырьевой на инновационную, доля среднего класса должна вырасти до 60—70%, увеличить инвестиции в здравоохранение, образование и науку.

Сегодня процесс стабилизации завершен, и для России жизненно необходимо двигаться вперед — к современному прогрессивному обществу. А главный «инструмент» создания такого общества — это деятельный, умный, образованный и здоровый человек. «Все общественные силы страны должны действовать по простому, по жизненно важному принципу: ничего в ущерб России и ее граждан, все для блага России, для ее национальных интересов, для благополучия и безопасности каждого гражданина России», — сказал В.В. Путин [1]. Не последнюю роль в этом плане и должен сыграть формирующийся средний класс.

Существует три группы критериев, по которым в развитых странах определяют средний класс. Первый — доходы человека. Второй — его социальный статус. Уровень образования, значимость профессии. И третий — самоидентификация, то есть к какому классу человек сам себя относит.

Эти параметры не всегда совпадают. А в нашей стране, как считают эксперты Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ), они вообще могут погашать друг друга. Например, человек имеет достаточно высокие доходы, но получил их не самым честным путем. И наоборот, врачи, учителя, ученые имеют высокий социально-профессиональный статус, но по доходам никак не могут быть отнесены к среднему классу. А на то, как люди себя сами ощущают, вообще трудно ориентироваться. Чуть-чуть прибавили зарплату, и человеку уже кажется, что он поднялся — «перешел в средний класс».

Как же обстоят дела с формированием среднего класса в Курской области? Проанализируем вышеперечисленные группы его критериев.

По среднедушевым денежным доходам Курская область опережает Брянскую, Владимирскую, Костромскую, Орловскую, Рязанскую, Тамбовскую, Тульскую области, но отстает от Белгородской, Воронежской, Липецкой, Смоленской и Ярославской областей. В 2006 г. среднедушевой денежный доход в области составил 6706,9 руб. в месяц.

В целом, на протяжении последних лет отмечался рост среднедушевых денежных доходов населения региона, но достаточно медленными темпами.

С появлением рыночных отношений произошли изменения в структуре источников средств существования — фермерские хозяйства, малый и средний бизнес, двойная, а то и тройная занятость. Все это способствовало увеличению денежных доходов населения, которые составили в 2006 г. 93099,7 млн руб. и выросли на 25,3%. Увеличилась доля населения со среднедушевыми доходами свыше 7000 руб. и составила 33,8% от численности населения, в 2002 г. таких было всего 3,5%. За четыре года, значительно, почти в десять раз, сократилась доля населения с минимальным душевым доходом (до 1,5 тысячи рублей в месяц) — 27% и 2,5% соответственно.

Одновременно в Курской области существуют отличия в материальной дифференциации населения по уровню зарплаты в различных сферах экономической деятельности. Так, например, в 2006 г. в рыболовстве и рыбоводстве зарплата составила 49,3% от среднеобластного уровня,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00498а.

в сельском хозяйстве — 52,8%, в текстильном и швейном производстве — 57%. В то же в финансовом секторе зарплата выросла в 2,3 раза [2].

Кроме того, сравнивая доходы населения, необходимо иметь в виду разную стоимость жизни по регионам, то есть величину прожиточного минимума, а также структуру денежных доходов населения. В Курской области в 2006 г. в структуре денежных доходов 35,8% приходилось на оплату труда, 17,9% — на социальные выплаты, 46,3% — на доходы от собственности и предпринимательской деятельности. Наблюдается сокращение удельного веса оплаты труда и рост доли доходов от собственности, предпринимательской деятельности, самозанятости. По оценкам специалистов, уменьшение доли заработной платы в общем объеме денежных доходов является главным фактором снижения уровня жизни населения [3]. Тем не менее наблюдается рост зарплат. В 2007 г. в России средняя номинальная начисленная зарплата составила 13,5 тысячи рублей в месяц, увеличившись по сравнению с 2006 г. на 26,7% [4]. В Курской области этот показатель равен 6924,9 рублей, что в два раза ниже.

Согласно методике, предложенной Л.А. Беляевой [5], рассмотрим самоотнесение жителей области к «среднему классу» в 2006 г. по такому критерию как материальное положение и сопоставим эти данные с общероссийскими (см. табл. 1).

Таблица 1

Характеристика материального положения жителей Курской области и Российской Федерации (в % от числа опрошенных)

Материальное положение	Градация по материальному положению	Россия 2006 г.	Курская область 2007 г.
1. Практически ни в чем себе не отказываем	«богатые»	2	3
2. Почти на все хватает, но недоступно приобретение квартиры, дачи	«зажиточные»	9	13
3. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	«обеспеченные»	29	27
4. На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна	«необеспеченные»	21	17
5. На повседневные затраты уходит вся зарплата	«бедные»	22	22
6. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	«нищие»	11	17
7. Затруднились ответить, отказ от ответа		6	1

2 и 3-я позиции соответствуют уровню среднего слоя, выше располагается только класс «богатых». К слою обеспеченных (средний уровень потребления и уровня жизни) отнесли себя 27% опрошенных. Внутри данного слоя численно преобладают городские жители (73%) и лица с высшим (37%) и средним специальным (33%) образованием.

Таким образом, по материальному положению претенденты в средний класс в Курской области составляли в 2007 г. 40%.

В Концепции развития России до 2020 г. к среднему классу отнесены люди с доходом свыше 6 прожиточных минимумов, имеющие автомобиль, банковские счета и регулярно отдыхающие за границей. Однако эксперты ВЦУЖ считают, что некорректно оценивать средний класс только по уровню доходов, не учитывая жилищную обеспеченность. А с учетом этого критерия средний класс, по их расчетам, составляет сегодня не 20% населения, а вдвое меньше [6].

По результатам проведенного опроса 61,5% респондентов оценили качество своего жилья как среднее, 14,5% — как относительно высокое и 23,2%, т.е. почти каждый четвертый опрошенный оценил качество своего жилья как низкое.

Думается, что по этому показателю мы никак не можем констатировать, что в нашем регионе средний класс составляет 60%. Это субъективный критерий, и истинного положения, по-моему мнению, он не может отражать. Для кого-то «среднее» качество жилья — двухкомнатная или 3-х комнатная квартира, но она может быть «хрущевкой», а может

дает повод говорить об их фактической «исключенности» из региональных культурных процессов.

Низкая социальная активность большинства татарстанцев проявляется в том числе и в минимальном проценте участия жителей республики в общественных организациях, и в нежелании участвовать в акциях протеста [3]. Столь же невелика в Татарстане и доступность для жителей села высоких технологий (в первую очередь таких, как наличие персонального компьютера и возможности выхода в сеть Интернет). Исключение составляет лишь мобильная связь: доля владельцев сотовых телефонов колеблется от 70% жителей в сельской местности до 80% в Казани.

Все те же экономические причины (низкий уровень дохода большинства населения при отсутствии финансовой поддержки государства) имеют огромное значение для процесса трансформации института семьи и постепенного разрушения традиционных семейных форм. Особенностью Татарстана является значительное количество межэтнических браков, причем после небольшого снижения, наметившегося в середине 1990-х., к середине 2000-х гг. их число вновь возросло. Наиболее активно в них вступают городские женщины-татарки, наименее — деревенские парни-татары.

Подводя итоги исследования, следует сказать, что Республика Татарстан выглядит и в глазах населения, и в глазах экспертов сравнительно благополучным и спокойным регионом. Жители республики удовлетворены своим настоящим и в несколько меньшей степени уверены в своем будущем. Явно заметные очаги острого социального недовольства в республике, по сути, отсутствуют. Возникающие всплески социального недовольства носят локальный характер: в них принимают участие небольшие группы населения, обеспокоенные ущемлением своих прав в каком-то частном вопросе (обманутые дольщики, жильцы неприватизируемых общежитий, мелкие предприниматели, притесняемые муниципальными властями и пр.).

Несмотря на ряд социокультурных расколов, разделяющих население республики (индивидуализм — патернализм, зависимость — свобода, материализм — постматериализм и т.д.), нет такого раскола, который бы делил его на две поляризованные и контрастные части. По одним вопросам есть различие между более обеспеченными и образованными стратами, с одной стороны, и низкодоходными и малообразованными, с другой, по другим — русских и татар, по третьим — между сельскими и городскими жителями и т.д.

При этом основная масса населения РТ, даже если в чем-то и недовольна своим положением, проявляет социальную пассивность. Результаты опроса и комментарии экспертов проясняют некоторые из причин такой социальной пассивности (которая, в частности, сделала Татарстан одним из наиболее «управляемых» со стороны республиканских властей регионов).

В первую очередь следует сказать о наследии традиционного общества, *Gemeinschaft* [4]. Хотя к настоящему времени данный тип социальности в республике можно считать исчезнувшим, он проявляется в ментальности людей преимущественно старших поколений, выражаясь в склонности к локализму, солидарности, коллективизму и патернализму. Представители тех поколений, чья социализация проходила в последние три-четыре десятилетия, более склонны к тому, чтобы рассчитывать только на себя, к индивидуализму, перерастающему в социальную отчужденность. Вторым источником социальной пассивности, вероятно, следует признать индивидуализм. Носителями этого социального настроения, как это видно из результатов массового опроса, выступают преимущественно молодые люди, жители крупных городов. Характерными чертами его являются: отстранение от общественных и политических проблем, ограничение своего круга социального и культурного общения семьей, нежелание идентифицироваться с какими-либо другими общностями (из-за опасения принимать на себя какие бы то ни было взаимные обязательства).

Этот индивидуализм, конечно, можно рассматривать как реакцию на принудительный коллективизм советской эпохи. Вместе с тем уже сегодня можно видеть, что подобные

В качестве главных направлений улучшения жизни в республике относительное большинство респондентов предпочитает создание новых рабочих мест (46,1%) и наведение порядка, борьбу с криминалом, коррупцией (41,5%). Чем моложе респонденты, тем чаще они упоминают «развитие малого и среднего бизнеса», «создание новых рабочих мест», «улучшение образования». Напротив, чем респондент старше, тем чаще он останавливается на таких вариантах ответа, как «усилить госконтроль за экономикой», «улучшить медобслуживание», «бороться с криминалом, коррупцией».

Как показывает исследование, наибольшим доверием среди жителей республики пользуются Президент Российской Федерации (85,4% доверяют и скорее доверяют) и Президент Республики Татарстан (77,2%). Наименьшим доверием населения пользуется действующие депутаты Государственной Думы (38,5%), милиция (39,2%), профсоюзы (37,6%), чиновники исполнительных органов власти (36,9%) и региональные отделения политических партий (35,4%).

Для характеристики политической ситуации показательны результаты голосования в РТ на выборах в Государственную Думу РФ 2 декабря 2007 г., которые отличались от общероссийских не только безоговорочным лидерством партии «Единая Россия» (набрав 81,7% голосов избирателей, партия единственная из всех остальных в регионе преодолела семипроцентный барьер), но и аномально высокой явкой (в выборах приняли участие 85,42% избирателей республики, или 2,4071 миллиона человек). По мнению председателя ЦИК РТ А. Фомина, «вся избирательная кампания и выборы в Татарстане прошли спокойно и без грубых нарушений». Очевидно, что поразительная согласованность в действиях избирателей была обусловлена множеством причин, среди которых стоит отметить мощное информационное воздействие на жителей РТ в предвыборный период со стороны масс-медиа.

Согласно результатам массового опроса, среди источников получения информации о политической жизни в стране лидирует телевидение, которое доносит информацию практически до каждого опрошенного (94,1% опрошенных считают ТВ основным источником информации). Половина опрошенных (55,4%) получает информацию из газет и журналов, треть (35,5%) — слушая радио, а пятая часть (20%) — из разговоров с друзьями и знакомыми.

Среди печатных изданий, освещающих политическую тематику, наиболее популярна региональная пресса, тогда как в случае с радио и телевидением респонденты предпочитают центральные телеканалы и радиостанции. Если же говорить не только о политических новостях, то по общему уровню популярности среди печатных изданий лидируют «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Телесемь», среди телевизионных каналов — «Первый канал», «Россия» и НТВ, а среди радиостанций — «Европа Плюс», «Русское радио» и «Маяк».

Специфика телевизионного просмотра в Татарстане заключается в том, что большинство опрошенных смотрит телевизор в период с 18:00 до 21:00 как в будние, так и в выходные дни. Большинство опрошенных доверяет новостным программам на центральных телевизионных каналах, прежде всего программам «Новости» и «Время» («Первый канал») и «Вести» («Россия»).

Популярность проведения досуга в домашней семейной обстановке, очевидно, является одной из причин крайне низкой активности участия жителей в культурной жизни республики. Отметим, что более половины опрошенных за последний год не посетили ни одно культурное мероприятие или учреждение культуры. Относительно активной является молодежь, но при этом культурные запросы большинства молодых людей не распространяются далее посещения кинотеатров, дискотек и ночных клубов (16,7 и 66,4% соответственно). Вовлеченность татарстанцев в культурную жизнь во многом зависит от места их жительства, уровня образования и дохода. Граждане с низким образованием и низким уровнем дохода, проживающие в сельской местности, не участвовали практически ни в одном культурном мероприятии, из числа проходивших в республике в 2007 г., что

располагаться в элитном доме. По-видимому, необходимо руководствоваться нормой, которая определена в Жилищном кодексе РФ, в 33 м² общей площади, но есть еще норма жилой площади. Тут следует подумать какую норму использовать корректно.

По признаку самоидентификации наблюдается рост доли респондентов, относящих себя к среднему слою. По данным регионального социологического исследования, среди респондентов, которые позиционировали себя со средним классом, составили в городе/селе — 60,8%, в регионе — 49,2%, и в масштабе всей страны — 39,8%.

Исследование выявило интересную особенность, которая выразилась в существенном расхождении между имущественным статусом респондентов и их самоидентификацией со своим социальным слоем. Респондентам было предложено отнести себя к одному из предложенных социальных слоев в масштабе своего населенного пункта.

На вопросы: «К какому социальному слою, Вы относите себя в своем селе/городе?» были получены следующие ответы. К среднему слою себя относят 64,2% селян и 58,9% горожан. К слоям «выше среднего» и «высшему» причисляют себя 9,0% селян и 10,2% горожан. Представители слоя «ниже среднего» составляют 19,4% сельских жителей и 20,8% городских, а доля представителей «нижнего слоя» в городе (6,8%) превысила таковой на селе (5,2%). Но социальные характеристики этих людей не позволяют уверенно отнести их к среднему классу, для которого характерны определенные качественные признаки (активное экономическое поведение, стиль жизни, система ценностей, профессионально образованный и т.п.) [7].

Данные демонстрируют несоответствие между объективно существующим средним классом и субъективно выделенным «средним» слоем.

Респондентам было также предложено идентифицировать себя с определенным социальным слоем в масштабе региона и страны в целом. Результаты свидетельствуют о том, что расширение территориальных границ социального сравнения ведет к уменьшению числа соотносящих себя со средним классом в регионе (в селе — 43,9%, в городе — 56,1%) и в стране (в селе — 38,0%, в городе — 45,6%), увеличению представителей слоев «ниже среднего» и «нижнего», а тем более сводит практически на нет идентификацию с «высшим слоем» (в селе — 0%, в городе — 1,1%). Причем в сельской местности это проявляется более резко, чем в городе. Можно сделать вывод о том, что с увеличением масштабов самоидентификации такая соотношенность размывается [8].

Третий признак — уровень образования — должен отвечать социальным качествам и функциям среднего класса, характеризующим его социально-профессиональный статус, и быть не ниже среднего специального.

По этому показателю к среднему классу могут быть отнесены 72% респондентов, что свидетельствует о культурном капитале среднего класса Курской области. Также для среднего класса характерен высокий уровень занятости в экономике и наличие властного ресурса. В ходе проведенного опроса 20% респондентов отметили, что работают на частных предприятиях и 25% хотели бы работать в них, в том числе 5,9% имеют собственные фирмы. Почти половина (17,1%) руководят людьми [9].

В целом в течение пореформенного периода в регионе расширялся частный сектор экономики, отмечалось постепенное увеличение численности предпринимателей и лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью. Однако, по мнению экспертов, предпринимательская активность населения области находится на невысоком уровне, что во многом связано с рядом трудностей при открытии малого бизнеса.

Сегодня эти трудности могут быть упразднены, благодаря президентскому указу «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности». В результате реализации этого указа в России к 2020 г. должны появиться 6 млн. малых и средних предприятий, сейчас их всего 1,1 млн и 2,7 миллиона индивидуальных предпринимателей [10].

Кроме того, сельские жители также являются потенциальными представителями формирующегося среднего класса. 39% населения области проживает в сельской местности. Из-за разницы условий и уровня развития села и города процесс формирования среднего класса носит неоднозначный характер и требует отдельного исследования. Чтобы ускорить

этот процесс необходимо развитие малого бизнеса на селе. Именно на его основе может быть создан средний класс, который станет базисом в повышении уровня жизни сельского населения.

Каким же, по мнению специалистов ВЦУЖ, должен быть в идеале человек из среднего класса, чтобы максимально соответствовать мировым стандартам? [11].

Во-первых, как правило, с высшим образованием. Во-вторых, с таким уровнем дохода, чтобы половину денег без ущерба для текущего момента можно было переводить в сбережения. В-третьих, с хорошими жилищными условиями. И желательно иметь жилье двух видов — в городе и на «природе». В-четвертых, это люди, у которых есть автомобиль. В-пятых — серьезно занимающиеся своим здоровьем, так как это одно из главных условий их активной деятельности. И, наконец, в-шестых, представители среднего класса должны иметь возможность обеспечить своим детям и высшее образование, и необходимое лечение, и стартовый капитал для приобретения жилья.

Это, конечно, идеал, и совсем другое — реальность, в которой мы живем. Но и эксперты считают, что, прежде всего надо отдавать должное материальному критерию.

Таким образом, можно обозначить некоторые проблемы формирования среднего класса в Курской области:

- низкий уровень развития малого предпринимательства, особенно в сельской местности;
- реализация политики стимулирования жилищного (включая ипотечное кредитование и выдачу ссуд) и культурно-бытового строительства в перспективных для экономического роста городах и поселках;
- разумная миграционная политика;
- наличие проблемы молодежной занятости;
- выработка четких критериев среднего класса (для регионов), которые бы не расходились с мировой практикой;
- борьба с бедностью во всех ее проявлениях.

Тем не менее с развитием рыночных отношений у нас началось формирование мелких и средних собственников, а также людей, занятых индивидуальной трудовой деятельностью.

Литература

1. Российская газета. 2008. 14 февраля.
2. Сводный статистический сборник Курской области. 2007 г.: Статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. Курск, 2007. С. 104—107.
3. Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. Курск, 2008. С. 88.
4. Российская газета. 2008. 14 февраля.
5. Беляева Л.А. И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. 2007. № 5. — С. 3—13.
6. Российская газета. 2008. 14 февраля.
7. Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. С. 133.
8. Когай Е.А. Качество жизни населения в контексте социального самочувствия // Материалы расширенного заседания президиума Общ.совета ЦФО РФ, Комиссии по вопросам регионального развития, местного самоуправления и предпринимательства ОС ЦФО РФ и научно-практической конференции «Возрождение села как фактор соц.эконом., культурного и духовного развития регионов Центр.федер.округа Росс. Фед. 5—6 февраля 2008 года, Курская область, Коренная Пустынь. С. 132—134.
9. Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Указ. соч. С. 159—160, 178.
10. Российская газета. 2008. 14 февраля.
11. Российская газета. 2008. 14 февраля.

уже круг его социальных связей, тем меньше его социальный капитал, его собственные возможности и возможности его родственников, друзей и знакомых.

Одной из важнейших задач, решение которых необходимо для построения полноценного социокультурного портрета региона, является измерение социокультурной дистанции между людьми в республике. Как показывают результаты опроса, для большинства татарстанцев наиболее близкой социальной группой является собственная семья (68,8% опрошенных признались, что наибольшее взаимопонимание они находят с родными людьми). На втором месте по значимости со значительным отрывом находятся «дружеские группы» (16,8%).

Если говорить о «территориальной дистанции», то наибольшую близость («свои») опрошенные чувствуют с жителями поселения, в котором они живут (50,4%). При выходе за республиканские рамки желание респондентов идентифицироваться с какой-либо общностью резко падает. Так, «далекими» и «чужими» жителей России, Москвы и всей Земли сочло от 40 до 42% опрошенных. К локальному и региональному патриотизму более склонны респонденты со средним образованием и ниже, татары, а также респонденты, проживающие в селах. Настроения локализма, коллективизма и солидарности более заметны у респондентов старших возрастов (в особенности 55 лет и старше), а для респондентов 34 лет и моложе более характерна отчужденность и индивидуализм. Вероятно, причины кроются в условиях социализации этих возрастных групп, как пространственных, так и временных. Согласно экспертным оценкам, социализация 20—30-летних чаще происходила в условиях больших городов с характерными для них атомизацией индивидов и анонимностью, а начиналась она в перестроечные годы и даже в постсоветский период.

Миграционный прирост в республике далеко не полностью компенсирует естественную убыль населения (примерно на 1/3). Большинство мигрантов являются этническими татарами и русскими, жившими или получившими образование в Татарстане, а затем уехавшими в Среднюю Азию. По этой причине данную категорию мигрантов можно охарактеризовать как реэмигрантов. Возможно, именно по этой причине ответы на вопрос об отношениях с гастарбайтерами не выявили наличия у респондентов значительной озабоченности проблемой мигрантов. Почти половина (46,1%) опрошенных заявили о том, что «отношения нормальные, но случаются недоразумения». 23,4% предпочитают говорить даже о «хороших, устойчивых отношениях». Лишь 20% респондентов заявили о наличии напряженности.

Исследование показало значимость религиозной идентификации. Подавляющее большинство жителей республики (86,4%) считает себя верующими или скорее верующими людьми, при этом доля православного населения выше в городах (в Казани доля православных составляет 58,6%, доля мусульман — 38,6%), а доля мусульман — в сельских районах республики (32 и 64,9% соответственно).

Среди проблем, волнующих в настоящее время жителей республики, респонденты выделили повышение тарифов на услуги ЖКХ (54,4%) и низкий уровень дохода (49,7%). Как показывает исследование, чем выше образование и уровень дохода респондента, тем реже его беспокоят проблемы материального характера (повышение тарифов, низкий уровень дохода), и тем чаще его волнует качество взаимоотношений граждан и государства (взяточничество, грубость чиновников, произвол сотрудников милиции, ГИБДД). Проблемы материального характера в большей мере волнуют респондентов старшего возраста, в меньшей мере — молодежь.

В малых же населенных пунктах, наоборот, меньше доля респондентов, отмечающих такие проблемы, как взяточничество, уличная преступность, ухудшение экологической обстановки и больше доля респондентов, обеспокоенных материальными проблемами — низким уровнем доходов, нехваткой денег.

Достаточно показательны ответы на вопросы о фактах вымогательства взяток. Более трети опрошенных (35,4%) лично сталкивались с подобными фактами, в том числе 6,5% — часто с ними сталкиваются. Всего менее пяти процентов (4,8%) затруднились ответить на этот вопрос или отказались на него отвечать.

низации, в которой они работают(ли), и причинах изменения или сохранения их профессионального статуса. Исследование показало, что, несмотря на существенные социально-экономические трансформации, произошедшие в республике за истекшие 17 лет, изменения в сфере занятости оказались несущественными. Сопоставляя ответы респондентов на вопросы о личной занятости, а также о занятости отца и матери респондентов, можно констатировать незначительное увеличение доли предпринимателей и безработных, в то время как основная масса трудоспособного населения продолжает оставаться на низкооплачиваемых исполнительских должностях.

По свидетельству экспертов, восходящая мобильность в регионе затруднена присутствием ряда препятствий: экономических (поляризация доходов населения), структурных (неравномерное развитие различных отраслей экономики), образовательных (количественный рост негосударственного образования при снижении его качества) и главным образом этнических (неравномерное присутствие основных этносов в органах государственной власти). Современное татарстанское общество характеризуется кристаллизацией социальных статусов, при которой основные социальные слои (интеллигенция, рабочие, крестьяне) в межпоколенческой мобильности воспроизводят сами себя.

Отметим, что ключевыми факторами, обуславливающими профессиональную мобильность граждан в последние годы, являются «недостаточная оплата труда», а также «закрывание предприятия или сокращение кадров». Показательно, что в г. Набережные Челны доля населения, занятого на частных предприятиях, значительно выше общереспубликанского уровня, ведь именно здесь промышленный кризис наиболее болезненно сказался на материальном положении горожан, и они были вынуждены искать работу на частных предприятиях. Респонденты, сохранившие за собой прежнее место работы с начала 1990-х гг., мотивировали этот поступок «привычкой работать в одном коллективе» и «отсутствием иных альтернатив для трудоустройства». Наименее мобильными оказались в этом смысле жители сельской местности.

Важным показателем социального самочувствия жителей региона является ощущение защищенности от различных угроз и опасностей. Наиболее защищенными люди чувствуют себя от притеснений из-за религиозных убеждений и ущемления из-за национальности (39,8 и 37,7% соответственно). Менее всего защищенными респонденты чувствуют себя от бедности, от преступности, от опасных болезней, от экологической угрозы и от произвола чиновников (значения защищенности очень близки — от 4,2 до 6,7%).

Относительное большинство респондентов заявило о своей уверенности в будущем (41,4%). Доля лиц, удовлетворенных своей нынешней жизнью (52,6%), несколько больше доли уверенных в своем будущем. Уверенные в будущем и удовлетворенные жизнью — это, в первую очередь, респонденты более молодого возраста, с более высоким уровнем образования и доходом, татары, мужчины. Неуверенные и не удовлетворенные жизнью — опрошенные старших возрастов, имеющие более низкие доходы и уровень образования, русские, женщины.

Отвечая на вопрос, от кого зависит улучшение их жизни, относительное большинство респондентов достаточно уверенно выбирало вариант «полностью зависит от меня самого» (42,7%). Добавив долю выбравших вариант «пожалуй, зависит», мы получаем, что 72,5% респондентов в той или иной мере обнаружили свою индивидуалистическую и достижительную ориентацию.

Чем моложе респондент, тем чаще он склонен утверждать, что улучшение его жизни зависит от него самого. Варианты «от близких родственников» и «от друзей, земляков» также чаще выбирались респондентами моложе 45 лет. Ощущение зависимости улучшения жизни от властей различного уровня, по-видимому, усиливается с увеличением возраста. Индивидуалистические ориентации также возрастают по мере увеличения дохода и образовательного уровня респондента. Можно предположить, что чем выше образование и доход респондента, тем в более обширную социальную сеть связей и знакомств он включен и тем большим социальным капиталом он располагает. Чем ниже образование респондента и его доход, тем

Ю.М. Пасовец
(Курск)

МАТЕРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ*

Материальная дифференциация представляет собой объективно обусловленное соотношение имущественной обеспеченности различных социально-демографических групп населения. Она является результатом комплексного взаимодействия экономических, демографических, социальных и географических факторов. Однако основное воздействие на дифференциацию населения по уровню материального благосостояния оказывают доходы.

В первый период трансформации российского общества (в 1990-е годы) социально-экономические преобразования привели к резкому усилению имущественной дифференциации населения и значительному расширению масштабов бедности. В это время падение уровня жизни населения выразилось в снижении уровня доходов и потребления, обесценивании сбережений, росте безработицы, увеличении задолженности по всем видам выплат и других негативных проявлениях. При этом существенно увеличились различия в уровне доходов жителей разных регионов России.

Начиная с 2000 г. социально-экономическая ситуация в стране постепенно улучшается: наблюдается устойчивый рост доходов населения, сокращение безработицы и т.д. Данные тенденции позволяют говорить о наступлении второго этапа структурной трансформации российского общества, связанного с социальной стабилизацией. Однако актуальными проблемами социально-экономической сферы страны в целом и большинства регионов остаются проблемы сокращения материальной дифференциации населения и преодоления бедности до естественного для рыночной экономики уровня.

К настоящему времени в российском обществе и отдельных региональных сообществах сложились определенные профили имущественной стратификации населения. Для характеристики профиля материальной дифференциации применительно к Российской Федерации и некоторым регионам Центрального федерального округа используем статистические показатели распределения общего объема денежных доходов по 20-ти процентным группам населения (см. рис. 1)**.

Статистические данные показывают, что в 2006 г. по профилю дифференциации денежных доходов населения регионы ЦФО можно разделить на четыре условные типа.

К первому типу профиля материальной дифференциации населения относится г. Москва, где 20% бедного населения располагают лишь 2,9% совокупного денежного дохода региона, а 20% богатого населения — 60,8%. Существенное расхождение в уровнях доходов крайних групп населения г. Москва проявляет и коэффициент Джини, равный 0,565. Данное распределение доходов населения значительно отличается от общероссийской ситуации в этой сфере.

Второй тип профиля дифференциации денежных доходов населения представлен Воронежской областью. В этом регионе первая 20-ти процентная группа (с наименьшими доходами) обладает 5,5% общего объема денежных доходов населения, пятая группа (с наибольшими доходами) — 46,2%. Указанные показатели отражают «среднюю» для России картину материальной дифференциации населения (см. на рис. 1 распределение доходов по квинтильным группам для Российской Федерации в целом). При этом коэффициент Джини для Воронежской области составляет 0,402, для России — 0,410.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 08-03-00498а «Курская область и ЦФО в динамике социокультурных изменений».

** Здесь и далее статистические данные приводятся по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 172—180.

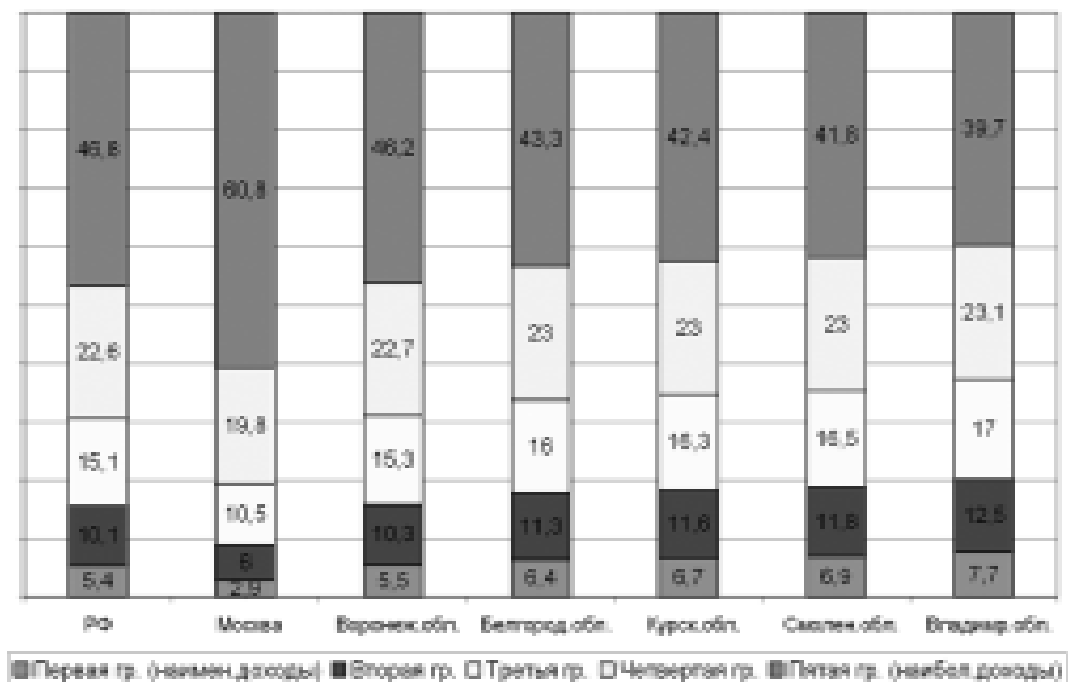

Рис. 1. Распределение объема денежных доходов по 20-ти процентным группам населения в 2006 г. в РФ и регионах ЦФО (в %)

Третий тип профиля имущественной дифференциации населения включает 13 регионов Центрального федерального округа (Тамбовскую, Орловскую, Ярославскую, Липецкую, Московскую, Белгородскую, Брянскую, Костромскую, Курскую и другие области), в которых на 20% самого бедного населения приходится от 6% до 7% всех денежных доходов населения. При этом 20% богатого населения располагает 44,2—41,5% совокупного денежного дохода жителей региона. Характерная для этого типа регионов дифференциация доходов населения близка к российским показателям. Значения коэффициента Джини для регионов данной группы располагаются в интервале от 0,319 (Тверская область) до 0,380 (Орловская область).

В четвертый тип профиля дифференциации денежных доходов населения входят Тульская, Ивановская и Владимирская области. В данных регионах население, относящееся к первому квинтилю с наименьшими доходами, обладает 7,3—7,7% всех денежных доходов населения, а жители, включенные в пятый квинтиль с наибольшими доходами, — 40,7—39,7% совокупного денежного дохода. В регионах этой группы имущественная дифференциация населения носит более умеренный характер, чем по России в целом. Показатели коэффициента Джини для Тульской, Ивановской и Владимирской областей (0,332; 0,325; 0,319 соответственно) являются одними из самых низких в Российской Федерации.

Обратим внимание на то, что начавшееся в 1990-х годах усиление материальной дифференциации населения продолжается до настоящего времени. Так, в 1995—2000 гг. в Курской области наблюдалось значительное увеличение значений коэффициента Джини (с 0,266 до 0,335), что отражало высокие темпы концентрации доходов в высокодоходных группах. В последующее время показатели коэффициента Джини свидетельствовали о снижении темпов усиления неравенства в распределении денежных доходов курян, однако имущественная дифференциация населения продолжала углубляться. В 2001 г. данный коэффициент равнялся 0,349; в 2006 г. — 0,355.

Использование квинтильного распределения населения по уровню денежных доходов позволяет представить специфику материальной дифференциации населения и распространения бедности в Курской области и регионах ЦФО лишь приблизительно, так как размеры крайних групп задаются методологией расчета этого распределения (то есть априори). Исходя из этих

которой соответствуют параметрам генеральной совокупности — населения РТ, а также результаты экспертного опроса и анализа статистических данных.

Исследование показало, что представления о Республике Татарстан как об «успешном» регионе имеют под собой объективные основания. По мнению экспертов, причем многие из республиканских достижений были предопределены спецификой осуществления рыночных реформ в Республике Татарстан в начале 1990-х гг. («мягкое вхождение в рынок»), государственное регулирование, несомненно, сыграло положительную роль на начальном этапе реформ, позволив замедлить темпы снижения экономических показателей региона и ослабить ценовой удар по населению.

Результаты массового опроса во многом подтверждают экспертную точку зрения. Ситуацию в республике большинство респондентов назвало спокойной (42,5%), несколько меньшая доля — удовлетворительной (36,2%) и благополучной (17,2%). По мнению трети (33,1%) опрошенных татарстанцев, население республики живет «лучше, чем во всех соседних регионах». Даже если учитывать что данная точка зрения прямо или косвенно навязывается официальной пропагандой, относительно большинство респондентов (45,1%) избрало более взвешенный вариант — «по сравнению с одними регионами у нас люди живут хуже, а по сравнению с другими — лучше».

Исследование показало, что на сравнительную оценку респондентом условий жизни в РТ влияет его собственное материальное положение. Чем выше доход респондента, тем более он склонен утверждать, что «в нашем регионе люди живут лучше, чем во всех соседних регионах». Также с этим утверждением более склонны соглашаться респонденты-татары (республиканский патриотизм), мужчины и жители малых населенных пунктов. Вероятно, в последнем случае имеет значение ограниченность личных коммуникаций респондента.

Особый интерес представляло выявление тех стереотипов, которые люди обычно связывают с республикой. К привлекательным чертам Татарстана абсолютное большинство респондентов отнесли «спокойные межнациональные отношения» (60,2%). Наличие «добрых, душевных людей» отметили еще 33% респондентов. Качество развития основных сфер жизнедеятельности людей в РТ опрошенные оценили достаточно низко: промышленность отметили 21,4%, культуру и искусство — 18,8%.

Распределение ответов респондентов выявило любопытную особенность: при всем социокультурном несходстве опрошенных средних и старших возрастов (от 25 лет и старше) чаще относили «спокойные межнациональные отношения» к числу «привлекательных черт» республики. С этим согласились и русские и татары, и мужчины и женщины, и обеспеченные граждане и лица с низкими доходами. Из консенсуса по данному вопросу выпадают три группы — молодежь 18—24 лет, жители малых населенных пунктов, и респонденты с образованием ниже среднего. Как считают опрошенные нами эксперты, 15—17 лет тому назад большинство жителей СССР пережили «культурный шок», вызванный стремительной эскалацией межэтнических конфликтов и распадом СССР. Сам Татарстан не стал территорией межэтнического конфликта, хотя угроза его возникновения в 1990—1992 гг. была вполне реальной. Страх перед конфликтом и представление о ценности межэтнического согласия прочно вошли в социальный опыт большинства жителей Татарстана.

Что касается непривлекательных черт Татарстана, то наибольшие доли респондентов отметили низкое качество медицинских услуг (27,7%), плохую экологию (27,4%), социальную незащищенность граждан (26,8%), а также высокий уровень преступности (20,6%).

В общей оценке качества жизни в республике респондентами был проявлен значительный оптимизм. Около половины респондентов в целом довольны тем, что они живут в Татарстане, хотя многое их не устраивает (47%), а 38 процентов опрошенных испытывают от факта проживания в Татарстане радость. Среди тех, кто испытывает радость, преобладают респонденты 55 лет и старше, с образованием ниже среднего, татары, жители малых населенных пунктов. Эмиграционные настроения чаще встречаются среди респондентов молодых возрастов.

В целях изучения особенностей профессиональной мобильности в РТ респондентам были заданы вопросы об их занятости в 1990 и 2007 гг., организационно-правовой форме орга-

*А.Л. Салагаев, С.А. Сергеев,
З.Х. Сергеева, А.С. Макаров
(Казань)*

СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И СКРЫТЫЕ СТРАХИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН*

Республика Татарстан обладает имиджем одного из наиболее развитых в социальном и экономическом отношении регионов Российской Федерации. Одним из важнейших показателей социально-экономической ситуации в регионе является уровень социальной напряженности. Как известно, Т. Парсонс понимал под социальной напряженностью тенденцию к нарушению равновесия между двумя и более компонентами социальной системы [1]. В число эмпирических индикаторов социального напряжения в регионе можно включить такие критерии, как уровень удовлетворенности или неудовлетворенности респондентов уровнем доходов, качеством социальных услуг (медицина, образование и т.п.), состоянием межэтнических отношений и т.п.

Однако, если воспользоваться терминологией Т. Парсонса, пока в Татарстане механизмы контроля в состоянии поддерживать тот уровень согласованности с ценностными ожиданиями населения, который необходим, чтобы предотвратить трансформацию системы. Низкий уровень напряженности тождественен хорошему социальному самочувствию, при этом следует, конечно, иметь в виду, что уровень удовлетворенности или социальное самочувствие конкретного индивида в известной мере понятие субъективное, поскольку уровень социальных запросов и потребностей очень индивидуальны. Так, например, представление о качестве социальных стандартов жизни могут различаться у жителей сельской местности и у жителей индустриальных центров. На оценку также могут влиять идеологические представления, доступные информационные ресурсы и уровень образования. Вместе с тем можно с уверенностью утверждать, что если большинство жителей региона в целом позитивно оценивают ситуацию в регионе, демонстрируют высокий уровень удовлетворенности своей жизнью, это свидетельствует о благополучии региона и о его низком конфликтном потенциале с точки зрения больших социальных взрывов.

В 2007 г. в рамках проекта РГНФ «Социокультурный портрет Республики Татарстан» в Республике Татарстан под руководством профессора А.Л. Салагаева был проведен полевой этап социологического исследования, охватывающего одновременно социально-экономические, социально-культурные и политические аспекты жизни региона. Данное исследование являлось частью широкого компаративного исследования российских регионов и сочетало качественные и количественные методы сбора данных. Общую методологическую основу проекта составляют социокультурный и антропосоциетальный подходы. Основу первого оставляют взгляды М. Вебера, П. Сорокина, второй базируется на полипарадигмальном синтезе идей М. Вебера, П. Сорокина, К. Маркса, Т. Парсонса и Р. Мертона, предложенном Н.И. Лапиным.

Антропосоциетальный подход исходит из понимания общества как системы, состоящей из трех компонентов: индивидов, культуры, социальности. Основные принципы этого подхода: противоречивость функций социального действия (К. Маркс, М. Вебер), паритетность и взаимопроникновение культуры и социальности (П. Сорокин), неполного антропосоциетального соответствия, неустойчивости антропосоциетального равновесия, противонаправленности и взаимообратимости (инверсионности) влияния социетальных процессов [2].

Эмпирическую базу исследования составили результаты крупномасштабного опроса населения республики, реализованного по репрезентативной выборке (1516 человек), параметры

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-00616а.

методологических принципов, к бедному населению относится первый квинтиль населения (20%) с наименьшими доходами, к богатому — пятый квинтиль населения (20%), располагающего наибольшими доходами. В этом случае численность бедных равняется количеству богатых и остается неизменной.

В связи с этим возникает необходимость выяснить сущность бедности, основные подходы к ее пониманию, ключевые факторы, влияющие на ее характер и особенности.

Многомерность бедности как социального явления обуславливает неоднозначность определения этого понятия в социологической науке. На наш взгляд, все многообразие трактовок сущности бедности можно свести к двум подходам.

Первый подход предполагает узкое понимание термина бедности, так как акцентирует внимание на одном признаке бедности — низком материальном (имущественном) статусе, ограничивающем уровень потребления его обладателей. С позиции этого подхода принято считать, что люди являются «бедными», если их благосостояние оказывается ниже определенного уровня» [1]. Данный подход к пониманию сущности бедности достаточно распространен в социологии, экономике, социальной географии и других социальных науках.

Второй подход широко трактует категорию бедности, связывая ее сущность с социальной изоляцией. В таком представлении бедность характеризуется как низким уровнем дохода домохозяйства или отдельного индивида, так и их ограниченными возможностями на рынке труда, в здравоохранении и образовании, недостаточной защищенностью от различного рода социально-экономических потрясений и т.д. [2]. Такая трактовка бедности является новой для современного социально-экономического знания.

Независимо от широты понимания бедности выделяют два основных методологических подхода к ее измерению: объективный и субъективный.

Объективный подход к диагностике бедности основывается на анализе статистических показателей уровня жизни населения, установлении черты бедности (то есть пороговой величины минимальных денежных доходов (расходов) населения) и представлен концепциями абсолютной и относительной бедности. В абсолютной концепции бедности черта бедности определяется минимальным перечнем основных потребностей и размером ресурсов, необходимых для удовлетворения этих потребностей (прожиточным минимумом). Абсолютная черта бедности устанавливается в абсолютном выражении, как минимальная стоимость некоего эталонного уровня жизни. В относительной концепции бедности черта бедности связывается с преобладающим в конкретной стране (отдельном регионе) уровнем материальной обеспеченности населения. Относительная черта бедности фиксируется относительно некоторого показателя благосостояния для населения в целом.

Субъективный подход к измерению бедности базируется на самооценках населения материального положения и характеристик бедности. Основным инструментом этой методологии исследования бедности выступает опрос.

Основываясь на узком представлении о бедности, рассмотрим ее объективное и субъективное измерение на примере отдельного региона Центрального федерального округа — Курской области.

В русле объективного подхода чертой бедности оказывается прожиточный минимум. В соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (с изменениями от 27 мая 2000 года) в Российской Федерации граница бедности (малоимущества) стала определяться величиной прожиточного минимума (ПМ). Величина прожиточного минимума представляет собой стоимостную оценку минимального набора продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы.

Применение данной величины позволяет более детально проанализировать материальную дифференциацию населения и охарактеризовать масштабы бедности. Однако необходимо учитывать, что трансформация методологии расчета величины прожиточного минимума привела к затруднениям в сопоставлении данных до и после 2000 г., поэтому динамика этого показателя проявляет лишь общую картину дифференциации денежных доходов населения.

Важным индикатором жизненного уровня населения является соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума, которое отражает стоимость жизни в регионе. В целом со второй половины 1990-х годов в Курской области отмечается постепенный рост среднедушевых денежных доходов населения региона. Так, в 1995 г. среднедушевые денежные доходы жителей Курской области превысили величину прожиточного минимума в 1,6 раза, в 2002 г. — 1,5 раза, 2003 г. — 1,7 раза, 2004 г. — 1,9 раза, в 2005 г. — 2,1 раза, в 2006 г. — 2,8 раза*. В контексте межрегионального сравнения в этот период времени Курский регион отличался достаточно низким уровнем денежных доходов населения. К настоящему времени ситуация в сфере доходов населения существенно не улучшилась: в 2006 г. в рейтинге российских регионов по размеру среднедушевых денежных доходов Курская область заняла 56 место (для сравнения: г. Москва — 1 место, Ненецкий автономный округ — 2 место, ..., Республика Калмыкия — 85 место, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ — 86 место).

Вместе с тем по показателю соотношения среднедушевых денежных доходов и величины ПМ в настоящее время Курская область оказывается типичным регионом ЦФО. Эта типичность выражается в том, что рассматриваемый показатель в Курской области и в большинстве регионов ЦФО имеет более низкие значения, чем по России в целом (см. рис. 2). Лишь в Ивановской области этот показатель меньше общероссийского уровня в два раза. В Московской и Липецкой области соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума близко к его значению для России в целом. Существенное отличие по данному критерию представляет г. Москва.

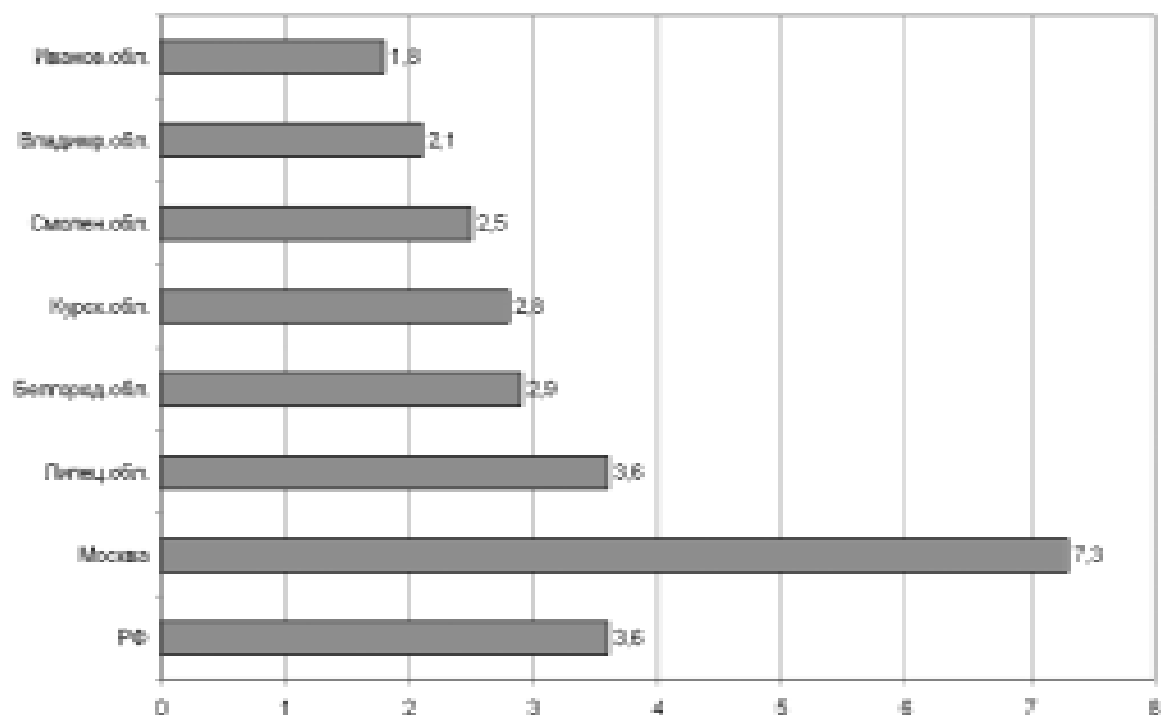

Рис. 2. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в 2006 г. в РФ и регионах ЦФО (в %)

Наряду с выявлением общей картины дифференциации денежных доходов населения показатель величины прожиточного минимума используется для определения масштабов бедности. В этом случае базовым показателем бедности выступают доходы населения ниже величины прожиточного минимума.

* В 2000—2001 гг. в Курской области не был принят закон для установления потребительской корзины (в соответствии с Федеральным Законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»).

представителями обоих полов отдано любви — 35% (3 место — 16%, 4 — 18%). Дружба лидирует на 3 и 4 местах — 24 и 19% соответственно. Интересно отметить, что такие же данные были получены нами ранее по Астрахани. В целом, обращает внимание на себя внимание пока еще небольшой, но уже очевидный рост ценности денег, что, в принципе, не характерно для российского менталитета. Вероятно, это следствие культивирования в нашем обществе в последние десятилетия западной индивидуалистско-рыночной модели сознания. Рядом с этим вопиюще смотрится сползание ценности духовного роста с предпоследних мест на последние в иерархии ценностей нашей молодежи. Причина этого факта очевидна: кризис «национальной идеи», отсутствие государственной идеологии, сформулированной на основе ценностных ориентиров, менталитета российского народа, в которых всегда постулировался примат духовных ценностей над материальными. Именно поэтому для нашей молодежи духовный рост — эта пустышка, не наполненная никаким информационно-идеологическим содержанием. Несмотря на абсолютное первенство в 2007 г. ценностей семьи как почти единственного источника ценностей, семья, на наш взгляд, не сможет предоставить молодому человеку весь ценностный смыслообразующий набор, не все молодые люди могут определиться с иерархией ценностей сами. На наш взгляд, система ценностей создается на трех основных уровнях «Я», «Семья», «Родина, государство, общество». В государстве система ценностей определяется идеологией. Но в последние десятилетия не модно говорить о государственной идеологии. Идеологическая функция исключена из функций государства даже в учебниках по политологии. Мы считаем, что подобные подходы необходимо пересматривать, так как создание государственной идеологии, которая отвечала бы и требованиям сегодняшнего дня, и учитывала тысячелетние особенности российского менталитета, жизненно необходимо как для молодежи, так и для всех остальных россиян.

Литература

1. Евразийское пространство глазами молодых или Новое поколение о... / Под ред. Космарского А.А. Вып. 1—2. М., 2004; Кондратьев Ю.М. Социальная психология студенчества. М.: МПСИ, 2006; Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М., 1997; Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. Профессиональные ориентации российских старшеклассников 90-х гг. и планы их реализации. М.: ЦСО РАН, 2000; Константиновский Д.Л. Российский студент сегодня: учеба плюс работа. М.: ИС РАН, 2002; Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации / Колл. авторов. М.: МГУ, 2000; Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: УГУ, 2005; Отцы и дети: поколенческий анализ / Под ред. Ю. Левады. М.: НЛО, 2005.; Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни молодых поколений России: Достигнутые эффекты, упущенные возможности и сохраняющиеся надежды. СПб., 2005; Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: ИП РАН, 2006, и др.
2. Подвойская Н.В. Ценностные ориентации молодежи на рубеже веков //Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия: Материалы научной конференции. 19—20 апреля 2001 г. Астрахань, 2001. С. 148—150.
3. Бодров С.Ю. Астраханская область в 21 веке: взгляд молодого поколения: Материалы научно-практической конференции /Под общ. Ред. А.А. Жилкина. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004; Бодров С.Ю., Каргаполова Е.В. Эволюция ценностных ориентаций современной молодежи // Образование, наука и практика в строительстве. Материалы международной научно-практической конференции. Астрахань, 2007. С. 302—308.

Как видно из представленной таблицы, власть занимает один из самых низких рейтингов в системе ценностей студенческой молодежи (9—12 места) во всех городах, в которых проводилось анкетирование. Это, на наш взгляд, является одной из характерных черт традиционного отечественного менталитета, в котором традиционно к власти в целом относятся достаточно прохладно. Россиянин всегда служил не абстрактной власти, а конкретному человеку, не государству, а государю. Также мало как и в Астрахани интересуется молодежь религиозными ценностями, почти не сформирована религиозная компонента мировоззрения — 10—12 места.

В нижней части таблицы находится карьера. Таким образом, было выявлено, что у молодежи недостаточно высок уровень карьерных устремлений, недостаточная мотивация для построения успешной карьеры. Возможно, это объясняется тем, что в период учебы в вузе большинство студентов еще не задумывается о работе в полной мере.

Ниже всего ценности карьеры, как это ни странно, у юношей Санкт-Петербурга, возможно из-за гораздо больших возможностей карьерного роста, который предоставляет этот город, нежели Курск и Астрахань. Но при этом, как ни странно, выше всего — на 6 месте — находится карьера у девушек Санкт-Петербурга. Интересно, что деньги как ценность у всех опрашиваемых и в 2003 г., и в 2007—2008 гг. располагаются чуть выше, чем ценности карьерного роста.

Достаточно низка и «сексуальная озабоченность» молодежи (8—12 места) — значимые выборы идут лишь с 8 места — 16%, 9 — 13%, 10 — 17%. Впрочем, с одной стороны, такие показатели могут объясняться и излишней стеснительностью в отношении темы секса. При озвучивании секса как ценности начинается хихиканье, удивление, как вообще секс может быть обозначен в качестве ценности и т. п. Но, с другой стороны, мы уже писали ранее о том, что имеется устойчивая тенденция падения за последние 5 лет секса в системе ценностей у астраханской молодежи, при чем как у девушек, так и у юношей. Проведенные в этом году исследования показывают такую же тенденцию и в других городах России, провинциальных столичных.

Наука и образование занимают уверенную середину на шкале ценностей — 5—7 места. Самое низкое (7) место занимает наука у юношей и девушек Санкт-Петербурга. Это объясняется, с одной стороны, тем, что жители северной столицы имеют гораздо больше шансов для реализации в науке, но с другой стороны, многие аналитики отмечают динамику потери интереса студентов столичных городов, особенно Москвы к науке, многие из них уходят в бизнес. Поэтому и прогнозирование роста научного потенциала Российской Федерации связывается, прежде всего, с регионами. Интересно отметить, что больше всего выражено стремление «идти в науку» у астраханок (2 место), что может свидетельствовать об изменении менталитета нашего города с большим количеством тюркоязычного населения, у которого традиционными, особенно для девушек, являлись брак и семья, а не наука, образование и карьера.

Здоровье в системе ценностей занимает места либо в самом верху таблицы (2,3 места), либо 7 и 8 место: 7 место — у юношей и девушек Астрахани, юношей Курска, а у девушек Санкт-Петербурга — 8. Больше всего ценят здоровье юноши Петербурга (2 место) и девушки Курска (3 место).

И наибольший разброс по шкале ценностей можно наблюдать по понятию «духовный рост». Ниже всего — в Астрахани (12 место — у юношей, 9 место — у девушек). В Курске — 8 место у юношей, 9 место — у девушек. А в Санкт-Петербурге — 4 место у юношей, и 5 место — у девушек. Таким образом, мы видим, что ценность духовного роста «растет» постепенно от регионов к центру. Возможно, это связано с материальным положением населения провинциальных городов, обуславливающим несколько иную, чем в столичных городах, мотивацию жизни. С другой стороны в провинции гораздо меньше механизмов для реализации потребностей духовного роста.

Такая ценность, как смысл жизни, в целом, распределяется равномерно и находится в верхней части таблицы (3—6 места).

Первые места занимают ценности семьи, любви и дружбы. Безусловную значимость для молодежи как женского, так и мужского пола имеет семья — 49% на 1 месте. Второе место

В 1995 г. в Курской области доходы ниже величины прожиточного минимума имели 20,2% всего населения. После кризиса 1998 г. число бедных курян увеличилось: в 2000 г. к этой категории относилось уже 42,2% жителей региона. В последующие годы доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума постепенно сокращалась. В 2001 г. в Курской области бедное население включало 39,5% всех курян, в 2002 г. — 33,7%, в 2003 г. — 30,7%, в 2004 г. — 25,0%, в 2005 г. — 20,3%, в 2006 г. — 15,7%.

По нашим оценкам, в 2001 г. доля беднейшего населения (с доходами в два и более раза ниже величины ПМ) составляла менее 20 % общей численности жителей области, в 2002 г. — не более 10%, в 2003 г. — 5%, в 2004 г. — в пределах 3—4%, в 2005 г. — менее 2,5%, в 2006 г. — не более 1,5%.

Следует отметить, что в начале 2000-х годов в Курской области масштабы бедности были более значительны, чем в ряде регионов Центрального федерального округа и России в целом. В 2000 г. в Российской Федерации процентное выражение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума равнялось 29,0%. В этом же году среди регионов ЦФО по возрастанию объема доли населения с доходами ниже величины ПМ можно выделить несколько групп: 1) г. Москва, где численность бедного населения составляла 23,6%; 2) Смоленская, Ярославская, Липецкая, Тульская, Белгородская, Московская и Костромская области, в которых данный показатель равнялся или превышал 30% населения; 3) Орловская, Воронежская, Курская, Брянская, Владимирская, Калужская, Тамбовская, Рязанская области с долей населения с доходами ниже ПМ более 40% всех жителей региона; 4) Тверская область, где рассматриваемый показатель составил 51,5% населения области; 5) Ивановская область, в которой к бедному населению относилось 68,4% всего населения.

К 2006 г. в России и во всех регионах ЦФО, в том числе и Курской области, произошло существенное снижение масштабов бедности. В 2006 г. для РФ показатель численности населения с доходами ниже величины ПМ составил 15,3%.

Используя ту же схему анализа, выделим группы регионов ЦФО, различающиеся уровнем бедности и для 2006 г. 1) группа — Подавляющая часть регионов ЦФО (14 регионов), где доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума составила менее 20% населения. При этом появилась подгруппа регионов, в которых значение данного показателя оказывается низким по сравнению с Россией в целом. Сюда наряду с Москвой вошли Липецкая, Московская, Ярославская, Тверская, Тамбовская и Тульская области. В Курской области доля населения с доходами ниже ПМ близка к общероссийскому уровню. 2) группа — Костромская, Орловская, Владимирская области со значениями рассматриваемого показателя, равными или превышающими 20% всех жителей региона. 3) группа образуется Ивановской областью, где доля бедных по-прежнему остается самой значительной по ЦФО и составляет 35,2% населения.

Приведенные статистические данные позволяют говорить о достаточно высоких темпах снижения бедности в российских регионах, включая Курскую область.

Субъективное измерение бедности и материальной дифференциации населения проявляют результаты социологического опроса, проведенного в мае-июне 2007 г. на территории Курской области в рамках научно-исследовательского проекта «Социокультурный портрет региона: Курская область». Выборочная совокупность исследования формировалась как стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов выборка. Общее количество респондентов составило 1128 человек. В целом выборочная совокупность исследования в достаточной мере репрезентирует население Курской области (в возрасте 18 лет и старше). Ошибка выборки по одному признаку не превышает 3%.

По данным опроса, самым массовым социально-имущественным слоем в области является низший слой (39 %), состоящий из двух социальных групп с низкими доходами: «нищие» и «бедные». Близкой по материальному статусу к низшему слою оказывается категория «необеспеченных». Однако представители этой социальной группы отличаются от «бедных» более позитивным уровнем социального самочувствия. В Курском регионе страта «необеспеченных» включает 17% населения. Социальным слоем, характеризующимся средними показателями потребления и соответственно уровня жизни, является страта «обеспеченных». К ней относят

себя 27% жителей Курской области. Самой малочисленной социальной общностью в регионе выступает высший слой (16% от количества опрошенных), который охватывает социальные группы «зажиточных» и «богатых».

Тем самым оценки населением своего материального положения зафиксировали более высокий уровень бедности в регионе, чем статистически установленный. Одной из причин подобного расхождения оказывается заниженный уровень потребления товаров и услуг, закрепленный в величине прожиточного минимума. При этом основную часть бедного населения представляют пенсионеры — социальная категория, имеющая низкие денежные доходы. Например, в 2006 г. в Курской области средний размер месячных пенсий лишь на 7,8% превысил величину прожиточного минимума.

Необходимо учитывать, что сложившаяся ситуация в сфере имущественной дифференциации усугубляется наличием категории работающих бедных, то есть лиц, которые получают заработную плату, немногим превышающую размер прожиточного минимума. В этом ракурсе вполне понятной оказывается особая значимость для курян материальной составляющей работы, выявленная в результате социологического опроса. Практически каждый пятый респондент (19,8%) предпочитает иметь «большой заработок, даже без уверенности в завтрашнем дне».

В то же время по мере углубления социокультурной трансформации у большинства населения происходит формирование стандартов потребления, ориентированных на уровень жизни обеспеченных социальных групп. В итоге образуется обширный социальный слой, отличающийся повышенными запросами, но не имеющий необходимых материальных ресурсов для их удовлетворения.

Как показывают данные опроса населения, для половины курян (54,3%) бедность выступает серьезной опасностью: они заявили о собственной незащищенности перед данной жизненной проблемой. Каждый четвертый участник опроса (25,1%) затруднился однозначно охарактеризовать степень своей защищенности от бедности. Лишь 20,6% респондентов считают себя защищенными от этой жизненной угрозы.

Подобное отношение населения к возможности приобретения статуса малоимущего, вероятно, является результатом влияния социального кризиса 1990-х годов, имевшего тяжелейшие социальные последствия для всего населения страны, преодоление которых не завершено до настоящего времени. Это во многом определяет неуверенность в оценке людьми характера развертывания собственной жизнедеятельности, динамики уровня жизни и своих доходов, так как они осознают их зависимость от более широкого социального контекста.

Таким образом, проведенный анализ проблемы материальной дифференциации населения в региональном измерении выявил, что по многим параметрам Курская область является типичным регионом ЦФО. В социально-экономическом развитии Курской области проявляются проблемы, характерные для большинства регионов Центрального Федерального округа — проблемы уменьшения материальной дифференциации населения и преодоления бедности.

Литература

1. Цит. по: Литвинов В.А. Прожиточный минимум: история, методика, анализ / В.А. Литвинов. М.: КомКнига, 2006. С. 202.
2. См.: Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н.В. Зубаревич. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 161.

Сравнительный анализ данных 2003 г. в системе «Юноши — девушки» показывает лидирующее положение у юношей такой ценности, как любовь. Девушки в 2003 и 2007 гг. важнейшее значение придавали семье, что вполне объяснимо. У юношей в 2003 г. эта ценность была на 6 месте, а в 2007 г. юноши также ставили семью в иерархии ценностей на 1 место. Не до конца понятны причины этой метаморфозы. Возможно, условиях кризиса государственной идеологии, отсутствия национальной идеи семья стала для молодых людей практически единственным источником каких-либо ценностей вообще и смыслообразующих, в частности.

Интересно, что у девушек смысл жизни стабильно входит в системе ценностей в лидирующую тройку (3 место в 2003 и 2007 гг.), у юношей ценности смысла жизни на порядок ниже, но при этом наблюдается положительная тенденция отношения к нему (8 место в 2003 г., 5 место в 2007 г.).

Наблюдается положительная тенденция в переосмыслении науки и образовании в иерархии ценностей (юноши — 5 место в 2003 г., 4-е в 2007 г., у девушек наука и образование поднимаются с 5 на 2 место).

В 2003 г. для мужчин карьера несколько важнее, чем для женщин. Но в 2007 г. эта ценность падает у юношей с 4 на 7 место, у женщин с 6 на 7.

У мужчин религия на последнем месте, у девушек — на предпоследнем. Интересно, что для девушек в 2007 г. возрастает ценность власти. На наш взгляд, это последствие влияния глянцево-журнального культа бизнес-леди как женщины энергичной, решительной, властной, даже в какой-то степени агрессивной.

В системе «Юноши — девушки» падение ценности духовного роста более выражено, чем в системе «Ученики — студенты», но при этом у девушек в большей степени выражено осознание этой ценности (7 место в 2003 г., 9 место в 2007 г.), чем у юношей (10 место в 2003 г., 11 в 2007 г.).

В 2008 г. целью исследования стала сравнительная характеристика ценностных ориентаций молодежи различных регионов России, в частности, Курска, Астрахани и Санкт-Петербурга. Как и ранее, респондентам предлагалось расставить в иерархическом порядке ряд названных ранее ценностей. По многочисленным просьбам опрашиваемых ранее студентов и школьников впервые в этом году в ряд этих понятий была добавлена такая ценность, как здоровье.

Результаты исследования 2008 г. были обобщены в таблице (см. табл. 3).

Таблица 3

Иерархия ценностей у молодежи Астрахани, Курска и Санкт-Петербурга

Место в иерархии ценностей	Астрахань, юноши	Астрахань, девушки	Курск, юноши	Курск, девушки	Санкт-Петербург, юноши	Санкт-Петербург, девушки
1	Семья	Семья	Семья	Семья	Семья	Семья
2	Дружба	Наука	Любовь	Любовь	Здоровье	Дружба
3	Любовь	Смысл жизни	Дружба	Здоровье	Дружба	Смысл жизни
4	Наука	Дружба	Смысл жизни	Дружба	Духовный рост	Любовь
5	Смысл жизни	Любовь	Деньги	Наука	Любовь	Духовный рост
6	Деньги	Деньги	Наука	Смысл жизни	Смысл жизни	Карьера
7	Здоровье	Здоровье	Здоровье	Деньги	Наука	Наука
8	Секс	Власть	Духовный рост	Карьера	Секс	Деньги
9	Власть	Духовный рост	Карьера	Духовный рост	Деньги	Здоровье
10	Карьера	Карьера	Секс	Секс	Религия	Секс
11	Религия	Религия	Власть	Религия	Карьера	Власть
12	Духовный рост	Секс	Религия	Власть	Власть	Религия

Как видно из данных табл. 1 в 2003 г. у студентов на первом месте стоит дружба. Весьма показательно, что для школьников, будущих абитуриентов, ценности будущего высшего образования (3 место) гораздо выше, чем у студентов (9 место). В 2007 г. ценность науки и образования и для школьников, и для студентов заметно возрастают (3 и 4 места соответственно). Вероятно, это можно объяснить широким распространением в последние годы идеи непрерывного образования и роли науки в современном обществе.

Достаточно убедительно лидирующие позиции занимают любовь, семья и дружба. Сразу же за этими ценностями можно обнаружить смысл жизни (стабильное 5 место и у учеников, и у студентов в 2003 и в 2007 г.). По данным подобных исследований смысл жизни (наряду с сексом) как ценность занимает лидирующее место в иерархии ценностей у подростков, а у респондентов исследуемого нами возраста, вероятно, на первый план выходят ценности признания в каком-либо коллективе (в семейном, кругу друзей, одноклассников, студентов и т. п.).

Несмотря на активную пропаганду в современном российском обществе культа денег, богатства и «красивой жизни», деньги пока еще не занимают лидирующие позиции в иерархии ценностей молодежи. Хотя результаты этой пропаганды уже можно наблюдать: у учеников деньги в системе ценностей с 8 места в 2003 г. перемещаются на 6 в 2007. При этом духовный рост как ценность, к сожалению, занимает одно из последних мест (9 место у учеников в 2003 и 2007 г., а у студентов с 8 места в 2003 г. перемещается на 10). Можно предполагать, что для молодых такие понятия как духовность, духовный рост стали пустым бессодержательным клише из области высокой морали и нравственности, зачастую еще и отрицательно окрашенным (ведь взрослые так часто говорят не о духовности, а о бездуховной и безнравственной молодежи).

В аутсайдерах оказываются власть и религия. Хотя у учеников власть перемещается с 10 места в 2003 г. на 8 в 2007 г., а у студентов наоборот — власть с 10 места опускается на последнее — 11. Но при этом, религия перемещается вверх (у учеников с 11 на 10 место, а у студентов с 11 на 8). Здесь, на наш взгляд, налицо попытка в условиях кризиса государственной идеологии найти смыслообразующие ценности в религиозном мировоззрении.

Самая значительная метаморфоза происходит с такой ценностью, как секс: наблюдается резкое его снижение в шкале ценностей у учеников с 7 (2003) на 11 (2007) позицию, а у студентов — с 4 на 8. Как видно из табл. 2, такая же тенденция происходит в системе «Юноши — девушки» у девушек с 9 места секс перемещается на последнее, 11, и даже у юношей — с 3 на 8).

Вероятно, наступает момент, когда российское сознание (даже в его наиболее радикальном молодежном варианте) начинает отвергать культ секса ради секса, навязываемый нам Западом.

Таблица 2

Иерархия ценностей у молодежи г. Астрахани

Место в иерархии ценностей	Юноши, 2003	Юноши, 2007	Девушки, 2003	Девушки, 2007
1	Любовь	Семья	Семья	Семья
2	Дружба	Дружба	Любовь	Наука и образование
3	Секс	Любовь	Смысл жизни	Смысл жизни
4	Карьера	Наука и образование	Дружба	Дружба
5	Наука и образование	Смысл жизни	Наука и образование	Любовь
6	Семья	Деньги	Карьера	Деньги
7	Деньги	Карьера	Духовный рост	Карьера
8	Смысл жизни	Секс	Деньги	Власть
9	Власть	Власть	Секс	Духовный рост
10	Духовный рост	Религия	Религия	Религия
11	Религия	Духовный рост	Власть	Секс

А.А. Телегин
(Курск)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)*

Сложные и противоречивые социальные процессы, происходящие в современной России, ставят перед социологией ряд проблем, связанных с необходимостью осмысления новых реалий. Одним из актуальных направлений социологических исследований является проблема региональных социумов. Так, например, в настоящее время субъекты Российской Федерации участвуют в разработке стратегии социально-экономического развития своих регионов. Данная стратегия также разрабатывается в Курской области. Она фиксирует систему представлений об основных целях и приоритетах социально-экономической политики органов государственной власти области, важнейших направлениях и средствах реализации указанных целей на долгосрочную перспективу.

Однако для того, чтобы определять подобные стратеги, создавать модели социально-политического и экономического устройства населения региона, прежде всего, необходимо осуществить комплексное социологическое рассмотрение самого региона как территориального сообщества, которое «образуется в результате деятельности социальных акторов — жителей, социальных групп, организаций региона, выполняет по отношению к ним и к обществу определенные функции и служит средой, которая мотивирует социальных акторов» [1. С. 15].

Проект построения социокультурных портретов регионов, основанный на типовой методике, разработанной в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН (ЦИСИ ИФ РАН), осуществляемый сегодня в ряде субъектов Российской Федерации, дает возможность увязать воедино программы социально-экономического и культурного развития отдельно взятого региона, состояние и уровень взаимодействия органов власти и общественных организаций, инновационные проекты преобразования этого региона с особенностями образа жизни его населения. Этот проект нацелен на выявление, а затем на преодоление и разрешение «нестыкровок» различного характера, на выработку соответствующей социокультурной политики [2. С. 6].

Как отмечает Г.Е. Зборовский, само понятие *регион* в последние 10—15 лет превратилось из социально-экономического в социально-политическое. При этом социальное самочувствие населения является одним из важных показателей, который несет на себе отпечаток всех процессов, происходящих в регионе. Благоприятное социальное самочувствие населения свидетельствует во многом об относительном социальном благополучии в регионе, тогда как низкие показатели являются индикатором социальной напряженности и недовольства населения. Обычно это сопровождается низким уровнем лояльности по отношению к государственной, региональной власти и низкой степенью удовлетворенности различными показателями ее работы. Чаще всего социальная напряженность возникает вследствие неудовлетворенности потребностей населения региона по основным сферам: жилищно-коммунальные услуги, низкое качество медицинских услуг, экологическая ситуация; преступность, угроза безопасности жизни; низкие заработки, доходы. Эти самые острые проблемы связаны с удовлетворением витальных потребностей населения.

Для того чтобы понять, на чем конкретно основывается неудовлетворенность населения при общей позитивной оценке ситуации в регионе, представляется целесообразным проанализировать, что преимущественно беспокоит население региона. По результатам полевого социологического исследования, проведенного в мае—июне 2007 г. научно-исследовательской

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-00498а.

лабораторией Курского государственного университета [4], при оценке опасностей (вопрос: «Насколько Вы лично чувствуете себя защищенными от различных опасностей?») на первый план вышла преступность (65% ответов), на втором месте — произвол чиновников (57,3% ответов), на третьем — бедность (53,3%). Далее была отмечена опасность произвола правоохранительных органов (47,4% ответов) и экологическая угроза (45,4%). Заметим, что в 2006 г. при оценке опасностей на первое место вышли угрозы от преступности (52% ответов), бедности (46%), а также экологические угрозы (44%), при этом в целом региональные оценки возможных угроз совпадали с общероссийскими.

В Курской области, начиная с 1990 г. растет количество зарегистрированных преступлений. Так, в 1990 г. было зарегистрировано 743 преступления, в 1995 г. число преступлений выросло в 2,3 раза (1830). С 2001 г. по 2003 г., количество преступлений было снижено и составило 1658, но с 2004 г. вновь стали преобладать тенденции к их росту, в 2006 г. количество зарегистрированных преступлений составило 2662. В целом Курская область занимает срединное положение (39 место) среди субъектов РФ по числу зарегистрированных преступлений. Преобладающую долю в структуре преступности составляют имущественные.

Важной характеристикой процессов происходящих в регионе, является вопрос об уровне доверия населения Курской области институтам власти. По данным регионального социологического исследования, наибольший процент опрошенных в Курской области респондентов 36% доверяют президенту, 19,6% высказали свое доверие суду и 12,1% — прокуратуре. Вместе с тем данные регионального исследования подтверждают общероссийские выводы, а именно то, что в последние годы наблюдается кризис доверия граждан к государственным институтам, таким, как милиция (26,5% опрошенных), региональным представительством политических партий (25,7%), и средствам массовой информации (21,8%).

Кроме этого, отметим, что 25,6% респондентов выразили готовность принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека, а 21,2% скорее склоняются к участию в акциях протеста. Таким образом, 46,8% населения Курской области потенциально готовы к акциям протеста, примерно столько же (45,7%) выразили свое нежелание участвовать в протестных мероприятиях.

Отношение населения к власти проявляется и в выражении политических предпочтений. В сводной диаграмме представлены данные (проценты) об уровне доверия жителей Курской области различным политическим объединениям.

Исследования, проведенные некоммерческим партнерством «Курское агентство политики экономики и менеджмента» в августе, октябре и ноябре 2007 г., позволяют судить об электоральных предпочтениях населения Курской области. Было опрошено в августе 10570 респондентов, в октябре 6106 респондентов, в ноябре 14000. Ошибка выборки не превышала 3%. Результаты трех волн опросов представлены на рис. 1.

Обнаружилось, что накануне выборов 53,4% опрошенных выразили свои симпатии партии «Единая Россия», 9,7% отдали свои предпочтения партии «Справедливая Россия», 10,6% — КПРФ, 11,2% — ЛДПР.

Следует обратить внимание на корреляцию политических предпочтений с возрастными характеристиками респондентов. Так, отчетливо проявляется уменьшение численности приверженцев ЛДПР и сторонников партии «Единая Россия», а также увеличение числа сторонников КПРФ с увеличением возраста респондентов, а также ростом числа сторонников ЛДПР и снижением числа приверженцев КПРФ с уменьшением возраста респондентов. Зависимость проявлена на рис. 2.

Результаты социологических опросов были в целом подтверждены фактическими показателями проведенных выборов в Государственную Думу 2 декабря 2007 г.: «Единая Россия» — 62,74% голосов избирателей; КПРФ — 11,54%, «Справедливая Россия» — 10,87%, ЛДПР — 8,76% [6].

Таким образом, на основе анализа полученных данных можно констатировать общую *центристскую направленность* политической ориентации избирателей. Заметим при этом, что на выборах депутатов в Курскую областную думу четвертого созыва в 2005 г. именно за представителей партии «Единая Россия» было подано доминирующее число голосов (37,4%).

С.Ю. Бодров, Е.В. Каргаполова
(Астрахань)

ЭВОЛЮЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В современном российском обществе в условиях кризиса государственной идеологии очень остро стоит вопрос об определении молодыми людьми смыслообразующих жизненных ценностей. Несомненна взаимозависимость таких ценностей и образа жизни многих молодых людей, ведь их отсутствие является одной из важнейших причин распространения среди молодежи алкоголизма, наркомании, роста преступности и числа самоубийств.

В этих условиях крайне актуальным становится изучение ценностных ориентаций молодежи. Под ценностями мы будем понимать такие явления материального и духовного характера, которые способны удовлетворить какие-либо потребности человека, класса, общества, служить интересам и целям.

Необходимо отметить, что в последние десятилетия в России был проведен ряд исследований, посвященных изучению социокультурных характеристик современной молодежи [1]. В ходе социологического опроса «Молодежь—99», проведенного кафедрой социологии и культурологии Астраханского государственного педагогического университета совместно с Комитетом по делам молодежи и департаментом общего и профессионального образования Администрации Астраханской области в 1999 г. был составлен социокультурный портрет астраханской молодежи [2].

В Астраханском инженерно-строительном институте с 2003 г. проводится социологический мониторинг по изучению ценностных ориентаций молодежи области. Результаты этой работы были апробированы в ходе научных конференций и опубликованы в ряде изданий [3].

В 2003 и 2007 гг. нами было проведено социологическое исследование методом опроса (анкетирования). Его целью было изучение иерархии ценностей молодых людей (школьников и студентов г. Астрахани) в возрасте от 15 до 23 лет, а также эволюции ценностных предпочтений молодежи с 2003 по 2007 г. В ходе анкетирования респондентам давалось задание расставить в иерархическом порядке 11 ценностей: власть, деньги, дружба, духовный рост, карьера, любовь, наука и образование, религия, секс, семья, смысл жизни. При анализе результатов исследования, в основном, учитывались пол и возраст, то есть интересным представлялось выявить гендерные особенности ценностных ориентаций молодежи, а также сравнить иерархию ценностей школьников (15—17 лет) и студентов (21—23 года).

Результаты исследований 2003 и 2007 гг. обобщены в таблицах (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Иерархия ценностей у школьников и студентов г. Астрахани

Место в иерархии ценностей	Ученики, 2003	Ученики, 2007	Студенты, 2003	Студенты, 2007
1	Любовь	Семья	Дружба	Семья
2	Семья	Наука и образование	Любовь	Дружба
3	Наука и образование	Дружба	Семья	Любовь
4	Дружба	Любовь	Секс	Наука и образование
5	Смысл жизни	Смысл жизни	Смысл жизни	Смысл жизни
6	Карьера	Деньги	Деньги	Деньги
7	Секс	Карьера	Карьера	Карьера
8	Деньги	Власть	Духовный рост	Религия
9	Духовный рост	Духовный рост	Наука и образование	Секс
10	Власть	Религия	Власть	Духовный рост
11	Религия	Секс	Религия	Власть

Он усваивает и то, что его личное благополучие зависит от взаимодействия с другими. Таким образом, человек сам конструирует гражданское общество, защищает себя и становится, хотя бы отчасти, независимым от государства. В таком случае личность и государство могут идти, не соприкасаясь с друг другом, что подтверждается основным политическим тезисом К.Н. Илюмжинова: «Меньше государственности, больше активности, предприимчивости населения» [15. С. 1], которая, казалось бы, выражает одну из основных формул концепции гражданского общества. Но проблема состоит в том, способно ли оно со временем призвать государство (с авторитарным типом правления) к ответу?

Следует также отметить, что в некоторых специфических чертах калмыцкого психологического уклада содержатся аспекты, способные развиваться в структуры гражданского общества, заложенные этноконфессиональным и социокультурным влиянием — индивидуализм и клановость (семья, коллектив). В этом потенциале заложены возможности для более сбалансированного развития индивидуалистических и коллективистских начал в социальной организации.

Литература

1. Ланин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основания исследования // Социологические исследования, 2006, № 8.
2. Островская Е.А. Религиозная модель общества: социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПбГУ, 2005.
3. Гириц К. Интерпретация культур. М:РОССПЭН, 2005.
4. Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с 15 столетия до настоящего времени. Сочинение 1834 г. Элиста.
5. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 г. Элиста, 1995.
6. Военное прошлое наших калмыков 1812—1912 гг. Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Под редакцией Б.Янушевича. Вып. III. Ставрополь, 1912.
7. Маитатов В.В. К вопросу об изучении философии буддизма // Философские проблемы буддизма. Новосибирск, 1984.
8. Житецкий И.А. Очерки быта Астраханских калмыков. Этнографические наблюдения: 1884—1886. М., 1893.
9. Бурчинова Л.С. Ламаизм в Калмыкии. Элиста, 1977.
10. Илюмжинов К.Н. Терновый венец Президента. Элиста, 1995.
11. Волгин В. Актуальные аспекты политико-религиозного процесса // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень, 2004, май—июнь.
12. Илюмжинов К.Н. Калмыкия — Земля Духа: национальная идея. Элиста, 1997.
13. Гузенкова Т.С. Калмыцкий героический эпос «Джангар» как национальный символ // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994.
14. Элита и антиэлита // Хальмг шуудан, 2008, февраль.
15. Корольков И. Произошел ли в Калмыкии тихий государственный переворот? // Известия, 1998, 19 февраля.

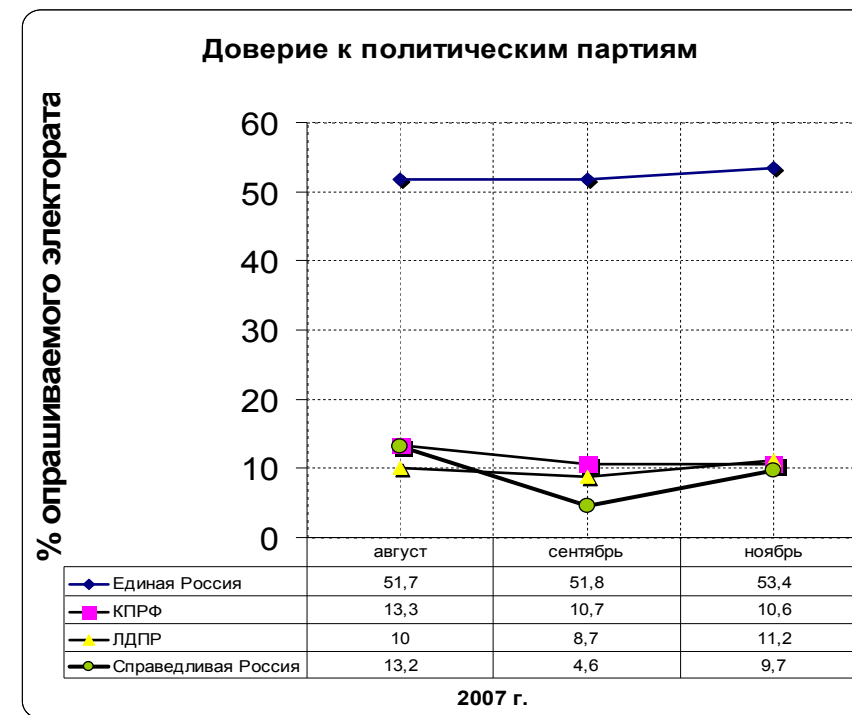

Рис. 1. Уровень доверия к политическим партиям в Курской области, 2007 г. (в %)

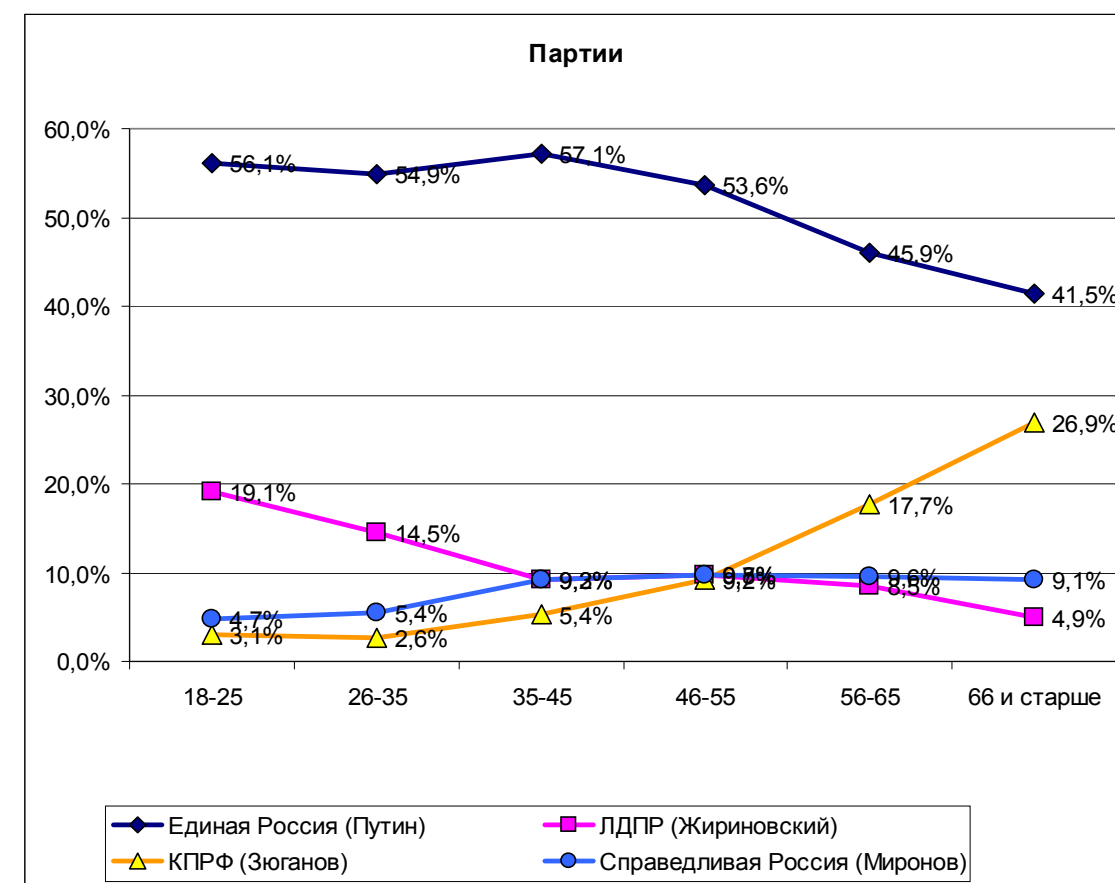

Рис. 2. Возрастное распределение населения Курской области по симпатиям к политическим партиям

На выборах в Государственную думу 2 декабря 2007 г. партия «Единая Россия» также получила большинство голосов — 387829 (62,7%). Данная тенденция сохранилась и на выборах президента России 2 марта 2008 г. За кандидатуру Д.А.Медведева проголосовало 64,3% избирателей.

Важным социальным вопросом является и состояние ЖКХ. Одним из аспектов проблемы является отношение населения к новому Жилищному кодексу РФ. Лишь около 7% респондентов считают, что новый Жилищный кодекс улучшит их жизнь, 56,2% предполагают, что ничего не изменится, 13,6% опрошенных считают, что Жилищный кодекс скорее ухудшит жизнь семьи (см. диаграмму на рис. 3).

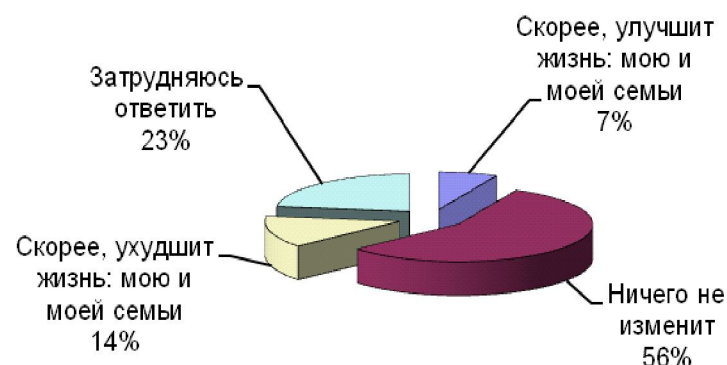

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как влияет на Вашу жизнь и жизнь Вашей семьи новый жилищный кодекс (ЖК)?»

В целом организационная структура жилищно-коммунального хозяйства Курской области представляет собой многоотраслевую систему и включает более 18 видов деятельности жизнеобеспечения, ведущие из которых — жилищное хозяйство, водоснабжение, водоотведение, очистка сточных вод, теплоснабжение, электроснабжение, озеленение населенных пунктов, ремонт дорог, вывоз и утилизация бытовых отходов, гостиничное, банно-прачечное хозяйство, ритуальное обслуживание. В области функционируют 113 муниципальных государственных предприятий жилищно-коммунального хозяйства с общей численностью работающих 15,4 тысячи человек.

В регионе создана специализированная постоянно действующая межведомственная комиссия по регулированию цен и тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства. Разработан и утвержден «Порядок предоставления и согласования тарифов на услуги жилищно-коммунального хозяйства Курской области», который доведен до районов и муниципальных образований. Действует система социальной защиты населения при переходе к полной оплате жилищно-коммунальных услуг. Создано 249 служб по предоставлению субсидий на жилищно-коммунальные услуги, правом на получение которых в 2001—2003 гг. воспользовались 40,7 тыс. семей (8,4% от общего числа семей, проживающих в области).

Правительством Курской области подготовлено и заключено около 300 договоров по возмещению выпадающих доходов с предприятиями и организациями области, предоставляющими льготы гражданам по жилищно-коммунальным услугам в соответствии с федеральными законами.

В районах и городах области продолжается приватизация жилья, в результате которой более 50% муниципального и государственного жилищного фонда находится в личной собственности граждан, что позволяет создавать в области благоприятные условия для развития самоуправления в жилищной сфере, создания товариществ собственников жилья (ТСЖ). В настоящее время зарегистрировано 65 ТСЖ.

Постановлениями Курской областной думы от 24.12.2003 г. № 830-III ОД и № 831-III ОД приняты: областная программа «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального

сформированное таким образом индивидуальное и массовое станет менее восприимчиво к сложившимся социально-экономическим и политическим противоречиям. Возникает вопрос: каким образом идеология конфессиональной эклектики может помочь людям избавиться от моральной деградации и аномии, если социально-экономическая ситуация в республике в полном упадке, т.е. дезинтегрирована?

По мнению экспертов, состояние социально-экономических показателей характеризуют республику как состояние управляемого хаоса [14. С. 7]. Производства, созданные в советский период, полностью разрушены, обанкрочены приватизацией. Сельское хозяйство, как традиционный вид деятельности населения, было практически брошено на произвол судьбы. И только благодаря сельчанину, для которого оно стало способом и ресурсом выживаемости, в последние годы отрасль с трудом поднимается. Высокий уровень безработицы (от 18 до 26%) наблюдается в течение 15 лет и является самым высоким по России, который вызвал массовый исход (50%) трудоспособного населения из республики в поисках заработка. А внедрение таких новых социальных практик как предпринимательство, развитие малых предприятий ограничены, т.к. власть захватило это поле деятельности, таким образом перекрыв каналы их реализации и мобильности для населения в условиях рыночной экономики.

Отметим, что религия может формировать социальный порядок в кризисных условиях региона в том случае, когда ее идеи, идеология функционируют как структуры социализации, становятся механизмами адаптации индивида в трудных условиях напряжения. Ее идеи становятся опорой-ценностями в конструировании деятельности ее адептов в повседневной жизни и жизненной стратегии. Роль же политической элиты состоит не столько в информационной, пропагандистской риторике, а сколько в реальных действиях управления в сфере экономики и социальной политики. Ведь и духовность политической элиты может определяться по критерию включающему в себя способности сопереживать и содействовать слабым и обделенным жизнью, коим оказалось почти 2/3 населения Калмыкии в условиях системной трансформации во всех сферах жизни общества в 1990-е годы. При этом не может быть показателем высокой духовности, веры и нравственности хождение в храмы, а возведение культовых сооружений определяется зачастую не искренностью и чистотой помыслов, а, прежде всего заботой о своем статусе после смерти.

Таким образом, ренессанс религий стал периодом, который поразил многих мирян сильной и искренней верой, которая стала силой, получившей сильное социальное воздействие, поддерживаемое мощными социальными группами. При этом вызванные ренессансом конфессии «рутинизировались», институционализировались, в них четко обозначились организационные структуры, не только сконструированные региональной властью, но и контролируемые ими.

Возникает вопрос: может ли в Калмыкии формироваться гражданское общество, как составляющая социального порядка? Конечно же, оно формируется, хотя этот процесс осложнен высокой концентрацией власти в лице Главы республики. Актуальной является проблема формирования гражданского общества в условиях экстенсивного пути развития, на котором находится Калмыкия. В данном случае есть два ответа: либо такое общество невозможно, либо оно имеет имитационный, деформированный характер. Скорее справедлива вторая точка зрения. Полноценному развитию гражданского общества мешает отсутствие обратной связи между властью и населением. Однако, поскольку современное общество невозможно без обратной связи, то обратная связь в таком обществе принимает деформированный характер. Проблема состоит в том, что политика республиканского руководства предусматривает заранее заданные реакции населения, которые не противоречила бы их воли и интересам, но это политика не предусматривают «незапланированные реакции», выражающее спонтанную волю низов.

Таким образом, формирующееся гражданское общество в Калмыкии включает в себя институты и организации религиозного типа, которыми являются храм, церковь, община, семья, межличностные взаимоотношения, посредством которых индивид осознает себя и свою приверженность к обществу, демонстрируя таким образом свое гражданское участие и солидарность. В данном случае в опосредующей среде (которая имеет форму авторитарного правления), человек законным путем (через храм, общину, семью и т. д.) удовлетворяет свои потребности, развивает свою индивидуальность и одновременно познает себя как члена общества.

жизни, так и восприятие религии сквозь призму национальной идентичности. С другой стороны, столь высокий интерес населения к религии нельзя интерпретировать как показатель глубоких изменений в мировоззрении современных калмыков или русских. По всей вероятности эта реакция на политику «открытых дверей», практикуемой властью.

Расширение регулирующей функции религии, в частности буддизма, находится в прямой зависимости от абсолютного числа маргинального (деклассированного) населения, а также от положения мелкого и среднего предпринимателя, особенно в тех случаях, когда последние ограничены в своей деятельности из-за сложных экономических и социальных условий в региональном социуме. И, как показало исследование, наиболее религиозны именно предприниматели — 80% опрошенных. Для маргинальных групп населения посещение буддийского храма или церкви, участие в религиозных церемониях, помимо религиозных (чаще всего моление о благополучии, удаче, здоровье), преследуется цель утвердить собственное гражданское достоинство и продемонстрировать их причастность к жизни общества. Результатом приобщения маргинального населения к религии является их тяга к буддийской или христианской идеологии как средству отражения социальных проблем.

Вместе с тем полевые наблюдения показывают, что возрождение буддизма обнажило наиболее примитивные формы представлений о назначении этой религии: наблюдается снижение значимости моральных предписаний и переориентация на материальные блага. Религиозная деятельность членов и руководителей общин сосредоточена вокруг «накопления заслуг», усиление ориентации на «удачу, материальные блага». Среди мирян это привело к распространению веры в магическую силу бус, амулетов и религиозных предметов (иконы, статуэтки и т.д.).

Основные принципы буддизма утверждают необходимость познать самого себя с тем, чтобы контролировать свои мысли, слова и поступки, а также выводить причину любого конфликта из субъективных начал человеческой природы, т.е. первостепенное значение придается соблюдению морально-этического кода поведения, разработанного в священных текстах. Для буддизма неприемлемы нормы поведения и оценок, ориентированные только на получение прибыли и достижение материального благополучия, а также негативные явления, порождаемые материальным потребительством. Поэтому многие материальные ценности отвергаются в соответствии с принципами буддийского мировоззрения.

В буддизме были выработаны особые психологические приемы, ориентированные на изменение глубинных структур сознания, которые позволяли человеку поступать согласно его требованиям вне зависимости от окружающей природно-социальной среды. Их использование и пропаганда могли бы оказать реальное и глубокое воздействие на личность, формирующееся гражданское общество, т.е. выполнить те функции, которые оказались не под силу насаждаемым эклектичным идеологиям.

Таким образом, действия политиков и существующая идеология предлагают строго дозированную «автономию», определяемую не столько государственными, сколько клановыми рамками, т.е. речь идет о методе социального контроля.

Если человека, столь несовершенного по своей природе, находящегося во власти вседозволенности, невозможно «приручить» политико-этакетическими средствами, следует прибегнуть к методам деполитизированным, традиционным, которые представляются более фундаментальными, менее подверженными эрозии. Уздой человека должны стать различные — традиционалистские или, наоборот, «модернизированные» — формы иерархизированного общества, где каждый на своем месте делает все, на что способен, инициативен, но «не возникает», будучи скован многочисленными путями иерархизма, групповых обычаев, традиций, религий и т.д. Задействованным оказывается мощный механизм обычаев, стереотипов, религиозных верований, мифов, предрассудков и т.п.

Посредством религиозно-моральных воздействий осуществляется социально-политическое манипулирование личностью. Манипулятивное воздействие происходит через религиозные и моральные каналы именно потому, что мораль и религия, представляя собой наиболее укорененные в культуре древние формы сознания, предоставляют наибольшую возможность нерационального эмотивно-волютивного воздействия на личность. Идеологи надеются, что

комплекса Курской области на 2003–2010 годы» и подпрограмма «Переселение граждан Курской области из ветхого аварийного жилищного фонда» областной целевой программы «Жилище» на 2004–2010 гг. Основными целями программы «Реформирование и модернизация жилищно-коммунального комплекса Курской области на 2003–2010 годы» является повышение эффективности, устойчивости и надежности функционирования жилищно-коммунальных систем жизнеобеспечения населения, привлечение инвестиций в жилищно-коммунальный комплекс, улучшение качества жилищно-коммунальных услуг с одновременным снижением нерациональных затрат, адресная социальная помощь населению при оплате жилищно-коммунальных услуг.

Рассматривая вопрос о реализации в 2007 г. приоритетного национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» в Курском крае, отметим следующее. В области наметилась устойчивая тенденция роста объемов жилищного строительства. Если в 2006 г. было сдано 325,6 тысячи квадратных метров, то в 2007 г. ожидается ввод более 350 тысяч, а в 2008 планируется ввести в строй около 400 тысяч квадратных метров жилья. Также отметим, что при ответе на вопрос «Как вы оцениваете качество вашего жилья?» 61,6% респондентов считают его средним, 14,5% — ниже среднего, 8,6% — низким и только 2% высоким.

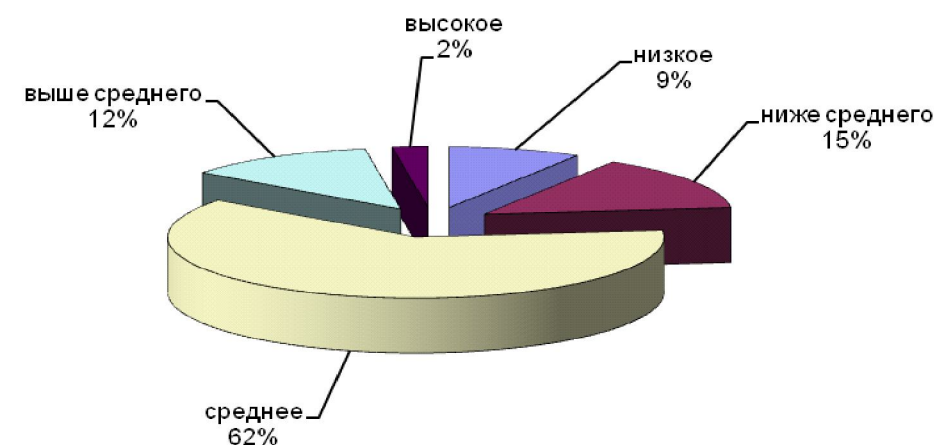

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете качество вашего жилья?»

В 2007 г. было выдано 102 государственных жилищных сертификата на общую сумму более 87 миллионов рублей. Сертификаты на жилье получили уволенные в запас военнослужащие, переехавшие из районов Крайнего Севера, «чернобыльцы» и вынужденные переселенцы.

На реализацию подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» Федеральной целевой программы «Жилище» в 2007 г. предусмотрено 14,6 млн руб. из федерального и областного бюджетов. В ней участвуют 55 молодых семей, которым органами местного самоуправления выданы свидетельства о праве на субсидии. На 1 ноября 2007 г. жилье приобрели 18 молодых семей. В 2007 г. в области успешно работала и подпрограмма «Переселение граждан Курской области из ветхого и аварийного жилищного фонда», на выполнение которой было направлено 28 миллионов рублей из средств областного и федерального бюджетов. С начала года новое жилье получили 20 семей. До конца текущего года органы местного самоуправления должны приобрести жилье для переселения еще 60 семей. На обеспечение жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2007 г. выделено в два раза больше средств, чем в прошлом, — 19,4 миллиона рублей. Меры социальной поддержки оказывались также ветеранам, инвалидам и семьям, имеющим детей-инвалидов. Правительством Курской области утверждены списки получателей субсидий в количестве 180 человек, на 1 октября жилье приобрели 93 льготника.

В реализацию нацпроекта «Доступное жилье» включилось ОАО «Курское областное ипотечное агентство», которое за 10 месяцев 2007 г. выдало 479 займов на сумму 345 миллионов рублей. Всего на реализацию нацпроекта по обеспечению граждан жильем в 2007 г. предусмотрено 222,9 миллиона рублей — это 202% к уровню прошлого года.

Важной характеристикой процессов, происходящих в регионе, является их оценка самими жителями области. Социологические исследования, проводимые ЦИСИ ИФ РАН, обнаруживают противоречия самочувствия россиян. Представители Курской области не стали в данном случае исключением (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?»

	Частота	Процент
Вполне уверен	108	9,6
Скорее уверен, чем нет	259	23,0
Не могу сказать точно	342	30,3
Скорее не уверен, чем уверен	240	21,3
Совершенно не уверен	174	15,4
Отказ от ответа	5	0,4
Итого	1128	100,0

Как следует из таблицы, количество респондентов, выразивших уверенность в своем будущем (32,6%) несколько уступает числу тех, кто в нем не уверен (36,7%). Удовлетворенными жизнью назвали себя 49,6% респондентов («Полностью удовлетворены — 10,7%, «Скорее удовлетворены» — 38,9%) против 45% в 2006 г., а количество неудовлетворенных составило 33,8% (среди них ответ «Не очень удовлетворены» дали 27,9%, «Совсем не удовлетворены» — 5,9%), что практически совпадает с ответами 2006 г.

В целом показатели социально-экономического и культурного развития области демонстрируют ее срединное положение как среди других субъектов Российской Федерации, так и в ЦФО. В среднем по ключевым показателям развития региона Курская область занимает 10-е место среди субъектов Федерации, входящих в ЦФО.

В заключение отметим, что для своевременного выявления и разрешения социальных проблем необходимо изучение — в динамике — общественного мнения, фиксирующего удовлетворенность или неудовлетворенность различных групп населения проводимыми социальными реформами. От того, удастся ли органам власти совершенствовать механизмы реализации своих полномочий на территориях муниципалитетов, во многом зависит социальное самочувствие граждан, которое проявляется как в объективных признаках (реальная удовлетворенность и ее оценка), так и в субъективных (мотивация).

Литература

1. Социокультурный портрет региона: Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
2. Опыт построения социокультурного портрета Курской области: аналитический отчет / Сост. и отв. ред. Е.А. Когай, Т.Г. Кульсеева, Ю.М. Пасовец, А.А. Телегин. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.
3. Когай Е.А., Кульсеева Т.Г., Пасовец Ю.М., Телегин А.А. Социокультурный портрет Курской области. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008.
4. Зборовский Г.Е. Социология в регионах: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 43–47.
5. Социокультурный потенциал развития Курской области: аналитический отчет по результатам социологического исследования / авт.—сост. Е.А. Когай, Ю.М. Пасовец. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.
6. Протокол избирательной комиссии субъекта Российской Федерации об итогах голосования на территории Курской области // Курская правда, 2007. 7 декабря.

направлены не на поиск бога, не на постижение высших сил, а на создание психологической комфортности, стабильности, они уводят от реальных проблем и компенсируют отсутствие обустроенной экономической жизни.

В самом деле, что традиционно обеспечивало религии ее безусловную значимость в глазах верующих? Прежде всего, то, что принадлежность к определенному вероисповеданию налагала на верующего соответствующие этические обязательства, которые он должен выполнять «в миру» по отношению к людям, его окружающим. И стоит только представить религию, не предъявляющую подобных требований, как тут же станет очевидным: к такой религии верующий не будет относиться всерьез, хотя и продолжает участвовать в отправлении церковных ритуалов. Да и само священнодействие, «освобожденное» от связи с этической сферой человека, с его совестью, будет постепенно превращаться в некую «игру». Под вопросом оказывается главное: действительно ли религиозен (и если да, то в какой мере) этот самый «религиозный бум», если принять к сведению, что большинство «верующих» не связывают себя никакими дополнительными нравственными обязательствами. И не имеем ли мы в большинстве случаев дело с «игрой» в религию, где тон задают политические лидеры, считающие необходимым проявлять рвение во всем, касающемся «религиозного культа»?

Каково же в действительности состояние религиозности населения в республике? Рассмотрим показатели в динамическом ряду. По данным социологических исследований 1985 г. буддистами называли себя 30% калмыков, 48% семей сохранили культовые предметы, а праздники буддийского календаря отмечали 98% опрошенных. Данный вопрос рассматривался в ходе трех социологических исследований в Калмыкии, проведенных в 1995—1996 гг. среди различных категорий населения, осуществленных Институтом социологии РАН в рамках научно-исследовательских проектов «Социальная структура и стратификация российского общества» (рук. З.Т. Голенкова), «Деловые люди России» (рук. А.А. Возмитель) и Институтом востоковедения РАН в рамках проекта «Национализм, молодежь и безопасность» (рук. С.А. Панарин).

В наших исследованиях уровень религиозности определялся ответами на вопросы: «Ваше отношение к религии и вере Бога?» «Вы человек верующий?» «Считаете ли Вы себя верующим?».

В октябре 1995 г. было проведено исследование среди интеллигенции и служащих в госучреждениях г. Элисты, выборка составила 500 человек, из них: калмыки — 61,5%, русские — 29%, др. национальности — 8,5%. Получены следующие данные: являются и считают себя верующими — 37,0%; относят себя к неверующим, убежденные атеисты — 12,0%; не ответили — 47,0% респондентов; колеблющиеся между верой и безверием — 4%. Неответившие респонденты, видимо, посчитали, что вопрос о вере затрагивает глубоко интимные переживания человека, кроме того, большинство респондентов (74,5%) относятся к возрастной группе 25—30 лет, сформировавшейся в условиях наступательно-атеистического государства — СССР, где люди боялись или стеснялись обнаружить свои религиозные убеждения и привыкли их скрывать.

В этом же году был проведен опрос среди предпринимателей среднего бизнеса (выборка 100 чел.), из них 80% составляли калмыки. Отнесли себя к верующим — 85%, признали себя неверующими — 15% респондентов. Но уже в 2006 г. в экспертном опросе 75 предпринимателей, верующими себя обозначили почти все опрошенные.

Исследование, проведенное в октябре 1996 г. в г. Элисте (выборка 250 человек) среди студентов и работающей молодежи показало: 49% респондентов признали себя верующими, 17% — не считают себя верующими, 34% затруднились ответить. В 2005 г. верующими обозначили себя 73% опрошенных — студентов Калмыцкого госуниверситета (выборка 600 человек). В опросе 2006 г. высокие показатели религиозности (96%) продемонстрировали сотрудники университета (выборка 300 респондентов).

Не абсолютизируя цифровой материал, следует отметить, что высокая религиозность наблюдается во всех этнических, социальных и возрастных группах. Данная качественная информация является как бы двухполосной. С одной стороны, эти данные показывают как стремление людей к духовному в нынешнем бездуховном обществе с его жесткой конкуренцией, практицизмом и тягой к внерелигиозным гуманистическим идеалам, недостижимым в реальной

экономического развития и социальной политики, создают условия для реализации населением региона хозяйственных практик. И могут ли эти практики стать движителями стабильности и социального порядка в республике. Как внутримирской порядок оказался по-новому соотношен с религиозными ценностями? Именно эта связь человека с неким духом неба в протестантизме по М. Веберу обеспечила огромные изменения объективных условий адептам нового религиозного учения. Рассмотрим, какова была идеология молодой власти Калмыкии в начале 1990-х годов.

Как показывает анализ основного идеологического труда К. Илюмжинова «Калмыкия — Земля Духа: национальная идея», изданного в 1997 г. [12], идеология этнопланетарного мышления основана на мифологизации истории калмыцкого народа, а именно эпоса «Джангар», по которому «полагается жить калмыкам» [12. С. 24].

Сегодня эпос «Джангар», как и было всегда, весьма актуален для калмыцкого общества: его изучают по программе в школах, в университете, пишут кандидатские диссертации, декламируют, поют, играют на сцене, цитируют, издают. В 1990 г. республика грандиозно отметила юбилей 550-летия «Джангара», ежегодно проводится фестиваль «Джангариада». Как справедливо заметила этнограф Т.С. Гузенкова, исследуя эпос «Джангар» как идеологическое оружие, используемое во все времена, где «памятник приобретает ценность как носитель необходимых каждому данный момент истин и рецептов: как с помощью фольклора приблизить народ к вождьленному счастью» [13. С. 178].

История рассматривается как космическое событие, многократно повторяющееся во многих поколениях, а сам народ мифологизирован, т.е. превращен в социально неразличимую вселенную массу: «Мне (Илюмжинову — М.М.) думается, что этнопланетарное мышление древних калмыков, как вечная этномудрость, вечно современно и актуально... Эпическое творение калмыков Того Времени свидетельствует о том, что их мировоззрение и этнософическое мышление было вселенских и планетарных масштабов» [12. С. 7].

В данном случае история вырывается из реальной традиции, традиции соприкосновения с другими народами, из процесса генезиса культурных ценностей и рассматривается как неизменное событие общепланетарного, общечеловеческого масштаба многократно повторяющегося в последующих поколениях. При ознакомлении с новой национальной идеей бросается в глаза тенденция сопротивляться конкретному историческому времени (реальному времени и ситуации) и стремление периодически возвращаться к мифологическому первоначалу, к «Великому времени».

Религиозные ценности калмыков, как, например «терпимость», приспособляются к конкретным нуждам идеологии: «Сегодня от всех нас, кроме много прочего, требуется терпение, терпение и терпение. В терпении, по толкованию народов, и есть мудрость человека» [12. С. 10]. Эта нравственная идея используется для отвлечения народа от его бедственного положения. Народные глубинные ценности оказываются на службе частного, государственного интереса (его идеологии), что разрушает их духовный смысл.

Возникнув, как модификация ценностей буддистской и христианской этики, ныне понятие терпимости используется для упрочения власти, превратившись в элемент политической системы, которая стремится к превращению в веру. Интересно, что для массового сознания — это мощный символ правления власти: не будет религиозного плюрализма — не будет терпимости. Итак, обоснование и основание калмыцкой идеологии дает не какое-то определенное вероисповедание, а любые вероисповедания, поскольку они, «подключились» к системе этнопланетарного мышления. Религия при этом оказывается не пережитком, а тем, без чего не может существовать вся система управления в республике, превращается в способ облагораживания культурно-политического фасада «власти предержавших», т.е. зрелищем не отличимого от пропагандистских мероприятий типа «шахматные турниры», маскарады, многочисленные праздники.

Итак, К.Н. Илюмжинов пытается сделать Калмыкию республикой «религиозного плюрализма». Однако духовная терпимость к различным верованиям само по себе, естественно, мало, что объясняет в тех процессах, которые привели к вспышке институциональной и неинституциональной религиозности. Люди все больше посещают храмы, церкви, являются приверженцами «организованной религиозности». По нашему убеждению, эти искания

Д.М. Шабунин
(Чебоксары)

ВОСПРИЯТИЕ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Коррупция не является самостоятельным составом преступления, а собирательным понятием, не имеющим пока правового статуса. Под коррупцию попадают статьи, связанные с должностными преступлениями, такими как ст. 204, ст. 285, ст. 290 и ст. 291 Уголовного Кодекса Российской Федерации (коммерческий подкуп, взятки и злоупотребление служебным положением). Само понятие коррупции трактуется неоднозначно. По крайней мере, можно выделить два значения: первое значение, когда коррупция трактуется как преступления, связанные с государственной службой. Так, в документах ООН коррупция трактуется как злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях.

Примерно такое же понимание коррупции и коррумпированности встречается в энциклопедическом словаре Дж. Беллентайна, где понятие «коррумпированный» трактуется как извращающий назначение органов государства в целях извлечения личной выгоды: препятствующий процессу отправления правосудия».

Более широкое понимание коррупции связано с деятельностью не только государственных, но и других должностных лиц. В данном случае коррупция понимается как «разложение экономической и политической систем в государстве, выражающееся в продажности должностных лиц и общественных деятелей» (Большой толковый словарь иностранных слов).

Специалисты отмечают существование двух видов коррупции:

1) «Коррупция снизу». Это коррупция со стороны граждан, которая возникает и существует в результате незаконного, неформального решения гражданами своих бытовых проблем в различных сферах. Данный вид коррупции опасен тем, что формирует массовое не правовое поведение граждан, порождая правовой нигилизм. Кроме того, низовая коррупция создает благоприятный психологический фон для существования других форм коррупции и создает у населения впечатление, что коррупция распространяется и на высших должностных лиц, без покровительства которых, якобы невозможно существование и самой низовой коррупции.

Низовая коррупция является одним из каналов функционирования теневого сектора экономики, подрывая тем самым эффективность экономической системы в целом, нормальную конкуренцию в обществе, и, следовательно, понижает конкурентоспособность экономики страны в международном разделении труда.

Низовая коррупция наносит огромный ущерб функционированию общества на принципах социальной справедливости, усиливая социальное неравенство людей и разрушая правовую систему в целом.

Низовая коррупция возникает, прежде всего, там, где граждане сталкиваются с необходимостью обращаться к государственным органам или иным должностным лицам для решения своих проблем, а так же в том случае, когда государство само начинает «тревожить» граждан. К таким сферам относятся: здравоохранение; образование; жилищно-коммунальная сфера; правоохранительные органы (милиция, автоинспекция); налоги и различные сборы (штрафы); призыв на военную службу; выдача разрешения на различные виды деятельности; контроль со стороны государственных служб и др.

Низовая коррупция проявляется в многообразных формах: денежная (именно деньги являются чаще всего предметом коррупции); в форме материального вознаграждения (подарки, драгоценности, продукты питания, напитки и пр.); предоставление услуг (ремонт квартиры, дачи, машины, пошив одежды, преференция по службе, сексуальные услуги и т.д.); невыполнение или предотвращение законных действий, входящий в круг обязанностей должностного лица;

2) «Коррупция сверху». Это коррупция со стороны политической и государственной власти, где цена вопроса очень высока и, следовательно, подкреплена довольно значительными материальными вознаграждениями. Эту форму коррупции изучать достаточно сложно, поскольку ее осуществление связано с закрытостью коррупционных групп. Даже выход на этот уровень исследования предполагает вхождение в определенную группу, которая функционирует в основном на неформальных, личностных отношениях.

Отношение граждан к коррупции является с одной стороны, важнейшим показателем состояния общественного сознания (его степени «здоровья»), а, с другой стороны, важнейшим средством противодействия коррупционному поведению.

Данная проблема была изучена в Чувашии в 2005 г. в рамках специального исследовательского проекта. Результаты показали, что практически половина граждан республики достаточно терпимо относится к проявлениям коррупции. Более того, для 12,3% респондентов взятки являются необходимой частью жизни, и, следовательно, стали их повседневной практикой. 31,5% граждан, хоть и отмечают нежелательность взяток, но в то же время считают, что различные формы материального вознаграждения помогают гораздо эффективнее и проще решать проблемы.

На основе данных исследования можно сделать вывод, что коррупционное поведение достаточно прочно вошло в массовое сознание населения, и практически является формой повседневного поведения для значительной части граждан республики.

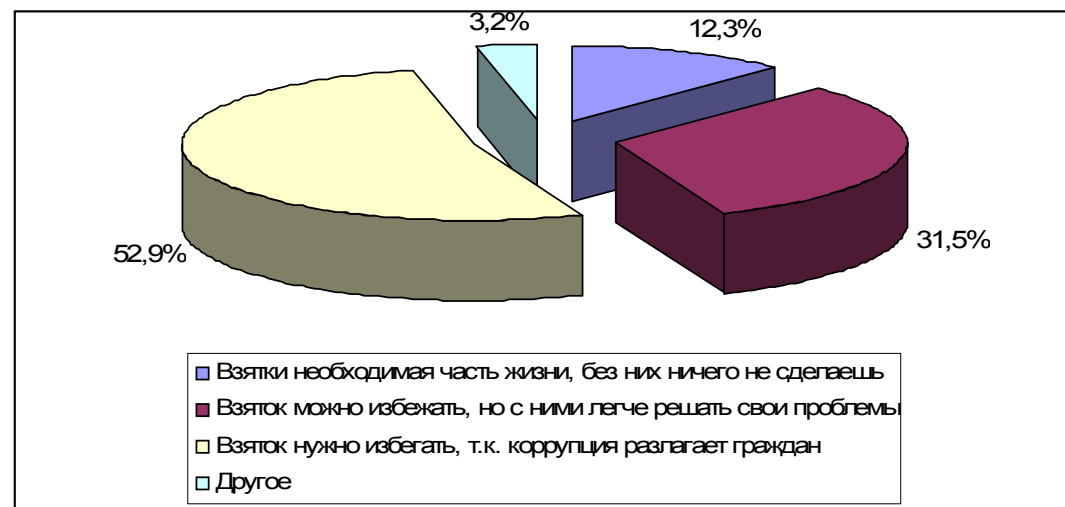

Рис. 1. Роль материального стимулирования (взятки, коррупции) в жизни граждан

Коррупция является социальным явлением. Результаты исследования показали, что существует прямая зависимость между отношением к коррупции со стороны различных социальных групп, различающихся по возрасту, виду деятельности и материальному положению. Чем моложе граждане, тем терпимее отношение к проявлениям коррупции, тем, следовательно, больше среди них распространено коррупционное поведение. Наименьшее неприятие коррупции демонстрируют возрастные группы 18—24 и 25—34 лет. Среди этих категорий в большей степени распространено принятие материального вознаграждения, как наиболее легкого способа решения проблем. Это поколение формировалось в 1990-е годы, в период слома культурных ценностей и стереотипов поведения, и в результате этого у них наиболее ярко обнаруживается коррупционная модель приспособления к социальной реальности. Наибольшее неприятие коррупции демонстрирует старшее поколение, особенно пенсионного возраста. Во многом это связано с сохранением старых ценностных отношений к социальным нормам и невысоким материальным положением этой категории граждан.

мечетей, костелов, помогал людям и священнослужителям, исповедующим ислам: «Из своих личных средств я более 300 млн руб. отдал на укрепление религии, создав фундамент для духовной опоры народов Калмыкии» [10. С. 213].

Поэтому, начиная с 1993 г. распространением религии в регионе занимались не столько конфессии, сколько чиновники: благодаря личной инициативе К.Н. Илюмжинова была создана особая структура управления, напрямую связанная с религиозной жизнью общества — Департамент по делам религии. В его задачи входило содействие в возрождении и становлении в республике религиозных конфессий, в т. ч. христианской и мусульманской. В Конституции республики (с апреля 1994 г. — Степное Уложение) фактически уравниваются традиция и религия. Принятие в 1995 г. Закона «О свободе совести и вероисповеданий» привело к резкому увеличению количества религиозных общин, и прежде всего буддистских. Но в 2000 г. все законы, не соответствующие Конституции России, были приведены в норму. Тем не менее, в республике имеются относительно большие группы населения, исповедующие три мировые религии — буддизм, христианство и ислам. В условиях религиозного ренессанса к числу актуальных задач в регионе относится проведение взвешенной политики по удовлетворению конфессиональных потребностей населения.

В 1994 г. Священный Синод Московского Патриархата образовал Калмыцкую епархию Русской Православной церкви, Епископом назначен был Игумен Зосима (Остапенко В.М.), возведенный в сан Архимандрита. В июне 1997 г. республику посетил с пастырским визитом Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, освятивший построенный Казанский кафедральный собор в г. Элисте.

В 1996 г. был построен буддийский религиозный центр — Хурул (храм), а в 2005 г. — возведен второй и самый крупный буддистский храм в Европе. Впервые в 1991 г., а затем в 2004 г. Калмыкию посетил с пастырским визитом Его Святейшество Далай — лама XIV. В честь 60-летия Далай-ламы XIV в г. Элисте воздвигнут первый в Европе и монголоязычном мире бело-мраморный памятник Будде.

В 2002 г. впервые в республике образовано духовное управление мусульман Калмыкии, куда вошли 6 мусульманских религиозных общин. Центральное духовное управление мусульман России рекомендовало Председателем настоятеля мечети одного из поселков республики. По их словам такое решение было принято в связи с тем, что «мусульмане должны быть в Калмыкии, и республика пусть всегда остается в целостности». Подобные заверения следует понимать как позитивные намерения представителей ислама [11. С. 24].

В республике в настоящее время действует 30 буддийских хурулов, 8 православных церквей, 3 мечети. Зарегистрированы 75 религиозных организаций, из них 33 буддийские, 17 православных приходов, 15 организаций евангельских христиан, 6 мусульманских и 4 католические общины. В 2003 г. правительство Калмыкии образовало экспертный совет для проведения государственной религиозно-экспертной экспертизы. Основными задачами, которого является определение религиозного характера регистрируемых религиозных организаций. В 2004 г. был образован межрелигиозный совет традиционных конфессий для координации совместной деятельности по развитию диалога, достижения согласия и стабильности в обществе, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве [11. С. 24].

Наряду с открытием храмов шло создание национально-культурных центров: славянского, казахского, еврейского, немецкого, народов Северного Кавказа и других.

Выше подчеркивалось, что буддизм, благодаря своему значительному влиянию на власть, на образ жизни калмыков, часто выступал в роли идеологии. Видимо поэтому время от времени возникают новые идеологии, основанные на старых символах. Таким образом, наблюдается заметное влияние государственных структур на ренессанс основных конфессий в новейшее время, а теперь уже в целом на их развитие в регионе. Но нас интересует, какое воздействие оказывает такое влияние на хозяйственную деятельность населения, на выработку ими эффективных социальных практик, обусловленных религиозными ценностями, и если влияние оказывается, то в каком направлении оно осуществляется? Какие символы и значения используются для мобилизации населения в кризисных условиях? И какова их суть? То есть мы хотим понять как объективные обстоятельства, детерминированные качеством

хана. Эти обстоятельства склонили калмыцкую знать к решению откочевать из пределов России и вернуться в Джунгарию. Во время трудного многомесячного перехода из Поволжья в Джунгарию от голода, эпидемий и нападений со стороны казахов и киргизов погибло около половины народа. Лишь небольшая часть калмыков — 13 тыс. кибиток — осталась в Поволжских степях, сохранив традиции буддизма [4. С. 13].

Историки и этнографы, изучавшие жизнь калмыков в 18—19 вв., характеризуют калмыков как миролюбивых, добрых, сплоченных, отрешенных от материального мира, обладающих развитым чувством признательности и отсутствием злопамятности. По их мнению, эти черты получили развитие у калмыков благодаря воздействию буддистского мировоззрения, контрастируя в этом смысле с православием и мусульманством [6. С. 15].

В течение последних трех столетий буддизм в виде его разновидности — махаяны пронизывал всю калмыцкую культуру, став модусом мышления, чертой ментальности. Центральное место в системе религиозных ценностей буддизма занимает лама, а ведущим принципом является полная зависимость верующего от ламы во всех вопросах личного и общественного значения, растворение личности в вере в ламу [7. С. 36]. В широком социальном смысле этот принцип трактовался духовенством как идеальная форма отношения государства к церкви, светского лица к духовному, младшего к старшему. Вся повседневная жизнь калмыка была регламентирована отношениями «монах — мирянин», где именно монах принимал решения по поводу основных проблем жизни верующего: благополучие, рождение, смерть, свадьба, здоровье и т.д.

В XIX в. русские историки и этнографы отмечали важную роль калмыцкого духовенства в жизни простолюдина как «хранителя и истолкователя оригинальной буддистской науки» [8. С. 58]. Но собственно ламаистская мудрость (сутры, тантры) были недоступны мирянину не только из-за отсутствия знания тибетского и монгольского языков, но в силу установления, что ему не подобает знать эту мудрость. Несмотря на то, что в период советского правления духовенство было уничтожено как класс, но народное сознание сохранило традиции в виде ритуальных культов, обрядов.

С точки зрения создания устойчивого общества следует постоянно иметь в виду, что регулятивный потенциал управления, сконцентрированный в политической сфере, существует в сфере духовной (поскольку, в частности, буддизм, обладает широкими возможностями воздействия на различные стороны жизни социума через личность). На это обратило внимание еще царское правительство, которое выработало определенную политику по управлению и надзору за калмыками, нашедшую отражение в законодательных актах системы управления. После откочевки калмыков в Китай в 1771 г., когда встал вопрос о правовом положении оставшихся калмыков, царское правительство сделало главный упор на ведущую роль ламаизма и ламаистского духовенства в общественно-политической жизни народа. Таким образом буддистское духовенство было поставлено под административный контроль государственных чиновников и превращено в идеологический рупор царизма [9. С. 26—27].

Итак, особенность буддизма применительно к области государственного управления заключалась в разработке т.н. «теории двух властей», которая предполагает единение светской и духовной властей, почитание правителем священника как наставника во всех своих начинаниях с целью достижения государством процветания. Указанное обстоятельство, наряду с другими сторонами учения буддизма, определило как характерные черты социальной организации калмыков, так и особые связи между этносом и религией, волей и верой и влияние на государственную власть.

Тенденция опоры на различные религиозные течения, прежде всего на буддизм, активно используются в политике республики. Так, в ходе президентских выборов в Калмыкию весной 1993 г. К.Н. Илюмжинов, в своей предвыборной программе делал сознательный упор на религию и религиозное мировоззрение народа, что выразилось в постановке одной из главных задач его программы: «Присоединить церковь к государству». Тогда же в своих выступлениях перед населением он уделял много внимания религиозному фактору, который, по его мнению, должен укрепить духовную основу народов Калмыкии. Будучи главой корпорации «Сан», он переводил многомиллионные средства в Калмыкию на строительство церквей, хурулов,

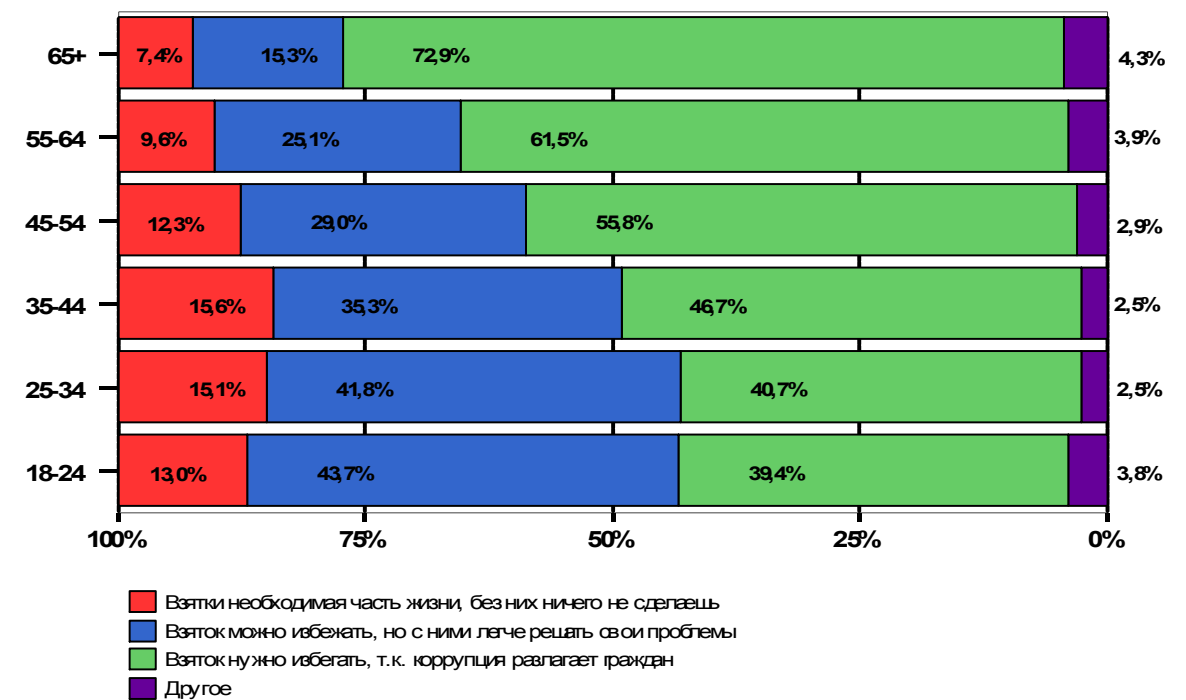

Рис. 2. Отношение к коррупции респондентов различных возрастных групп

Именно у пенсионеров зафиксировано наибольшее отчуждение от современной реальности и неприятие ее негативных проявлений, особенно таких, как коррупция. Однако, как показали результаты исследования, пенсионеры, как и все остальные группы периодически прибегают к коррупционным сделкам, решая свои бытовые дела. Для них своеобразным психологическим фоном коррупционного участия является распространенная в советское прошлое система «блата», которая хоть и не выражалась в денежной форме, но по существу являлась формой обмена услугами и предпочтениями по «бартеру».

Наибольшую терпимость к коррупции демонстрируют предприниматели. Во много это связано с их сферой деятельности, манерой решения своих проблем и материальным положением.

К сожалению, следует особо отметить достаточно терпимое отношение к коррупции со стороны студентов и учащихся. Как правило, это граждане от 18 до 24 лет, что дает основание полагать, что в сфере образования коррупционное поведение является достаточно распространенным.

Коррупция является привилегией материально обеспеченных слоев населения. Чем выше уровень материального положения, тем выше уровень терпимости и, следовательно, вероятности реализации коррупционного поведения.

В ходе социологического исследования изучалось мнение граждан по поводу того, кто является инициатором в создании коррупционной ситуации: сам гражданин или должностное лицо. Результаты исследования показывают, что респонденты полагают, будто каждый третий гражданин вынужден давать взятку, поскольку на это намекает чиновник или создает для этого ситуацию. В ходе интервью граждане (особенно предприниматели) отмечали, что, решая свои проблемы, они сталкиваются с многочисленными бюрократическим препятствиям. Эти препятствия, по их мнению, специально создаются чиновниками, и поэтому граждане не в силах пройти весь регламент, необходимый при решении определенной проблемы. Для них проще, а иногда и дешевле решить проблему с помощью материального вознаграждения или предоставления услуги, чем проходить все процедуры решения проблемы официально. Предприниматели убеждены, что расценки на многие виды услуг неоправданно завышены,

особенно у тех структур, которые являются монополистами в своей сфере.

На значимость этого фактора обращали внимание предприниматели и руководители. Они отмечали, что существующие нормы, по которым осуществляются проверки или количество документов, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности, настолько велико, а сами процедуры их оформления настолько забюрократизированы, что им проще всего оплатить не совсем официальные услуги должностных лиц, что гораздо быстрее и даже дешевле, чем соблюдение всего регламента работ.

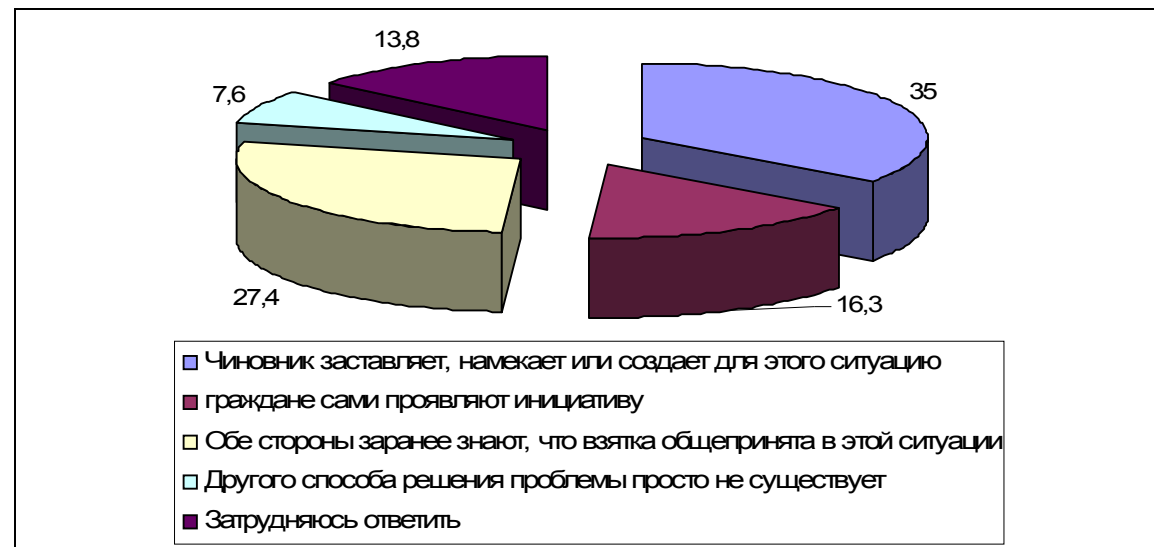

Рис. 3. Мнение граждан об инициаторах коррупционной ситуации (в %)

В ходе исследования гражданам предлагалось оценить по степени значимости различные факторы, которые могут порождать коррупцию. Результаты исследования показывают, что респонденты прекрасно осознают, что уровень правовой культуры населения в нашем обществе находится на довольно низком уровне. Несоблюдение законов и низкая правовая культура граждан являются, по мнению респондентов, наиболее важными факторами, порождающими коррупцию. Следующий фактор, который является значимым в качестве причины, порождающим коррупцию, является, по мнению опрошенных, коррумпированность власти на высшем уровне.

Граждане, в основном убеждены, что существование низовой коррупции зависит исключительно от воли высшей государственной власти, а раз возможна низовая коррупция, следовательно, это выгодно самой высшей власти, поскольку нижестоящему чиновнику приходится отдавать часть средств вышестоящим должностным лицам.

Обращает внимание тот факт, что граждане на самые последние места по степени важности поставили исторические традиции коррупции и низкие зарплаты чиновников. По существу они не считают, что, во-первых, зарплаты чиновников действительно являются низкими, а во-вторых, ее увеличение приведет к искоренению коррупции.

Более значимыми факторами, порождающими коррупцию, для граждан являются: отсутствие наказания для чиновников за некачественную работу и плохая работа правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. Это свидетельствует о существенном разрыве между обществом и властью, о слабой коммуникации между обществом и государством, достаточно негативном отношении граждан к государственным служащим.

Коррупция разлагает общество во всех его сферах и в то же время является очень серьезным фактором формирования отношения к органам государственной власти.

Результаты исследования показывают, что, из тех граждан, которые участвовали в коррупционных ситуациях в 2007 г., 24,4% испытывают ненависть к государственной системе

политическую борьбу, заявив, что идеи — это оружие и что наилучший способ внедрить в общество какую-то картину мира (принадлежащую данной группе, классу или партии) — это захватить политическую власть и укрепить ее. В основе теории напряжения находится ясная и отчетливая идея — это хроническая разбалансированность общества... То, что на коллективистском уровне предстает как структурное несоответствие, индивидуально переживается как личная незащищенность, т.к. на личном опыте индивид встречается с общественным несовершенством». Поэтому конструирование «идеологии рассматривается как реакция и ответ на это напряжение». Для этого «крайне необходимы поиски новых символических категорий, которые помогали бы формулировать, осмысливать политические проблемы и на них реагировать, например, в форме религиозного плюрализма или какого-нибудь варианта перестроечного традиционализма» [3. С. 258—259]. Таким образом, с социологической точки зрения религия интересна нам не потому, что она «описывает социальный порядок», а то, как она «формирует этот социальный порядок» [3. С. 138].

Проблема заключается в противоречии между светским характером власти в республике и постоянным усилением роли религиозного фактора (буддистского, христианского, мусульманского) в общественной жизни людей. Тем более это характерно для государственных структур, социальные интересы которых накладывают свой отпечаток на всю управленческую культуру.

Поэтому, анализируя социокультурные процессы в республике, невозможно обойти вниманием такую важную структурную составляющую управленческой культуры как политическая элита. Условия объективного развития региона таковы, что слишком многое для народа зависит от характера и роли элиты, ее разумности, уровня социальной ответственности и эффективной деятельности. Сегодня по прошествии 15-летнего периода социальных изменений в Калмыкии мы можем увидеть вектор социокультурных процессов, в направлении которого большую роль играет политическая элита.

Актуальность этой проблеме задает такой проект, как новый образовательный стандарт, осуществляемый на государственном уровне Министерством образования РФ и основными конфессиональными организациями (православия, ислама, иудаизма и буддизма), в ходе которого осуществляется введение в образовательную систему предмета «Духовно-нравственная культура». В его основе находится, прежде всего, пропаганда религиозного знания, что предполагает, по мнению разработчиков, освоение азов религиозных знаний подрастающим поколением и интеграцию в общественное сознание разнообразия ценностей и норм этнических культур народов, проживающих на территории России.

Для того, чтобы глубже понять процессы, происходящие в республике в настоящее время, совершим небольшой экскурс в историческое прошлое калмыков [4, 5, 6].

Калмыки (в прошлом ойраты или западные монголы) — народ центрально-азиатского происхождения, близкородственный монголам по языку, кочевому образу жизни, культуре и религии — известны еще с 13 в., с эпохи Чингис-хана. Их политическая активность была особенно интенсивной в 17—18 вв., в пору существования сильного Джунгарского ханства (1635—1758 гг.), политика которого оказывала влияние на ход событий в Китае, Монголии, Тибете, Средней Азии, Казахстане, на юге Западной и Восточной Сибири. События конца 16—17 вв. являются рубежом, отделяющим историю ойратов от истории калмыцкого народа. Феодалные усобицы, военные неудачи стали причиной откочевки ойратов из Джунгарии в степи Западной Сибири. В дальнейшем эта часть ойратов добровольно вошла в состав Российского государства и поселилась в Нижнем Поволжье, где сложилась самостоятельная монголоязычная народность — калмыки.

Калмыцкие ханы благодаря воинским талантам и политическим успехам быстро подчинили тюркские племена, с помощью калмыков был завоеван Кавказ, и они стали надежными защитниками южных границ Российского государства. Однако, набравший силу со второй трети 18 в. процесс вольной и правительственной колонизации юга и юго-востока России вел к сокращению пастбищных территорий и вытеснению калмыков из их традиционного ареала обитания, в этом же направлении «работала» и последовательная политика царского правительства на поощрение перехода калмыков в православие, что вело к ограничению власти

М.Н. Муханова
(Элиста)

РЕЛИГИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ РЕГИОНА*

В последние десятилетия отмечаются серьезные трансформации в социокультурных процессах и в динамике религиозного пространства России. На общем фоне религиозного возрождения в стране произошло повсеместное оживление активности традиционных религий — христианства, мусульманства, буддизма и иудаизма. Это обусловлено особенностями историко-культурных традиций российских конфессий и состоянием в сфере общественного сознания и идеологии, образовавшимся после распада СССР. В связи с этим возникает вопрос: растет ли поддержка современных ценностей по сравнению с традиционными, посредством каких структур осуществляются эволюция структуры социокультурных функций региона и насколько они эффективны? [1. С. 23].

На ценностные и идеологические ориентации личности в Республике Калмыкии в постсоветский период, как и по всей России, влиял общий кризис, обусловленный существованием системы ценностей еще советского периода. Это и вызвало социокультурное противоречие в системе ценностей повседневной жизни населения в начале 1990-х годов. Идеологическая ситуация: когда старое еще не ушло, осталось в сознание старшего и среднего поколения, а новое даже не освоено молодыми, оказывала большое влияние на сознание личности, ее чувства, ориентации. Все это побудило властные структуры к поиску новых ориентиров-идеологем, главной среди них стала религия, которая использовалась в политических целях, что неизбежно привело к ее политизации. Поиски духовности, стремление найти в религии утраченные идеалы, усиление роли религии в политической жизни — все это относится к числу характерных факторов жизни современного общества Калмыкии. Поэтому исследование комплексных экономических, политических и социокультурных изменений, которые происходят в настоящее время в поликонфессиональных, полиэтнических регионах России нуждается в социологическом анализе типов и способов институционализации традиционных религиозных идеологий, характерных для этих обществ, поскольку религиозный фактор может тормозить или стимулировать эти изменения.

Религиозные институты как неотъемлемые структурные компоненты становления социальной реальности и социокультурного процесса всегда учитывались в социологических теориях общества. В концепциях религии, созданных К. Марксом и Ф. Энгельсом, М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, она определяется как социальный феномен, детерминирующий развитие, закрепление и изменение социальной реальности. Теории институтов М. Орио, Б. Малиновского, А. Гелена ориентированы на изучение институционального аспекта социальной реальности. В трудах Т. Лукмана и П. Бергера, Н. Лумана проводится анализ процессуального, функционального и исторического измерений в контексте понятия «институт» [2. С. 8—9].

В нашем случае интересен методологический подход К. Гирца, основанный на взаимодействии теории интересов и теории напряжения, который адекватно отражает происходящие социокультурные процессы в региональном сообществе. Усиление дифференциации российского государства в постсоветский период обусловило выделение особой самостоятельной культурной модели политического действия в регионах, особенно после ельцинского лозунга: «Берите суверенитета столько — сколько сможете». Это стало причиной конструирования региональных идеологий, основанных на культурном моделировании, содержащих этноконфессиональные символы, как схематические образы социального порядка. С точки зрения К. Гирца «теория интересов спланировала воедино политические теории и

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-36302а/Ю.

Таблица

Оценка гражданами важности причин, порождающих коррупцию

№	Причины коррупции	%
1	Граждане страны не соблюдают законы	73,0
2	Низкая правовая культура граждан	71,8
3	Коррупционность власти на высшем уровне	71,4
4	Отсутствие наказания для чиновников за некачественную работу	68,3
5	Плохая работа правоохранительных органов	67,4
6	Нечеткость законов, дающая возможность их широкого толкования чиновником	63,6
7	Чиновники оказывают большое влияние на принятие законов под «себя»	62,4
8	Необходимость получения массы согласований и разрешений (разрешительный принцип превалирует над заявительным)	58,3
9	Чрезмерные налоги и сборы	57,7
10	Противоречия законов друг другу или внутри одного и того же закона	57,6
11	Неупорядоченность контрольной деятельности государства (масса контролируемых инстанций, неограниченное число проверок одного и того же юридического лица, отсутствие четких оснований для проведения проверок, ревизий и т.п.)	56,7
12	Влияние крупных бизнесменов на власть	56,3
13	Слабая судебная система, включая исполнение судебных решений	54,8
14	Плохой пример, подаваемый политическими лидерами («рыба гниет с головы»)	53,5
15	Низкий образовательный и культурный уровень чиновников	51,6
16	Широкая свобода усмотрения чиновника, предоставляемая законом или инструкцией (например, «вилки» наказаний за административные правонарушения, обилие таможенных тарифов, нечеткость налогового законодательства и т.п.)	48,7
17	Отсутствие стимулов честной работы чиновников, включая отсутствие зависимости служебного роста от добросовестного выполнения обязанностей	46,3
18	Исторические традиции мздоимства, лихоимства, воровства	42,8
19	Слишком обширное вмешательство государства в экономику и другие сферы жизни	32,9
20	Слабые гарантии достойного обеспечения чиновника при уходе с государственной службы	28,1
21	Низкая зарплата чиновников	24,7

в целом. Должностное лицо является персонификацией и олицетворением всей государственной системы. Поэтому недовольство чиновником переносится гражданином и на всю государственную систему. 15,4% респондентов в процессе дачи взятки испытывали ненависть именно к чиновнику. По существу, более половины граждан (53,4%), которые участвовали в коррупционной сделке, испытывают негативные эмоции к государственной власти и непосредственно к ее конкретным представителям — чиновникам. Каждый четвертый респондент при даче взятки испытывает серьезные внутренние переживания, такие как унижение (8,1%), стыд (5,5%), опустошенность (3,8%) и презрение к себе (2,8%).

К сожалению, сила общественного мнения в российском обществе очень слаба. Для индивида общественное мнение не является важным сдерживающим фактором в осуществлении девиации, в данном случае коррупционного поведения. Более того, даже возможность наказания и привлечения к ответственности не останавливает граждан от участия в коррупционных сделках. Это свидетельствует о том, что низовая коррупция для граждан является достаточно безопасной и вполне допустимой формой поведения, в результате которой население решает свои бытовые проблемы.

Примерно треть опрошенных респондентов демонстрируют гражданское поведение. Для формирования антикоррупционного общественного сознания и гражданского поведения этого пока очень мало. Такое обстоятельство дало основание американскому социологу, бывшему нашему соотечественнику В. Шляпентоху говорить о существовании в России «коррупцированного гражданского общества».

Данные исследования показывают, что существует связь между коррупционным поведением и видом деятельности граждан. Так предприниматели демонстрируют большую готовность, чем остальные слои населения решать свои проблемы с помощью взяток и материального вознаграждения, не только в тех сферах, с которыми они непосредственно связаны по роду деятельности, но и в тех, с которыми сталкиваются и остальные граждане: здравоохранение и образование. Предприниматели в решении своих проблем в большей степени прибегают к различным формам материального вознаграждения. Это не обязательно денежное вознаграждение специалистам различных служб, с которыми сталкиваются предприниматели по роду своей деятельности. Одной из форм коррупционного поведения является оказание услуг. Часть предпринимателей в ходе интервью отмечали, что им приходится по существу оплачивать услуги специалистов определенных ведомств, от которых зависело открытие или функционирование их бизнеса. Такими услугами являются бесплатная парковка или мойка автомобилей, банно-прачечные, транспортные и прочие услуги.

В качестве объяснения распространенности взяток именно среди предпринимателей, последние в основном отмечают, что без взяток невозможно решить те проблемы, которые у них возникают, поскольку регламент тех работ, которые должен произвести предприниматель, для открытия или функционирования их бизнеса является слишком зарегулированным. По мнению предпринимателей, данное обстоятельство наносит существенный ущерб эффективности их бизнеса.

Предприниматели отмечали обилие всевозможных инструкций, которые постоянно меняют правила игры и, как правило, не в пользу бизнеса, а в пользу чиновников, поскольку именно от них зависит выдача многочисленных разрешительных и согласовательных материалов.

В ходе социологического опроса изучалось отношение граждан к различным мерам, которые необходимо применять в борьбе с коррупцией. Респондентам предлагалось выбрать один из трех вариантов ответа (согласен, не согласен, затрудняюсь ответить).

В результате большинство граждан (85,3%) согласны поддержать усиление уголовной ответственности за взятки, особенно для тех, кто их берет.

Наведение порядка, по-прежнему, гражданами страны понимается в репрессивных формах. Граждане страны охотно пошли бы на усиление контроля за государственным аппаратом, на усиление контроля за расходами чиновников, запрещение ближайшим родственникам чиновников заниматься предпринимательской деятельностью, но не согласны на повышение зарплаты чиновникам и на прослушивание телефонных разговоров. Более половины граждан согласны с практикой анонимной информации о случаях коррупции.

По результатам исследования можно сделать вывод, что коррупция — это системное явление, а не случайная и спонтанная форма решения людьми своих жизненно важных проблем. Ее системность обусловлена:

- комплексным несовершенством системы управления обществом в целом и его отдельными сферами в частности;
- противоречивостью законодательства, его несовершенством, отсутствием законодательно установленных процедур подготовки и принятия нормативных и иных распорядительных актов;
- слабостью государственных структур, распространенностью клиентизма — структур общественных отношений, в которых личная преданность «патрону» доминирует над современными моделями поведения: рыночными отношениями, профессионализмом государственной бюрократии;
- существованием распространенного в обществе типа правовой культуры, построенной на неформальных, личностных отношениях, которые ослабляют формальные, правовые нормы и стандарты поведения;
- слабостью структур гражданского общества, отрывом общества от власти.

По оценкам населения, почти по всем направлениям деятельности муниципальных администраций изменения социальной инфраструктуры производятся медленно, однако при этом имеются некоторые различия по городам. Эти различия связаны с исторически сложившимися обстоятельствами и разными «стартовыми условиями» муниципальных образований перед реформами. Общественное мнение важно учитывать при определении приоритетов социального развития муниципального образования.

В настоящее время органы власти фактически преодолели негативные тенденции и последствия муниципализации социальной инфраструктуры. Главной задачей становится ее планомерное, сбалансированное и гармоничное развитие в соответствии со структурными преобразованиями в экономике регионов.

различных групп населения по уровню доходов не имеет значимых различий. Богатых и бедных тревожат одни и те же проблемы примерно в одинаковой мере.

Полученные результаты показали, что жители города Екатеринбурга обеспокоены проблемой увеличения семейных доходов, медицинским обслуживанием, качеством и доступностью медицинских услуг. Население недовольно развитием платной медицины, оплатить услуги которой оно не в состоянии. Среди других проблем — жилищно-коммунальное хозяйство, жилищная проблема, ремонт жилья. Все большее значение придается развитию сферы бытового обслуживания населения, сферы услуг. Предприятия бытового обслуживания оказывают разнообразные бытовые услуги населению, удовлетворяют множество повседневных потребностей людей, создавая благоприятные условия для комфортной жизнедеятельности жителей города. Они являются одним из важнейших элементов социальной инфраструктуры любого муниципального образования.

Социальная политика в области удовлетворения бытовых потребностей в современных условиях претерпела большие изменения. Рыночная экономика, с одной стороны, расширила диапазон бытовых услуг, а с другой стороны — изменила структуру услуг в пользу высоко-рентабельных. Под влиянием этих факторов некоторые социально необходимые, но низко-рентабельные услуги исчезли совсем (например, ряд ремонтных мастерских, резко сократилось количество химчисток), а другие стали недоступными для большей части населения в связи с высокой платой при низких доходах граждан. В этих условиях многие бытовые услуги оказались невостребованными из-за низкого платежеспособного спроса населения. Количество оказываемых населению бытовых услуг сократилось, хотя в денежном исчислении нередко характеризуется более высокими показателями. Низкий потребительский спрос населения на бытовые услуги подтверждают опрошенные нами жители уральских городов.

Эффективность деятельности службы быта определяется тем, в какой мере она решает социальные задачи, поставленные перед ней. Для оценки эффективности бытового обслуживания населения кроме перечисленных выше важны такие показатели, как разнообразие и доступность бытовых услуг, сроки исполнения, затраты времени. Все более значимой становится организация бытовых услуг, расширение спектра обслуживания, использование прогрессивных форм: обслуживание на дому, абонементное обслуживание и другие.

Социальные проблемы по содержанию, характеру и своей значимости различаются в каждом городе, в каждом муниципальном образовании. Наши исследования показывают, что в каждом городе первоочередные проблемы различаются в довольно широком диапазоне, что говорит о неравномерности развития социальной инфраструктуры. Если в одних городах Свердловской области лучше обстоит дело со здравоохранением (Ревда), то качеством образования больше всего обеспокоены в Богдановиче. Работой общественного транспорта больше обеспокоены в Реже.

Должно вызывать тревогу у органов власти то, что люди мало обеспокоены качеством образования, состоянием культуры и здравоохранения. Социальная сфера явно оказалась на втором плане в условиях социально-экономических реформ. Мониторинг социально-экономических изменений позволяет определить приоритеты деятельности местных органов власти и разработать программу действий с учетом потребностей и мнений населения. Это позволит более активно вовлечь население в решение насущных задач развития муниципального образования.

Наши исследования показывают, что население весьма критически оценивает деятельность местной власти по управлению муниципальным хозяйством. Сразу оговоримся, что население зачастую не делает различий и нередко в оценках речь идет об органах власти всех уровней — федеральных, областных и муниципальных. Население до сих пор слабо разбирается в разделении обязанностей и полномочий органов власти различных уровней. Поэтому зачастую оно оценивает власть как нечто целое. Это обусловлено также тем обстоятельством, что многие социальные программы осуществляются одновременно всеми органами власти — от федеральных до муниципальных. Причем, конкретные задачи органов власти различных уровней не всегда четко определены, а функции порой смешаны. Например, финансирование идет по линии федеральных властей, а реализация программы осуществляют органы местного самоуправления.

*И.И. Бойко
(Чебоксары)*

ЛОКАЛЬНАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЧУВАШИИ*

Исследование в рамках проекта дало, на наш взгляд, возможность рассмотреть различные уровни идентичности жителей Чувашии. Индикатором в этом случае явились ответы на вопрос об уровне близости респондентов («свое» — «чужое») к различным категориям населения: от жителей своего поселения до жителей всей Земли. При этом необходимо учитывать неполные возможности для интерпретации ответа на данный вопрос, то есть для раскрытия столь сложной проблемы, как многоуровневая идентичность личности. Отметим также, что формулировка вопроса отличается от тех, которые чаще применяются в ходе подобных замеров, например, местной и общероссийской идентичности [1], что уменьшает варианты сравнительного анализа, но, в свою очередь, дает возможность посмотреть на эту актуальную проблему в ином ракурсе.

Наиболее близкими для респондентов были жители своего поселения. Разную степень приверженности к ним высказали 8 из 10 опрошенных. Уровень в 55% намного превышал степень наиболее выраженной близости («свое») по сравнению с другими категориями населения (см. табл.), а величина коэффициента индивидуальной близости ($K_{инд}$) достигла 19,7. Такой результат понятен — именно в своем населенном пункте у большинства населения складывается комплекс производственных и личных взаимоотношений. У многих здесь проходит практически вся жизнь, имеются родственники и друзья. К населению Чебоксар и всей Чувашии выражены примерно одинаковые чувства, как положительного, так и отрицательного характера. Уровень близости к населению Москвы, России и всей Земли оказался гораздо ниже, чем к представителям своей республики и места проживания. Тем не менее, обращает на себя внимание, мягко говоря, скептическое отношение жителей республики к москвичам. Только при оценках своих чувств к ним и жителям всей Земли имеется преобладание «чужого» над «своим» и величина $K_{инд}$ оказалась в этих двух случаях менее единицы (0,6 и 0,62 соответственно). Безусловно, что в этом случае следует учитывать мифы, сложившиеся о москвичах, как людях невнимательных и эгоистичных, с чувством собственного превосходства относящимся к остальному населению страны. В то же время с Москвой связаны все отрицательные эмоции, связанные с непродуманными реформами и политическими решениями, что в сумме и дало такой критический результат.

Если говорить об общероссийской идентичности, то с этой точки зрения сложилась ситуация, когда степени близости и отдаленности практически совпадают (по одной трети). Заметная часть граждан (20,3%) подчеркнула свое безразличное отношение, а остальные затруднились с ответом. На наш взгляд, этих показателей недостаточно, чтобы говорить о низком уровне общегражданской идентичности жителей Чувашии, но, тем не менее, это дает серьезное основание для дальнейшего изучения этого явления.

Находясь в феврале 2004 г. в Чебоксарах В. Путин впервые публично заявил о том, что есть все основания говорить о российском народе как о единой нации. Он говорил и об исторических корнях этого единства и о сегодняшних реалиях. Президент страны также отметил, что мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное, историческое единство. Затем он неоднократно повторял эту мысль. Выступая 12 июня 2007 г. в Кремле на вручении государственных наград Российской Федерации он отметил, что «история и Всевышний распорядились так, что на нашей огромной территории проживают представители многих этносов, религий и культур, но мы все вместе — один народ, одна нация». К сожалению, эта плодотворная и своевременная идея пока недостаточно отражается как в массовом сознании населения, так и деятельности некоторых органов власти [2].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208a/B.

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое — чужое») с такими людьми» (в % по столбцам)

	Категории жителей, к которым респонденты высказывают свое отношение					
	1	2	3	4	5	6
Свое	55,4	28,9	23,8	7,0	12,7	7,0
Близкое, но не свое	27,5	30,9	37,6	16,0	19,3	13,1
Безразличное	8,2	11,4	16,8	27,6	20,4	25,4
Далекое, но не чужое	3,0	8,5	12,8	23,4	26,5	22,6
Чужое	1,2	1,9	1,6	13,7	5,7	10,6
Затрудняюсь ответить	3,7	7,6	6,0	10,9	14,1	19,5
Отказ от ответа	1,0	10,8	1,4	1,4	1,3	1,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

- 1 — Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город); $K_{\text{нб}} = 19,7$
 2 — Жители республиканского центра, хотя я там не живу; $K_{\text{нб}} = 5,8$,
 3 — Жители всей моей республики; $K_{\text{нб}} = 4,3$
 4 — Жители Москвы — столицы России; $K_{\text{нб}} = 0,62$
 5 — Жители всей России; $K_{\text{нб}} = 1,0$
 6 — Жители всей Земли $K_{\text{нб}} = 0,6$

Если речь вести о Чувашии, то вызывает сомнение некоторая предпочтительность по отношению к национально-культурным объединениям, деление их на организации, отражающие интересы «коренных» и других этносов. Например, в 2004 г., на выездном семинаре, обсуждавшем ход реализации Программы государственной национальной политики Чувашской Республики на 1998—2005 годы и о задачах по подготовке концепции на следующий период, участвовали не все руководители национально-культурных объединений, то есть весьма заинтересованные лица. Вне рамок этого обсуждения оказались представители «некоренных» народов, хотя и имевшие свои объединения, то есть азербайджанцы, армяне, немцы, евреи. Новая программа государственной национальной политики как самостоятельный документ не была принята, но вошла под названием «Реализация Концепции национальной политики в ЧР» составной частью в республиканскую целевую программу «Культура Чувашии: 2006—2010 годы». Последняя была утверждена правительством республики 6 декабря 2005 г. Казалось бы, что в таком документе и должны быть общие направления и конкретные мероприятия по формированию общегражданской идентичности, но эта позиция не закреплена в документе. В целом, можно констатировать, что его цели и задачи приемлемы, если только не акцентировать внимание на то, что речь в нем идет если не только, то в основном об отдельных этносах, о проблемах их культур, вопросах образования и т.п., что, безусловно, важно и необходимо. Фиксирование этнических различий в подпрограмме проведено, но неплохо было бы обратить внимание на общие цели и задачи. Нельзя сказать, что они совсем отсутствуют: среди мероприятий, намеченных в документе, есть такие, которые предполагают совместное участие в Дне республике, культурных фестивалях и т.п., проведение научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов» в том числе и по вопросам сохранения и развития межнационального и межконфессионального согласия. Но в целом, существует предубеждение, что, ведя речь об общности, о важности общероссийской идентичности, мы непременно будем стремиться к нивелированию, усреднению и, в конечном счете, к «ликвидации» отдельных народов. Таким настроениям как раз способствует умолчание на государственном уровне вопросов о необходимости укрепления общегражданской идентичности. При этом отметим, что не существует единства и в экспертном сообществе, среди творческой интеллигенции. Высказываются взгляды о том, что такая постановка вопроса означает, что чувашей стремятся сделать русскими, для кого-то это является как бы сигналом возврата к прошлому, ко времени попыток утверждения

В муниципальных образованиях одновременно возникли финансовые и другие проблемы с культурой, образованием, здравоохранением. Снижение уровня жизни населения и падение покупательной способности сделали многие платные услуги социально-бытовой и культурно-досуговой сферы для большей части населения недоступными, что лишило их естественных средств существования и развития.

Наряду с этим обострились и другие проблемы, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Таблица

Социальные проблемы в оценках населения (в %)*

Факторы тревожности	Города			
	Богданович	Реж	Ревда	Всего
Число опрошенных, чел.	446	410	410	1266
1. Рост цен	59,2	54,9	64,1	59,4
2. Наркомания	40,6	46,6	46,3	44,4
3. Преступность	38,6	41,2	42,9	40,8
4. Состояние здравоохранения	22,0	23,4	15,6	20,4
5. Угроза безработицы	18,2	20,7	16,8	18,6
6. Произвол чиновников	17,7	18,0	18,5	18,1
7. Задержка зарплаты	25,1	17,6	9,0	17,5
8. Жилищные условия	11,0	10,7	23,2	14,8
9. Бездеятельность местных властей	16,1	11,7	12,9	13,7
10. Качество образования	12,8	7,8	7,3	9,4
11. Задержка выплаты пенсии	9,0	7,1	8,8	8,3
12. Алкоголизм	4,9	7,3	9,3	7,1
13. Налогообложение	6,3	6,1	6,1	6,2
14. Состояние культуры	4,7	2,4	3,4	3,6
15. Транспортные проблемы	2,0	6,8	1,2	3,3
Не ответили	0,4	0,0	0,2	0,2

* Суммы ответов превышают 100%, респонденты могли выбрать до трех вариантов ответа.

Здесь мы приводим результаты массовых опросов 2002—2003 гг. За пятилетие многое изменилось и уже другие проблемы вышли на первый план. Пять лет назад во всех городах в качестве самых острых вопросов названы рост цен, преступность и наркомания. Прежде всего, жителей всех городов тревожил рост цен, — это отмечали от 55 до 64% опрошенных. Реально рост цен не был таким значительным. Однако в сопоставлении с получаемыми доходами и учетом уровня жизни этот ответ вполне объясним, поскольку при снижении доходов даже незначительный рост цен может ощущаться для семейного бюджета катастрофическим. Преступность и наркомания также приобрели такие масштабы, что отодвинули на второй план образование, здравоохранение и культуру. Так, обеспокоенность проблемами образования тогда отметили всего 9,4% опрошенных горожан, проблемами здравоохранения — 20,4%, а вопросами культуры — всего 3,6% опрошенных. В большей степени население было обеспокоено угрозой безработицы и произволом чиновников.

В последние годы достигнута определенная стабилизация социальных процессов, а начавшееся развитие производства создало реальные предпосылки для решения социальных проблем, что показало изучение общественного мнения в городе Екатеринбурге в 2005 г. (опрошено 4000 человек). В настоящее время многие проблемы решены, либо утратили былую остроту. Но на первый план вышли другие: жилищно-коммунальное хозяйство, городской транспорт, образование, подготовка кадров рабочих профессий, повышение качества жизни и другие, напрямую связанные с развитием социальной инфраструктуры.

Опрос в 2005 г. показал, что самочувствию людей связано, прежде всего, с проблемами здоровья, образованием и воспитанием детей. Интересно отметить, что социальное самочувствие

Выделяют несколько методов определения этого уровня. Один из них заключается в применении социальных нормативов для анализа различных сфер общественной жизни. Социальные нормативы — это научно обоснованные количественные и качественные характеристики оптимального состояния социальных условий, полученные на основе учета объективных закономерностей развития и возможностей общества. На основе статистических данных производится сравнение фактических показателей с нормативами. Это позволяет оценить состояние социальной инфраструктуры и принять соответствующие решения по ее развитию.

Социальные нормативы могут классифицироваться по различным основаниям. Традиционной является классификация по сферам жизнедеятельности человека (труд, быт, культура, общественно-политическая жизнь, досуг). Нормативы могут также выражаться в требованиях, предъявляемых к муниципальному образованию. Эти нормативы связаны с архитектурно-планировочными решениями. Например, обеспеченность городских и сельских поселений школами, кинотеатрами, общественным транспортом, учреждениями торговли и т. д.

Существуют нормы, связанные с использованием системы «человек — человек». Иначе говоря, сколько лиц той или иной профессии приходится на 1 тысячу населения (например, продавцов, врачей, учителей, работников культуры). Практика показывает, что чем меньше это соотношение, тем больше жалоб на качество работы, оперативность, маневренность, на социально-психологический климат в обществе.

Нормирование касается многих сторон жизни человека, прежде всего, труда, культуры, быта. Однако применяемые нормативы потребностей населения в коммунальных и бытовых услугах, а также физиологические нормы питания, рациональные нормы потребления обуви, тканей, важнейших товаров длительного пользования в большинстве случаев плохо согласуются с требованиями, предъявляемыми реальной жизнью. Поэтому социальную инфраструктуру нельзя рассматривать в отрыве от нужд, установок, ценностных ориентаций населения, отдельных его групп, объединений. Нормативный подход необходимо дополнить анализом потребностей, желаний и устремлений людей. Это непереносимое условие совершенствования социальной инфраструктуры.

В проведенном нами социологическом исследовании можно выделить пять блоков вопросов, касающихся соответственно социальной инфраструктуры муниципального образования (города), работы жилищно-коммунального хозяйства, экологической ситуации, уровня преступности, а также непосредственная оценка населением работы городской Думы, главы города и администрации в целом.

Оценка населением деятельности администрации по развитию социальной инфраструктуры муниципального образования, оценка изменений, происходящих в том или ином населенном пункте может служить одним из показателей социальной эффективности деятельности местных органов власти. Анализ общественного мнения в муниципальных образованиях — уральских городах Богданович, Ревда и Реж, в которых проводились наши исследования, дает возможность сравнивать оценки населения деятельности органов муниципального управления. Такое сравнение позволяет одновременно выявлять «узкие» места и определять приоритеты деятельности для местной власти по развитию социальной инфраструктуры в условиях происходящих преобразований.

В каждом муниципальном образовании имеются свои особенные проблемы. Несмотря на схожесть этих городов, конкретные условия и социально-экономическое положение населения заметно различаются. Безусловно, сказывается, прежде всего, то обстоятельство, что эти города имеют градообразующие предприятия, которые исторически всегда влияли на развитие социальной инфраструктуры города. На их балансе находилась значительная часть социальной сферы. Перевод многих объектов социально-культурно-бытового назначения в муниципальную собственность в ходе социально-экономических реформ фактически лишил социальную сферу основных источников финансирования. Для муниципального бюджета поддержание и развитие дополнительных объектов социальной сферы, находившихся ранее в ведомственном подчинении и на ведомственном финансовом балансе, оказалось непосильной ношей. Поскольку уровень развития социальной инфраструктуры в стране и без того был низким, то после реформ последнего десятилетия он опустился до критической отметки, чреватой социальным взрывом.

«советского народа — как новой исторической общности людей». Для других — стремление закрепить принципы существующего неравноправного федерализма, когда Центр имеет возможность распределения финансовых средств без серьезного учета национально-территориального устройства государства. На наш взгляд, при таком отношении к данному вопросу игнорируется реально существующее явление, не принимается во внимание, что речь идет не об исправленном издании «единого советского народа», а о формировании более сложной идентичности, органически объединяющей принадлежность и к своему этносу, и к более сложной структуре. Сторонники большого внимания к укреплению общегражданской идентичности всегда подчеркивают необходимость обязательного сохранения и поддержки этнической самобытности всех народов России. Если же вспоминать такое понятие как «единый советский народ», то следует отметить, что общая историческая судьба, значительное культурное единство не могло не сказаться на формировании нескольких поколений людей. Другое дело, что одновременно это понятие наполнялось идеологической заданностью и зашоренностью, что и вызывает ныне у многих откровенно критическое к нему отношение.

Одним из важных факторов, определяющих характер региональной идентичности, является влияние поселенческих особенностей восприятия внешней среды, в том числе и различных групп населения. На селе почти три четверти опрошенных выделили в категорию «свое» жителей родного населенного пункта, в то время как в городе таких насчитывалось 4 из 10. В целом же разный уровень близости со своими земляками был характерен для 93,8% сельчан и 76,4% горожан. Как важную характерную черту следует отметить наличие в целом положительной региональной идентичности: более половины граждан отметили как близких жителей не только Чувашии, но и столицы республики. Вполне объясним более высокий уровень отчуждения, присущий горожанам. Если вести речь о жителях всей России, то близкие к ним чувства практически в равной мере испытывают и горожане и жители села (33 и 30,7%), а далекие в большей мере присущи населению сел и деревень (38,5%), чем городов (28,2%).

На уровень локальной и региональной идентичности влияет и длительность проживания в конкретном населенном пункте. Судя по данным, полученным в ходе обследования, достаточно примерно пяти лет, чтобы произошла успешная адаптация большинства переселенцев как к новым соседям, так и жителям региона. Так, например, среди тех, кто проживал в конкретном населенном пункте менее пяти лет, близость к жителям своего поселения отметили почти 28% респондентов. В составе тех, кто жил здесь от 5 до 15 и от 16 до 25 лет, разница с первой группой была заметной и составляла более 20 процентных пунктов (48,9 и 51,2% соответственно). Еще более высокий уровень принадлежности к одному территориальному сообществу показали те, кто проживал в нем свыше 25 лет — 60,1%. При этом важно отметить, что у вновь прибывших за пять лет происходит качественная смена одного уровня близости на другой, когда жители поселения, в котором живет опрашиваемый, переходят из категории близких, но не своих, в свои. Об этом наглядно свидетельствуют цифры: если вариант «близкое, но не свое» у новоприбывших выбрали 44,7%, то уже в следующей группе по длительности проживания — 28,9%. В последующих группах по длительности проживания в населенном пункте этот показатель менялся не так заметно: 30,5 и 24,8%. Примерно такая же закономерность, хотя и не столь отчетливо выраженная, наблюдается и при оценках региональной идентичности. Уровень близости, выраженный как «свое», по отношению к жителям Чувашии возрос на 18 процентных пунктов у респондентов, проживавших в каком-либо населенном пункте от 5 до 15 лет, по сравнению с теми, кто поселился там менее пяти лет назад. В то же время с 38,3 до 28,9% уменьшилась доля тех, кто оценивал жителей республики как близких, но не своих. Гораздо дольше фиксируется примерно один и тот же уровень безразличия к тем или иным категориям населения. Его заметное уменьшение происходит лишь по истечении четверти века проживания в одном городе или селе. Безусловно, что свою роль начинает при этом играть и фактор возраста.

Если речь вести об этничности, как факторе, влияющем на формирование идентичности различных уровней, то из полученных данных следует, что, во-первых, такое воздействие есть, во-вторых, оно не такое значительное, как тип поселения, и, в-третьих, оно более всего заметно для локальной, региональной и общероссийской идентичностей. Если для 60,4% чувашей жители своего поселения являются своими, то для русских данный показатель равен 47,6%. В то же время среди русских оказалось больше доля тех, кто определил земляков

как близких, но не своих (30,8%, у чувашей 25,8%). Жителей республики чуваша считают в большей мере своими и близкими, но не своими (68,5%), чем русские (50,3%). В ходе определения своего отношения и к локальной, и к региональной общностям населения русские чаще определяли его, как далекое, но не чужое или чужое (к жителям своего поселения — 5,9%, к жителям Чувашии — 18,7%; у чувашей 2,8 и 11,8% соответственно). $K_{но}$ для жителей своего поселения у чувашей равнялся 30,8, у русских — 13,2; для жителей Чувашии соответственно 5,8 и 2,7). Влияние этничности оказалось менее всего заметным в отношении жителей Москвы: и для чувашей, и для русских уровень значительной близости определялся в 25%, а 36—38% отметили, что это далекое, но не чужое или же чужое. Жители России вызывали положительные эмоции в большей степени у русских, чем у чувашей, хотя эта разница не была значительной. Среди первых 35,8% выбрали варианты ответов «свое» и «близкое, но не свое», а среди вторых — 29,9%. В то же время 29,4% русских и 34,2% чувашей полагали, что жители России в целом для них далеки или чужие. Иначе говоря, величина $K_{но}$ по отношению к жителям всей России для русских оказалась равна 1,2, а для чувашей — 0,9. Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, что у чувашей, более чем у русских заметна ориентация на поселенческую и региональную идентичности. Если же говорить об общероссийском уровне, то здесь наблюдается некоторое преобладание русских. В то же время следует иметь в виду, что и для русских, и для чувашей важнее всего близость к своим землякам, то есть поселенческая идентичность, далее следует региональная (Чувашская Республика), затем общероссийская идентичности.

Материальное положение респондентов оказывает на характер идентичности менее заметное влияние, и, скорее всего, о некотором воздействии можно говорить лишь для локальной ее формы. При этом для лиц с разным уровнем достатка жители своего поселения оказываются наиболее близкими, но своими они являются почти для 60% наименее и для 50% наиболее обеспеченных; близкими, но не своими — для 23–24% наименее и для 34% тех опрошенных, которые затрудняются приобрести квартиру или же ни в чем себе не отказывают. Иначе говоря, возникает, возможно, еще и малозаметное, ощущение отдаленности, основанное на материальном и базирующемся на нем социальном расслоении. И заметнее всего оно пока проявляется на локальном уровне, то есть в одном поселении. Для региональной (ЧР) идентичности различия в оценках имеются, но они весьма незначительны и интерпретировать их как качественные показатели затруднительно. Когда же речь идет о близости или отдаленности с жителями всей России, то уровень оценок «свое» и «чужое» практически не меняются у различных групп по материальному положению (11—14% и 3—8% соответственно). Данные об уровне оценок «Близкое, но не чужое» и «Далекое, но не чужое» имеют тенденцию к отличию. Чем незначительнее финансовые возможности у людей, тем реже они выбирают первый вариант ответа и чаще второй. Разница в вариантах ответа при этом составляет 8—10 процентных пунктов. Для 15,5% малообеспеченных респондентов жители России были близкими, но не своими, а для обеспеченных — 23%; далекими, но не чужими — 29 и 19%. Кроме того, с ростом доходов чаще появляется такой ответ, как «Безразличие» (с 11 до 26%) и с 24 до 12% снижается вариант «Затрудняюсь ответить». Такой же характер ответов, хотя и менее отчетливо выраженный, наблюдается при определении своей близости или отдаленности и в ходе локальной и региональной идентичностей. Таким образом, из представленных данных следует предположение, что люди обеспеченные, с одной стороны, отличаются от малообеспеченных более широким взглядом на собственное место, в большей степени чувствуют свою близость с гражданами региона, всей страны. С другой, для значительной их части проблемы определения своей общности (простой или сложной) не являются актуальными (за исключением локальной). Люди бедные, малообеспеченные реже позиционируют себя категориями, выходящими за рамки локального круга, и они в большей степени испытывают при этом чувство неопределенности.

Достаточно интересным представляется проследить взаимосвязи чувств респондентов к той или иной категории населения и территориальным происхождением. Вполне объяснимо, что для уроженцев конкретного населенного пункта его жители представляются наиболее близкими (86,1%), для приезжих из других сел и городов республики эта цифра равняется 81%, для мигрантов из других регионов России или СНГ — 71,7%, при этом зафиксированная разница сложилась из-за меньшего предпочтения последними варианта ответа «Свое». Для них жители новой малой родины были также в большей мере далекими, но не чужими. С

обеспечение занятости, социальной защиты и личной безопасности. Еще одно из основных направлений деятельности — жилищно-коммунальное хозяйство, строительство жилья.

Сфера бытовых услуг остается наиболее слабым компонентом в повышении уровня жизни населения. Услуги занимали и занимают чрезвычайно малую долю в потребительских расходах населения. За годы кризиса здесь многое потеряно. Произошло свертывание сферы бытовых услуг в еще большей степени, чем материального производства. Резко снизились доходы большей части населения и, соответственно, упал платежеспособный спрос на социально-бытовые услуги. Из-за происходящих изменений политики в жилищной сфере, переориентации соответствующих расходов бюджета на население, из-за удорожания транспортных и других видов услуг пропорции существенно меняются в сторону увеличения доли платных услуг и потребительских расходов.

Термин «инфраструктура» вошел в научный лексикон в конце 40-х годов XX века и первоначально означал комплекс вспомогательных сооружений, обеспечивающих успешное взаимодействие различных родов войск. Но уже в 1950-х годах ученые обратились к этому понятию для объяснения процессов экономической жизни. Одним из первых американский экономист П. Розенштейн-Родан определил инфраструктуру как совокупность условий, способствующих благоприятному развитию частного предпринимательства в основных отраслях экономики и удовлетворяющих потребности населения. Постепенно данный термин стал широко использоваться в экономической, а затем социальной жизни. Важным моментом в трактовке инфраструктуры стало не просто материально-техническое ее воплощение, но и оценка населением ее качества.

Следующий этап в развитии представлений об инфраструктуре территории связан с именами английского урбаниста Э. Ховарда и французского архитектора Т. Гранье. Если Ховард выступил с теорией города-сада, имеющего комплексы промышленной, обслуживающей и жилой застройки, окруженные пригородной зоной сельскохозяйственных площадей, то Гранье предложил проект индустриального города, состоящего из специализированных зон (промышленной, обслуживающей, отдыха и жилой), разделенных зелеными поясами. Как в первой, так и во второй концепциях, оказавших влияние на современную урбанистику и экологию, было предусмотрено развитие социальной инфраструктуры.

В 1920—30-е годы большую роль в развитии концепции социальной инфраструктуры сыграла дискуссия о социалистическом городе (Л. Сабсович, А. Луначарский, Н. Милютин), под влиянием которой велась реконструкция Москвы, создавались новые города — при ДнепроГЭСе, стройках на Урале и в Сибири.

Что касается трудов советских экономистов последнего времени, то впервые инфраструктура была рассмотрена в работах Л.И. Абалкина, А.Е. Пробста, С.А. Хейнмана как комплекс проблем, касающихся условий развития материального производства. Лишь в работах Ж.Т. Тощенко социальная инфраструктура рассматривается в более широком социальном контексте.

Обобщая имеющиеся представления, можно сделать вывод, что социальная инфраструктура представляет собой устойчивую совокупность вещественных элементов, с которыми взаимодействует социальный субъект и которые создают условия для оптимальной организации всех основных форм жизнедеятельности деятельности — трудовой, общественно-политической, культурной и семейно-бытовой. Таким образом, состояние социальной инфраструктуры выступает важнейшей характеристикой экономического и социального развития региона.

В настоящее время наблюдается тенденция повышения роли местных органов власти в деле формирования и развития социальной инфраструктуры муниципального образования. Компетенция органов местного самоуправления охватывает в первую очередь финансово-экономические полномочия, главными из которых являются управление муниципальной собственностью, принятие местного бюджета, местное планирование, регулирование деятельности в сфере муниципального хозяйства, развитие производства. Местные органы власти отвечают также за коммунальное обслуживание, охрану окружающей среды, развитие городского транспорта и регулирование дорожного движения, обеспечение медицинского обслуживания. Чтобы успешно действовать во всех этих сферах, органам местного самоуправления нужно знать реальный уровень развития социальной инфраструктуры города.

И.А. Кох
(Екатеринбург)

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ

Экономические реформы в стране привели к глубоким социальным изменениям во всех сферах общественной жизни. Одним из следствий структурных преобразований региональной экономики была передача всех объектов социальной сферы в собственность муниципальных образований. Передача ведомственных, как правило, с сильно изношенным фондом, объектов социально-культурно-бытового назначения преследовали две цели. Во-первых, освободить подлежащие приватизации промышленные предприятия от непрофильной и экономически нецелесообразной деятельности по содержанию ведомственной социальной инфраструктуры, тем самым высвобождая финансовые средства и ресурсы на производственно-инвестиционные задачи. Во-вторых, задача состояла в том, чтобы сохранить профиль социальных объектов, что способны обеспечить органы власти, а не организации, учреждения и предприятия.

Муниципализация объектов социальной сферы создало немалые проблемы для местных органов власти. В сложившихся социально-экономических условиях переданные объекты социальной инфраструктуры легли тяжелым экономическим бременем на бюджеты муниципальных образований. Дефицит финансовых средств привел к ухудшению работы этих учреждений, тем более, что большинство из них в нынешних условиях относятся к числу нерентабельных. В этих условиях важнейшей задачей органов местного самоуправления стало поддержание и развитие социальной инфраструктуры муниципального образования, которая представляет собой устойчивую совокупность вещественных элементов (объекты бытового, коммунального, медицинского обслуживания). С ними взаимодействуют социальные субъекты (жители данной территории) и создаются условия для рациональной организации всех основных видов жизнедеятельности населения посредством удовлетворения потребностей в различного рода услугах.

Состояние социальной инфраструктуры выступает важнейшей характеристикой экономического и социального развития муниципального образования, одним из основных показателей эффективности деятельности местной администрации по удовлетворению потребностей населения. Главной целью формирования и развития социальной инфраструктуры является создание местными органами власти комфортных условий для жизнедеятельности местного сообщества: сферы обслуживания, здравоохранения и образования, обеспечение общественного порядка, занятости и социальной защиты населения. Эффективная работа объектов данной отрасли является необходимым условием социального развития территории. Социальная инфраструктура не является механическим собранием учреждений и объектов материальной базы. Все ее элементы могут эффективно функционировать только в комплексе, взаимодействуя и дополняя друг друга. Как правило, ни один из них не может быть заменен или компенсирован функционально другим. Например, новая школа или стадион не повлияют на степень удовлетворенности жителей бытовым или жилищно-коммунальным обслуживанием. Таким образом, главным критерием наличия или отсутствия элементов социальной инфраструктуры должно выступать комплексное удовлетворение потребностей населения на основе сбалансированного развития всех необходимых ее объектов.

Создание, рациональное развитие и целенаправленное регулирование социальной инфраструктуры диктует необходимость ее постоянного изучения и постоянного мониторинга потребностей и спроса населения на услуги. Основными направлениями деятельности органов местного самоуправления являются: создание для жителей благоприятных условий жизнедеятельности в области бытового обслуживания, здравоохранения, образования, культуры,

определенной долей допущения можно констатировать, что практически обратная позиция наблюдается при определении своих чувств к жителям Чувашии. Оказывается, что в этом случае каждый четвертый приезжий из-за пределов республики считает их своими, в то время как среди уроженцев данных населенных пунктов — каждый пятый. Другое дело, что близкими, но не своими они являются для трех мигрантов из десяти и для четырех из десяти — для жителей своего города или села. Приезжие в несколько большей степени определяют свою близость к жителям всей России (39,5%), чем уроженцы (32,2%) поселения и в меньшей степени — отдаленность от них (27,2 и 32,7%). На наш взгляд, отношение к приезжим из-за границ Чувашии некоторым образом транслируется и на более масштабную общность, какой являются все граждане России, в результате чего мигранты могут играть определенную роль в укреплении/ослаблении общероссийской идентичности.

Поле деятельности в этом направлении достаточно широкое, о чем свидетельствуют ответы на вопрос об отношениях коренных жителей с приезжими. В целом 29,2% респондентов считают, что у них сложились устойчивые хорошие отношения, практически столько же (30,0%) полагают, что отношения в целом нормальные, но случаются недоразумения. Практически такая же доля (28,5%) не могла дать определенного ответа на этот вопрос. Для 7% ясно, что ситуация ненормальная, поскольку отношения неровные, нередко возникают напряжения (5,3%) и даже происходят драки (1,7%). О том, что местные и приезжие практически не общаются друг с другом заявили 4,3% граждан, а 0,9% отказались отвечать на этот вопрос. Значительная доля не определившихся объясняется, на наш взгляд, тем, что для многих реальные контакты с приезжими на работе, и в быту являются редким или же совсем отсутствующим явлением. Всего в 2007 г. в республику прибыло 21294, а убыло из нее — 21159 человек. Абсолютное большинство перемещений в Чувашии, составляют внутренние миграционные потоки, их доля равнялась 69,9%, еще 27,3% пришлось на уезжавших и прибывших в другие регионы России, а остальные 2,8% — на международную миграцию. Численность прибывших в республику из-за ее пределов составляет всего около 6,5 тыс. человек, или 0,5% ее населения. Понятно, что за несколько лет абсолютная численность мигрантов и их доля в составе населения возросла, но показатель этот невелик, и с этой точки зрения поле для контактов весьма ограничено.

Характер отношений, в целом оцениваемый как нормальный, присущ жителям как городов, так и сел Чувашии. При этом сельские жители в большей степени считают их как устойчивыми хорошими (35,1%, в городе — 25,5%); горожане чаще отмечают, что в целом отношения нормальные, но случаются недоразумения (32,5%, на селе — 26,1%). О напряженности больше говорят в городах (9,9%), чем в селах и деревнях (2,6%). С точки зрения этнической принадлежности респондентов распределение ответов более равномерное. Разница в оценках практически по всем вариантам ответов не превышала четырех процентных пунктов. Лишь при затруднении дать конкретный ответ доля чувашей оказалась выше на 10,6 процентных пунктов (32,2 и 21,6% у чувашей и русских). На наш взгляд, отчасти это объясняется тем фактом, что более половины мигрантов (свыше 55%) приезжают в города, а также в большие села — районные центры. В абсолютном большинстве сельских населенных пунктов их просто нет, поэтому почти треть респондентов-чувашей и выбрала такой ответ. Если же говорить в целом об учете этнического фактора, то подобное распределение ответов является косвенным, но достаточно убедительным фактором о высоком уровне толерантности в Чувашии, который присущ как чувашам, так и русским, которые составляют абсолютное большинство населения республики.

Литература

1. См., например: *Савоскул С.С.* Местное самосознание в современной России (по материалам Переславля-Залесского) // Отечественная история. 2006. №4. С. 158–169; *Дробизева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (Тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68–77 и др.
2. На наш взгляд, наиболее активно и обоснованно на данную тему выступает В.А. Тишков. См., например: *Тишков В.А.* Настоящее и будущее этносов России // Механизмы реализации концепции государственной национальной политики. Ижевск, 2003. С. 403–415; *Он же.* Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 588–600; *Он же.* Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007. 19 июня; *Он же.* Этническое и религиозное развитие — основа стабильности и развития российского общества. М., 2008 и др.

В.П. Иванов
(Чебоксары)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

На этническую и общественно-политическую ситуацию в отдельных регионах России значительное влияние оказывает конфессиональный фактор, поскольку религия — важная составная часть национальной культуры. При общем повышении внимания к культуре, в том числе к таким пластам, доступ к которым был ранее закрыт или затруднен, усиление интереса к религии следует считать ответной реакцией на односторонность культурной жизни в предшествующие годы.

В конфессиональной сфере республики национальный аспект выражен слабо. Большинство чувашей, русских, мордвы, мари и украинцев — православные, татар — мусульмане (сунниты), крайне немногочисленная часть верующих (в основном горожане) — христиане-протестанты баптистского и адвентистского толков. Интересно отметить, что если два десятилетия тому назад в Чувашии насчитывалось не более 35 православных приходов, то в 2006 г. их число достигло 213. Такое же бурное возрождение мечетей произошло и у мусульман республики: если в советское время насчитывалось всего 2 мечети, то сегодня функционируют уже 27, в том числе и в городах — Чебоксарах, Канаше, Шумерле и Новочебоксарске. Только в одном Батыревском районе действуют 12 мечетей. Всего же к 2006г. в Чувашии функционировали 269 зарегистрированных религиозных организаций, в том числе протестантских — 25, старообрядческих — 1 (г. Алатырь) и иудейских — 1 (Чебоксары) и других — 4. Юридически оформлены и действуют в республике также этнически окрашенные религиозные объединения языческого толка (Чувашская религиозная республиканская организация «Академия чувашской духовности», Чувашское природно-религиозное духовное объединение «Турăç» и др.).

Таблица 1

Динамика количества религиозных объединений, зарегистрированных
в Чувашской Республике (по состоянию на 31 декабря соответствующего года)

№ п/п	Конфессии	Годы					
		2001	2002	2003	2004	2005	2006
1	Христианство:						
1.1.	православие	192	196	199	201	206	213
1.2.	старообрядчество	—	—	1	1	1	1
1.3.	протестантизм:	21	22	24	24	25	25
	в т.ч.:						
	баптизм	5	5	6	5	5	5
	пятидесятничество	6	6	7	7	7	7
	евангельские христиане	2	2	2	3	4	4
	адвентизм	7	7	7	7	7	7
	лютеранство	—	1	1	1	1	1
	новоапостольская церковь	1	1	1	1	1	1
2	Ислам	13	15	17	19	26	27
3	Иудаизм	1	1	1	1	1	1
4	Другие	4	4	4	4	2	2
	в т.ч.:						
	язычники	1	1	1	1	1	1
	вайшивизм	1	1	1	1	1	1
	Всего	231	238	246	249	261	269

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208а/В.

3. С другой стороны, большая часть жителей области, работающих в столице «вахтовым» способом, ежедневно ездят в Москву не потому, что дома нет работы, а потому, что в мегаполисе более квалифицированные рабочие места и выше заработная плата. Это означает, что, привлекая рабочую силу из Подмоскovie, мегаполис не только помогает области решать проблему нехватки рабочих мест и безработицы, но и «выкачивает» из области ее трудовые ресурсы, консервирует нынешнее состояние ее экономики, которая не позволяет платить работнику более высокую заработную плату.

4. Относительно небольшая часть жителей области испытывает потребность в Москве как очаге культурной жизни и источнике хорошего образования для своих детей. Ценность столицы как места выгодных покупок, похоже, уходит в прошлое.

5. Сложившийся характер взаимодействия порождает проблемы (прежде всего, транспортную), создает напряжения во взаимодействиях органов власти двух субъектов РФ, вызывает негативную реакцию у части жителей области. Москвичи, со своей стороны, воспринимают жителей Подмоскovie на личностном, а не коллективном или групповом уровне.

Таким образом, с учетом результатов пилотажа, целесообразно доработать Анкету эксперта и провести в 2008 г. более представительный экспертный опрос. По его результатам будет дополнена Типовая методика и в 2009 г. проведен массовый опрос (интервью) жителей Москвы и Московской области по проблемам их социокультурного взаимодействия и развития.

из экспертов полагает, что город Троицк постепенно превращается в один из спальных районов столицы.

Судя по ответам экспертов, есть особое (уважительное, заинтересованное) отношение жителей соседних поселений к обитателям классических наукоградов. В остальных «оно не чувствуется».

Влияние научно-технических инноваций на повышение благосостояния их разработчиков

Эксперты отмечают, что благосостояние ученых сегодня в основном связано с зарубежными научными грантами, с участием в международных научных конференциях и семинарах. Инновационная деятельность повышает благосостояние автора инновационной идеи только в том случае, если ее удается «встроить» в бизнес, реализовать в продукте, востребованном рынком. Поскольку этот процесс требует серьезных усилий и пока идет плохо, то в большинстве случаев связи между инновационными разработками и благосостоянием самих разработчиков сегодня нет. Нужен комплексный подход к организации научных исследований: серьезные бюджетные финансовые вливания в фундаментальную науку в сочетании с эффективной системой оплаты труда ученых, занятых в прикладных исследованиях, нацеливающей их на внедрение своих результатов.

Что можно и нужно делать в плане повышения интереса москвичей к достопримечательностям Подмосковья

Большинство экспертов высказали достаточно широкий спектр предложений по этой тематике. Чаще всего говорилось о необходимости рекламы, информирующей москвичей о достопримечательностях Подмосковья. Почти так же часто речь шла о том, что данную задачу нельзя решить без предварительной реставрации исторических культурных памятников, приведения в порядок, очистки интересных природных объектов. Это, в свою очередь, требует значительных источников финансирования. От одного из студентов прозвучало предложение: «передать такие объекты в частные руки, которые все очистят, благоустроят и сделают на этом бизнес».

Эксперты-москвичи и жители наукоградов указывали на необходимость развития, повышения уровня сервиса на туристических объектах Подмосковья, совершенствования в этих целях их инфраструктуры.

Жители Подмосковья высказывали соображения о том, что первым шагом в данном направлении должны быть меры, направленные на повышение интереса к достопримечательностям со стороны местного населения, что в человеке с детства следует воспитывать интерес к своей истории, культуре, обычаям. С этой целью нужно совершенствовать курс краеведения в школе.

По мнению части участников опроса, интерес к местным достопримечательностям можно развивать, разместив там культурно-развлекательные учреждения, проводя там общественно значимые и развлекательные мероприятия, прежде всего для молодежи, организовав производство местной сувенирной продукции.

Примечательно, что не от людей старшего возраста, а от молодых людей прозвучало предложение проводить экскурсии от организаций и предприятий по достопримечательным местам Подмосковья. Сходный акцент сделан и в предложении привлекать туристов умеренными ценами.

5. Предварительные выводы-гипотезы

Результаты опроса позволяют сформулировать ряд гипотез, которые конкретизируют исходную гипотезу:

1. Взаимодействие Москвы и Московской области на институциональном и личностном уровне продолжает нарастать по объему и разнообразию сфер взаимодействия.

2. Содержание большинства контактов определяется встречными потребностями жителей Москвы и области. Москва для своего дальнейшего развития нуждается в новых ресурсах, прежде всего, людских и территориальных, ближайшим источником которых является Подмосковье. Территория области стала для москвичей не лучшей, но ближайшей рекреационной зоной. Поэтому именно они чаще всего выступают инициаторами такого взаимодействия.

Проникновение ислама имело место в болгарский период (X—XII вв.), продолжалось в эпоху Золотой Орды и Казанского ханства (XIV—XVI вв.). Часть болгаро-чувацкого населения в тот период приняла ислам. В настоящее время он распространен в основном в местах компактного расселения татар, на юго-востоке Чувашии. За годы Советской власти было закрыто 36 из 38 мечетей. Духовное управление мусульман Чувашской Республики образовано в 1994 г. в с. Шихирданы Батыревского района.

Православное христианство начало проникать на территорию современной Чувашии после присоединения народов Среднего Поволжья к России в середине XVI в. Но распространение его среди чувашей шло очень медленно, они оставались приверженцами своей традиционной религии. С середины XVIII в. началась насильственная христианизация народностей Поволжья, но и после этого, вплоть до 70-х годов XIX в., чувашаи в массе своей оставались язычниками. Лишь во второй половине XIX в. в связи с подготовкой священников, владеющих чувашским языком, ведением проповедей на чувашском языке, изданием на нем религиозной литературы, к христианству склонилось большинство местного населения.

До революции на территории Чувашии действовало 7 монастырей, 299 православных храмов. После 1917 г. все монастыри и 264 церкви были закрыты. В настоящее время в республике действуют 7 монастырей, в том числе 3 мужских (Чебоксары, Алатырь, Моргаушский район) и 4 женских (Чебоксары, Алатырь, Цивильск, Комсомольский район). Подготовка священников ведется в Чебоксарском епархиальном духовном училище. В 1996 и 2001 гг. Чувашию посетил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. Его визиты сопровождались закладкой в столице республики крупных церковных сооружений. Им была освящена так называемая «Дорога к храму» — дамба (отделяющая чебоксарский залив от русла Волги), построенная в 1996 г., расположенная в центре города, ведущая к монастырскому комплексу и кафедральному собору (некогда знаменитая «владимирка», по которой шли в Сибирь ссыльные и каторжники).

Важнейшим фактором, сыгравшим на сохранение и развитие этноса в христианизации, было то, что чувашам при крещении не требовалось отказываться от своей национальности. И сегодня в европейской части России чувашаи и гагаузы — единственные тюркские народы, исповедующие православие. Следует особо отметить и то, что чувашский язык стал вторым после русского, на который переведен практически полный текст Библии, а чувашаи первыми среди россиян стали проводить богослужение на родном языке.

Надо отметить, что традиционно чувашаи отличаются сдержанным выражением своих религиозных чувств, для их обыденного религиозного сознания, особенно для обрядового поведения, характерен язычески-православный синкретизм. В республике уже к 1920-м гг. не осталось последователей национальной дохристианской веры («язычества»), между тем как в ряде местностей Волго-Уралья (в Самарской области, Татарстане, Башкортостане), по сей день сохраняются несколько их селений, что служит одним из побудительных факторов культурологических реминисценций в этой сфере среди части чувашской национальной интеллигенции.

Для чувашей исторически характерно внешнее, поверхностное восприятие православия. Оно не стало в должной степени для них национально одухотворенной верой и не пронизывает их историческую память, традиционную культуру и этнопсихологию в той мере, как, например, это наблюдается у русских и татар. Это проявляется, в частности, и в том, что чувашскую национальную интеллигенцию отличает подчеркнутая индифферентность к ценностям православия. Национальное искусство и литература практически не знают обращения к христианским сюжетам, темам и символике. Таким образом, в современной профессиональной национальной культуре и сознании социально и интеллектуально продвинутой части народа православно-церковный компонент актуализирован весьма слабо.

Взаимоотношения православной и мусульманской церквей носят бесконфликтный характер, они обе функционируют в атмосфере взаимопонимания и сотрудничества с органами государственной власти республики. Вместе с тем в конфессиональной сфере имеются определенные предпосылки для возникновения межэтнического напряжения. Так, некоторые представители чувашской национальной интеллигенции полагают, что основой крепости национального духа; этноса является народная («языческая») религия дохристианского времени [1].

С этим связаны попытки практической реконструкции дохристианских обрядов и культов, обсуждение проектов воссоздания древних языческих культовых сооружений, звучали также призывы образовать Чувашскую (автокефальную) православную церковь взамен (или наряду) нынешней епархии, обращения в Московскую патриархию по вопросу канонизации просветителя И.Я. Яковлева («чтобы преподобный Иван молился за чувашский народ» [2]). Но поскольку подобные попытки встречают со стороны церковнослужителей резкий и публично заявляемый отпор, то другая сторона чаще склонна усматривать в этом проявление античувашских, великодержавно-шовинистических настроений.

Объективно данные тенденции представляют одну из форм проявления самоидентификационных процессов, стремление этносов самоорганизации и самоутверждению, к возрождению утраченных ценностей национальной культуры.

Уровень религиозности населения Чувашии в 2006 г. (в %)

Уровень религиозности	Всего	В том числе	
		село	город
Верующий	38,5	44,1	35,0
Скорее верующий	39,2	42,8	36,9
Скорее неверующий	10,1	5,9	12,8
Неверующий	9,4	4,9	12,3
Атеист	2,2	1,5	2,6

Таблица 2

Замеры уровня религиозности в ходе опроса населения в 2006 г. показали, что более чем значительная его часть относит себя к разряду «верующих» (38,5%) и «скорее верующих» (39,2%), что в общей сложности составляет 77,7% всего массива опрошенных (см. табл. 2). Понятно, что при этом более высокие показатели уровня религиозности отмечаются среди сельских жителей.

Литература

1. Салмин А.К. Фольк-религия чувашей // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 235–247.
2. Алексин В. Всякий верующий человек прекрасен // Советская Чувашия, 1998, 16 декабря.

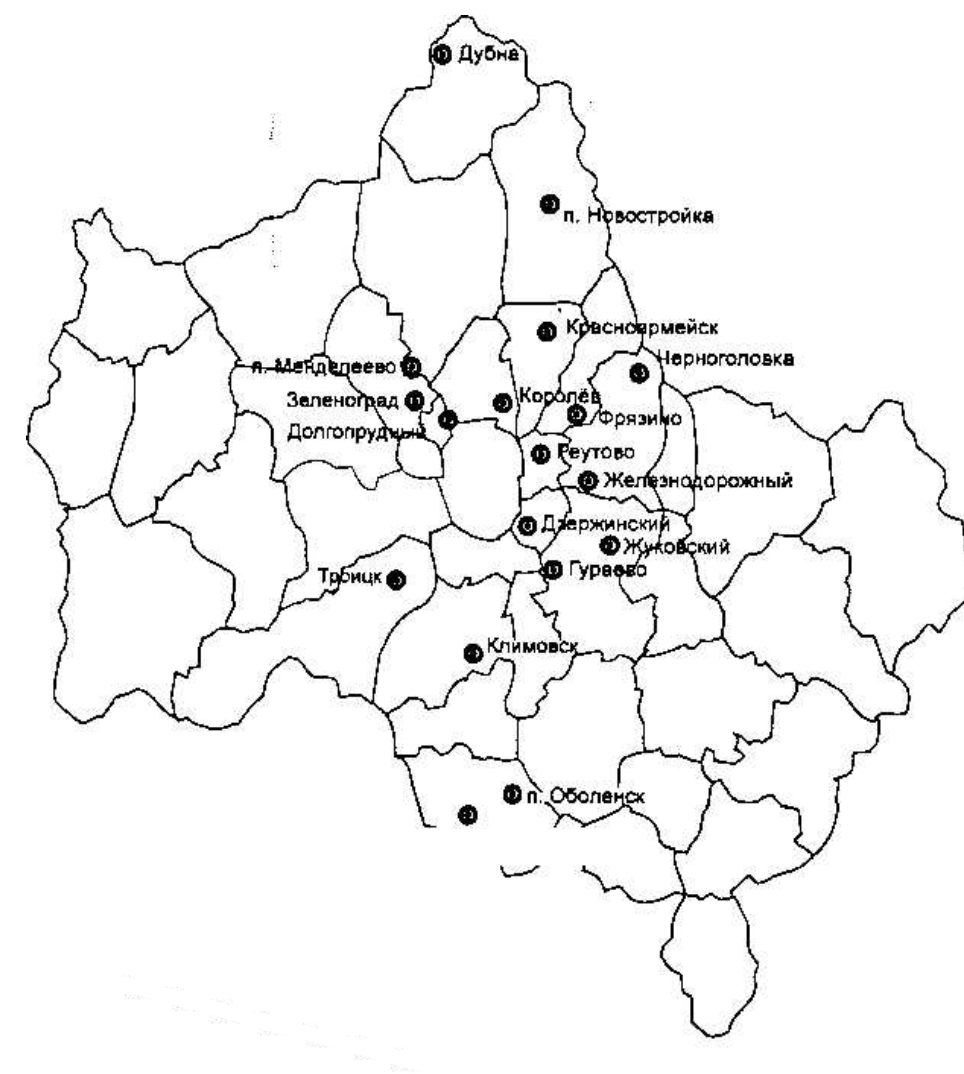

Рис. 1. Крупные наукограды Московской области*

* Источник: Павлов А.П. Кадровый потенциал наукоградов России // Инновационное развитие территорий в России и ЕС. Кн. 1. Научно-технический потенциал России и его использование. Под ред. В.И. Кушлина, А.Н. Фоломьева. М., Сканрус, 2001. С. 157.

В этих наукоградах сосредоточена значительная доля научно-технического потенциала России. Эффективное его использование позволяет обеспечить быстрый экономический рост Московской области. Но пока не наблюдается такого эффекта.

Большинство экспертов — жителей наукоградов считают, что качество жизни в их городах выше, чем в соседних поселениях. Особенно определенно эта точка зрения прозвучала в ответах представителей классических наукоградов (Дубны и Пушкино), достаточно удаленных от Москвы. Высокое качество жизни в своих городах они связывают, прежде всего, с городской инфраструктурой, в которую изначально были вложены большие средства и которую удается поддерживать на приличном уровне.

Качество жизни в наукограде, по мнению отдельных экспертов, определяется также достаточно высоким уровнем интеллектуальных, культурных запросов сотрудников академических и других научных учреждений, расположенных в этих городах. Поэтому здесь уделяется много внимания образованию и воспитанию подрастающего поколения.

Специфика наукоградов, расположенных в непосредственной близости от Москвы, в той или иной мере «размывается» под влиянием образа жизни мегаполиса. В частности, один

Отдельные участники опроса предложили также увеличить налог на личный транспорт, ограничить въезд автомобилей в Москву, распределив их по четным и нечетным дням, оптимизировать время начала и окончания рабочего дня в московских организациях и фирмах. Эксперты подчеркивали, что решение транспортной проблемы потребует крупных финансовых затрат и использования современного международного опыта, а успехи в этом деле будут способствовать перетоку бизнеса из Москвы в Подмоскovie и развитию последнего. Треть опрошенных (в основном москвичи) знакомы с уже существующими планами, программами решения данной проблемы. В качестве конкретных примеров приводили планы сооружения 3-го автомобильного кольца в Подмоскovie, моста в городе Дубне.

Причины, побуждающие жителей Подмоскovie на ежедневные «вахтовые» поездки на работу в Москву

Большинство экспертов сходятся во мнении, что основная причина «вахтовой» трудовой миграции из Подмоскovie в Москву — это более высокий уровень оплаты труда в мегаполисе. Только треть участников опроса считают, что проблема заключается в общем дефиците рабочих мест в области, и приблизительно столько же отмечают нехватку рабочих мест по определенным специальностям. Сторонники последней точки зрения одновременно указывают на неравенство в оплате труда как на одну из причин привлекательности работы в Москве.

Это означает, что, привлекая рабочую силу из Подмоскovie, мегаполис не столько помогает области решать проблему нехватки рабочих мест и безработицы, сколько «выкачивает» из области ее трудовые ресурсы, консервирует нынешнее состояние ее экономики, которая не позволяет платить работнику более высокую заработную плату.

Если учесть, что в числе дефицитных рабочих мест в Подмоскovie чаще всего назывались места для работников высокой квалификации, которые и по этой причине вынуждены работать в Москве, то нужно признать, что воздействие мегаполиса на область в сфере трудовых ресурсов носит двойственный характер: выкачивает высококвалифицированных специалистов из области, но одновременно предоставляет этим специалистам реализовать свой квалификационный потенциал и получать более достойную оплату своего труда.

В ходе опроса выяснилось, что ни одному из его участников, в том числе и начальнику отдела академического института, расположенного в городе Королев, ничего не известно о существовании специальных программ по созданию рабочих мест в Московской области. Это можно рассматривать как серьезный недостаток в работе областной администрации.

Основные проблемы муниципального (местного) самоуправления в Москве и Московской области

По вопросам муниципального самоуправления получено меньше всего содержательной информации от участников опроса. Это отражает в целом низкий уровень информированности населения о задачах и реальной деятельности органов местного самоуправления. Как показывают результаты специального опроса, проведенного Центром социологических исследований МГУ в ряде субъектов РФ, респонденты плохо понимают специфику самоуправления, чаще всего рассматривают его в качестве одного из элементов вертикали исполнительной власти. Вероятно, по этой причине в число основных проблем, решения которых участники опроса ждут от органов муниципального самоуправления Москвы и области, вошли, например, борьба с коррупцией и повышение зарплаты бюджетникам.

В числе основных проблем названы также:

- наведение порядка в ЖКХ, забота о его инфраструктуре;
- стимулирование создания новых рабочих мест;
- повышение качества медицинского обслуживания;
- улучшение работы общественного транспорта;
- оптимизация расходов местного бюджета;
- забота об экологии.

Отличия в качестве жизни населения наукоградов и соседних с ними поселений. Отношение жителей этих поселений к жителям наукоградов

По данным Союза развития наукоградов, около половины наукоградов России находятся в Московской области, наиболее крупные из них представлены на рис. 1.

В.Г. Харитонова
(Чебоксары)

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

Культурный потенциал населения и его использование (культурный капитал) занимает на современном этапе ключевое положение в социокультурной эволюции и инновационном развитии российских регионов. Культура выступает в качестве важнейшего фактора управления человеческими ресурсами, одним из способов социализации и социальной интеграции. Необходимое для этого накопление социокультурного опыта происходит в рамках соответствующих традиций, сохраняющих и развивающих знания и ценности общества. В отношении к населению региона и каждому человеку необходимо рассматривать совокупность ценностей и норм, правил и образцов поведения [1]. Структура ценностей жителей республики, начиная с 1990-х гг. менялась достаточно быстро. Анализ материалов республиканских СМИ показывает, что растет поддержка современных и либеральных ценностей: свободы, независимости, уверенности в себе и т.д. Наибольшую поддержку, как в целом и у россиян, получают общечеловеческие ценности. В ходе социологического опроса жителей Чувашии, проведенного в 2006 г. в рамках исследовательского проекта «Чувашская Республика: социокультурный портрет» были выявлены ценностные предпочтения респондентов по 11-бальной шкале.

Большинство населения республики поддерживают традиционные ценности: жизнь, дети, здоровье, правопорядок, работа, семья, уважение к сложившимся обычаям и традициям, далее расположились ценности свободы, благополучия, вера в свои силы, на третьей позиции оказались ценности нравственности, предприимчивости, жертвенности, минимальную поддержку получили властность и вседозволенность (своеволие), отрицаемые обществом. Несмотря на то, что ценность традиций в республике сохраняется на одной из первых позиций, в общественном мнении и при решении стратегических задач развития республики, отмечается необходимость их усиления. Так, при обсуждении хода реализации «Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года» в 2007 г. на заседании Совета по стратегическому развитию Чувашской Республики отмечалось, что для решения демографических проблем «необходимо коренным образом пересмотреть систему духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения (и всего населения), используя при этом опыт прежних эпох и сложившиеся традиции населения». В том же документе говорится, что «уже сейчас экономика региона встала перед необходимостью развивать отрасли, которые разбудят находящиеся в спячке внутренние силы республики: трудовые, социокультурные, опыт прежних эпох, традиции, выработанные им» [2]. Таким образом, предварительный анализ показывает, что наряду с укреплением общечеловеческих и современных ценностей традиционные ценности продолжают занимать одну из ведущих позиций в республике.

Уровень удовлетворенности своей жизнью у населения республики в целом положительный (56%), в том числе полностью удовлетворены 11,8%, скорее удовлетворены — 44,3%. Почти четверть опрошенных выразила свое неудовольствие сегодняшним положением дел, в том числе 21,3% были не очень удовлетворены, а 3,2% — совсем не удовлетворены. Существенной разницы в степени удовлетворенности своей жизнью у жителей города и села нет.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208a/B.

Таблица 1

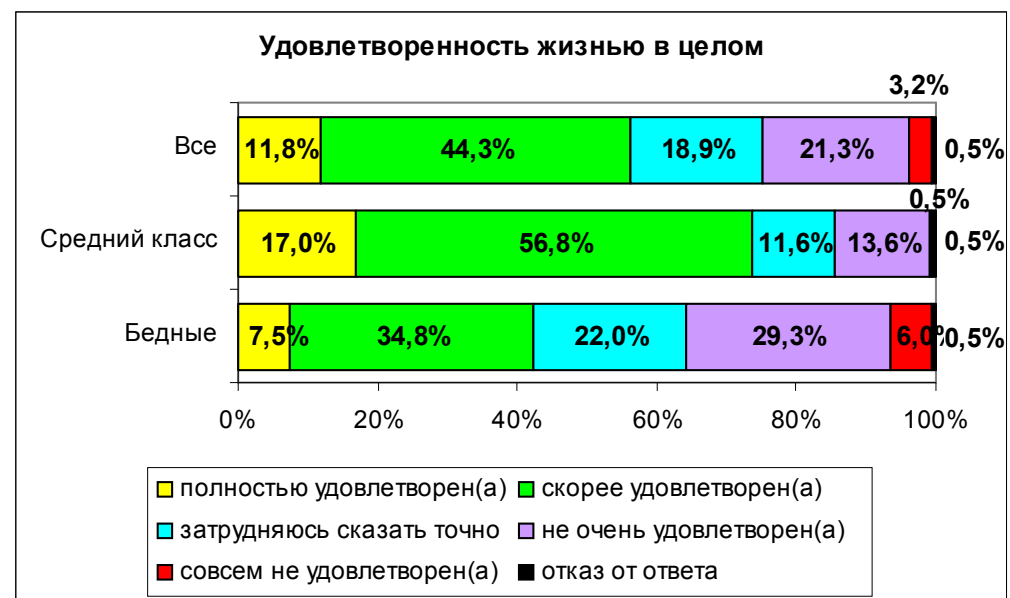
Распределение ответов на вопрос
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом? (в %)

Варианты ответов	Все	Город	Село
полностью удовлетворен(а)	11,8	11,7	12,1
скорее удовлетворен(а)	44,3	43,8	45,0
затрудняюсь сказать точно	18,9	16,9	22,0
не очень удовлетворен(а)	21,3	22,8	18,9
совсем не удовлетворен(а)	3,2	4,1	1,8
отказ от ответа	0,5	0,7	0,3
итого	100	100	100

Этничность не оказалась заметным дифференцирующим признаком. Однако существует разница в удовлетворенности своей жизнью у различных слоев населения. Так в среднем классе уровень удовлетворенности своей жизнью значительно выше, чем у бедных. В среднем классе удовлетворены своей жизнью 73,8%, в то время как в бедных слоях только 42,3%.

Диаграмма 1

Распределение ответов на вопрос
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?

Коэффициент удовлетворенности своей жизнью в Чувашской Республике составил 0,56, что несколько выше, чем в целом по России (0,54).

Важнейшим фактором социального самочувствия населения является уверенность в будущем. По данным исследования 41,8% населения можно отнести к оптимистам, поскольку из них уверены в своем будущем 12,8%, а 29,0% скорее уверенные, чем не уверенные. Пессимистические настроения высказали чуть более пятой части опрошенных жителей (21,3%). Горожане и жители сельских населенных пунктов практически не отличаются в уровне уверенности в своем будущем.

земельных участков в ходе «дачной амнистии». Они считают, что никакой реальной амнистии не проводится и что любой человек, имеющий участок в Подмоскowie, одинаково бесправен перед чиновниками.

На этой стадии исследования можно сформулировать гипотезу: у москвичей нет серьезных предубеждений по отношению к жителям области и ее чиновникам; у населения области такие предубеждения есть.

Проблемы и конфликты во взаимоотношениях чиновников и населения Москвы и Московской области

Высказываясь по этим вопросам, эксперты чаще всего обращали внимание на конфликты, связанные с землей. В них с каждой стороны участвуют и жители, и чиновники. Чиновники Москвы и Подмоскowie конфликтуют, деля собственность и доходы. Москвичи оказываются в состоянии конфликта с областными чиновниками, которые видят в них источник дополнительного дохода. Чаще всего по этой причине сроки оформления любых документов, особенно на землю, оказываются непомерно большими.

Отношение жителей Подмоскowie к москвичам пока нельзя назвать конфликтным в полном смысле этого слова, но изъятие земли под массовую застройку, приобретение квартир, которые сдаются потом в аренду, и даже переселение москвичей на постоянное местожительство вызывает недовольство коренного населения.

Эксперты-москвичи в своих заключениях делали упор на конфликты с чиновниками Подмоскowie; эксперты, проживающие в области, говорили о напряженности во взаимоотношениях с москвичами. Эта ситуация отражает тот факт, что мобильность жителей столицы выше, и они чаще взаимодействуют с чиновниками другого субъекта РФ, чаще бывают инициаторами взаимодействия с жителями Подмоскowie.

В числе конфликтных или конфликтно опасных ситуаций были названы также:

- нерешенность проблемы об ответственности за строительство и ремонт подмоскovieных дорог, эксплуатируемых и в интересах Москвы;

- общая рассогласованность в деятельности чиновников столицы и области;

- социальное неравенство жителей Москвы и области, прежде всего, по размеру пенсий и пособий;

- долгострой, осложняющие жизнь населения как города, так и области — например, транспортная развязка на Ярославском шоссе.

Только один из экспертов не видит серьезных, конфликтных проблем во взаимоотношениях данных субъектов РФ.

Проблемы «пробок» на автотрассах и переполнения электричек, курсирующих между Москвой и населенными пунктами Московской области

Активность обсуждения этой проблемы экспертами подтверждает вывод о том, что транспортная проблема является самой насущной проблемой взаимодействия населения Москвы и области и одновременно следствием расширения такого взаимодействия. Все эксперты высказали заинтересованность в ее скорейшем решении. Вот набор терминов, в которых она была выражена: «максимум — 5 лет»; «чем скорее, тем лучше»; «в ближайшее время»; «в самые сжатые сроки»; «срочно»; «немедленно»; «опоздали уже на 10 лет». При этом ряд экспертов специально подчеркивали, что срочность решения проблемы не означает того, что ее следует решать «на длительную перспективу», «с запасом на 50 лет».

Высказан широкий спектр конкретных предложений, направленных на решение данной проблемы. По частоте упоминания они ранжируются следующим образом:

- строительство новых многополосных скоростных автомагистралей, расширение существующих дорог, сооружение многоуровневых удобных развязок;

- строительство новых и приведение в порядок существующих железнодорожных путей и перронов, увеличение числа электричек, оптимизация расписания их движения;

- развитие общественного транспорта, расширение его парка, гибкое регулирование графика его работы;

- строительство платных автотрасс, параллельных уже существующим;

- сооружение многоуровневых перехватывающих парковок.

Каждый третий студент указал на «проблемы взаимоотношения жителей двух регионов». Ряд экспертов назвали разные причины таких проблем. В их числе: «экспансия москвичей в Подмоскowie — скупают жилье и малый бизнес»; «большая разница в уровне социального обеспечения населения Москвы и области»; «ряд столичных фирм требуют, чтобы устраивающийся на работу имел московскую прописку». Заведующий отделом одного из НИИ г. Троицка говорил, что его город быстро заселяется людьми, не имеющими отношения к науке, которые стремятся в Москву, но не могут найти там себе жилья, и потому «оседают» в ближнем Подмоскowie.

Можно было ожидать, что в числе самых больших будет названа проблема мусора, острота которой является результатом пребывания москвичей на территории области, но на нее указали только два участника опроса.

В ходе интервью высказывались мнения, что дефицит рабочих мест и низкий уровень зарплаты в Подмоскowie, в конечном счете, способствует обострению отношений Москвы и области, что крупные предприятия сосредоточиваются в области, в результате страдает экология этого региона.

Взаимоотношения работников администрации Москвы и Московской области

Взаимоотношения представителей администрации двух субъектов РФ не могут не сказываться на характере социокультурных связей внутри Московского региона. В настоящее время существует Объединенная коллегия органов государственной власти Москвы и Московской области, которая призвана координировать их деятельность по основным аспектам жизнедеятельности этих субъектов РФ. Однако, по мнению одного из экспертов, отношения между их чиновниками сегодня «сложные», и существующие противоречия отражаются в средствах массовой информации. Одной из причин такого положения дел является отмеченная выше потребность Москвы в новых ресурсах, прежде всего земельных, экспансия московского бизнеса в область.

Оценить взаимоотношения работников администрации Москвы и Московской области смогли далеко не все участники опроса. Выделились две равные группы ответивших: одни считают, что это — взаимоотношения людей, которые делают одно общее дело; другие полагают, что это — взаимоотношения чиновников, которые пытаются решать свои проблемы за счет соседей. Следовательно, существует реальная проблема, которая требует предметного изучения в ходе предстоящего массового опроса.

Отношение работодателей Москвы к наемным работникам — жителям Московской области

Судя по ответам экспертов, существует проблема отношения работодателей Москвы к наемным работникам — жителям Московской области. Почти половина участников опроса считают, что к жителям Подмоскovia в данном случае относятся, как к более дешевой рабочей силе. Меньшая часть экспертов придерживается противоположной точки зрения: по их мнению, нет разницы в отношении работодателей к работникам из Москвы и Подмоскovia. Большинство сторонников первой точки зрения составляют жители Подмоскovia, а второй — москвичи. В ответах студентов, для которых эта проблема является актуальной в личном плане, представлены обе точки зрения, но первая встречается чаще, чем вторая.

Результаты опроса позволяют предположить, что дискриминация жителей области по уровню оплаты труда в московских фирмах и организациях не носит тотального характера, поскольку привлекательность работы в столице чаще всего связывалась именно с более высоким уровнем оплаты труда. Реальное положение дел в этой области может быть проверено в ходе массового опроса.

Отношение работников местных администраций Московской области к москвичам, имеющим в области земельные участки

В данном случае выяснялось мнение москвичей, имеющих дачные участки или бизнес в Подмоскowie. Большинство из них не чувствуют предвзятого отношения к себе со стороны работников местных администраций Московской области. Один из экспертов, председатель садоводческого товарищества подчеркнул наличие негативного равенства с жителями области: «чиновники относятся к нам так же, как и к местным, т.е. видят в нас дополнительный источник дохода». Эта мысль так или иначе выражена всеми экспертами на примере оформления

Таблица 2

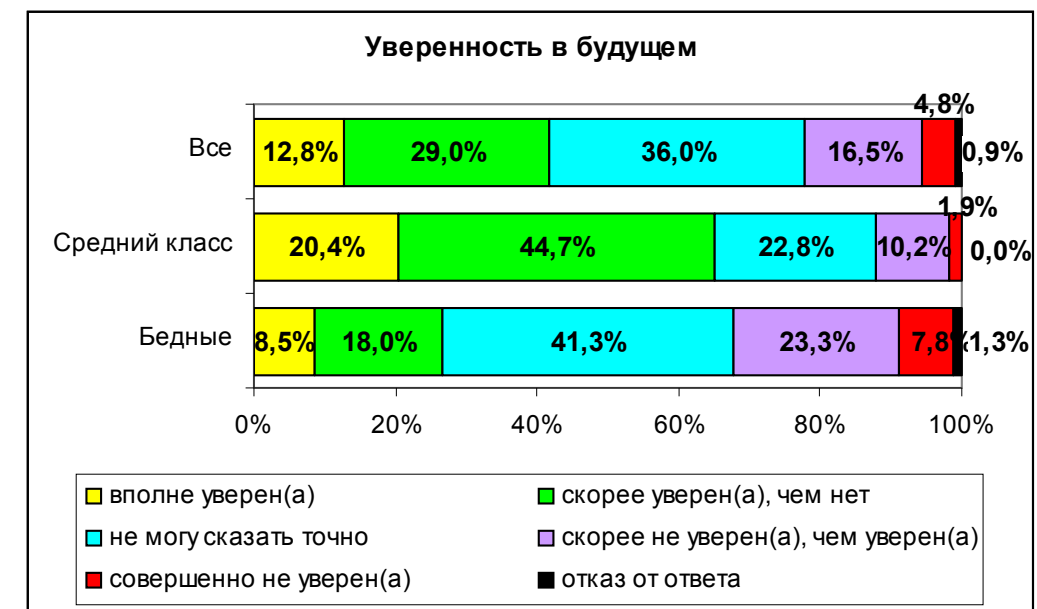
Распределение ответов на вопрос
Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем? (в %)

Варианты ответов	Все	Город	Село
вполне уверен(а)	12,8	12,8	12,7
скорее уверен(а), чем нет	29,0	29,4	28,4
не могу сказать точно	36,0	34,0	39,3
скорее не уверен(а), чем уверен(а)	16,5	17,6	14,7
совершенно не уверен(а)	4,8	5,3	4,1
отказ от ответа	0,9	1,0	0,8
итого	100	100	100

Этничность опять не оказалась заметным дифференцирующим признаком. Среди чувашей и русских распределение оптимистов в оценке своего будущего практически одинаково. В гораздо большей степени дифференцирующим признаком по данной компоненте социального самочувствия выступает принадлежность к социальному слою. Средний класс так же демонстрирует большую уверенность в своем будущем (65,1%), чем бедные слои населения (26,5%).

Диаграмма 2

Распределение ответов на вопрос
Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?

Коэффициент оптимизма в Чувашии так же несколько выше, чем в среднем по России (0,34) и составляет 0,37.

В целом, в Чувашии коэффициенты составляющих социального самочувствия сопоставимы с общероссийскими показателями.

Социальное самочувствие граждан представлено совокупностью ценностей. В исследовании респондентам было предложено с помощью 11-ранговой шкалы взвесить 14 базовых ценностей: 7 терминальных (конечных, дальне-целевых, социальных идеалов) и 7 инструментальных (в которых воплощены качества людей, необходимые для следования той или иной терминальной ценности).

Таблица 3

Коэффициенты составляющих социального самочувствия населения Чувашской Республики и России, 2006 г.

Коэффициенты	Чувашия	Россия*
Защищенности (Кзаш)	0,23	0,19
Самостоятельности (Ксам)	0,26	0,24
Удовлетворенностью жизнью в целом (Кудж)	0,56	0,54
Оптимизма (Копт)	0,37	0,34
Индекс социального самочувствия (Мк)	0,36	0,33

* Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Ч. II. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 17.

В таблице представлено соответствие трех базовых составляющих социального самочувствия и соответствующих им ценностей.

Поддержка традиционных ценностей населения республики выше, чем в России и стоит на первом месте. В то же время ценности, характеризующие свободу, независимость и инициативность вполне сопоставимы со средне-российскими показателями.

Таблица 4

Социальное самочувствие и базовые ценности жителей Чувашии и России 2006 г.

Составляющие социального самочувствия и их коэффициенты	Ценности	Чувашия	Россия**
(2) Самостоятельность индивида в его жизнедеятельности Ксам = 0,26	Независимость	60	54
	Свобода	56	61
	Инициативность	45	46
		Средний % = 54	Средний % = 54
(3) Удовлетворенность своей жизнью в целом Кудж = 0,56	Семья	84	81
	Жизнь	79	71
	Нравственность	60	44
		Средний % = 74	Средний % = 65
(4) Оптимизм в самооценке своего настоящего и будущего Копт = 0,37	Общительность	80	71
	Традиционность	59	61
	Благополучие	76	43
		Средний % = 72	Средний % = 58

** Там же. С. 19.

В середине 1990-х годов Чувашская Республика по индексу развития человеческого потенциала (ИЧРП) занимала 38 место в Российской Федерации [5]. Основу показателя составили более высокое долголетие и возросший охват образованием молодежи. В 2000 г. Чувашия занимала по показателю ИЧРП 45 место в России, в 2003 г. — 30, в 2004 г. — 29 место. При этом, наблюдается повышение индекса дохода от 0,595 в 2000 г. до 0,671 в 2004 г.; индекса образования от 0,919 в 2000 г. до 0,923 в 2004 г.; снижение индекса долголетия с 0,694 в 2000г. до 0,689 в 2004 г. По индексу образования Чувашская Республика занимает 3 место после Москвы (0,999) и Санкт-Петербурга (0,976). Таким образом, высокий уровень образования, прежде всего, позволяет республике устойчиво занимать среди регионов России средний уровень [6].

При оценке уровня человеческого потенциала республики 33,3% респондентов ответили, что это место ниже среднего или одно из самых низких, на селе таких ответов оказалось 32,5%, в городах — 33,8% (в Чебоксарах 29,9%). Несколько выше среди сельских респондентов оказалась доля оптимистов (13,2%), в то время как в городах она равнялась 10,5% (в Чебоксарах

еще одну пользу от близкого соседства — возможность для своих детей получить хорошее образование в столичных вузах.

Во всех случаях, когда речь шла о рабочих местах, культурной жизни или образовании, эксперты понимали под Московской областью ее жителей, и непосредственно через призму их потребностей оценивали пользу соседства с Москвой. Работники московских деловых структур, функционирующих в Подмоскowie, видят эту пользу в притоке столичных инвестиций в область.

В том же аспекте названа еще одна польза анализируемого близкого соседства — Москва «поставляет» в область на постоянное местожительство в коттеджные поселки людей с более высоким уровнем дохода, чем по Подмоскowie в целом, и это положительно сказывается на его финансовом положении.

Польза Москве от близости Московской области

В данном случае за ответами экспертов тоже скрывается осознание неравнозначности рассматриваемых субъектов РФ. Московская область оценивается, прежде всего, как источник рабочей силы, позволяющий восполнить ее дефицит в столице. При этом участники опроса делали акценты на различных ее характеристиках. Одни говорили о дешевой, другие — о квалифицированной рабочей силе, третьи — о производственных рабочих.

На втором месте по частоте упоминаний стоит чистый воздух, который московская городская среда в необходимых объемах сама воспроизводить не может и «черпает» его из Подмоскowie. И здесь Москва воспринимается, скорее, в обезличенной форме.

Третье место, с точки зрения полезности области для столичного мегаполиса, занимает ее способность служить местом отдыха москвичей на природе (в том числе активного — дачи), местом психологической разгрузки.

Подмоскowie упоминалось также в качестве территории, пригодной для развития уже существующего в Москве бизнеса, в том числе складского, таможенного и т.д., для строительства более дешевого жилья.

Кто больше выигрывает от близкого соседства

Сопоставление перечисленных выше выгод свидетельствует о том, что Московская область обладает ресурсами (человеческими и природными), которые при определенных условиях может использовать и сама. Москва, напротив, может существовать, только заимствуя эти ресурсы на стороне. В принципе, Москва больше выигрывает от рассматриваемого соседства.

Однако эта точка зрения не является сегодня самой распространенной. Половина экспертов полагают, что взаимодействие двух субъектов РФ взаимовыгодно. Равное количество участников опроса видят большую пользу только для одной из сторон. О взаимовыгодности чаще других говорили жители наукоградов.

Узловые проблемы во взаимоотношениях двух регионов

В числе трех наиболее острых узловых проблем большинство экспертов назвали транспортную проблему. При этом указывались и ее конкретные проявления: нехватка средств общественного транспорта и, как следствие, неритмичность его работы, большие перерывы между рейсами переполненных электричек и автобусов, бесконечные пробки на дорогах. К транспортной проблеме относятся также неразвитость и плохое состояние сети автомобильных дорог, их некачественный ремонт, отсутствие перехватывающих парковок по периметру Москвы, высокая плата за проезд.

По мнению экспертов, последствия постоянных сбоев в работе общественного транспорта испытывает на себе, в первую очередь, население столицы и области. Но плохое состояние дорог и «пробки» в равной мере осложняют жизнь и населения, и чиновников. Транспортная проблема порождена расширением форм и объема взаимодействия двух субъектов РФ; в то же время она все заметнее тормозит развитию этого взаимодействия.

Следующие две болевые точки связаны, прежде всего, с экстенсивным развитием самой Москвы. Представители разных групп экспертов отнесли к их числу наличие «спорных территорий», на которые претендуют и московские, и областные власти, «претензии Москвы на земельные ресурсы области». Эта ситуация сейчас почти не затрагивает интересы населения.

- проблема московского (городского, областного) стандарта качества жизни;
- отклоняющееся поведение, правонарушения, преступность, экстремизм;
- структура занятости, безработица;
- маятниковая трудовая миграция (область — город);
- проблемы транспорта: пробки, затраты времени;
- инновации в городе и области: технические и социальные; предложение и спрос;
- структура рабочих мест, их инновационный потенциал, программы их развития;
- государственное и муниципальное регулирование, местное саморегулирование и самоорганизация социокультурной жизни региона;
- социальное самочувствие населения региона:
 - уровень защищенности от социальных и экологических опасностей;
 - доверие институтам власти;
 - степень идентификации жителей Москвы и области со своим регионом;
 - степень близости («свои — чужие») жителей Москвы с жителями области и других регионов России, а жителей области — с жителями Москвы и других регионов.

3. Статистические данные и пилотаж экспертного опроса

По параметрам этих и других узлов проблем, на основе Типовой методики социокультурного портрета региона, собраны необходимые статистические данные и создано свыше 600 таблиц данных, характеризующих важнейшие показатели развития Москвы и Московской области, процессы их взаимодействия. Используются следующие источники статистической информации:

1. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2006 г.: Федер. служба гос. статистики/Электронная версия.
2. Образование. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. — Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т./Федер. служба гос. статистики.
3. Московская область в цифрах. 2006: стат. сб./Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Московской области, 2006.
4. Московский статистический ежегодник. 2006: стат. сб./Мосгорстат. — М., 2006.
5. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006. Стат. сб./Росстат. — М., 2006.

Помимо сбора и систематизации статистических данных подготовлена Анкета эксперта, на основе которой проведен пилотажный опрос. В опросе приняли участие 28 экспертов: их количество далеко недостаточно, но высоко их качественное разнообразие — это представители органов исполнительной власти, хозяйствующих субъектов, осуществляющих свою деятельность в Москве и области, жители Москвы, имеющие дачные участки в Подмоскovie, молодые жители области, обучающиеся в столичных вузах, жители подмосковных наукоградов (Пушино, Дубна, Троицк, Зеленоград).

4. Результаты пилотажного опроса

Польза для Московской области от близости Москвы

Суммируя мнения участников опроса, можно сказать, что Московской области полезно близкое соседство с более развитым во многих отношениях субъектом РФ. Главная польза (вывод каждого второго эксперта) — наличие в Москве свободных рабочих мест для жителей Подмоскovie.

Чаше других об этом говорили студенты. Жители наукоградов делали акцент на том, что именно молодежи легче найти рабочее место в Москве. Эти высказывания могут скрывать за собой, как минимум, два взаимосвязанных обстоятельства: нацеленность молодых жителей Подмоскovie на работу в Москве и их востребованность столичным рынком труда.

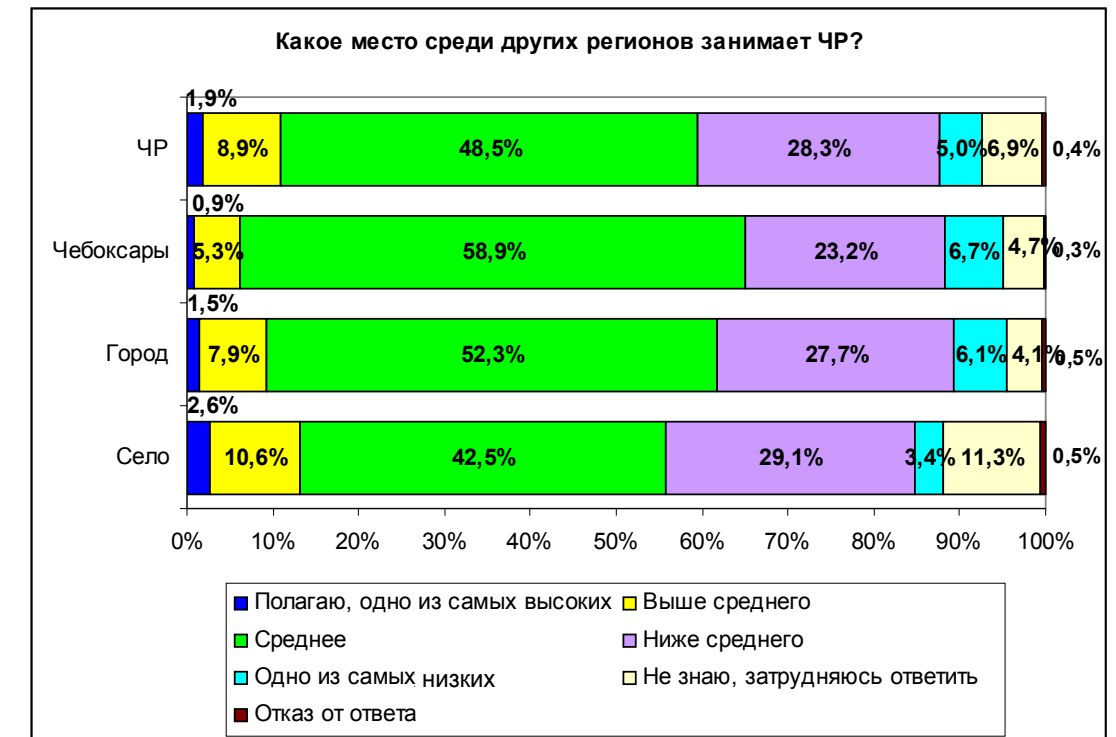
Несколько участников опроса отметили, что Москва не просто дает возможность найти работу. Здесь есть широкий выбор рабочих мест. Студенты подчеркивали, что в мегаполисе за ту же самую работу платят более высокую заработную плату, чем в организациях и на предприятиях области.

Только в ответах жителей наукоградов прозвучала мысль о том, что для них близость Москвы связана с возможностью приобщения к многообразной культурной жизни. Они назвали

6,8%), в целом по республике — 10,8%. Заметной среди сельских и городских жителей оказалась разница в доле тех, кто дал среднюю оценку этому показателю (42,5 и 52,3% соответственно, в Чебоксарах — 58,9%).

Диаграмма 3

Распределение ответов на вопрос:
Как Вы полагаете, какое место среди других регионов страны занимает наша республика по уровню развития человеческого потенциала, т.е. доходов, образования, продолжительности жизни населения?

Еще отчетливее разница в оценках с учетом социального фактора. Так, например, в составе лиц, отнесших себя в своем регионе к высшему и слою выше среднего, 26,4% полагали, что республика в этом отношении занимает одно из самых высоких мест или же выше среднего, а среди тех, кто считал возможным отнести себя слою ниже среднего и нижнему — 8,8%. Вполне логично, что в составе «неудачников» доля респондентов, критически оценивающих уровень развития человеческого потенциала в Чувашии была достаточно велика: 44,3% среди слоя, ниже среднего уровня и 53,9% — среди нижнего. Доля оптимистов различного уровня среди них не превышала 10,1%. Почти у 60% среднего слоя ответ соответствовал их собственному положению в обществе — 59,2% отнесли республику к среднему уровню по развитию человеческого потенциала. Более пятой их части (22,0%) в своем выборе оказалась настроенной более скептически, полагая, что этот уровень был одним из низких или же ниже среднего. И лишь 13,0% отмечали этот показатель как один из самых высоких или выше среднего.

Язык общения. Проблема сохранения родного языка. В республике проводится действенная реализация прав граждан на получение образования на родном языке, удовлетворение запросов национально-культурных обществ посредством развития национальной системы образования. Однако проблема социальных функций языка как чувашского, так и других, остается ведущей доминантой социально-политического, а также эмоционального самочувствия общества [7]. Языковая политика в Чувашской Республике строилась на основе действовавшего до 2003 г. закона «О языках в Чувашской Республике» (принят 27 октября 1990 г.). В ноябре 2002 г. Правительством Чувашской Республики была разработана и принята новая программа реализации закона о языках на 2003—2007 гг. и на период до 2012 года.

Проблема сохранения и полномасштабного функционирования чувашского и других национальных языков имеется. Так, по данным переписи 1989 г., чувашский язык считали родным 85% чувашей, при этом в городах доля таких лиц была заметно ниже — 69,4%. Среди относительно крупных этнических общностей республики этот показатель был выше у русских (99,8%), и татар (90,3%), ниже — у мордвы (71,8%) и марийцев (64,3%). Данные микропереписи 1994 г. зафиксировали если не повышение, то сохранение доли тех чувашей, которые считают своим родным языком чувашский: 86,0% — все обследованные чуваша и 69,7% — городские. В качестве родного считали язык своей национальности 88,3% татар, 81,5% мордвы и 58,1% марийцев, проживающих в Чувашской Республике. Но было бы преждевременно утверждать, что ситуация с сохранением языков стала достаточно стабильной. А. Хузангай, языковед, в свое время один из лидеров национального движения, убежден, что радикальной модернизации чувашского языка не произошло. Он полагает, что если вести речь «о языковом существовании чувашского этноса», то следует признать отсутствие реального чувашско-русского двуязычия (билингвизма) и наличие неравнофункционального двуязычия (диглоссии). Билингвизм имеется лишь на микроуровне среди малых социальных групп чувашского этноса (научно-гуманитарная и художественная «элита», чувашское учительство, представители чувашских mass-media и др.). На территории Чувашии de facto чувашский язык не имеет статуса государственного и не реализует в полной мере свои функции [8]. Это наблюдение А. Хузангай не является единичным, указанная им проблема действительно имеет место. В. Иванов констатирует, что теоретическое и фактическое неравенство государственных языков выражается в том, что знание русского языка безусловно обязательно для получения образования, профессии в государственной и производственной сферах и т.п. Знание же чувашского языка на практике не требуется нигде. Особенно это наглядно проявляется среди городского населения: для значительной части молодых чувашей, мордвы и марийцев родной язык по сути чужой и чуждый. Чувашский язык, будучи родным языком абсолютного большинства населения республики, фактически выполняет лишь функции языка деревенско-бытового общения и интенсивно теряет авторитет у подрастающего поколения. По мнению автора, двуязычие в Чувашии одностороннее, что создает определенную напряженность в национальных отношениях [9].

Состояние этноязыковой ситуации давало основание предполагать, что во время переписи 2002 г. не будет отмечено резкого снижения доли чувашей, татар и мордвы, владеющих родным языком. У марийцев, не проживающих компактно в Чувашии, процесс языковой ассимиляции более выражен, и предполагалось, что это будет зафиксировано в итогах переписи. Как известно, в 2002 г. в переписном листе вопроса о родном языке не было, но по инструкции переписчики должны были задавать его в обязательном порядке. Кроме того, и это также известная ситуация, в качестве родного нередко чуваша, мордва, марийцы (чаще всего в городах) определяли язык своей этнической группы, хотя степень собственного владения им оставляет желать лучшего и намного уступает уровню знания русского языка. Иначе говоря, налицо влияние этнической идентичности на выбор родного языка. Эта ситуация достаточно хорошо изучена, исследователи отмечают, что случаи доминирования «символической» роли языка как базовой этнической ценности над собственно коммуникативной нередки [10].

Подавляющее число жителей республики владеет русским языком: всего 3,5% не дали положительного ответа на данный вопрос. Среди назвавших себя русскими таковых оказалось 0,2%, чувашами — 4,4%, татарами — 10,3%, мордвой — 0,3%, марийцами — 0,3%, армянами — 1,4%, азербайджанцами — 4,1% и т.д. Относительно чувашей и татар следует отметить, что незнание русского языка более всего характерно для пожилых лиц, проживающих в сельской местности. Среди представителей армянской и азербайджанской этнических групп достаточно много недавних мигрантов, которые не владеют русским языком. Данные переписи не свидетельствуют о стремительных процессах сокращения численности лиц, владеющих чувашским языком, прежде всего среди самих представителей титульного этноса. Среди всех чувашей, проживающих в республике, 85,8% заявили о владении ими чувашским языком. В 1989 г. 85,0% чувашей назвали в качестве родного язык своего этноса, кроме того, 2,7% из тех, для кого родной язык был русский, отметили, что они свободно владеют языком своей национальности, что в сумме дает показатель владения чувашским языком в 87,7%. Разница в

Сходства: две столицы находятся в первой тройке всероссийского рейтинга по ИРЧП, а окружающие их области резко отдалены от них (отдаленность в индексах образования сопряжена с методикой учета и подлежит уточнению); наблюдается классическая проблема «центр — периферия» (можно сказать: «центр — ближняя периферия»).

Различия: в Московском регионе эта отдаленность тотальная, особенно велика она между доходами населения двух субъектов РФ, порождая соответствующие проблемы в этом регионе, а в Петербургско-Ленинградском регионе область по доходам населения находится вровень со столицей, даже немного опережает ее, что существенно меняет характер проблем данного региона. Это позволяет подойти к формулированию исходной проблемы-гипотезы исследования.

2. Гипотеза об исходной проблеме

Спонтанно нарастают горизонтальные взаимосвязи между жителями и организациями Москвы и Московской области как единой социокультурной агломерации, но они имеют асимметричный характер. Являясь географическим и историко-культурным центром Московского региона и обладая самым высоким в стране ИРЧП, Москва втягивает в себя значительную часть наиболее квалифицированных трудовых ресурсов области и тем самым сдерживает ее социокультурное развитие. Этому процессу способствуют сложившиеся социальные институты данных субъектов РФ, т.е. правила поведения их социальных акторов, особенно деловых организаций и органов управления, что порождает узлы проблем в повседневной жизни москвичей (жителей города и области). Вместе с тем, в процессах взаимодействия с областью Москва выступает и в качестве ее донора. Требуется выяснить структуру и соотношение (баланс) этих противоположных тенденций.

Учитывая ограниченность ресурсов проекта, целесообразно сосредоточить внимание на изучении содержания и направления *социокультурных взаимодействий* между Москвой и Московской областью, точнее, между их населением и организациями — деловыми, общественными, управленческими, не претендуя на системное представление города и области по всем вопросам. Следовательно, **задача проекта** состоит в том, чтобы выявить **главные измерения социокультурных взаимодействий города и области** (узлов проблем в этих взаимодействиях) и тенденции/векторы их изменений в последние 10—15 лет с целью их прогнозирования на ближайшие 5—10 лет.

Предположительно выделим следующие **узлы социокультурных проблем** во взаимосвязях между столичным городом и областью:

- динамика численности населения региона, его демографического и этнического состава, проблемы межэтнических и межрелигиозных отношений;
- индекс развития человеческого капитала, частные индексы его составляющих как показатели сбалансированности/разбалансированности социальных функций субъектов региона;
 - требуется проверить методическую обоснованность индекса образования для Москвы (ранг 1) и Московской области (ранг 39);
- культурный капитал жителей Москвы и Подмоскovie: образование, его востребованность, применение, перспективы;
- структура базовых ценностей и ценностных позиций населения Москвы и области:
 - функциональная структура ценностей населения региона, иерархия ее слоев;
 - основные типы ценностных позиций населения региона;
 - социокультурные смыслы структуры ценностей, ценностных позиций и экономическое поведение профессиональных групп населения региона;
- социальная стратификация: средний класс (его слои), бедные и нищие (очень богатых оставим для других исследований);
- уровень и качество жизни, его московский (город и область) стандарт:
 - не только индивиды, но домохозяйства;
 - двойной статус москвичей — городской и областной (дачно-коттеджный);
 - блокирована «дачная амнистия»;
 - очереди: в ДЭЗах, поликлиниках, других городских, областных, муниципальных учреждениях..., уровень компьютеризации их услуг;
 - коррупционность городских, областных, муниципальных чиновников;

Н.И. Лапин, С.В. Туманов
(Москва)

ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРТРЕТА МОСКОВСКОГО РЕГИОНА*

Проект «Московский регион: социокультурные измерения» реализуется при поддержке РГНФ с 2007 г. на основе Типовой программы и методики подготовки социокультурных портретов российских регионов, которая разработана Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН и активно используется в 20 субъектах Российской Федерации. Вместе с тем, объект данного исследования весьма специфичен, что требует особого подхода к изучению его социокультурных измерений. В 2007 г. участники проекта уделили значительное внимание разработке такого подхода.

1. Специфика объекта

Московский регион включает два самостоятельных субъекта Российской Федерации: город Москву и Московскую область. Москва имеет столичный статус и является лидером среди субъектов РФ по всем компонентам. Московская область относится к субъектам со средним уровнем развития, где доходы невысокие и меньше продолжительность жизни.

Исторически Москва была «собирателем земель русских». Утрата официального статуса столицы в течение 200 лет, сопровождавшаяся вынужденным переселением в Санкт-Петербург множества состоятельных и предприимчивых людей и другими ограничениями (на строительство каменных домов и т.п.), затормозила, но не прекратила ее развитие.

В настоящее время Москва переживает новый подъем, стала мегаполисом-лидером среди субъектов РФ. Это создает предпосылки для возрастания ее интегрирующей социокультурной миссии, прежде всего в отношении субъектов Центрального федерального округа, центром которого она является, а непосредственно — центром притяжения Московской области, географический, административный, во многом финансовый, отчасти и трудовой центры которой расположены в Москве. Вместе с тем, региональные опросы показывают, что в настоящее время значительная часть населения страны не рассматривает жителей Москвы как «своих».

Чтобы лучше оценить специфику данного региона и подойти к пониманию ключевой проблемы его социокультурных измерений, сопоставим Московский и Петербургско-Ленинградский регионы по их индексам развития человеческого потенциала (ИРЧП) (см. табл. 1). Нетрудно увидеть, что две пары «столичных» регионов имеют как сходства, так и различия.

Таблица 1

Индексы развития человеческого потенциала в Московском
и Петербургско-Ленинградском регионах, 2004 г.*

Регион	ВРП, долл. ППС	Индекс дохода	Ожид. продолжи-ть жизни, лет	Индекс долго-летия	Грамот-ность, %	Доля учащ-ся в возр.7-24 лет, %	Индекс образо-вания	ИРЧП	Место среди субъектов РФ
Россия	9922	0,767	65,3	0,671	99,0	73,7	0,906	0,781	
Москва	17091	0,858	70,8	0,763	99,8	100,0	0,999	0,873	1
Моск.обл.	7670	0,724	65,6	0,676	99,6	59,1	0,861	0,754	39
Разница	-9421	-0,134	-5,2	-0,087	-0,2	-40,9	-0,138	-0,119	-38
СПб	10133	0,771	67,3	0,706	99,8	93,1	0,976	0,817	3
Ленин. обл.	10235	0,772	62,0	0,616	99,5	50,0	0,830	0,740	55
Разница	+102	+0,01	-5,3	-0,9	-0,3	-43,1	-0,140	-0,77	-52

* Источник: Доклад в рамках Программы ООН о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации (опубликован в интернете в мае 2007 г.).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-03-00619а.

1,9 процентных пункта, на первый взгляд, свидетельствует об устойчивости сохранения чувашского языка и может служить неплохим показателем, например, для оценки работы учреждений образования республики. Если же учесть рост доли городского населения среди чувашей, то эта тенденция, то есть увеличение сферы распространения чувашского языка, проявится еще отчетливее. По крайней мере, общепризнано, что с начала 1990-х годов чувашский язык в городах, прежде всего в Чебоксарах, стал звучать чаще на улицах, в транспорте, в молодежной среде и т.д. В то же время следует иметь в виду, что переписчики в 2002 г. не фиксировали у опрашиваемых реальный уровень владения языком, как, впрочем, и в 1989 г., поэтому оперирование полученными данными позволяет иметь представление о языковой ситуации в самом общем виде и не снимает озабоченности специалистов проблемами обучения и функционирования чувашского языка. Собственно, как и о судьбах других языков. Для многих специалистов оказалось неожиданностью более заметное, по сравнению с подобным показателем у чувашского населения, сокращение удельного веса татар, владеющих татарским языком, тем более, что соотношение между городским и сельскими частями этноса у них осталось практически неизменным с 1989 г. Таким образом, потеря своего языка у татар идет более значительными темпами, чем у чувашей, хотя традиционно они воспринимаются в Чувашии более консервативными с точки зрения сохранения и применения своего языка, этнической культуры. Если в 1989 г. татарский язык знали 92,5% всего татарского населения Чувашии, то в 2002 г. таковых насчитывалось 89,4%. Еще быстрее темпы у подобного процесса среди мордвы: в 1989 г. знали языки своего этноса (эрзянский и мокшанский) 81,0%, в 2002 г. — 72,6%. Более всего родные языки теряют свои позиции среди горожан.

Данные социологического опроса 2006 г. коррелируют с данными переписей населения. Так, 81,5% опрошенных чувашей заявили, что их родной язык — чувашский, а остальные 18,5% высказались в пользу русского языка (среди русских 99,7% назвали русский язык и 0,3% — чувашский). В составе сельских чувашей этот показатель равнялся 89,5%, в составе городских — 73,5%. Ответы на вопрос «На каком языке Вы разговариваете?» представлены в таблице 5. Из них следует, что для чувашей преимущественное (весьма условное) пользование материнским языком приходится на семейные контакты, примерное такое же распределение характерно и для общения с соседями. В магазинах и на работе в двух третях случаев предпочтение отдается русскому языку, а в государственных учреждениях (для абсолютного большинства опрошенных это и муниципальные учреждения и службы) русский язык применяется практически в трех случаях из четырех.

Таблица 5

Уровень применения русского и чувашского языков
в различных сферах общения (в %)

	На каком языке Вы разговариваете	на русском		на чувашском	
		русские	чувашские	русские	чувашские
В своей семье	русские	98,9	1,1		
	чувашские	48,1	51,9		
С соседями	русские	96,9	3,1		
	чувашские	51,4	48,6		
В магазине, на базаре	русские	97,2	2,8		
	чувашские	64,4	35,6		
На работе	русские	97,1	2,9		
	чувашские	64,2	35,8		
В госучреждениях	русские	98,3	1,7		
	чувашские	73,6	26,4		

Материалы опроса еще раз подтверждают обоснованность беспокойства исследователей, деятелей культуры о проблемах практического применения чувашского языка.

Развитие образования в Чувашии. Развитие системы образования в Чувашской Республике основывается на признании образования как приоритетного направления для обеспечения динамичного и гармоничного социально-экономического развития.

Документом, положившим начало модернизации системы образования в Чувашии, стала Президентская программа «Новая школа», принятая 31 января 1997 г. В целях последовательного повышения качества жизни населения, развития человеческого потенциала и обеспечения опережающего развития эффективной системы непрерывного образования как главного стратегического ресурса экономики инновационного типа, Указом Президента Н.В. Федорова от 21 марта 2008 г. утверждена «Стратегия развития образования в Чувашской Республике до 2040 года» [11].

Образование является одним из интеграторов культурного потенциала республики. В начале 1990-х годов уровень образования населения Чувашии, особенно чувашского, проживавшего преимущественно в сельской местности, был невысок. Если среди русских, 88% которых — горожане, высшее и неоконченное высшее образование имели 21% населения в возрасте 15 лет и более, то среди чувашского населения — 13,7%. Более трети населения республики имело начальное профессиональное и общее среднее образование (35% жителей, в среднем по России — 30%). Помимо высокой доли населения, проживающего в сельской местности, уровень образования был связан и с тем, что Чебоксары вплоть до середины 90-х годов XX века не были крупным вузовским центром. Однако в последнее десятилетие высшее образование, как и все образование в республике развивается ускоренно. Получение вузовского и послевузовского образования является приоритетным для общества, это один из показателей повышения социального статуса и занятия устойчивого положения на рынке труда в социальной сфере. За 1989—2002 гг. число специалистов с высшим образованием (включая послевузовское) увеличилось на 62,3 тыс. человек (на 79,4%), с неполным высшим — на 14,7 тыс. человек (в 2,1 раза), со средним профессиональным — на 104,2 тыс. человек (на 64,1%), с начальным профессиональным — на 26,4 тыс. человек (на 18,7%). На 4,5 тыс. человек (на 2,2%) увеличилось число лиц, имеющих среднее (полное) образование. Число лиц в возрасте 15 лет и более с основным общим и начальным образованием уменьшилось. По данным переписи 2002 г., 1,6 тыс. чел. имели послевузовское образование.

Таблица 6

Уровень образования населения Чувашии по возрастным группам (тыс. чел.)*

	Имеющие образование							Не имеющие начального общего образования
	профессиональное				общее			
	высшее	неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
Все население, в возрасте 18 лет и более	140828	27869	266244	166592	190763	111313	86436	10417
18–24	11752	15964	30899	22711	45821	10848	743	463
25–34	35630	5700	60846	39717	34381	9149	929	643
35–44	37006	2870	74076	44925	46964	7903	888	567
45–54	29763	1587	57495	34961	38037	17032	2110	385
55–64	14909	748	23788	14606	15516	25758	12724	395
65+	11768	1000	19140	9672	10044	40623	69042	7964

* Составлено по данным переписи населения 2002 г.

По уровню образования респонденты опережали население республики. Так, незаконченное высшее, высшее и послевузовское образование имели 29,6%, среднее специальное образование — 30,4%, начальное специальное и среднее — 28,4%, начальное образование — 2,2%, отказались от ответа — 1%.

Административная реформа требует проведения особой кадровой политики. Нормативной правовой основой совершенствования системы кадрового обеспечения государственного управления в области являются законы области: от 31.10.2005 № 623-ЗТО «О государственной гражданской службе Тульской области», от 31.10.2005 № 624-ЗТО «О реестре должностей государственной гражданской службы Тульской области»; постановление администрации Тульской области от 26.01.2006 № 52 «О конкурсных комиссиях на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Тульской области в органах исполнительной власти, подразделениях аппарата администрации Тульской области».

В программе социально-экономического развития региона, говорится, что «мероприятия по совершенствованию государственной службы предусматривают внедрение норм служебной этики и служебного поведения государственных служащих, а также должностных стандартов и квалификационных требований по государственным должностям. Повышение профессионального уровня государственных гражданских служащих является приоритетным направлением реформирования государственной службы» [6]. В программе также указывается на важность соблюдения принципа профессионализма и компетентности гражданских служащих, для успешной реализации задачи социально-экономического развития региона. Принцип профессионализма и компетентности предполагается осуществлять не только через систему подготовки и повышения квалификации госслужащих, но и через формирование правил служебной и должностной этики.

В программе предполагается сосредоточить усилия на формировании кадрового состава государственной гражданской службы, способного на должном уровне реализовывать функции государства. Это обеспечивается «оценкой результатов профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих; установлением особого порядка оплаты труда по результатам служебной деятельности; созданием и ведением реестра должностей государственных гражданских служащих; формированием кадрового резерва всех уровней; использованием современных кадровых технологий (конкурсов, аттестаций, квалификационных экзаменов).

Проведение открытых конкурсных процедур на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы области и включение гражданских служащих и граждан в кадровый резерв позволит усилить мотивацию и повысить конкурентоспособность служащих, вместе с тем позволит обеспечить конституционное право граждан на равный доступ к государственной гражданской службе, открытость и подконтрольность кадровых решений гражданскому обществу» [7].

Кодекс парламентской этики является одним из первых шагов к вышеозначенным целям, т.к. методы внутрипарламентского регулирования могут выступать примером внутреннего контроля органов власти. В странах с развитым этическим регулированием в политике, парламентская этика вплетена в общую систему так называемой правительственной этики, которая охватывает все уровни власти. Развитая система этического регулирования поможет реализовать цели административной реформы в Тульской области и положительно повлиять на *социокультурный портрет* региона в целом.

Литература

1. См.: Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Национальный демократический институт, 2000.
2. Парламентская этика в России. Сборник материалов Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по этике. М.: Издание Государственной Думы, 2002. С. 135–136.
3. Подготовлено по материалам сайта — www.tulaoblduma.ru.
4. По материалам Вестника Тульской областной Думы № 3 (28) — № 4 (29). Официальное издание. «Гриф и К». Тула, 1998. С. 97–109.
5. Подготовлено по материалам сайта — www.tulaoblduma.ru.
6. www.tulaoblduma.ru.
7. Там же.

4. В следующем разделе кодекса речь идет о защите чести и достоинства депутата, а также членов его семьи (Правила депутатской этики, касающиеся защиты личного достоинства депутата). Этот раздел правил, скорее всего, явился попыткой дать правовые гарантии личной неприкосновенности при политическом противостоянии, охранить политический имидж.

5. Финансовые и имущественные требования к депутатам — наиболее важный вопрос в парламентской этике. Однако, для того, чтобы применить эти требования, необходима хорошая правовая база и целенаправленная политика по борьбе с коррупцией в депутатской среде. Тем не менее, тульские парламентарии все-таки довольно подробно оговорили в кодексе основные финансовые и имущественные требования. В главе, посвященной этому, речь идет о недопустимости использования статуса депутата в корыстных целях, о нежелательности привлечения средств, связанных с финансированием профессиональной деятельности из иных источников, кроме заработной платы, о запрете на лоббирование, о недопустимости принятия подарков и оплаты отдыха.

6. Последняя часть правил посвящена описанию функций и полномочий Комиссии по регламенту и депутатской этике областной Думы, призванной следить за выполнением всех вышеуказанных правил. Комиссия обладает следующими полномочиями: рассмотрение дел, связанных с нарушениями депутатской этики, разработка предписаний, направленных на ее соблюдение, вынесение оценок и санкций.

Каким же образом кодекс парламентской этики может влиять на общую *социокультурную ситуацию* в Тульской области? Кодексы парламентской этики могут помочь созданию и укреплению необходимой правовой базы, лежащий в основе современных социальных преобразований, не последнюю роль в успешной реализации которых играет борьба с коррупцией, как в сфере законодательной, так и исполнительной власти. В этой связи необходимо обратить внимание на проводимую в России административную реформу, цели которой определены в 2006—2008 гг. (одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.10.2005 № 1789-р). В Тульской области эти цели, в соответствии с социально-экономическими и *социокультурными* проблемами, были разработаны и утверждены распоряжением губернатора области от 26.05.2006 № 628-рг.

В рамках административной реформы в области в 2006—2008 гг. были обозначены следующие цели [5]:

1. Повышение качества и доступности государственных услуг, оказываемых органами исполнительной власти области;
2. Повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти области по оказанию государственных услуг и исполнению государственных функций;
3. Ограничение вмешательства органов исполнительной власти области в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования.

В соответствии с этим было предусмотрено осуществление ряда пилотных проектов, направленных, главным образом, на борьбу с коррупцией:

- формирование новой эффективной системы управления областью путем перехода от отраслевой системы построения исполнительных органов государственной власти области к системе построения, основанной на программно-функциональных принципах;
- формирование публичного государственного областного электронного реестра государственных функций и перечня государственных услуг, предоставляемых органами государственной власти при исполнении ими государственных функций;
- устранение избыточных и дублирующих функций;
- качественное улучшение и модернизация в 2006—2007 годах государственных услуг в сфере предоставления жилищно-коммунальных, социальных и регистрационных услуг;
- введение регламентов и стандартов предоставления услуг, модернизация системы приема и обработки социальных платежей, построенная на базе создаваемого единого областного информационного межведомственного ресурса.

Реформирование осуществляется в интересах развития гражданского общества, укрепления правового государства, положительного изменения отношений граждан и власти всех уровней.

Таблица 7

Уровень образования респондентов различных возрастных групп (в %)

	Всего	18–24	25–34	35–44	45–54	55–64	65 и старше
Без образования, начальное	2,2	0,5	—	1,0	0,5	3,5	10,4
Незаконченное среднее	2,3	2,7	3,0	3,7	4,3	20,1	31,2
Среднее общее	25,4	35,7	16,3	26,2	29,9	23,6	16,0
Начальное специальное	3,0	3,8	3,0	2,6	2,7	4,9	0,8
Среднее специальное	30,4	18,4	33,1	35,1	36,4	29,2	29,6
Незаконченное высшее	6,7	23,2	4,8	4,2	2,1	1,4	1,6
Высшее	21,9	14,6	36,7	25,7	24,1	17,4	9,6
Второе высшее, аспирантура	1,0	1,1	3,0	1,6	—	—	—

Наиболее динамично за этот период развивалось высшее образование. Так, если в 1990 г. в республике функционировало 3 государственных ВУЗа, то в 2006 г. их количество увеличилось до 7 (из них 5 государственных и 2 негосударственных) и 14 филиалов. Соответственно увеличилось и количество студентов. Если в 1991/1992 учебном году на 10000 чел. населения приходилось 138 студентов, то в 1995/1996 — 152, в 1998/1999 — 226, а в 2006/2007 — 501,2. Однако вызывает тревогу снижение качества высшего образования, обусловленное, в частности, также и появлением в республике нелегализованных филиалов различных московских и иных вузов страны, хотя в них обучается всего 1/10 часть всех студентов.

В республике с начала 1990-х годов наблюдается тенденции снижения численности дошкольных образовательных учреждений. Так, если в 1990 г. в республике их было 677 с 86 тыс. воспитанников, то в 2006 г. осталось 430 учреждений с 49,7 тыс. воспитанниками. Сокращение дошкольных учреждений обусловлено снижением численности детей и передачей различных учреждений на муниципальный уровень и перепрофилированием их деятельности. Однако начиная с 2000 г. постепенно увеличивается охват детей дошкольными образовательными учреждениями: с 54,2 в 1994 г. до 67,5% в 2006 г., что позволило Республике занять 25-е место в Российской Федерации и 6-е место в Приволжском федеральном округе.

За последнее десятилетие произошло сокращение численности общеобразовательных учреждений с 727 в 1990 г. до 575 в 2006 г. Причем наиболее сильное сокращение их численности пришлось на последние восемь лет. Так, если за десять лет, начиная с 1990 г., число общеобразовательных учреждений сократилось на 20, то с 2000 г. на 132. Во многом это связано с падением рождаемости и реструктуризацией общеобразовательных учреждений, в результате чего наибольшее снижение их численности произошло в сельской местности: с 539 в 2000 г. до 433 в 2006 г. Значительно сократилась численность учащихся с 214231 в 1990 г. до 147491 в 2006 г.

В настоящее время (2008 г.) на территории республики функционируют 542 школы, из них 43 начальные, 143 — основные, 340 — средние и 16 — специальные коррекционные, в них обучается 134,5 тыс. учащихся. В процессе реструктуризации школ было создано 138 базовых школы и 11 ресурсных центров профессионального образования. В современные образовательные центры в сельской местности ежедневно подвозятся более 11 тыс. детей почти из 800 сельских поселений на 277 школьных автобусах.

Так же происходит снижение численности учреждений начального профессионального образования. Так в 1990 г. в республике насчитывалось 37 учреждений НПО, то в 2006 г. их численность снизилась до 28. Соответственно уменьшилось и численность учащихся в них с 17,7 тыс. человек, до 13,4 тыс.

В то же время достаточно стабильным оставался сектор среднего специального образования. В 1990 г. в республике функционировали 26 средне-специальных учебных заведений, в 2006 г. их стало 28. Из них 3 заведения — негосударственные. Соответственно увеличилось и число студентов с 21,9 тыс. человек в 1990 г. до 26,7 тыс. в 2006 г.

Русские продолжают опережать представителей других народов по наличию в них групп с высшим и средним профессиональным образованием. Среди сельских жителей республики по наличию лиц с послевузовским и высшим и неполным высшим образованием чуваша опережают другие этнические группы. Резервы развития человеческого потенциала за счет повышения уровня образования и образованности в подавляющем большинстве регионов России эксперты считают исчерпанным. Уровень грамотности достиг своего предела, дальнейшее повышение охвата обучением невозможно без значительного роста расходов на образование. Этой ситуации способствует снижение численности детей школьного возраста, особенно в сельской местности.

Литература

1. Лапин Н.И. О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. С. 1-7-141.
2. Доклад о ходе реализации Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года по итогам 2007 года. Чебоксары, 2008. С. 7—8.
3. Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия Россиян и их отношения к институтам власти // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Ч. II. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 17.
4. Лапин Н.И. Регион как поле социального самочувствия Россиян и их отношения к институтам власти. С. 19.
5. Индекс развития человеческого потенциала разрабатывается как средняя от трех показателей: доход (душевой ВРП); долголетие и образование, ежегодно рассчитывается и публикуется в рамках Программы развития ООН (ПРООН).
6. Лапин Н.И. Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2006. № 2. С. 37; Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006/2007 гг. / Под общей редакцией проф. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой. М., 2007. С. 128—135.
7. Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонова В.Г. Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006.
8. Хузангай А.П. Проблема языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары, 1999. С. 91, 93, 101.
9. Иванов В.П. Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации. Чебоксары, 1999. С. 18.
10. Подробнее см. например: Хабенская Е. «Родной язык» как этнический символ // Казанский федералист. 2004. № 1 (9). С. 91—109.
11. Стратегия развития образования в Чувашской Республике до 2040 года. Чебоксары, 2008. — 144 с.

Принятые Думой правовые акты можно разделить на три блока: государственное строительство, финансово-экономическое и социальное законодательство. В общей сложности было принято более 30 законов, относящихся к сфере государственного строительства. Вопросы бюджета, собственности, экономической, финансовой и налоговой политики регулировали в тот период около 100 принятых Думой законов.

В активе Думы было более 50 законов, призванных повлиять на *социокультурный процесс* развития области в целом. Это законодательные инициативы, направленные на поддержку малообеспеченных слоев населения, на усиление социальной защищенности работников бюджетной сферы, на улучшение финансирования учреждений образования, здравоохранения и культуры.

За минувшее время депутаты приняли 23 программы, большинство из которых относились к *социальному блоку*. Целевое финансирование из бюджета области позволяло успешно решать важные социальные задачи.

В общей сложности Дума III созыва приняла 192 закона.

Одним из направлений деятельности депутатов являлось участие в разработке федеральных законов. За прошедшее время Дума 5 раз выступала с законодательными инициативами. Депутатами были подготовлены законопроекты, предлагавшие внести изменения в Налоговый кодекс РФ, в Законы «О средствах массовой информации», «О занятости населения в Российской Федерации». Комитеты областной Думы вели большую работу с проектами федеральных законов. Было рассмотрено около 660 поступивших из Государственной Думы законопроектов.

Депутаты областной Думы работали в тесном контакте с законодателями из других регионов. Комитеты Думы рассмотрели 261 законодательную инициативу и 185 обращений представительных органов субъектов Российской Федерации. Большинство из них было поддержано депутатами областной Думы.

За прошедшее время Дума приняла 23 обращения по различным вопросам социально-политической и *социокультурной* жизни страны и области. Значительное число обращений было адресовано Президенту, Правительству и Федеральному Собранию РФ.

В Тульской областной Думе Комиссия по этике сформировалась в 1996 г., а кодекс депутатской этики увидел свет в 1998 г. Правила депутатской этики Тульской областной думы, довольно подробно оговаривают сферы регулирования, а его основные положения заключаются в следующем [4]:

1. В начале кодекса оговариваются основы депутатской деятельности, подчеркивается необходимость соблюдения депутатами законов, поскольку они являются представителями власти. Отмечается, что уважение достоинства коллег и избирателей является необходимой гарантией сохранения статуса парламента: «Основами деятельности депутатов областной Думы являются: сочетание интересов государства и интересов населения области; соблюдение законов; следование моральным критериям, отражающим идеалы добра, справедливости, гуманизма, милосердия, честности и порядочности».

2. Далее перечисляются принципы и правила поведения, которым депутат должен следовать в стенах парламента. Основной упор здесь делается на нормы поведения во время выступлений и слушаний, на культуру общения с другими депутатами: «Депутат должен проявлять терпимость и уважение к чужому мнению, не допускать командно-приказного стиля по отношению к депутатам и между депутатами, всесторонне учитывать позиции различных групп и объединений депутатов перед принятием решений».

В этой части правил оговорены и правила трудовой дисциплины и меры дисциплинарного воздействия на нарушителей, что часто встречается в кодексах парламентской этики.

3. Следующая группа правил касается взаимодействия депутатов с органами власти, СМИ, избирателями и т.д. Эта часть кодекса носит название «Правила депутатской этики, относящиеся к взаимоотношениям депутата с государственными органами, предприятиями, учреждениями, организациями, общественными объединениями, средствами массовой информации, должностными лицами и гражданами». Здесь речь ведется о запрете на действия, приводящие к конфликту интересов, а так же о запрете использования депутатского статуса в личных целях.

Ю.В. Назарова
(Тула)

ВЛИЯНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЭТИКИ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЕ НА СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СИТУАЦИЮ В РЕГИОНЕ*

Одним из институтов, осуществляющих нормативное регулирование и поддержку принципов и ценностей демократии, является парламентская этика.

Проблемы парламентской этики давно стали предметом повышенного внимания в странах с богатым парламентским опытом, таких как Великобритания, Канада, США, Франция и т.д. Парламентская этика определяется там, в первую очередь, как средство борьбы с коррупцией. Опыт западных демократий показывает, что она охватывает следующие сферы регулирования: 1) контроль за поведением депутатов в парламенте; 2) запрет на обслуживание одних групп избирателей в ущерб другим; 3) запрет на злоупотребление служебным положением; 4) контроль за подачей налоговых деклараций; 5) контроль за общественным поведением депутата [1].

Государственная Дума РФ тоже столкнулась с необходимостью создания свода правил депутатской этики. Статьи российского проекта кодекса касались регулирования следующих сфер депутатской деятельности: 1) правила парламентской этики на заседаниях; 2) правила взаимоотношений с избирателями; 3) правила по взаимодействию с государственными органами и должностными лицами; 4) правила взаимодействия со СМИ; 5) правила парламентской этики в ходе пребывания в иностранных государствах; 6) финансовые и имущественные требования; 7) правила взаимоотношений депутатов с работниками аппаратов палат Федерального Собрания РФ.

Кроме того, проект кодекса предусматривал разработку мер морального и дисциплинарного воздействия за несоблюдение правил депутатской этики [2].

Областные Думы в России вправе разрабатывать кодексы депутатской этики самостоятельно. В некоторых областных парламентах ведутся разработки кодексов парламентской этики, а первыми на этом пути стали депутаты Курска и Тульской областной Думы. Для того, чтобы понять особенности тульского кодекса парламентской этики, необходимо показать Тульскую областную Думу в социокультурном аспекте.

Портрет Тульской областной Думы в социокультурном аспекте [3].

Тульская областная Дума стала одним из первых в стране региональных органов законодательной власти. В декабре 1993 г. состоялись выборы в 29 избирательных округах.

В 1996 г., в период работы Думы второго созыва, начали действовать мандатная комиссия и комиссия по Регламенту и депутатской этике.

Выборы в Думу третьего созыва состоялись в октябре 2000 г. (довыборы по 8 избирательным округам прошли в марте 2001 г.). Дума состояла из 48 депутатов, избранных по одномандатным округам на четырехлетний срок.

Для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к ведению Думы, были сформированы пять комитетов: по законодательству и местному самоуправлению; по бюджету и финансам; по экономической политике, налогам и собственности; по социальному законодательству и охране здоровья населения; по науке, образованию, культуре, молодежной политике, физической культуре и спорту. Кроме того, действовали комиссии по Регламенту и депутатской этике, по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству, по вопросам средств массовой информации и информационному обеспечению Думы.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-71301а/Ц.

Т.Г. Артемьева
(Чебоксары)

ЭТНИЧЕСКАЯ МОЗАИЧНОСТЬ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧУВАШИИ*

Географическое пространство представляет собой сложную систему, состоящую из взаимодействующих геосистем: природных, социо-культурных, хозяйственных и др. Главный признак геосистем — привязка к территории. Она выполняет роль базиса и объединяет географические объекты как между собой так и с территорией. Территория выражает метрические и типологические свойства реального пространства, т.е. позволяет выделять ареалы, районы, зоны [1]. Культура определяет тип геопространства, его содержание и структуру. Чем больше комплексов культуры нашло в географическом пространстве свое отражение, тем глубже и содержательнее само геокультурное пространство.

Территория Чувашской Республики начала заселяться очень давно. Древнейшая стоянка человека на территории республики обнаруженная около деревни Уразино Янтиковского района относится к позднему палеолиту (40—10 тыс. лет назад) [2]. Тюркоязычные предки чувашей — булгары и сувары появились в Среднем Поволжье в VII—VIII в., их прародиной была Центральная Азия. На новом месте булгарские и суварские племена поселились среди финно-угорских племен и заняли здесь главенствующее положение. В X в. в Среднем Поволжье образовалось феодальное государство Волжская Булгария, куда вошла вся территория современной Чувашии. Кроме болгар, в этом государстве проживали буртасы, древние мари и другие. Таким образом, в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции племен и народов, что привело к взаимодействию и интеграции разных этнокультур и др. этническим процессам.

По данным переписи населения 2002 г. на территории республики проживает чувашей 889,3 тыс. чел. (67,7%), русских — 348,5 тыс. чел. (26,5%), татар — 36,4 тыс. чел. (2,8%), мордвы 16,0 тыс. чел. (1,2%), марийцев 3,5 тыс. чел. (0,3%) и 20,1 тыс. чел. (1,5%) др. национальностей [3].

Таким образом, на территории республики сложились гнезда проживания различных народов. Данные этногеографических исследований, в свою очередь, подтверждают наличие этих народностей на современной территории Чувашской Республики с давних времен. Более того, сравнение схем расселения этносов по данным переписи 2002 года и данным топонимии позволяет проследить динамику этнического состава региона (рис. 1).

Неоднородность национального состава республики достаточно объективно отображает индекс этнической мозаичности (ИЭМ), предложенный Б.М. Эккелем. ИЭМ рассчитывается следующим образом:

$$P_j = 1 - \sum (a_i)^2$$

где P_j — индекс этнической мозаичности, a_i — доля i национальности во всем населении региона, Σ — автосумма.

Используя данные из таблицы 1 получим следующие результаты (табл. 2).

Абсолютное большинство районов — территории с преобладанием чувашей. Однако геокультурное пространство почти всех районов формировалось под влиянием русских на севере и в центральной части республики, татар — на юго-востоке и мордвы на юго-западе (рис. 3). Наибольшей этнической идентичностью обладают Моргаушский, Урмарский, Красноармейский, Красночетайский, Аликовский и Яльчикский районы (рис. 2). Шумерлинский район, в свою очередь, постепенно стал этноконтактной зоной с высокой степенью сложности.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-22607а/В.

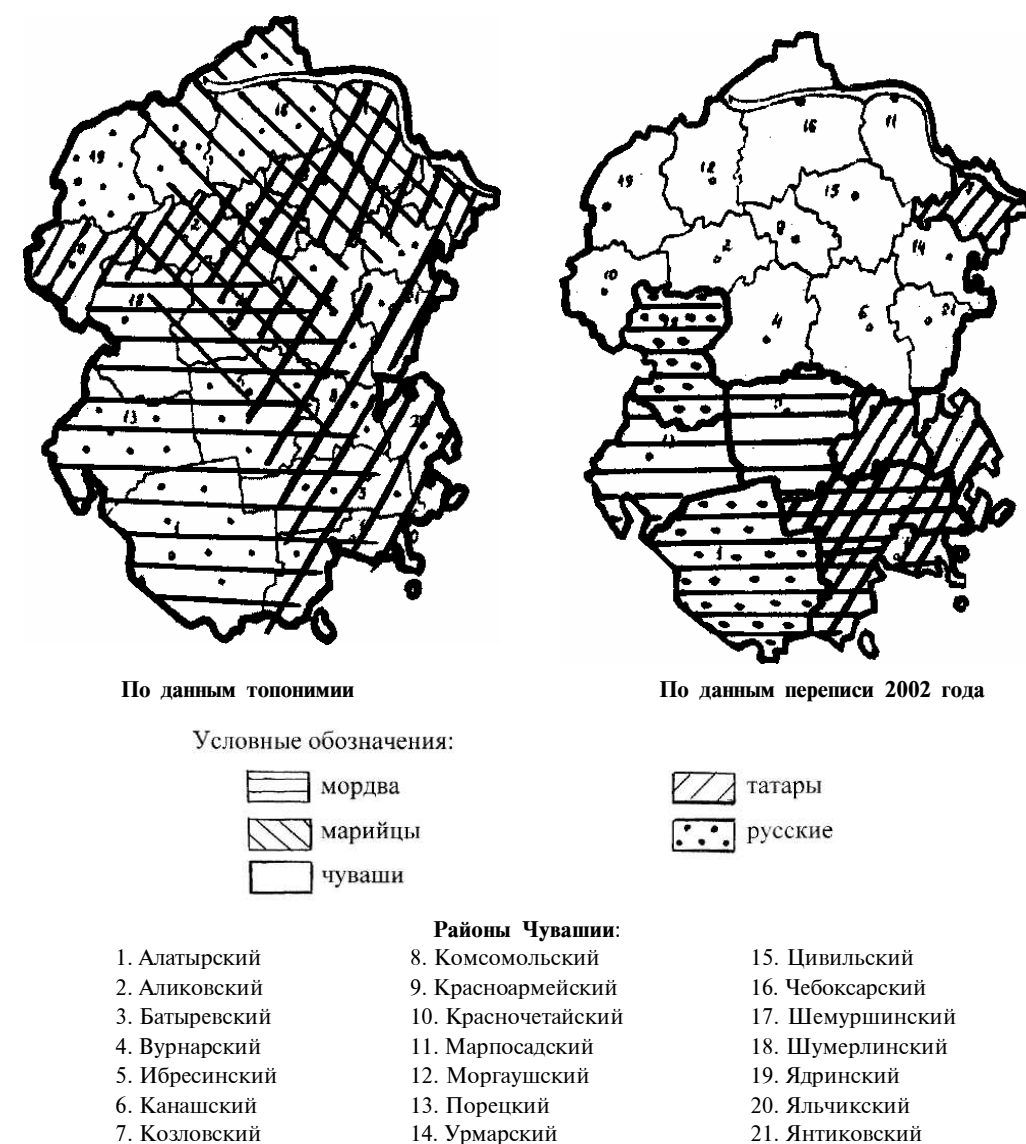

Рис. 1. Схемы расселения этносов по территории Чувашии

Доля этнических групп в общей численности населения Чувашии, в % (по данным переписи 2002 г.)

№ п/п	Районы	Доли этнических групп					
		чувашИ	русские	татары	мордва	мариЙцы	другие
1	Алатырский	9,1	76,9	0,8	10,3	0	2,3
2	Аликовский	98,1	1,7	0	0	0	0,2
3	Батыревский	72,7	1,5	25,4	0,3	0	0,1
4	Вурнарский	91,5	7,4	0,5	0,1	0	0,5
5	Ибресинский	83,5	11	2,8	2	0	0,5
6	Канашский	74,9	18,5	5,2	0,3	0	1,1
7	Козловский	67,4	24,9	5,8	0,2	0,2	1,5
8	Комсомольский	69,2	4,3	26,2	0,1	0	0,2
9	Красноармейский	97,1	2,5	0,1	0	0	0,3

— в сфере образования применяются такие формы, как создание собственных образовательных учреждений, школ, гимназий, духовных семинарий; распространение литературы; совместное со светскими образовательными учреждениями проведение семинаров, лекций, участие в конференциях;

— в сфере молодежной политики — проводятся мероприятия, акции, посвященные проблемам наркомании, СПИДа, алкоголизма и т.д.; индивидуальные беседы с молодыми людьми; массовые собрания; спортивные мероприятия; организация летних стационарных и палаточных лагерей отдыха; учреждение общественных молодежных организаций;

— в сфере благотворительности социальная деятельность религиозных организаций выступает в форме акций помощи детским домам, интернатам, пансионатам, домам престарелым и т.д.; оказания помощи и поддержки людям в медицинских учреждениях, местах заключения — СИЗО, тюрьмах и пр.;

— работа в средствах массовой информации проявляется в форме учреждения собственных СМИ — издательств, типографий; проведение теле и радио программ на государственных и коммерческих каналах; создание сайтов, чатов, форумов в Интернете, проведение видео-конференций и пр.

3) Социальная деятельность нетрадиционных религиозных организаций в сравнении с аналогичной деятельностью Русской православной церкви обнаруживает большое сходство.

Социальная деятельность религиозных организаций, под которой понимается благотворительная деятельность и социальное служение на государственном и общественном уровне, связанные в сознании людей с такими понятиями, как милосердие, филантропия, сострадание, сочувствие, готовность оказать безвозмездную помощь всякому, кто в ней нуждается, имеет большое практическое значение. Она улучшает духовно-нравственный климат в области, способствует гуманизации общественных отношений, и вносит огромный вклад в формирование социокультурной жизни жителей Тульского региона.

Социальная работа ОСК основана на программах общественного фонда по Тульской области «Пища жизни», направленных на благотворительную деятельность. С 2002 г. программы проводились во Дворце профсоюзов — «Вечер памяти Джорджа Харрисона», «День инвалида», «День матери»; Центрах соцзащиты населения — «Программа, посвященная блокаде Ленинграда», «Праздничная программа ко дню инвалида», «Фестивали творчества детей с ограниченными возможностями». В Центре соцобслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов «Лесная поляна» проводится программа «Здравствуй, весна!», в канун Нового года — праздничная программа «Встреча друзей!». Также проводятся тематические программы: «Жить просто, а мыслить возвышенно», «Питание и здоровье», «Посты и вегетарианство», «Как сделать мир без войн и терроризма», «День инвалида». В Центральном парке им. Белоусова ежегодно проводится «День Индии». Всего ежегодно проводится около 15 программ, и все они направлены на заботу, любовь, милосердие.

Церковь Объединения, имеет много полезных обществу программ «Мой мир и я», «За чистоту любви и истинные семьи» и т.д. В Туле деятельность Церкви объединения велась с 1994 года. За это время активная деятельность данного движения проводилась в сфере образования, в молодежных и социальных проектах. Во многом этому способствовало создание таких общественных организаций как Федерация «Женщины за мир во всем мире», Федерация «Семьи за единство и мир во всем мире», Студенческая ассоциация по изучению принципа.

Имея регистрацию религиозного движения в Туле, Церковь объединения осуществляет уставную деятельность, а именно проводит лекции, семинары, вечерние программы и воскресные службы для своих членов, занимается сбором средств, пожертвований путем распространения книг «Мой мир и Я» и газеты Движения «За чистоту любви и истинные семьи».

Деятельность студенческой ассоциации «КАРП» заключалась в проведении лекционных (слайдовых) курсов в школах, техникумах, посвященные проблемам наркомании и СПИДа.

Члены организации проводили также благотворительные мероприятия по оказанию гуманитарной помощи домам ребенка; детям школы-интерната (детям-сиротам); по благоустройству и озеленению территорий, уборка; по ремонту помещений, оклейке обоев, уборке мусора, мытье полов, стен, окон, утепление окон и т.д. в домах ребенка и пр.

Церковь Саентологии осуществляет свою деятельность, используя название некоммерческого партнерства «Тульский центр прикладной философии». Проводят различного рода мероприятия, на которых все желающие, например, могут пройти медицинское обследование и в случае выявления проблем со здоровьем им предлагаются разнообразные курсы лечения. Были попытки внедрения лекционных саентологических курсов в колледжи города, которые не увенчались успехом.

Анализ структуры социальной деятельности религиозных организаций позволил прийти к следующим выводам:

1) Структура социальной деятельности религиозных организаций представляет собой совокупность основных направлений, носителей, средств и форм социальной деятельности.

Основным содержанием социальной деятельности религиозных организаций является диалог «с миром». Взаимодействие с обществом обязывает организацию учитывать современную социально-экономическую и политическую ситуацию в обществе, искать новые формы деятельности в сфере образования, молодежной политике, благотворительной деятельности, средств массовой информации. Этическая направленность социальной деятельности, также является одним из направлений работы, связанной с проблемой социального служения.

Носителями социальной деятельности религиозных организаций являются профессиональные служители культа, руководители, члены этих организаций, а также различного рода общественные организации, созданные на их базе.

Средствами социальной деятельности религиозных организаций являются средства массовой информации, информационно-коммуникационные технологии, публикации, музыка, кино и т.д.

2) Анализ форм социальной деятельности религиозных организаций на примере Тульской области позволяет выделить следующие:

Продолжение табл. 1

№ п/п	Районы	Доли этнических групп					
		чуваши	русские	татары	мордва	марийцы	другие
10	Красночетайский	97,9	1,7	0,1	0	0,1	0,2
11	Марпосадский	78,1	20,3	0,2	0,2	0,2	1
12	Моргаушский	97,1	2,3	0,1	0	0,2	0,3
13	Порецкий	5	72,1	0,2	21,8	0,1	0,8
14	Урмарский	96,1	3,3	0,1	0,1	0,1	0,3
15	Цивильский	85,5	12,7	0,6	0,1	0,1	1
16	Чебоксарский	63,5	32,3	1,1	0,4	0,5	2,2
17	Шемуршинский	79,6	6,8	10,9	2,3	0,1	0,3
18	Шумерлинский	39,1	54,7	1,9	2,3	0	1,9
19	Ядринский	84,2	14,7	0,1	0,1	0,4	0,5
20	Яльчикский	97,1	0,9	1,9	0	0	0,1
21	Янтиковский	90,5	8,9	0,2	0,1	0	0,3

Таблица 2

Индексы этнической мозаичности районов Чувашской Республики

№ п/п	Районы	Индекс этнической мозаичности	№ п/п	Районы	Индекс этнической мозаичности
1	Алатырский	0,389	12	Моргаушский	0,056
2	Аликовский	0,037	13	Порецкий	0,43
3	Батыревский	0,406	14	Урмарский	0,075
4	Вурнарский	0,157	15	Цивильский	0,252
5	Ибресинский	0,286	16	Чебоксарский	0,479
6	Канашский	0,401	17	Шемуршинский	0,349
7	Козловский	0,482	18	Шумерлинский	0,546
8	Комсомольский	0,45	19	Ядринский	0,269
9	Красноармейский	0,056	20	Яльчикский	0,056
10	Красночетайский	0,041	21	Янтиковский	0,173
11	Марпосадский	0,348			

Контакты между этническими группами в пределах республики достаточно широки. В настоящее время в Чувашии насчитывается 20 мордовских (эрзянских) населенных пунктов и 6 поселений, где они проживают с другими народами. Расположены они в Алатырском районе — 15, Порецком — 4, Шемуршинском — 3, Ибресинском — 2, Батыревском и Шумерлинском — по 1, кроме того, половина мордвы проживает в городах республики. Чисто марийских поселений не сохранилось. Также в республике есть 20 татарских и 3 смешанных поселений: в Батыревском районе — 9, Комсомольском — 8, Козловском, Яльчикском и Шемуршинском — по 2, около 40% татар проживает в городах. Количество русских поселений с 1926 г. сократилось на 37 и равняется 133, а смешанных — с 25 до 18. Основная масса русских проживает в Алатырском, Порецком и Шумерлинском районах. В остальных их доля составляет от 1 до 33%. Чувашских поселений в республике 88,6% [3].

Расположение Чувашии на границе ландшафтных зон и подзон, где проходят границы фаунистических и флористических комплексов, в то же время, являясь регионом интеграции и взаимодействия разных этнокультур и этнических процессов, не могло не проявиться в своеобразии формирования природно-культурной среды развития чувашского народа.

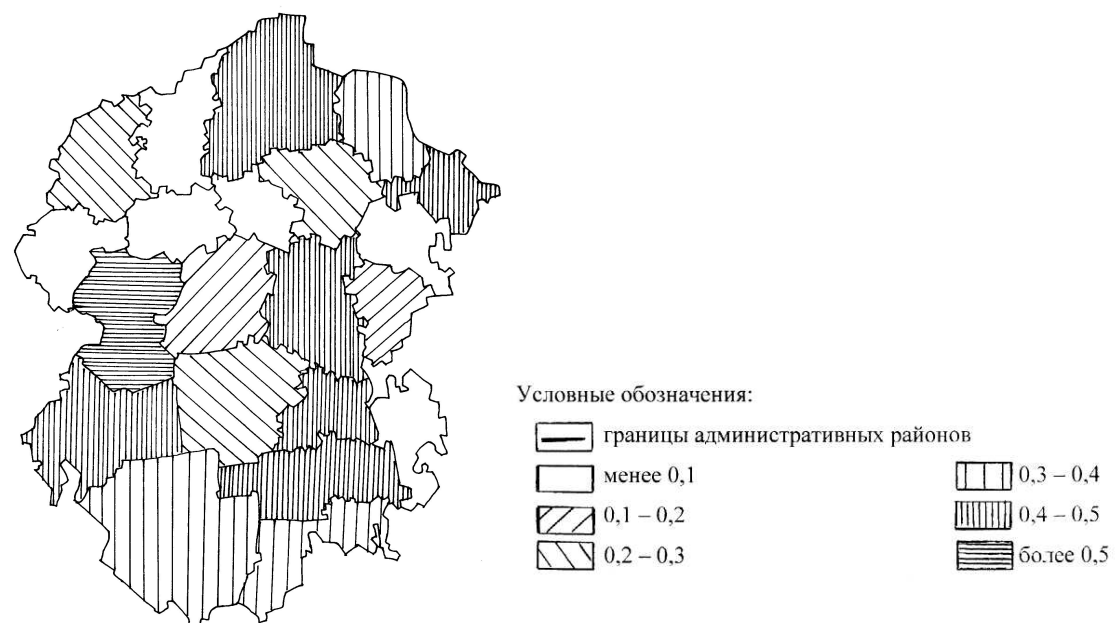

Рис. 2. Индекс этнической мозаичности территории Чувашской Республики

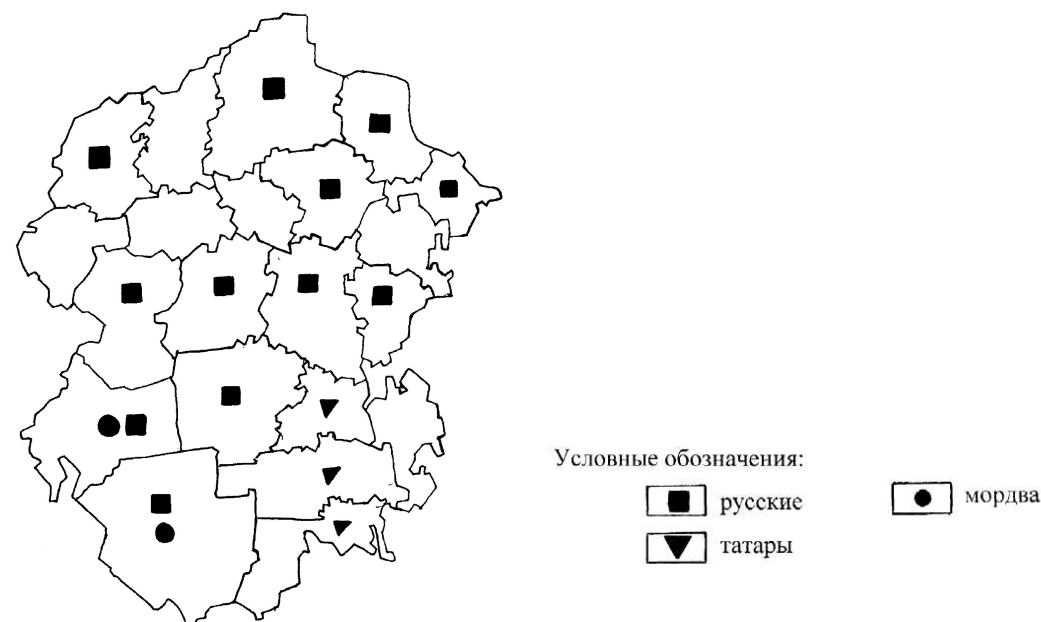

Рис. 3. Народы повлиявшие на формирование геокультурного пространства

Согласно системной модели структуры геокультурного пространства предложенной Соколовой Е.Н. природные (ландшафтные) и культурные системы объединены [4]. Компонентами модели являются ландшафты, группы населения, религиозный и светский комплексы. Ландшафтная среда и культурно-территориальная общность имеют значение базовых структур геокультурного пространства любой территории. Модель отражает открытый характер геокультурного пространства Чувашии, который обеспечивается информационным обменом [4].

Структурно-генетическая модель, преобразованная из системной для нашей республики имеет свои особенности. Так согласно данной модели история геокультурного пространства начинается со времени стабилизации ландшафтной оболочки и появления устойчивых групп населения. На протяжении этого периода происходит заселение географического пространства

служения, что позволяло беспрепятственно осуществлять благотворительную работу в России. Очень большую работу осуществляли сотрудники отделов по переписке РТЦ «Голос Надежды» в г. Туле и Украине. Перепиской с заключенными занимались также сотни адвентистов и их семьи из разных городов СНГ.

Важным заключением является тот факт, что благодаря социальной деятельности нетрадиционная религиозная организация — церковь АДС, становится традиционной.

В Тульском регионе с 1993 г. особо значима церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны). Религиозное учение мормонов основано на Ветхом и Новом завете, включив в канон Священного Писания другие книги: «Книга Мормона, Новые Свидетельства об Иисусе Христе», «Учение и Заветы», «Драгоценная Жемчужина».

У церкви Иисуса Христа святых последних дней не разработано специальной социальной концепции, но есть конкретные социальные программы, основанные на этических ценностях. Религиозная этика мормонов требует от членов церкви ведения здорового образа жизни, воздержание от употребления всех опасных для здоровья веществ: табак, различные стимуляторы (кофе, чай), спиртные напитки, наркотики. Главное, на что обращается внимание в этой НРО — это любовь, которой человек учится всю жизнь. Молодое поколение поощряют воспитывать в себе высокие нравственные качества, чтобы они были достойны принять признание на миссионерское служение. Это включает в себя абсолютное соблюдение закона целомудрия и соблюдение «Слова Мудрости» (отказ от употребления табака, наркотиков, спиртных напитков и т.д.). Особое внимание уделяется семье и детям, отношение к ним должно быть проникнуто любовью, верой и заботой. Семейная жизнь и сохранение в ней гармоничных отношений является одним из основополагающих нравственных принципов данной церкви. Каждый ее член обязан вести изучение истории своей семьи и обеспечить выполнение в предназначенных для этого храмах священных таинств, включающих крещение и брак на вечность для близких родственникам и для усопших предков. Поэтому церковь обладает самыми обширными в мире генеалогическими архивами и продолжает собирать сведения обо всех когда-либо живших людях. Существует представление, что мормоны, получая данные об умерших людях, «крестят» их в свою веру. Сами мормоны заявляют, что в первую очередь ведут поиск родственников и предков членов своей организации. Для облегчения доступа к метрическим книгам и другим материалам, содержащим генеалогическую информацию, мормоны работают с российскими, в том числе тульскими архивами через Генеалогическое общество штата Юта (США). В Туле же было заключено соглашение между Тульским филиалом Российского общества историков-архивистов (РОИА) и Генеалогическим обществом штата Юта.

Общество сознания Кришны (ОСК) активно участвует в научных конференциях, ведет духовно-проповедническую и благотворительную деятельность, создает центры по пропаганде здорового и высоконравственного образа жизни, организует духовные фестивали, активно участвует в городских и региональных праздниках. Ежегодно проводятся культурно-просветительские фестивали.

В региональных центрах, как правило, существуют храмы, монастыри (ашрамы), благотворительные и миссионерские центры, учебные заведения. Помимо этого, во многих городах существует система небольших приходов на уровне религиозных групп (численностью 10—20 человек), которые еженедельно собираются на квартирах, проводят богослужения, изучают и обсуждают священные писания вайшнавов, отмечают религиозные праздники, осуществляют проповеднические программы и пр. Такого рода группы духовного общения называются нама-хатты (в переводе с бенгали — «места, где раздают Святое имя Бога»).

ОСК проводит различные фестивали индийской традиционной культуры, в ходе которых раздают пищу взрослым и детям в рамках благотворительной акции фонда «Пища Жизни». Так, в Туле ежегодно проводится «праздник Колесниц», куда приглашаются все желающие: взрослое население, молодежь и дети; дарятся подарки детям из малоимущих семей, раздаются продукты питания и пр. ОСК сотрудничает с известными муниципальными и коммерческими организациями, о чем свидетельствует наличие рекламных баннеров спонсоров проводимых нетрадиционной религией мероприятий. Основные идеи проводимых мероприятий: дружба, мир, любовь к ближнему, милосердие.

стали паломничества по святым местам: Оптина Пустынь, Дивеево, Троице-Сергиева Лавра. В Рождественские и Пасхальные праздники дети с концертами посещают больницы, детские сады, дома инвалидов и другие богоугодные заведения. Летом выезжают в оздоровительные лагеря отдельным православным отрядом со своими воспитателями и преподавателями. Вместе с родителями трудятся и отдыхают в православных летних лагерях, устраиваемых Тульским Православным Молодежным Движением, которое с 1996 возглавляет протоиерей В. Ковалевский. Его трудами «окормляется» православная группа детского сада № 74. Дети ежемесячно причащаются в храме, бывают на праздничных богослужениях. Воспитатели, стараясь приобщить родителей к храму, устраивают праздничные утренники, встречи «В гостях у бабушки» в помещении библиотеки. По окончании детского сада выпускники приходят в воскресную школу или поступают на отделение духовной музыки школы искусств. Дети, помимо музыкального образования, получают элементы церковного: изучают обиход, церковно-славянский язык. Священники храма имеют постоянный контакт с детской областной больницей, реабилитационным центром для инвалидов и престарелых, областной психиатрической больницей и другими подобными заведениями, совершают регулярно там молебны, утешают болящих.

Стоит заметить, что каждая социальная программа — это не только вклад в формирование социокультурного климата региона, но и помощь населению, и, несомненно, укрепление положительного имиджа религиозной организации.

Церковь христиан адвентистов седьмого дня (АСД) осуществляет благотворительную социальную деятельность в соответствии с теоретическими положениями церкви АСД, основываясь на принципах милосердия, сострадания. Существенную помощь государству церковь АСД оказывает в решении острой проблемы современности — проблемы сиротства. Например, на протяжении последних нескольких лет проводится оздоровление детей-сирот на базе школьного христианского оздоровительного лагеря «Пилигрим» в поселке Заокском Тульской области с расселением детей в семьи. Церковью АСД только в Тульской области была оказана помощь детским домам и школам-интернатам в приобретении игрушек, витаминов, хозяйственных принадлежностей, мебели, спортивного инвентаря, ремонтировании зданий, транспорта и т.д. Самими членами церкви АСД п. Заокского на воспитание взято 16 детей. За последние три года практически не было случаев, чтобы дети из Заокского района определялись в учреждения сиротского типа.

В церкви АСД в г. Туле создана Христианская ассоциация служения осужденным (ХАСО), организация оказывает реабилитационную помощь недавно освобожденным из мест заключения гражданам, провозглашая нравственные ценности, основанные на любви, мире, согласии, и направляя людей к ответственному поиску своего места в обществе.

Активную работу церковь АСД проводит в молодежной среде. Так, в 2004 г. ОО «Семья без наркотиков» на базе Дома культуры «Металлург» адвентисты седьмого дня проводили акцию «Поколение NEXT выбирает...», имевшую своей целью профилактику наркомании среди подростков. Предлагая духовную, профилактическую и реабилитационную поддержку в преодолении порочной зависимости, которая становится причиной распада семей, принося страдания, как самой жертве недуга, так и близким людям.

Кроме этого члены организации осуществляют деятельность в области медицины, которая заключается в том, что группа врачей (адвентисты седьмого дня) различных квалификаций проводят бесплатные консультации, осуществляют обследования и, соответственно, предлагают определенные методы лечения заболеваний.

Церковь христиан адвентистов седьмого дня ведёт широкую просветительскую работу по таким проблемам общества как курение, алкоголь, наркомания, сохранение семьи и т.д., разрабатывает эффективные методики и успешно использует их по всему миру, чтобы помочь людям освободиться от этих пороков, придерживаясь библейского здорового образа жизни. Заботясь не только о духовном, но и о физическом здоровье человека, церковь христиан адвентистов седьмого дня во всем мире полностью или частично содержит около 460 госпиталей, санаториев и клиник.

В 1993 г. была организована Христианская миссия служения осужденным при Евро-Азиатском отделении церкви АСД с причислением к отделу субботней школы и личного

и освоение основных типов природно-территориальных комплексов. Определяющая роль в этом принадлежит природным геосистемам. Этот и другие этапы формирования геопространства находят выражение в особом слое топонимии, в строительстве культовых сооружений, в возникновении монастырей и их территориальной сети и пр.

Следует отметить, что каждый этнос, заселявший территорию республики нес в себе собственное религиозное мировоззрение, из чего следует, что нельзя религиозный комплекс выносить за пределы этнокультурной основы (рис. 4.). Более того изучив исторический материал нужно отметить, что до христианизации на территории современной Чувашии этносы исповедовали параллельно и ислам, и язычество. Позже также параллельно сосуществовали ислам и христианство, и даже язычество, что сохранилось и по сегодняшние дни.

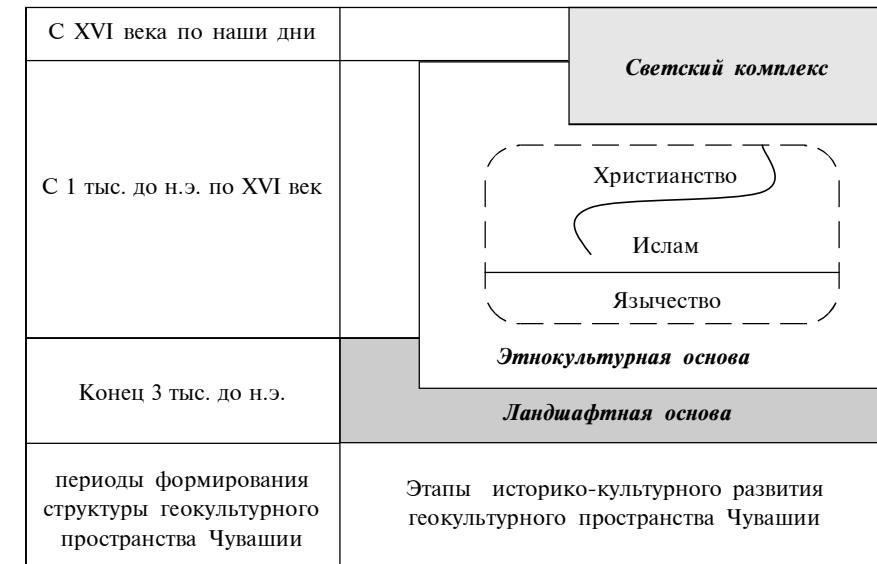

Рис. 4. Структурно-генетическая модель геокультурного пространства Чувашии

Таким образом, религиозный комплекс в данном случае формировался внутри этнокультурной основы, которая и сегодня имеется в республике. На этой основе и на основе региональных ландшафтно-климатических условий происходит укоренение светского комплекса культуры, начало формирования которого можно отметить со времен начала интенсивного освоения, использования и изменения природных ландшафтов Чувашии.

Из всего вышеизложенного следует, что изучение структуры и механизмов этнокультурных процессов в регионе интеграции и взаимодействия различных этносов; отражение их особенностей в геопространстве, взаимодействия народов с окружающей природой, сложившихся экологических навыков их хозяйственной организации и природопользования, своеобразия мировоззрения и миропонимания представляет собой важное направление в изучении формирования этнокультурных ландшафтов. Результаты исследований позволяют воспроизвести динамику и эволюцию геопространства, дать оценку воздействию хозяйственной деятельности на окружающую среду.

Литература

1. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Изв. РАН. Сер. геогр., 1992. № 6. С. 31—40.
2. История Чувашской АССР. Т. 1. Чебоксары, 1966.
3. Национальный состав населения Чувашской Республики по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Статистический сборник: Чувашстат. Чебоксары, 2005.
4. Соколова Е.Н. Лексико-географический анализ ландшафтов // Дисс. на соиск. уч. степени кандидата географических наук. СПб, 1999.
5. Егоров Н.И. Историко-этимологическая верификация генезиса и хронологическая стратификация топонимикона Чувашского Поволжья // Диалекты и ономастика Поволжья. Чебоксары, 2002. С. 173.

*Н.Г. Семедова-Полупан
(Чебоксары)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕМ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ*

Основные направления модернизации здравоохранения, провозглашенные президентом страны В.В.Путиным в приоритетном национальном проекте «Здоровье», конкретизированные для Чувашии в рамках Указов Президента Чувашской Республики, «Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года», основанные на программно-целевом подходе, внедрении современных социально-медицинских и информационных технологий, привлечении инвестиций в систему здравоохранения, позволили создать дополнительные возможности для внедрения в практику учреждений здравоохранения инновационных проектов. С принятием республиканской целевой программы «Совершенствование первичной медико-санитарной помощи по основным направлениям приоритетного национального проекта «Здоровье» на 2006—2010 годы» и реализацией «пилотного» проекта по повышению качества услуг в сфере здравоохранения, в отрасль здравоохранения Чувашской Республики в 2007 г. было привлечено около 5 млрд рублей.

Результатом последовательных действий в течение последних 5 лет явились повышение рождаемости на 17,3%, снижение общей смертности на 4,0%, младенческой смертности на 37,8%, сокращение естественной убыли населения на 58,9%. Ожидаемая продолжительность жизни населения выросла с 65,38 до 66,98 лет. Примечательным фактом является рост рождения вторых и третьих детей в семье, доля которых в 2007 г. составила 45% среди всех родившихся.

Введенная в рамках указанных программ новая система оплаты труда практически позволила решить проблему дефицита кадров в первичном звене здравоохранения республики. По сравнению с началом 2006 г. численность медицинских работников участковой службы увеличилась на 97 врачей и 192 медицинских сестер, укомплектованность первичного звена врачами достигла 95,2%, средними медицинскими работниками — 91,0%, коэффициент совместительства — 1,0.

Основой новой системы оплаты труда является базовый оклад и повышающие коэффициенты, а также компенсационные и стимулирующие выплаты взамен действующей Единой тарифной сетки. Во всех учреждениях здравоохранения, участвующих в реализации «пилотного» проекта, разработаны и утверждены положения, регламентирующие дифференцированную оплату труда и критерии эффективности деятельности врачебного (в среднем 15 критериев) и среднего медицинского персонала (в среднем 7 критериев). По введению персональной оценки деятельности каждого врача и медицинской сестры использован опыт работы республики по созданию в 1998 г. системы управления качеством медицинской помощи на основе внедрения в практику критериев законченного случая и 235 федеральных стандартов, 300 стандартов регионального уровня.

Созданию качественной и устойчивой инфраструктуры здравоохранения республики во многом способствовало активное развитие информационно-телекоммуникационных технологий. В 2007 г. в «пилотных» учреждениях внедрена автоматизированная система управления учреждениями здравоохранения, объединяющая амбулаторно-поликлинические, стационарные подразделения и службу скорой медицинской помощи в единую информационную сеть; поэтапно внедряется программа «Электронная история болезни».

В целях стимулирования рождаемости и укрепления семейных ценностей — основы демографического роста, в республике сформирована комплексная система охраны здоровья

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208а/В.

создаются попечительские советы, которые координируют всю социальную работу, планируют очередность помощи в связи с многочисленными обращениями в епархию за гуманитарной помощью со стороны различных организаций и отдельных граждан.

Социальное служение в епархиях расширяется, охватывает различные сферы жизни и приобретает новые формы. «Концепция миссионерской деятельности Русской православной Церкви на 2005—2010 годы» представлена на секции «Миссионерское служение Церкви» в рамках XV Рождественских Чтений 31 января 2007 г. В структуре данного проекта остановимся более подробно на содержании — формы и методы современной миссионерской деятельности. Так, авторы выделяют, четыре основные формы (миссии):

1. Информационная миссия.

Акцент делается на свидетельство самым широким слоям населения средствами массовой информации, а также через организацию приходских библиотек и издание специальной миссионерской литературы. Для продуктивной работы информационной миссии планируется: использовать все многообразие новейших информационных технологий; активно осваивать электронные виды средств массовой информации: радиовещание, телевидение, Интернет; продолжить выпуск православных библиотек на всех видах информационных носителей; широкое издание миссионерской литературы по вопросам веры, христианского образа жизни и церковного отношения к насущным проблемам современного человека и общества.

2. Апологетическая миссия.

В данном контексте это свидетельство истины Православия в сравнении с «еретическими и сектантскими лжеучениями», которые имеют широкое распространение в России и других странах СНГ. Апологетическая миссия направлена также на противостояние прозелитической работе со стороны не православных миссионерских объединений, отдельных евангелизаторов.

3. Воспитательная миссия (воцерковление).

Цель такой миссии — включение крещёного человека в церковную жизнь в полной мере, формирование православного уклада жизни. Восприимниками советуется избирать людей воцерковленных, способных активно содействовать семье в христианском воспитании ребенка. С крестившимися проводится систематическая работа по введению в богослужебную и внебогослужебную жизнь прихода.

4. «Внешняя» миссия.

Это свидетельство истины Православия среди народов, не имеющих христианских основ национальной традиции и культуры. Особенно это важно, отмечается в проекте, в отношении эмигрантов из стран, не имеющих традиционной христианской культуры.

Все четыре вида миссионерского служения, выделены для удобства формирования миссионерской работы, и применяются на всех уровнях церковной жизни: приходском, епархиальном, общецерковном.

В Тульской области РПЦ осуществляет социальное служение во всех сферах деятельности. Приходы осуществляют благотворительную и миссионерскую деятельность в СИЗО (г. Белев, Богородицк, Тула), проводят лекции духовного содержания в воинской части (г. Белев), инженерно-артиллерийском институте (г. Тула), шефствуют над домом престарелых (г. Белев, п. Епифань), детским домом (г. Богородицк, Епифань, Кимовск), интернатом (пп. Новольвовск, Товарково), обществом слепых (г. Ефремов). Они осуществляют работу в воскресных школах при храмах, проводят паломнические мероприятия (гг. Белев, Богородицк, Ефремов, Тула). В ходе религиозно-просветительской деятельности совершаются благотворительно крестины, погребения, соборования (г. Богородицк), проводится «окормление» психиатрической больницы (с. Маслово, п/о Первомайское), катехизаторские курсы для мирян (г. Тула).

Руководствуясь социальной концепцией РПЦ, священнослужители г. Тулы проводят беседы с солдатами срочной службы дивизиона обеспечения учебного процесса. В 2003 г. осуществлялась помощь комитету солдатских матерей и вдов воинов, погибших в Чечне, освящена Книга Памяти. Регулярными стали посещения Тульского кадетского корпуса, встречи со студентами Тульского музыкального училища. Социально-благотворительная деятельность реализуется в регулярном посещении кардиологической больницы на ул. Мира, дома-интерната для детей, где проходят детские Рождественские и Пасхальные праздники. Традиционными

М.С. Журавлев
(Тула)

ВКЛАД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

Социокультурная жизнь Тульского региона явление сложное и многогранное. Охарактеризовать данное явление — значит раскрыть множество сторон и аспектов деятельности многочисленных социальных институтов и отношений. Такая задача усложняется проблемами, связанными с невозможностью учета всех факторов влияющих на формирование культурного климата Тульской области.

В связи со сложностью данной задачи решение ее должно быть многоступенчатым и неоднозначным. Целью данной статьи является описание деятельности религиозных организаций и оценка их вклада в социокультурную жизнь Тульской области.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области в регионе на 1 января 2007 г. зарегистрированы следующие религиозные организации:

	Число зарегистрированных организаций
Все религиозные организации	227
в том числе по конфессиям:	
Русская православная церковь	168
Истинно-православная церковь	1
Православная свободная церковь	1
Православная старообрядческая община	1
Римско-католическая церковь	1
Общество мусульман	1
Буддизм	1
Иудаизм	3
Евангельские христиане-баптисты	5
Адвентисты седьмого дня	16
Христиане веры евангельской	5
Христиане веры евангельской — пятидесятники	2
Евангельские христиане	3
Пресвитерианская церковь	10
Свидетели Иеговы	1
Церковь Иисуса Христа святых последних дней	1
Церковь Христа	1
Духовные христиане-молокане	2
Сознание Кришны	1
Даосизм	1
Евангелическо-лютеранская церковь	1
Реформированная фундаменталистская церковь	1

Рассмотрим социальную деятельность наиболее значимых религиозных организаций, существующих в Тульской области.

Проведем вначале анализ практической реализации социальной концепции Русской православной церкви. В целях организации и координации социальной работы в епархиях создаются Епархиальные отделы социального служения и благотворительности. При отделах

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-71301а/Ц.

и социальной поддержки семьи, женщин и детей. В соответствии с поставленными задачами увеличены пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет; монетизированы все виды льгот семьям с детьми; дополнительно к контингенту получателей ежемесячного пособия на ребенка, право на его получение установлено также семьям со среднедушевым доходом, превышающим величину прожиточного минимума до 150%. В 2007 г. значительно увеличены пособия по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет; более 4000 семьям установлены льготы при оплате услуг детских дошкольных учреждений; осуществляется материальная поддержка более 1800 опекунов и семей, взявших на воспитание около 3000 детей-сирот.

С созданием в республике трехуровневой системы родовспоможения, соответствующей международным стандартам, и реализацией национального проекта в части и «Родовый сертификат» реальным стало сохранение жизни младенцев с экстремально низкой массой тела при рождении (их выживаемость увеличилась в 2,3 раза); в 4,6 раза снизился летальный исход новорожденных в реанимационных отделениях. Определенный вклад в повышение рождаемости вносит профилактика аборт и внедрение вспомогательных репродуктивных технологий. Созданная в республике комплексная система профилактики непланируемой беременности позволила сократить число абортов за последние 5 лет в 2 раза. С помощью методов вспомогательной репродукции в республике родилось свыше 500 детей, дальнейшее развитие этих технологий позволит увеличить число родившихся на 1000 детей ежегодно.

По программе «Родовый сертификат» за последние два года выдано более 28 тысяч родовых сертификатов, на поступившие средства приобретены медикаменты и расходные материалы на сумму более 100,0 млн. рублей, что позволило практически полностью удовлетворить потребность беременных, рожениц и родильниц в средствах профилактики и лечения патологии беременности и родов в акушерских стационарах.

В результате реализации направления «Родовый сертификат» уменьшилось число преждевременных родов на 15%, показатель младенческой смертности по сравнению с 2006 г. уменьшился на 22% и составил 7,1‰.

В целях раннего выявления наследственных заболеваний в Чувашской Республике 98,9% новорожденных охвачено неонатальным скринингом по расширенной схеме (обследование на галактоземию, муковисцидоз, адреногенитальный синдром, фенилкетонурию и врожденный гипотиреоз), что позволило диагностировать наследственные заболевания в первые дни после рождения у 8 новорожденных. Лаборатория медико-генетической консультации «Президентского перинатального центра» оснащена современным автоматизированным комплектом оборудованием на сумму 13,2 млн руб.

По направлению «Вакцинопрофилактика» в Чувашскую Республику в 2006—2007 гг. поставлено иммунобиологических препаратов на общую сумму 79,0 млн рублей. Охвачено дополнительной иммунизацией 100% подлежащих вакцинации (около 700 тыс. человек). Против гепатита В вакцинировано более 260 тыс. населения в возрасте 18—35 лет, около 4 тыс. детей 1—17 лет завершили вакцинацию. Охват населения республики вакцинацией против краснухи, гриппа и полиомиелита в 2006 и 2007 гг. составили 100% от плана. В результате массовой вакцинации с 2005г. заболеваемость острым вирусным гепатитом В всего населения республики снизилась в 1,8 раза и ниже среднего многолетнего уровня в 2,2 раза; среди детей 0—14 лет случаи заболевания в 2007 г. не зарегистрированы. Заболеваемость краснухой уменьшилась в 13,4 раз, что также ниже среднего многолетнего уровня в 10,2 раза; полностью ликвидированы случаи синдрома врожденной краснухи.

В рамках направления «проведение мероприятий по профилактике ВИЧ-инфекции, гепатитов В и С в наиболее социально-уязвимых к заражению группах населения» более 350 тыс. населения республики охвачено скрининговым обследованием на ВИЧ-инфекцию и около 500 тыс. — на гепатит В и С.

Опыт ежегодного двухэтапного скринингового обследования по основным классам заболеваний, проводимого в рамках Указа Президента Чувашской Республики от 17.02.1997 «О проведении целевой диспансеризации населения Чувашской Республики», был использован в организации дополнительной диспансеризации работающего населения. В рамках

дополнительной диспансеризации работающих граждан в 2006—2007 гг. обследовано 85,6 тыс. работников бюджетной сферы и 63,2 тыс. работающих во вредных и опасных условиях (около 17,0% от всего трудоспособного населения республики), при этом свыше 50% — лица в возрасте 35—55 лет. Анализ данных обследований показал, что 10—15% из них практически здоровы, 12—17% имеют риск развития заболевания, около 60% нуждаются в дополнительном обследовании по заболеванию, 16,6% после обследования взяты на диспансерный учет (93,3% на ранней стадии).

Реализуя направление «подготовка и переподготовка медицинских работников амбулаторно-поликлинического звена» за два года обучено 798 врачей первичного звена, в т.ч. 255 врача общей практики и 1814 медицинских сестер. В результате доля сертифицированных врачей увеличилась по сравнению с началом 2006 г. на 28,8%, медицинских сестер — на 38,5% и составила в 2007г. 98,4 и 99,8% соответственно.

Осуществляя национальный проект «Здоровье» из средств консолидированного бюджета Чувашской Республики в учреждения здравоохранения за последние 2 года поставлено и введено в эксплуатацию 4167 единиц диагностического оборудования на общую сумму 608,1 млн. рублей, 255 единиц санитарного автотранспорта на общую сумму 129,27 млн. руб. Оснащение медицинским оборудованием амбулаторно-поликлинических учреждений позволило обновить 87% УЗИ аппаратов, 76% эндоскопического оборудования, 82% лабораторного оборудования, 84% изношенного рентгеновского оборудования; увеличить число ультразвуковых исследований молочной железы в 4,5 раза, рентгенологических исследований на цифровых аппаратах — в 2 раза, маммографий — в 1,5 раза. Полное обновление автопарка службы скорой медицинской помощи и реализация принципа оперативного управления машинами в условиях единой диспетчерской с использованием спутникового позиционирования позволило сократить среднее время ожидания бригады с 18,0 (в 2005 г.) до 13,8 минут.

В рамках республиканской целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в Чувашской Республике на 2006—2010 годы» начата реализация проекта по созданию единой системы вызова оперативных служб «Система 112», которая должна в правовом и техническом поле обеспечить эффективное взаимодействие скорой медицинской помощи, МЧС, пожарной охраны, МВД, газовой службы, а также всех заинтересованных ведомств, вплоть до коммунальной службы. Уже сегодня в службе «03» Чувашской Республики формируется межведомственная база данных дорожно-транспортного травматизма; успешно эксплуатируется автоматизированная система единой дежурной диспетчерской службы (ПАК АС ЕДДС) на основе стандарта «ТЕТРА», организованы 5 межтерриториальных диспетчерских пунктов, где осуществляется прием всех вызовов от населения и оперативное управление бригадами скорой медицинской помощи с учетом наиболее удобного и кратчайшего пути доезда. С открытием Федерального центра травматологии, ортопедии и эндопротезирования, который станет основой кластера медицинских инноваций по созданию и распространению новейших медицинских технологий, которые в республике получают новое развитие, что позволит увеличить к 2010 г. объемы оказания высокотехнологичной травматолого-ортопедической медицинской помощи в 4 раза, повысить ее доступность до 80%. Будет полностью удовлетворена потребность населения Чувашской Республики и регионов ПФО в специализированной медицинской помощи, снизится инвалидизация от заболеваний опорно-двигательного аппарата к 2010 г. более чем на 20%, тем самым сохранится трудовой потенциал, повысится качество жизни населения. Потребность населения восьми прикреплённых территорий в эндопротезировании крупных суставов составляет более 24 тыс. человек.

Республиканские центры высоких медицинских технологий ежегодно наращивают объемы кардиохирургической (число операций аортокоронарного шунтирования в сравнении с 2002 г. выросло в 1,8 раза; ангиопластики коронарных артерий — в 2 раза), нейрохирургической, диализной помощи (число процедур гемодиализа увеличилось в 1,5 раза в сравнении с 2002 г.), вспомогательной репродукции (в 1,8 раза увеличилось число ЭКО).

В целях сокращения потерь населения от сердечно-сосудистых заболеваний, являющихся основной причиной смерти, в Чувашии на базе Республиканского кардиологического диспансера создается центр сосудистой хирургии и нейрохирургии с межтерриториальными много-

торгово-промышленной палаты приняла активное участие в работе Всероссийского форума «Малый и средний бизнес — основа социально-экономического развития России в XXI веке» в Москве. По итогам работы форума намечены ряд мероприятий по ускорению социально-экономического развития Тульской области.

Из приведенных цифр видно, что Тульская область по многим показателям находится в середине списка ЦФО и в целом имеет хорошие шансы повысить свой социально-экономический потенциал. Ежегодно совместными усилиями областной Администрации и Тульской торгово-промышленной палаты проводятся экономические форумы, в которых принимают активное участие тульские, российские и иностранные предприятия и организации. Это способствует привлечению инвестиций и обмену контактами тульских предприятий со своими коллегами в России и за рубежом.

По обеспеченности населения жильем Тульская область также находится в первой пятерке. По количеству потребления мяса и мясопродуктов жители Тульской области находятся в середине ЦФО. По потреблению овощей и продовольственных бахчевых культур, картофеля — в последней пятерке, а молока и молочных продуктов, хлебных продуктов потребляем меньше жителей других регионов. По обеспеченности детей в возрасте от 1 до 6 лет дошкольными учреждениями наша область находится в первой пятерке.

По численности студентов государственных средних специальных учебных заведений Тульская область уступает только Воронежской и Тверской областям. По численности студентов государственных высших учебных заведений впереди Тульской области Воронежская, Белгородская, Ивановская и Владимирская области.

По численности врачей на 10000 населения наш регион вместе с Тамбовской областью делит предпоследнее место. Ниже только Владимирская область. Такой показатель также не способствует росту населения по сравнению с другими регионами ЦФО. По численности среднего медицинского персонала положение лучше, здесь Тульская область находится в середине, а по числу больничных коек входит в первую пятерку. Мощностъ врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений позволила Тульской области оказаться в середине списка.

Число зарегистрированных преступлений на 100000 населения в некоторых областях снизилась, где-то возросла. Тульская область относится к последним, хотя рост правонарушений несколько ниже, чем в других регионах.

По числу предприятий и организаций область находится в середине списка, так же как и по числу малых предприятий и организаций. По индексу промышленного производства по отношению к прошлому году Тульская область находится в середине. По основным показателям производства сельскохозяйственной продукции сравнивать регионы ЦФО весьма трудно, т.к. они находятся в разных климатических условиях. Можно только проследить динамику индекса физического объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий по отношению к 2006 г. В Тульской области он был в 2005 г. 104,0%, а в 2006 г. 99,0%. На снижение индекса сказались разные причины, в том числе и погодные условия. В структуре посевных площадей сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий в Тульской области преобладают зерновые культуры. Здесь она находится на пятом месте после Курской, Орловской, Тамбовской и Липецкой областей. По техническим культурам, картофелю и овощебахчевым культурам, кормовым культурам область находится в середине списка. Зерна наша область в 2006 г. собрали меньше, чем в 2005 г. Такая же ситуация с картофелем и молоком. Овощей собрали как и в 2005 г. Производство скота и птицы в убойном весе превосходит показатель 2005 г. По сахарной свекле значительно превосходили показатель 2005 г.

Поголовье крупного рогатого скота в Тульской области, как и в других областях, продолжает снижаться. Поголовье свиней, наоборот растет как во многих регионах ЦФО. Наибольший рост поголовья свиней наблюдается в Белгородской области — на 304,0 тыс. голов, в Тульской области — на 16,2 тыс.

По вводу в действие жилых домов Тульская область находится в последней пятерке, но по темпам роста в этой отрасли она находится уже в середине. По индексу физического объема оборота розничной торговли наш регион находится в середине списка. По индексу физического объема платных услуг населению, в процентах к предыдущему году, входит в первую пятерку. Индекс физического объема оборота общественного питания в 2006 г. снизился, по сравнению с 2005 г. Таких регионов только три в ЦФО.

Тульская область в целом остается привлекательной для инвесторов, хотя ряд областей являются более привлекательными. По иностранным инвестициям Тульская область занимает второе место после Владимирской. Привлечению инвестиций способствует грамотная экономическая политика областной администрации и торгово-промышленной палаты. Тульская торгово-промышленная палата по качеству работы входит в число лучших региональных палат России. 26 мая 2008 г. большая делегация от администрации Тульской области и Тульской

профильными центрами, обеспечивающий потребность населения в высокотехнологичной кардиологической и кардиохирургической помощи.

Для внедрения действенного механизма формирования современной демографической политики в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в области народонаселения, обеспечения условий для устойчивого демографического развития республики в рамках Указа Президента России от 9 октября 2007г. № 1351 принята республиканская программа демографического развития. Достижение указанной цели в значительной степени зависит от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития, включая рост благосостояния населения, интенсивное развитие человеческого капитала, создание эффективной социальной инфраструктуры, рынка доступного жилья, улучшение санитарно-эпидемиологической обстановки.

На сегодня в Чувашской Республике принята вся нормативно-правовая база, имеющая ключевое значение для демографического развития региона, в том числе законы Чувашской Республики «О стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 года» (22 мая 2007 г.) и «Об охране здоровья граждан в Чувашской Республике» (24 ноября 2004 г.), а также ряд указов президента Чувашии и постановлений республиканского правительства.

Разработанные на федеральном уровне мероприятия по решению демографической проблемы успешно реализуются в Чувашской Республике. Но у нас, кроме этого, уже не первый год действуют республиканские программы, способствующие улучшению демографической ситуации в Чувашии. Примером этому может служить ежегодная реализация Указов Президента Н.В. Федорова, направленных, в первую очередь, именно на решение демографической проблемы.

Указом Президента Чувашской Республики 2003 г. в республике был объявлен Годом семьи, который был посвящен материнству, детству и семье. В его рамках были проведены мероприятия, направленные на повышение социального статуса семьи и ее социальной защищенности, увеличение помощи молодым и малоимущим семьям, улучшение охраны здоровья семьи и детей, возрождение семейных традиций и т.д. Президент поставил перед всеми задачу - дать гарантии каждой семье в плане ее социального статуса, положения в обществе, жизненных перспектив.

Год семьи стал началом целенаправленной работы по улучшению качества жизни современной семьи. Впервые была разработана и реализована республиканская программа «Семья» на 2004—2006 гг., которая определила основные направления и приоритет государственной семейной политики с учетом социально-экономических изменений в обществе. С учетом этой программы дальнейшее развитие получила и президентская программа «Дети Чувашии», действующая в республике поэтапно с 1998 г.

Следующий год был объявлен Годом молодежи и здорового образа жизни. Главной целью являлась активизация молодежной политики, укрепление здоровья населения, особенно молодежи, и, соответственно, рост продолжительности жизни населения. 2006 г. — Год духовного просвещения, цель которого — повышение духовного образования населения.

Особое внимание хотелось бы уделить прошедшему году. В своем послании Государственному Совету Чувашской Республики, которое Н.В. Федоров назвал «Дорожить временем, служить людям», основной акцент в решении острой демографической ситуации делался не на повышении рождаемости, а на укреплении здоровья ныне живущего населения.

Подтверждением этого служит тот факт, что 2007 г. был объявлен в Чувашии «Годом ребенка». Главными целями данного указа являлось создание благоприятных условий для становления и гармоничного развития личности ребенка, обеспечение государственной поддержки и защиты детства, проведение планомерной демографической политики. При реализации этого указа в первоочередном порядке осуществлялись мероприятия, связанные с созданием социально-экономических условий для повышения рождаемости, духовно-нравственного воспитания, интеллектуального и физического развития детей, в том числе и благотворительные акции, направленные на оказание поддержки и помощи детям, способствующие воспитанию доброты и милосердия. Законодательной основой этому служило

внесение изменений в нормативные правовые акты, регулирующие порядок назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей, в части совершенствования механизма подтверждения сведений, необходимых для назначения и выплаты пособий гражданам, имеющим детей. Был проведен мониторинг деятельности органов местного самоуправления по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, защите их прав.

Указом Президента Н.В. Федорова 2008 г. был объявлен Годом добрых дел. Тем самым он продолжил уже установленную традицию ежегодно выделять одну из социальных проблем как приоритетную. Она также направлена на решение демографических проблем, так как основным объектом внимания в ходе реализации указа, оказания постоянной, каждодневной помощи являются те, кто в ней наиболее нуждается — ветераны, инвалиды, сироты. При этом повышается социальная ответственность и духовная культура жителей республики. В своем последнем послании Государственному Совету Чувашской Республики Президент определил направления, по которым в республике и далее будут решаться демографические проблемы.

Таким образом, государственное управление здравоохранением и дальнейшая реализация национального проекта «Здоровье», Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2020 г., программы демографического развития, решение задач по стимулированию рождаемости и укреплению института семьи позволит увеличить к 2025 г. общий коэффициент рождаемости не менее чем на 12,6%, снизить младенческую смертность на 23%, улучшить качественные и количественные показатели демографической ситуации в республике, увеличит продолжительность жизни до 75 лет к 2025 г. и снизит естественную убыль населения не менее чем на 25,7%.

*В.И. Мосин
(Тула)*

МЕСТО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ*

В рамках программы «Социокультурный портрет региона» интересно проанализировать свою область в сравнении с другими регионами, какое место она занимает в своем федеральном округе.

Тульская область образована 26 сентября 1937 г. Ее территория составляет 25,7 тыс. кв. км, численность населения на 1 января 2007 г. — 1580,5 тыс. человек, плотность населения 61,5 человека на 1 кв. км. Центр — город-герой Тула основан в 1146 г., численность населения на 1 января 2007 г. — 504,0 тыс. человек. Расстояние от Москвы до Тулы 193 км. Наибольшая протяженность области с севера на юг 200 км, с запада на восток 190 км.

При сравнении Тульской области с другими регионами, исключена Московская область, т.к. она имеет особый статус и условия для своего развития. При сравнении использовались данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области за 2006 г.

По численности населения Тульская область (из 16 областей, не включая Московскую) уступает только Воронежской области. На конец 2006 г. в Тульской области проживало 1580,5 тыс. человек, а в Воронежской 2294,6 тыс. человек. Но по степени урбанизации наша область уступает Воронежской совсем немного — 1265,0 тыс. человек против 1441,1 тыс. человек. По численности сельского населения на тот же период времени, Тульская область уступает многим областям и находится ближе к концу списка регионов округа (315,5 тыс. человек).

В последние годы постепенно уменьшается разрыв между Тульской областью и другими областями ЦФО по численности населения. Это происходит по двум причинам:

1. Вот уже несколько лет Тульская область занимает последнее место по числу родившихся на 1000 человек. В 2005 г. было 7,8 человек, в 2006 г. чуть больше — 8,0 человек на 1000 человек, но и это увеличение не позволило нашей области подняться с последнего места.

2. По смертности ниже Тульской области находится только Тверская область.

В Тульской области немало делается для повышения рождаемости и снижения смертности, но успехи здесь являются более скромными, чем в других регионах ЦФО.

Рождаемость и смертность во многом зависят от уровня жизни населения. Здесь дела обстоят не так уж и плохо, по сравнению с другими областями ЦФО. По среднедушевым денежным доходам населения в месяц в 2006 г. жители региона находились в середине ЦФО. По среднемесячной номинальной начисленной заработной плате показатель такой же. По реальным же денежным доходам по отношению к прошлому году Тульская область находится в последней пятерке. Ряд областей (Ивановская, Ярославская), которые ранее имели меньший показатель, чем Тульская область, в 2006 г. опередили ее. Костромская, Орловская, Смоленская области, наоборот, снизили свои показатели и оказались ниже Тульской области, которая осталась практически на прежних позициях и если эта тенденция сохранится, то уровень жизни населения будет опускаться по сравнению с другими областями ЦФО, что может привести к снижению разрыва между нашей областью и другими регионами по численности населения.

Каждый третий житель Тульской области пенсионер. По среднему размеру назначенной месячной пенсии область находится в первой пятерке ЦФО. Жизненный уровень пенсионеров выше среднего уровня в округе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-03-71301а/Ц.

1. Разработать систему частных коэффициентов, характеризующих основные группы показателей уровня развития региона;
2. Определить весовые коэффициенты для корректировки частных коэффициентов;
3. Рассмотреть необходимость введения поправочных коэффициентов для коэффициентов компенсаторной модели; в случае необходимости — определить значения этих коэффициентов.

Решение данной задачи потребует помощи всех участников программы «Социокультурная эволюция регионов России», чей опыт в работе над социокультурными портретами регионов представляется незаменимым. В случае успешного результата данной работы есть основания полагать, что нам удастся получить количественный показатель, дополняющий типовую методику «Социокультурный портрет региона».

*Д.М. Шабунин
(Чебоксары)*

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

При изучении электорального поведения важно определить среди избирателей различные группы политических предпочтений. От того, какой критерий применяется при этом, зависят и конечные выводы, и понимание электоральной и политической ситуации в целом.

Ряд исследователей выделяет четыре группы избирателей по преобладающим политическим предпочтениям: коммунистические, национально-патриотические, центристские и демократические [1]. Ядро избирателей коммунистических предпочтений с 1993 г. неизменно представляет КПРФ, национально-патриотических — ЛДПР, центристских — партии, созданные администрацией президента и демократических — «Яблоко» и СПС.

Опираясь на данные критерии мы осуществили распределение избирателей Чувашской Республики в соответствии с результатами голосования за политические партии на выборах в Государственную думу Российской Федерации.

Таблица 1

**Политические предпочтения избирателей на выборах в Государственную Думу
в 1993—2003 гг. (в % от проголосовавших)**

Годы выборов	Коммунистические		Национально-патриотические		Центристские		Демократические	
	РФ	ЧР	РФ	ЧР	РФ	ЧР	РФ	ЧР
1993	21,29	27,12	23,93	18,7	26,13	9,6	28,65	21,2
1995	32,84	44,31	21,06	12,4	22,64	11,8	20,63	4,03
1999	28,18	40,27	7,14	6,5	44,39	36,01	15,15	11,6
2003	12,7	20,16	20,7	19,6	47,9	47,04	8,3	6,7

В Чувашской Республике по сравнению с Россией выше политические симпатии к коммунистическим партиям и меньше — к демократическим. Наибольшую поддержку партии коммунистической ориентации получали на выборах в Государственную думу в 1995 и 1999 гг., а демократической — на выборах 1993 г. Можно предположить, что поддержка последним была как бы в кредит, а разочарование в реформах привело к тому, что демократические партии первой волны в 1995 и 2003 гг. получили в Чувашии соответственно 4,0 и 6,7% голосов избирателей. Наблюдается устойчивый рост поддержки центристских партий — партий власти. Рост происходил скачкообразно с 11,8% в 1995 до 36% в 1999 гг.

Однако, такая классификация российского электората, по нашему мнению, не в полной мере отражает подлинную электоральную ситуацию и не позволяет объяснить столь резкие изменения в предпочтениях избирателей. Можно сослаться на то, что у российского избирателя отсутствует партийная идентификация, которая меняется от выборов к выборам, и поэтому нет сложившихся устойчивых предпочтений. К тому же на избирателей гораздо большее влияние оказывают кратковременные, а не долговременные факторы.

По данной модели непонятно и необъяснимо голосование избирателей не только в Чувашии, но и других национальных республиках за ЛДПР. В 1993 г. за нее проголосовали в процентах: Чувашия — 18,7, Калмыкия — 17,4, Марий Эл — 21,1, Мордовия — 32,2. Сложилась

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-02-22208а/В.

устойчивая традиция считать ЛДПР ядром национально-патриотического электората. Однако, по нашему мнению, идеология ЛДПР больше напоминает державно-имперскую, чем национально-патриотическую [2].

Много вопросов вызывает выделение центристского электората. Некоторые авторы в данном типе выделяют левоцентристский и правоцентристский. Как правило, к центристским относят предпочтения избирателей, голосующих за партии власти, начиная с 1995 г. Однако в 1993 г. администрация президента России поддерживала демократическую партию «Выбор России».

В этой связи представляется наиболее удачным выделение трех идеальных типов голосования: конформистский (голосование за «партии власти»), левый и либеральный [3]. Некоторые исследователи выделяют и националистический тип голосования, отождествляя его с феноменом В. Жириновского. По нашему мнению, данный феномен можно отнести к протестно-маргинальному типу голосования. Неслучайно его всплеск пришелся на 1993 г., когда и произошла существенная маргинализация и люмпенизация населения, в том числе и в национальных республиках, где избиратели отдавали предпочтение ЛДПР, хотя в этот период ее лидер активно озвучивал идею губернизации страны.

Безусловно, протест как социально-политический фактор голосования присущ при голосовании за многие партии. Однако сам протест может носить как социально-структурированный, имеющий четкую идеологическую окраску (КПРФ), так и маргинальный характер (война всех против всех). Последняя форма протеста, видимо, и была аккумулирована феноменом В.Жириновского.

Левый электорат в России традиционно голосует за коммунистические партии, которые, по нашему мнению, было бы правильнее отнести к консервативным партиям в российском политическом пространстве, а избирателей, голосующих за эти партии, к консервативной части общества. Для них прошлые ценности имеют гораздо большее значение, а прошлые ценности есть ценности советские.

Определять российский электорат в идеологических терминах, по нашему мнению, довольно проблематично. Это связано с тем, что в российском обществе социальная и партийная идентификация, которая и является основой идеологического раскола, находится в самой начальной стадии формирования. Это обусловлено стартовыми условиями процесса трансформации: довольно аморфной социальной структурой, наличием традиционной патриархальной политической культуры. Трансформация общества началась не как общественная потребность, а как раскол партийно-политической и хозяйственной элиты в вопросе дальнейшего развития страны. К тому же формирование политических партий шло под конкретного лидера, а не являлось и не является отражением социальных и идеологических размежеваний внутри самого общества.

Электоральные предпочтения, сложившиеся в нашей стране в период распада и постсоветской трансформации, по нашему мнению, не идеологичны, а мифологичны, что не отрицает рационального выбора избирателями определенного мифологического ориентира. Данные ориентиры могли сформироваться в очень небольших рамках: «как вчера», «как сегодня», «как завтра», и «не завтра-не вчера», что представляет собой консервативный, конформистский, модернизационно-прозападный и маргинальный типы голосования.

Над всеми этими мифологемами стоит нечто единое и общее — патриархальный тип политической культуры, благодаря которой избиратель легко мог на одних выборах проголосовать за «демократические» партии, а на следующих выборах за «центристские» или протестно-маргинальные. Смена мифов происходила в русле одной политической культуры и приводила к таким резким колебаниям в зависимости от смены политических лидеров и их реального положения в структуре российской власти.

Таким образом, в российском обществе по итогам трех избирательных циклов, по нашему мнению, можно выделить четыре проявившихся типа электората:

консервативный, голосующий за советское прошлое, сильную государственную власть, державность;

конформистский, голосующий за партии власти. Для этого типа характерен поиск сильной власти, способной навести порядок, быть «самодержавной» и способной осуществлять патронаж над населением;

индустриального общества: здоровый и образованный человек считается нормой и предполагается, что наличие факторов здоровья и образования, и как следствие, высокого дохода, определяет развитие индивида. ИРЧП, таким образом, не учитывает целый ряд социокультурных особенностей, характерных для современного общества, что вызывает сомнения в возможности его использования в качестве показателя для сравнения уровня развития регионов.

Аналогичная проблема существует и с исследованием динамики развития региона. Традиционно в этом случае используется тот же ИРЧП, о недостатках которого было сказано выше. Всё это говорит о необходимости разработки интегрального показателя, характеризующего социокультурное развитие региона, так как именно в наличии интегрального показателя в первую очередь заинтересованы политические, административные, деловые структуры регионов, средства массовой информации и общественность.

Приведенные ниже размышления представляют собой гипотезы, требующие дальнейшей проработки и обсуждения. Достижение поставленной задачи — разработки интегрального показателя, характеризующего уровень развития региона — потребует помощи со стороны всех участников программы «Социокультурная эволюция регионов России», на помощь которых мы надеемся.

Мы исходим из предположения, что интегральный показатель, характеризующий уровень развития региона, должен представлять собой коэффициент, изменяющийся в пределах от нуля до единицы. Это даст возможность однозначно трактовать уровень развития региона, его место среди других регионов России, величину разрывов в развитии отдельных регионов. Идеальным регионом, в таком случае, будет являться регион, значение коэффициента для которого равно единице.

Уровень развития региона определяется множеством показателей, которые могут быть сгруппированы в группы. При этом мы исходим из предположения, что высокие значения одних показателей могут компенсировать низкие значения других показателей, то есть предлагаемая модель будет компенсаторной. В дальнейшем представляется возможным построение некомпенсаторной модели с использованием «точек отсечения», но на данном этапе это представляется нецелесообразным. Число групп показателей, используемых для расчета интегрального показателя, может быть любым, для наглядности модели мы предлагаем ограничиться тремя группами с условными названиями «экономика», «культура», «политика».

Каждая из рассмотренных групп должна быть охарактеризована коэффициентом, изменяющимся в пределах от нуля до единицы. Это позволит рассматривать интегральную оценку уровня развития региона с позиций матричного анализа как сумму векторов, характеризующих развитие региона по трем направлениям — «экономика», «культура» и «политика», скорректированную на величину $3^{1/2}$ для приведения интервала возможных значений изменения интегрального показателя в пределы от нуля до единицы.

Наиболее сложной задачей нам представляется расчет коэффициентов, характеризующих выделенные три группы. Как уже отмечалось, эти коэффициенты должны находиться в пределах от нуля до единицы, при этом они должны отражать совокупные характеристики целого ряда показателей. Нам представляется, что эти коэффициенты должны представлять собой сумму частных коэффициентов, взвешенных на степень их значимости для коэффициента, характеризующего группу. При этом частные коэффициенты могут быть рассчитаны как на основании статистических данных или результатов опросов по типовой методике, так и представлять собой экспертные оценки (в случае трудностей формализации отдельных аспектов жизни региона).

Таким образом, нам представляется, что для успешной разработки интегрального коэффициента, характеризующего уровень развития региона, который может быть использован как для сравнения регионов между собой, так и для анализа эволюции отдельного региона, необходимо решить ряд задач:

А.В. Волков, М.Г. Светушков
(Ульяновск)

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩЕГО УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

За последние несколько лет существенно продвинулась вперед работа по составлению социокультурного атласа России. На сегодняшний день в ряде регионов (Курская, Пермская, Смоленская, Тюменская, Ульяновская области) подведены исследования на основании типовой программы и методики, разработанными Центром изучения социокультурных изменений ИФ РАН, подготовлены социокультурные портреты регионов. Комплексность методики, широкий охват разных сторон социально-экономических и культурных проблем позволяет дать «портретное» описание региона с учетом его специфических особенностей и подготовить базу для проведения сравнительного анализа с другими регионами.

Несомненным достоинством используемой методики является факт использования исследователями разных регионов типовой программы, позволяющей сравнивать развитие различных регионов по основным критериям. При этом методика не только допускает, но и приветствует работу исследователей со слабоструктурированной информацией, позволяющей выявить особенности региона как социокультурной общности.

Типовая методика представляет собой не просто инструмент для осуществления разового среза ситуации в регионе. Данная методика может использоваться как инструмент для составления портретов региона в различные моменты времени (с интервалом в несколько лет), что позволит анализировать происходящие в регионе изменения. Именно динамика развития региона представляет особый интерес для исследователей, позволяя оценивать направленность и эффективность осуществляемых в регионе преобразований.

Таким образом, типовая методика призвана решить две главные задачи:

1. Создать базу, позволяющую осуществлять сравнение развития регионов между собой;
2. Создать механизм, позволяющий оценивать характер изменений в развитии региона с течением времени.

Сравнение уровня развития регионов представляет не только научный, но и практический интерес. Сравнивая положение дел в отдельных регионах, возможно выявить факторы, влияющие на успешность регионального развития, и, следовательно, разработать рекомендации по улучшению жизни в регионе. Однако для достижения этой цели необходимо, как минимум, наличие показателя, позволяющего осуществлять подобное сравнение. При этом желательно, чтобы этот показатель позволял не только осуществлять ранжирование регионов по уровню их развития, но и выражал бы уровень развития в измеримых величинах, позволяющих оценивать величину разрыва в развитии отдельных регионов.

Одним из показателей, используемых при сравнении между собой территориальных образований, является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), рассчитываемый в рамках Программы развития ООН, в том числе по регионам России. ИРЧП представляет собой среднеарифметическую сумму значений трех равно значимых компонентов:

1. Индекс уровня жизни (дохода), определяемого как ВВП по паритету покупательной способности на душу населения;
2. Индекс образования, определяемого показателями грамотности (с весом 2/3) и доли учащихся среди молодежи в возрасте от 6 до 23 лет (с весом 1/3);
3. Индекс долголетия, определяемого показателем ожидаемой продолжительности жизни.

Однако, несмотря на свою комплексность, ИРЧП имеет и серьезные недостатки. Во-первых, он рассчитывается на основании официальной статистики, которая далеко не всегда отражает реальность. Во-вторых, он построен на основе предпосылок, характерных для

модернизационно-прозападный, голосующий за партии, отстаивающие принципы либерализма: свободы, личной независимости и обещающие сделать в стране, как на Западе; протестно-маргинальный, который недоволен ни прошлым, ни настоящим и с большим сомнением смотрит на то, что предлагает власть.

В течение трех электоральных циклов в Чувашии и еще 23 регионах произошла эволюция партий победителей: ЛДПР—КПРФ—КПРФ—«Единая Россия». По первой классификации: от национально-патриотического через коммунистический к центристскому. По нашей: от протестно-маргинального — к консервативному, и, наконец, к конформистскому.

Крушение прозападного мифа привело к резкому оттоку избирателей от партий такого типа и по результатам последней избирательной кампании видно, что прозападный электорат составляет всего немногим более 5%. Всплеск протестно-маргинального голосования приходится на 1993 г. на начало радикальных экономических реформ, которые и привели к значительной маргинализации населения независимо от этно-национальной принадлежности.

Традиционная патриархальная культура российского избирателя всегда несла в себе большой потенциал конформизма и консерватизма, ориентированный на поиск сильной «самодержавной» власти, способной навести «порядок». Если такая власть отсутствует в настоящий период, то избиратели ее видят в прошлом и выражают более консервативное отношение, если она появляется в настоящем, то в большей степени проявляются конформистские предпочтения.

Социологические исследования показывают устойчивую ориентацию избирателей России на авторитарный тип правления. Наблюдения социологов относительно того, что в странах бывшего социалистического лагеря прослеживается ярко выраженная патерналистская ориентация подтверждается в исследовании Global Attitudes Project (2003) [4] (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на вопрос «Что для моей страны лучше — демократический стиль правления или «сильная рука»?»

Страна	Чехия	Словакия	Польша	Болгария	Украина	Россия
Демократическое правление	91	86	41	41	31	21
«Сильная рука»	7	12	44	44	67	70

В сформировавшейся после радикальных экономических реформ экономической системе в более привилегированном положении оказались жители больших городов, где конформизм сформировался значительно раньше. Протест периферии носил либо маргинальный либо консервативный характер. С появлением лидера, претендующего на выражение сильной «самодержавной власти», и формированием моноцентрического политического режима волна конформизма докатилась и до периферии, что нашло отражение в третьем электоральном цикле.

В Чувашской Республике, как в целом и в России наблюдаются электоральные расколы между городом и селом, центром и периферией. Особенно хорошо это видно по результатам голосования избирателей по двум избирательным округам: Чебоксарскому и Канашскому (табл. 3).

Чебоксарский территориальный избирательный округ (ТИО) включает два крупных урбанизированных центра — Чебоксары и Новочебоксарск, а также прилегающие к ним районы: Козловский, Мариинско-Посадский и Чебоксарский. Данный избирательный округ на 9/10 состоит из горожан.

Канашский ТИО включает все остальные районы республики и несколько малоурбанизированных центров: Алатырь, Канаш, Шумерля, 3/4 населения данного ТИО — сельские жители.

Электоральный раскол в Чувашской Республике проявлялся на всех выборах, особенно это характерно для избирателей консервативной и прозападной ориентаций. Это видно по голосованию за КПРФ и партии СПС и «Яблоко». Уровень поддержки КПРФ в районах вплоть до 2003 г. был всегда выше на 10—12 процентных пунктов, и наоборот, уровень поддержки СПС в районах ниже в три раза, как видно из данных табл. 3. Партии власти получали примерно одинаковую поддержку как Чебоксарскому, так и Канашскому ТИО. В

Таблица 3

Данные о голосовании избирателей Чувашии в 1993–2003 гг. (в %)

Партии	Чебоксарский ТИО				Канашский ТИО			
	1993 г.	1995 г.	1999 г.	2003 г.	1993 г.	1995 г.	1999 г.	2003 г.
КПРФ	15,2	27,9	30,25	19,0	23,8	37,9	41,01	17,0
ЛДПР	25,2	11,1	5,5	9,7	20,3	13,1	6,29	7,19
АПР	4,0	1,6	—	3,2	20,6	9,5	—	10,5
СПС	—	—	9,74	—	—	—	3,28	—
НДР	—	5,4	1,34	—	—	4,1	1,56	—
ОВР	—	—	15,99	—	—	—	13,93	—
Единство	—	—	14,09	—	—	—	12,21	—
Единая Россия	—	—	—	32,4	—	—	—	43,3
Родина	—	—	—	8,0	—	—	—	4,0
ПСТ	—	18,0	—	—	—	5,8	—	—

1995 г. это НДР, 1999 г. ОВР и «Единство». Протестно-маргинальное голосование характерно примерно в одинаковой мере для избирателей и районов и городов, что выразилось при голосовании за ЛДПР.

Субрегиональный раскол особенно наглядно проявляется при голосовании за достаточно специфические партии такие как Аграрная партия и ПСТ С.Федорова. Поддержка Аграрной партии на селе значительно выше, чем в городе. Феномен ПСТ на выборах 1995 г. по Чебоксарскому ТИО объясняется исключительной популярностью лидера этой партии С.Федорова, который одновременно баллотировался в Чебоксарах в депутаты Государственной думы РФ.

Однако выборы 2003 г. привели к нарушению данной закономерности. Поддержка КПРФ в районах несколько ниже, чем в городе, а партии власти, наоборот, выше на 11 процентных пунктов. Данная ситуация свидетельствует о переходе от консерватизма к конформизму, причем в сельской местности этот переход оказался гораздо активнее, чем в городе.

В России и Чувашии с 1991 г. прошло четыре избирательные кампании по выборам Президента. Каждая из этих кампаний оказывалась уникальной. Первые выборы президента России состоялись 12 июня 1991 г. Во многом они носили «демонстративный, символический характер. Они означали не перераспределение власти, но лишь выбор между согласием и отказом поддержать существовавшие институциональные механизмы партийно-советского государства» [5].

Победу одержал Б. Ельцин. В Чувашской Республике за него проголосовали 52,3% избирателей. Республика показала более консервативный результат, как и большинство национальных образований, т. е. меньше, чем в целом по России (57,3%). Вторую позицию в Чувашии занял Н.Рыжков, поддержанный коммунистами (21,9%). Это несколько больше, чем в целом по России (16,8%), и совпадает с показателями в национальных республиках. В.Жириновский в Чувашии набрал только 5,6%. В России — 7,8%. Из национальных республик следует отметить Башкирию, где за Жириновского проголосовало 7,5%, Адыгею (10,4%), Карелию (8,1%).

Результаты выборов Президента России 12 июня 1991 года (в %)

	Кандидаты	Чувашия	Россия
1.	Ельцин Б.Н.	52,3	57,3
2.	Рыжков Н.И.	21,9	16,8
3.	Макашов А.Н.	6,0	3,7
4.	Жириновский В.В.	5,5	7,8

Как видно из данных таблицы 4, значительная часть респондентов (32%) по основной работе заняты на государственных, муниципальных предприятиях, причем среди женщин таковых больше (20,9%), чем среди мужчин (14,1%). Доля лиц со средним специальным образованием наиболее высока — 14,2%, далее следуют работники с высшим образованием — 7,1% и средним общим — 6,2%.

Достаточно высок процент тех, кто не имеет постоянной работы (11,8%), где 7,9% — это женщины и 5,1% — мужчины, причем лиц со средним специальным образованием большинство — 2,4% (с высшим — 1,2%, со средним общим — 1,0%).

Далее занятость по основной работе такова: на частном предприятии (не Ваша собственность) — 11,5%; на акционерных предприятиях с участием государства — 5,0%; на акционерных предприятиях без государственного участия — 4,4%; на предприятиях, фирмах, находящихся в Вашей личной собственности — 2,8%; в колхозах, совхозах, с/х кооперативах — 2,3%; занятые индивидуальной трудовой деятельностью — 1,4%; в личном подсобном хозяйстве — 0,7%; в крестьянском, фермерском хозяйстве — 0,5%.

В регионе достаточно слабо распространена вторичная занятость. Вероятнее всего это связано с тем, что высока доля (11,8%) тех, кто не имеет постоянной основной работы. Работа в личном подсобном хозяйстве как дополнительной работе имеет наибольший показатель — 6,1%, причем женщины больше заняты (7,4%), чем мужчины (4,7%). Остальные варианты ответов дают результат менее 1%.

По результатам данного исследования можно судить о некоем мотивационном сдвиге в сторону актуализации инструментальных ценностей, хотя, возможно, это временное явление. Происходит так называемое «сползание» целей на средства. Содержательная, творческая работа, возможности самореализоваться в труде несколько уступают место мотивам обеспечения. И это понятно, ведь не от хорошей жизни человек пересматривает ценности, а заработная плата это не только плата за количество и качество труда или условие воспроизводства себя и своей семьи, но и показатель своего социального самочувствия, своей общественной «цены».

Кроме того, по результатам исследования, можно говорить о существовании двух полярных, но преобладающих типов работников в регионе: *первый тип* отличает низкая достижительная мотивация, а экономическое поведение осуществляется по формуле «минимум доходов при минимуме труда» — 40,8% (табл. 1). Такое поведение по возможности исключает инновации и минимизирует риск, но жестко лимитирует гарантируемые размеры дохода. *Второй тип* отличает достаточно высокая достижительная мотивация, а экономическое поведение осуществляется по формуле «максимум доходов при максимуме труда» — 13,8% и 12,1% (табл. 1). Оно характеризуется максимизацией усилий, затрат и соответствующими размерами ожидаемой выгоды, но в то же время — определенной степенью риска и возможного ущерба.

Экономические и политические события последних десятилетий в России, а это свертывание производства и остановка предприятий, сокращение объема занятости, низкие заработки привели к высокой маргинализации населения со всеми связанными с этим последствиями. Однако, не смотря на это, в последнее время в стране появляются новые прогрессивные тенденции в сфере трудовой мотивации.

Таблица 3

Мотивы смены работы после 1990 года (в %)

№	Мотивы смены работы	% опрошенных	Распределение по полу	
			Мужчины	Женщины
1.	Появилась возможность более интересной работы	6,5	2,9	3,9
2.	Работа не пользовалась уважением	1,4	1,0	0,5
3.	Были сокращения, предприятие было закрыто	16,6	6,8	10,5
4.	Работа по моей специальности сейчас не нужна	2,6	2,0	0,7
5.	Работа плохо оплачивалась	11,9	6,4	6,1
6.	На новой работе я имею больше возможностей проявить себя	3,3	2,2	1,2
7.	Другое	57,7	21,8	59,4
	Итого	38,0		

В ходе проведенного социологического исследования была изучена проблема занятости (официальной и неофициальной) на предприятиях различных типов собственности и её распространение.

На вопрос «К какому типу относится предприятие (организация), где Вы работаете на основной и, если имеется, дополнительной работе?» были получены следующие ответы.

Таблица 4

Тип предприятия (организация), где Вы работаете на основной и дополнительной работе

№	Наименование работы	Основная работа				Дополнительная работа			
		Частота ответа (чел.)	% опрошенных	Распределение по полу		Частота ответа (чел.)	% опрошенных	Распределение по полу	
				Муж., %	Жен., %			Муж., %	Жен., %
1.	Государственное, муниципальное предприятие	353	32,0	14,1	20,9	8	0,7	0,7	0,7
2.	Акционерное предприятие с участием государства	55	5,0	2,9	2,6	5	0,5	0,7	0,2
3.	Акционерное предприятие без государственного участия	48	4,4	2,2	2,5	3	0,3	0,4	0,2
4.	Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	31	2,8	2,2	0,9	7	0,6	1,1	0,2
5.	Частное предприятие (не Ваша собственность)	127	11,5	6,3	6,4	10	0,9	0,4	1,4
6.	Колхоз, совхоз, с/х кооператив	25	2,3	1,1	1,1	1	0,1	0	0,2
7.	Крестьянское, фермерское хозяйство	6	0,5	0,4	0,2	4	0,4	0,4	0,4
8.	Личное подсобное хозяйство	8	0,7	0,2	0,6	67	6,1	4,7	7,4
9.	Индивидуальная трудовая деятельность	15	1,4	1,0	0,5	14	1,3	1,3	1,3
10.	Другое	66	6,0	2,3	4,3	15	1,4	0,9	1,8
11.	Не имею постоянной работы	130	11,8	5,1	7,9	202	18,3	16,2	20,1
12.	Не знаю	10	0,9	0,4	0,6	22	2,0	1,8	2,2
13.	Отказ от ответа	132	12,0	5,8	7,3	199	18,1	15,3	20,3

Вторые президентские выборы 1996 г. представляли как выбор между президентской властью, демонстрировавшей курс радикальных реформ и антикоммунизма и «красным» реваншем. К этому времени власть утратила массовую поддержку избирателей и всерьез рассматривала неконституционные способы ее удержания. Поэтому «реальным был выбор между различными вариантами сохранения существующего режима» [6]. Неслучайно после выборов многие исследователи и представители политических партий говорили о массовых фальсификациях результатов выборов.

Анализ электоральной статистики показывает, что в целом ряде регионов произошли резкие изменения политических симпатий между первым и вторым турами, причем произошло увеличение поддержки Б.Ельцина и уменьшение поддержки Г.Зюганова. Среди таких регионов особо выделяются национальные субъекты. В Ингушетии во втором туре Б. Ельцин добавил 49,1%, Г. Зюганов, наоборот, потерял 6,2%. В Дагестане аналогично: у Б. Ельцина «+30,6%», у Г. Зюганова «-14,0%». В Татарстане: у Б.Ельцина во втором туре «+26,9%», у Г. Зюганова «-4,3%», в Карачаево Черкесии: у Б. Ельцина «+26,4%» у Г. Зюганова «-7,8%», в Северной Осетии: у Б. Ельцина «+25,6%», у Г. Зюганова «-7,7%».

Эти регионы принято называть регионами с управляемым электоратом. Правильнее было бы их определить, как регионы с управляемыми избирательными участками. Видимо, следует признать правоту Дж. Кезы в следующем: «Пока международные наблюдатели присутствовали на участках, чтобы поймать какого-нибудь простачка, засунувшего в урну пару лишних бюллетеней, фальсификация спокойно совершалась в самих комиссиях с помощью ручки и японского калькулятора» [7].

На подозрения в фальсификации указывают и большая доля бюллетеней, опущенных в переносные урны (4,8%, или 3,6 млн шт.) и повышенный всплеск явки во втором туре: в Ингушетии на 19%, Дагестане — 12%, Кабардино-Балкарии — 10%, Мордовии — 8%, Чечне — 5,5%, Татарстане — 5%, Москве — 4%. В ряде регионов, например С.-Петербурге, отмечен резкий всплеск явки перед самым закрытием участков, что тоже не может вызывать подозрений [8].

В Чувашской Республике не произошло значительного повышения явки избирателей. В первом туре явка составила 67,23%, во втором — 67,30%. Однако, возросло число избирателей, проголосовавших вне помещения для голосования (с 3,99% до 4,26%), а так же число голосов, поданных против всех кандидатов (с 1,10% до 3,34%). Только в одном районе (Шемуршинском), произошло падение поддержки Г. Зюганова во втором туре. Во всех остальных районах электорат как Ельцина, так и Зюганова увеличился.

В Чувашской Республике победу одержал Г. Зюганов. В первом туре за него проголосовало 53,93% избирателей, во втором — 62,59% (см. табл. 4 и 5). За Б. Ельцина в первом туре 20,55%, во втором — 31,82%. Эти данные показывают, что в Чувашии выборы президента России в 1996 г. были достаточно корректными, без явных признаков фальсификации.

Чувашская Республика по итогам первого электорального цикла твердо входила в число регионов с преобладанием консервативного и протестного электората.

Таблица 4

Результаты выборов Президента России 1996 года (в %)*

	Кандидаты	Чувашия		Россия	
		1 тур	2 тур	1 тур	2 тур
1.	Зюганов Г.А.	53,9	62,6	32,0	40,3
2.	Ельцин Б.Н.	20,6	31,8	35,3	53,8
3.	Лебедь А.И.	7,7		15,5	
4.	Федоров С.Н.	3,2		0,9	

* Составлено по: Политический альманах России 1977. Московский Центр Карнеги 1999 г.

Таблица 5

Результаты выборов Президента России 1996 г. по районам Чувашской Республики*

Район, город	Избирателей, тыс. чел.	Участие, %	Ельцин Б.Н.		Зюганов Г.А.	
			1 тур	2 тур	1 тур	2 тур
Алатырский	18,3	81,5	14,7	23,3	64,1	72,8
г.Алатырь	34,3	68,2	21,2	35,0	50,6	59,5
Аликовский	16,5	72,2	12,0	16,1	72,3	79,4
Батыревский	29,7	71,7	13,1	18,6	72,7	77,6
Вурнарский	30,5	69,1	15,8	25,0	63,6	69,8
Ибресинский	19,2	67,8	16,7	26,0	62,2	68,6
Канашский	31,7	68,9	12,4	18,9	68,1	76,0
г.Канаш	37,9	61,9	23,7	33,7	52,5	61,1
Козловский	19,3	71,8	18,9	29,5	56,0	65,2
Комсомольский	20,0	70,8	11,1	19,4	93,2	75,6
Красноармейский	13,6	78,4	14,5	20,4	68,7	75,2
Краснотетайский	18,1	69,1	10,9	17,1	73,1	78,6
Марпосадский	21,0	69,9	17,6	28,2	58,7	66,9
Моргаушский	27,6	66,2	18,1	26,6	58,6	68,1
г.Новочебоксарск	91,4	64,3	24,9	40,2	41,2	53,4
Порецкий	14,6	67	19,2	27,9	56,8	67,4
Урмарский	20,8	70,6	11,5	18,2	70,0	76,6
Цивильский	27,6	70,2	16,5	25,4	61,6	69,1
Чебоксарский	39,9	66,4	17,5	26,5	57,4	67,7
г.Чебоксары, Калининский	103,7	63,7	25,4	39,7	43,2	53,9
г.Чебоксары, Ленинский	90,3	65,7	26,7	41,3	42,8	52,4
г.Чебоксары, Московский	122,4	63,4	28,8	44,4	38,9	48,9
Шемуршинский	12,3	76,6	11,6	28,0	71,8	65,7
Шумерлинский	11,4	71,3	15,9	21,1	62,7	73,2
г.Шумерля	30,7	63,9	24,4	36,9	49,7	58,4
Ядринский	26,4	68,4	19,3	30,8	57,5	64,4
Яльчикский	19,2	74,3	11,9	15,8	74,9	80,4
Янтиковский	13,9	76,3	11,8	18,7	71,6	76,7

* Составлено по: Политический альманах России 1977. Московский Центр Карнеги 1999 г.

Президентские выборы 2000 г. проходили досрочно и их смысл заключался в легитимной передачи власти. «Выбирали не «наследника», а скорее «могильщика» стиля предыдущего президента» [9]. Победа Путина практически была предрешена и задача заключалась в том, чтобы обеспечить максимальную поддержку новому президенту. По существу, эти выборы стали выборами без альтернативы.

В Чувашии с небольшим преимуществом победу одержал В. Путин (см. табл. 6 и 7). Однако в Чувашии наблюдалось большое количество недействительных бюллетеней (1,93%), наряду с такими республиками, как Мордовия (2,23%), Калмыкия (1,91%), Тыва (1,75%), Татарстан (1,71%), Северная Осетия (1,51%), Республика Алтай (1,38%), Усть-Ордынский Бурятский А.О. (1,38%), Башкортостан (1,37%), которые традиционно относят к регионам с управляемым электоратом.

10,5% респондентов предпочитают иметь небольшой, но твердый заработок. При этом 4,4% — это лица со средним специальным образованием, 2,6% — с высшим и 2,3% — со средним общим образованием.

9,7% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос. И, наконец, 4,5% предпочитают иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу.

Остановимся более подробно на мотивах сохранения и смены работы. Респондентам было предложено ответить на вопрос «Если Вы после 1990 г. сохранили свою работу, профессию, то почему?». Всего работу сохранили 47,5% опрошенных.

Таблица 2

Мотивы сохранения работы после 1990 года (в %)

№	Мотивы сохранения работы	% опрошенных	Распределение по полу	
			Мужчины	Женщины
1.	Работа интересная	13,4	5,7	9,1
2.	Работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям	5,7	2,9	3,4
3.	Работа хорошо оплачивается	7,5	5,3	2,7
4.	Мне некуда уходить, другой работы у меня не было	22,8	9,7	14,9
5.	Я привык к своей работе, к коллективу	16,8	6,3	10,9
6.	Мне так спокойнее	2,7	1,7	1,3
	Итого	47,5		

Среди мотивов сохранения своей работы на первом месте мотив «мне некуда уходить, другой работы у меня не было» — 22,8% (14,9% — женщин и 9,7% — мужчин), причем у лиц со средним специальным образованием он значительно преобладает — 12,7% (4,6% — среднее общее; 3,5% — высшее).

Еще одним немаловажным мотивом выступил мотив «привычки к своей работе, к коллективу» — 16,8%. Этот мотив ярче выражен у женщин (10,9%), чем у мужчин (6,3%). Кроме того, у лиц со средним специальным образованием он преобладает (8,4%), по сравнению с теми, кто имеет высшее (5,6%) и среднее общее (2,1%) образование.

Показательно и то, что 13,4% опрошенных респондентов считают свою работу интересной и, это было причиной ее сохранения. У женщин выбор этого мотива (9,1%) почти в два раза превышает мужской выбор (5,7%).

7,5% респондентов считают свою работу хорошо оплачиваемой, и это послужило причиной её сохранения. 5,7% опрошенных говорят о том, что их работа «почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям», и только 2,7% респондентов считают, что им так спокойнее.

Ожидания работника — это наиболее весомый субъективный фактор, который влияет не только на трудовое поведение работника, но и на его мотивацию, а, следовательно, выступает одним из мотивов возможной смены работы.

Интерпретируя ответы респондентов по отношению к мотивам смены работы после 1990 г., мы можем видеть следующее. Среди всех участников опроса сменили работу 38,0%.

Основной причиной смены работы респонденты называли сокращения и закрытие предприятий (16,6%), причем у женщин выбор этого мотива составляет 10,5%, а у мужчин — 6,7%, у респондентов со средним специальным образованием он наиболее высок — 7,8% (4,4% — у лиц с высшим образованием, 3,9% — у лиц со средним общим образованием).

Второе место среди причин смены работы занимает плохая оплата труда (11,9%). Следует заметить, что данный мотив имеет практически одинаковый процент выбора как среди мужчин (6,4%), так и среди женщин (6,1%).

На третьем месте расположился мотив «появилась возможность более интересной работы» — 6,5%. Далее следуют — «на новой работе я имею больше возможностей проявить себя» — 3,3%, «работа по моей специальности сейчас не нужна» — 2,6%, «работа не пользовалась уважением» — 1,4%.

М.И. Кадничанская
(Ульяновск)

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Мотивация трудовой деятельности — сложнейший процесс, который изучается многими учеными не один десяток лет. Мотивацию определяют как силу, побуждающую к действию. Это превращение внешних воздействий в скрытые формы внутреннего мира личности, объяснение и обоснование ею собственных намерений, действий, поведения. Развитие мотивации имеет свою логику. Она представляет движение по восходящей: от отношения к труду как неприятной необходимости с готовностью при первой возможности его бросить — через труд, имеющий целью получение материальных благ и сочетающийся с другими ценностями жизни, к труду как самоценности, к труду, в который работник хочет вложить все лучшее, что может, независимо от оплаты.

Исследуя трудовую мотивацию населения можно определить тенденции экономического развития области, изменения в уровне жизни населения, состояние трудовых ресурсов и системы профессиональной подготовки населения.

Результаты проведенного социологического исследования, полученные по методике «Социокультурный портрет региона», разработанной под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой о социальных аспектах жизни населения нашей области в части мотивации трудовой деятельности и экономической активности населения показали следующие результаты.

На вопрос о том, какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать, были получены такие данные:

Таблица 1

Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать (в %)

№	Вид работы	% опрошенных
1.	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	40,8
2.	Иметь пусть небольшой, но твердый заработок	10,5
3.	Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	4,5
4.	Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	13,8
5.	Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	12,1
6.	Не знаю	9,7
7.	Отказ от ответа	6,7

Большая часть респондентов (40,8%) хотели бы иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне. При этом среди женщин этот выбор намного чаще (25%), чем среди мужчин (17%). У респондентов со средним специальным образованием он наиболее высок — 18,2%. Далее следуют лица с высшим образованием — 9,5% и на третьем месте со средним общим образованием — 7,9%.

Однако велика и доля тех, кто хотел бы много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее — 13,8%. При этом 5,2% — респонденты со средним специальным образованием и 3,5% — с высшим образованием.

Высок процент тех, кто готов сегодня на риск. 12,1% предпочли бы иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск. При этом доля респондентов, имеющих высшее образование наиболее высока — 5,0%. Далее следуют те, кто имеет среднее специальное образование — 3,2%. Кроме того, мужчины более рискованны (7,2%), чем женщины (5,1%).

Таблица 6

Результаты выборов Президента России 14 марта 2000 г. (в %)

	Кандидаты	Чувашия
1.	Говорухин С.С.	0,24
2.	Джабраилов У.А.	0,06
3.	Жириновский В.В.	2,05
4.	Зюганов Г.А.	42,88
5.	Панфилова Э.А.	0,98
6.	Подберезкин А.И.	0,15
7.	Путин В.В.	44,28
8.	Скуратов Ю.И.	0,41
9.	Титов К.А.	1,10
10.	Тулеев А.-Г.М.	1,84
11.	Явлинский Г.А.	3,05
	Число голосов избирателей, поданных против всех	1,03

Таблица 7

Результаты выборов Президента России 2000 г. по районам Чувашской Республики

Район, город	Избирателей, тыс.чел.	Участие, %	Путин В.В.	Зюганов Г.А.
Алатырский	17493	80,44	7031	6005
г.Алатырь	34236	65,62	10217	9851
Аликовский	15831	77,41	4592	6603
Батыревский	30455	74,05	8444	12462
Вурнарский	30273	72,51	10686	9079
Ибресинский	19695	72,27	7424	5611
Канашский	31941	69,85	10037	10204
г.Канаш	36958	67,47	11083	11146
Козловский	18915	72,68	6407	5842
Комсомольский	20473	78,39	7607	6809
Красноармейский	13475	76,73	4352	5114
Красночетайский	17283	73,09	4481	7106
Марпосадский	20536	74,96	7734	6021
Моргаушский	27519	72,73	9198	8913
г.Новочебоксарск	93579	70,26	31579	23859
Порецкий	13941	76,02	4887	4936
Урмарский	20741	74,38	6749	7358
Цивильский	28079	72,63	8737	9434
Чебоксарский	41956	65,46	11951	12285
г.Чебоксары, Калининский	107813	66,53	30197	29480
г.Чебоксары, Ленинский	92797	69,63	27483	25601
г.Чебоксары, Московский	127103	68,02	37238	32471
Шемуршинский	12423	85,18	5463	4045
Шумерлинский	11244	78,90	4119	3919
г.Шумерля	30548	63,97	7457	10069
Ядринский	25838	72,64	9271	7501
Яльчикский	19007	78,86	5380	8583
Янтиковский	13926	83,60	5452	5279

В Чувашской Республике наибольшее количество недействительных бюллетеней оказалось в Шемуршинском районе — 6,87%. В этом районе отмечена и самая высокая явка избирателей — 85,18%. «Необычайно высокая доля недействительных бюллетеней может указывать на намеренную порчу части бюллетеней, поданных за соперников фаворита властей» [10].

В исследовании В. Михайлова Чувашия вошла в число «особых регионов» и заняла на выборах президента России 2000 г. 13 место из 89 регионов. Исследователь отмечает, что «количество признаков (отклонений от среднестатистических показателей — Д.Ш.) у региона не говорит напрямую о силе фальсификаций и давления на избирателей. Скорее это характеризует разнообразие методов, применяемых в этих регионах» [11].

Четвертые выборы президента России продемонстрировали успешность административного управления страной и в целом отражали ожидания большинства избирателей России.

Важная особенность данных выборов — высокая степень консолидации элит и устранение от политического участия крупных олигархов, влияющих на политические процессы на протяжении 1996—2000 гг.

Наибольшая поддержка Путину была опять оказана в национальных республиках: Ингушетия — 98,2%, Кабардино-Балкария — 96% и Дагестан — 94%.

По сравнению с предыдущими выборами электоральная активность в Чувашской Республике была несколько ниже и составила 66,4%. Причем самая высокая степень участия в голосовании была опять в Шемуршинском районе — 93,6%. В этом же районе и самая высокая поддержка В. Путину — 77,9%. Затем соответственно идут Алатырский (76,8%), Ибресинский (72%) и Поречский (71,6%) районы. Интересно, что по результатам экономического развития Шемуршинский район занимает 11 место, Алатырский — 21, Ибресинский и Поречский — 20 место.

Самый низкий процент голосов, отданных за действующего Президента РФ, отмечен в Аликовском районе — 53,9%, затем Красночетайском — 61,3%, Мариинско-Посадском — 61,5%, Цивильском — 63,2%, Красноармейском — 63,3%, Шумерлинском — 63,5%.

Второе место в Чувашии занял Н. Харитонов. За него проголосовало 21,5% избирателей.

Таблица 8

Результаты выборов Президента России 14 марта 2004 г. в Чувашской Республике

Кандидаты	Число голосов
Глазьев С.Ю.	18037
Мальшкин О.А.	11408
Мионов С.М.	3949
Путин В.В.	427489
Хакамада И.М.	16028
Харитонов Н.М.	137093
Против всех	13252

По результатам третьего электорального цикла в Чувашии, как и в большинстве регионов, все больше преобладают конформистские тенденции. Конформизм становится определяющим политическим ориентиром и типом поведения граждан, что вполне соответствует политической культуре российского электората, в котором за десять лет трансформации общества так и не сформировалось ни идеологической, ни социальной идентичности, что ставит под сомнение возможность российского социума создать устойчивые институты гражданского общества с демократическими механизмами формирования власти.

Литература

1. Выборы депутатов Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации — 1999: Электорал. стат. М.: Весь мир, 2000. С. 213; *Голосов Г.В.* Политические партии и независимые кандидаты на думских выборах // 2-й электор. цикл в России (1999—2000). М.: Весь мир, 2002.

Одной из критических точек конфликта элит и партийной конкуренции первоначально было противостояние Законодательного собрания области, избранного еще в 1999 г. и возглавляемого С.Рябухиным, и администрацией В.Шаманова. Через год С.Рябухин был избран аудитором Счетной палаты, что лишь несколько снизило градус противостояния исполнительной и законодательной ветвей власти. Следующий пик конфликта пришелся на выборы осенью 2003 г. депутатов Государственной Думы России и нового состава Законодательного собрания области. В области нарастала социальная напряженность, как следствие передела собственности, закрытия обанкротившихся предприятий, впоследствии ушедших за бесценок в руки «чужих» предпринимателей. Население Ульяновска продемонстрировало невиданную ранее протестную активность, дважды проголосовав «против всех» на выборах в ГД и по 2 округам в ЗСО, фактически предрешив судьбу В. Шаманова. В начале 2004 г. варяги из приезжей команды губернатора не стесняясь паковали чемоданы и вывозили из области все что могли.

Протестное поведение избирателей, нежелание голосовать за кандидатов от всех партий, свидетельствовало о слабости партийной системы региона, недоверии им, преобладании отрицательной партийной идентификации.

Политика В. Шаманова, опиравшегося на чужаков, отстранение местного бизнеса в угоду иногородним финансово-промышленным группам, вынудило ульяновскую элиту искать новых лидеров. На выборах 2004 г. основными конкурентами стали партийные кандидаты: представитель ульяновского бизнеса миллионер С. Герасимов (СПС) и мэр города Димитровграда, более близкого к Самаре, и более динамично развивающегося чем Ульяновск, С. Морозов (Единая Россия).

Региональная элита, осознав свои потери и необходимость защиты интересов региона, нашла в себе силы к консолидации и преодолению на время внутриэлитного регионального конфликта. С. Морозов вышел на выборы как кандидат, поддержанный «Единой Россией», руководителями органов местного самоуправления, отчасти бизнеса, в том числе и самарского. За три года своей работы он смог стать консолидирующей фигурой в области. Рейтинг губернатора вырос до 60%, область вступила в полосу выхода из кризиса, обретения стабильности и первых ростков экономического роста.

Новый губернатор открыто подчеркивает свою партийную принадлежность, инициировал вступление в «Единую Россию» членов регионального правительства. Однако данные административные меры усилили только позиции «Единой России» и привели практически к её доминированию на партийном поле. Выборы регионального парламента в марте 2008 г. при максимальном использовании административного ресурса позволили еще трем партиям провести только по 1—2 депутатам (КПРФ — 2 депутата, Справедливая Россия — 1 депутат, ЛДПР — 1 депутат).

Таким образом, в настоящее время в области не сложилась реально действующая партийная система, реально отражающая интересы избирателей. Доминирование «партии власти» является лишь свидетельством слабости региональных отделений политических партий, их отстранения от реального процесса принятия решений. Электоральное поведение свидетельствует о наличии лишь одной «символической фигуры» — Президента и недоверии к остальным участникам публичной политики.

ключе. За это время в регионе не сложилось стабильных и эффективных партий, способных представлять интересы различных политических сил, за исключением местной организации КПРФ.

Очередной формой адаптации губернаторской команды к меняющейся ситуации стало создание в ноябре 1998 г. Ульяновского Союза Патриотов (УСП) — общественно-политической организации левого толка, которая успешно справилась со своей задачей — нейтрализацией областной организации КПРФ. Ю.Ф. Горячев мастерски перехватил патриотические знамена из рук оппозиции и на какое-то время создал инструмент политического влияния на массы в условиях резкого усиления позиций левых партий в политике России и небывало низкого рейтинга Ельцина. Однако под давлением Кремля региональная исполнительная власть была вынуждена, хотя бы формально, создать отделение НДР, а затем и «Единства». Это послужило стимулом к созданию региональных отделений и других политических партий, активизации их деятельности (Яблоко и СПС прежде всего).

Результаты парламентских выборов 1999 г. свидетельствовали о нарастании напряженности в регионе и недовольстве населения политикой губернатора. В целом Ульяновская область воспроизвела свои партийно-политические предпочтения и ориентации предыдущих лет. Активность ульяновских избирателей традиционно была чуть выше общероссийской — 64,2% против 61,9%. Меньше — опять-таки традиционно — была доля голосов «против всех»: 2,9% по области и 3,3% по России.

Пятипроцентный барьер в целом по России перешагнули (в порядке убывания %): КПРФ, «Единство», ОВР, СПС, блок Жириновского, «Яблоко». В сумме эти лидеры набрали около 81% голосов избирателей. По Ульяновской области 5-процентный барьер перешагнули (в порядке убывания %) КПРФ, «Единство», ОВР, СПС, блок Жириновского. В сумме эти лидеры набрали около 78% голосов избирателей. Существенными различиями выступают здесь следующее: в области доля отдавших голоса за КПРФ примерно на треть больше, чем в целом/в среднем по России, за ОВР и «Яблоко» — на треть меньше. Примечательными, на фоне жесткой конкуренции со стороны других партий и регионального «административного ресурса», являются результаты ОВР (9,2%) и, что совсем нетипично для Ульяновской области, в целом неплохие результаты СПС (7,1%).

На выборы 2000 г. оппозиция не смогла выставить альтернативную кандидатуру, способную победить Ю.Ф. Горячева, а сам он уже был не способен отказаться от власти и хотел передать ее как Ельцин своему преемнику, сыну. Он был готов к применению любых средств, чтобы освободить политическое пространство региона от сильных конкурентов.

Оппозиционная часть элиты в лице регионального отделения СПС обратилась с предложением к генералу В. Шаманову выставить свою кандидатуру на пост губернатора Ульяновской области. Летом 2000 г. за полгода до выборов Шаманов встречался с представителями оппозиции — СПС, КПРФ, предпринимателями города, представителями вузов, либерально-демократической частью общественности города, но на выборы пошел как непартийный кандидат. Раскол в рядах элиты, и, прежде всего относительно выбора пути развития региона, привел к победе Шаманова, совершенно чужого для области человека. Вместе с тем появился шанс изменить ульяновскую политическую традицию, возобновить общественную активность и повысить электоральную ответственность. Победа В.Шаманова и последовавшее за ней обновление структур областной администрации означали окончание эпохи Горячева, а вместе с ним появление надежд на рост общественной активности в регионе и формирования партийной системы.

В.Шаманов в отсутствие публичной поддержки Кремля в партийно-политическом сопровождении выборов опирался на такие различные общероссийские партии как КПРФ, ЛДПР, частично СПС. Однако главной силой, на которую он опирался, и которая привела его к победе, была непартийной. Это неульяновские и внекремлевские финансово-промышленные группировки и интересы. Отстранение значительной части региональной элиты от принятия важнейших для области решений возобновило конфликт элитных групп с новой силой и стимулировало партийное строительство и усиление конкуренции политических партий на региональном электоральном поле.

2. Янов А. После Ельцина. Изд. М.: Моск. гор. тип. А.С. Пушкина, 1995.
3. Туровский Р.Ф. Региональные аспекты общероссийских выборов // 2-й электорал. цикл в России (1993–2000). М.: Весь Мир, 2002. С. 191.
4. Мертес М. Новое поколение — новое представление о ценностях? Мировые и национальные системы ценностей // Общ. тетрадь. 2004. № 1. С. 59.
5. Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Общ. тетрадь. 2004. № 2. С. 22.
6. Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Общ. тетрадь. 2004. № 2. С. 23.
7. Джульетто Кеза. Прощай, Россия! М., Гея, 1998. 272 с.; Особая зона: Выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000. — 318 с.
8. Политический альманах России / Моск. центр Карнеги. М., 1997. С. 256.
9. Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторал. размышления // Общ. тетрадь. 2004. № 2. С. 23.
10. Михайлов В. Демократизация России: различная скорость в регионах // Особая зона: Выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000. С. 60.
11. Михайлов В. Демократизация России: различная скорость в регионах // Особая зона: Выборы в Татарстане. Ульяновск, 2000. С. 70.

Н.М. Иванова
(Чебоксары)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МОЛОДЕЖИ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА РУБЕЖЕ XX—XXI ВВ.

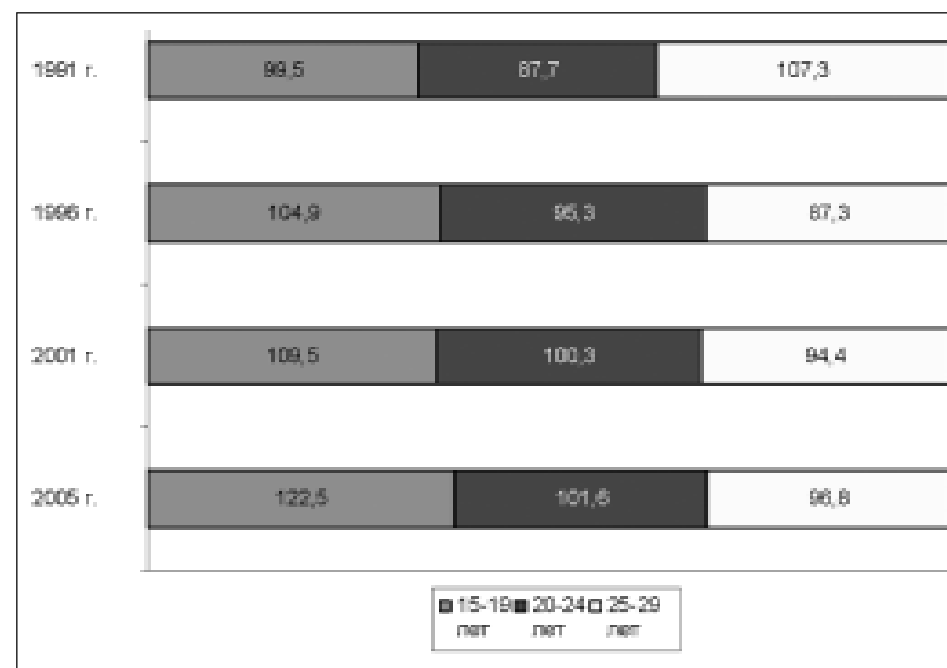
На первое постсоветское поколение молодежи уже в ближайшей перспективе ложится значительная нагрузка, связанная с воспроизводством трудовых ресурсов. В данной ситуации большое значение приобретает реализация демографического, образовательного и трудового потенциала молодежи.

Численность молодежи, ее доля в составе всего населения определяются основными демографическими факторами — рождаемостью, смертностью, миграцией. В этой связи позитивное значение имело повышение уровня рождаемости в середине 1980-х гг. Общие коэффициенты рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения) в РСФСР составили в 1980 г. 15,9 и в 1985 г. — 16,6 [1]. В Чувашской Республике показатели рождаемости были несколько выше, чем в РСФСР: в 1980 г. — 17,3, в 1985 г. — 18,6, в 1989 г. — 17,3 [2].

В результате численность молодежи в 1991—2005 гг. имела положительную динамику, как в общероссийском, так и в региональном масштабах. По данным на 1 января 2005 г., численность молодых людей в возрасте 15—29 лет в России составила 35,4 млн человек, из них 12,2 млн в возрасте 15—19 лет, 12,3 млн в возрасте 20—24 лет и 10,9 млн в возрасте 25—29 лет [3]. В Чувашской Республике численность молодежи возросла с 294,5 тыс. человек в 1991 г. до 320,9 тыс. человек в 2005 г. Из них преобладающими стали возрастная когорта 15—19 лет — 122,5 тыс. человек и 20—24 лет — 101,6 тыс. человек, 25—29 лет — 96,8 тыс. человек (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Динамика численности молодежи Чувашской Республики в 1991—2005 гг. (тыс. чел.)*

*Составлено по: Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2007. Стат. сб. Чебоксары, 2007. С. 64.

С этого момента политическая активность Горячева и его окружения начала приобретать форму адаптации к меняющейся политической конъюнктуре.

Впервые губернаторские выборы (1996 и 2000), в силу меньшего количества выдвигаемых кандидатов и в силу слабости большинства региональных отделений политических партий, дали лишь одного «чисто партийного» претендента (А.Л. Кругликов, КПРФ, 1996). Вот почему именно губернаторские выборы, особенно в силу их региональной значимости, — источник внутривнутрипартийных расколов (мягче сказать — «расслоений») и фон межпартийных альянсов.

В этом плане наиболее трудно было Ульяновской областной организации КПРФ. Дело в том, что при Ю.Ф. Горячеве долго поддерживался миф «Все плохое в Ульяновской области — от Президента (тогда — Б.Н. Ельцина), а все хорошее — от губернатора (тогда — Ю.Ф. Горячева)». Альтернатива А.Л. Кругликов — Ю.Ф. Горячев на губернаторских выборах породила немало «смятений в умах и сердцах» и рядовых коммунистов, и беспартийных избирателей.

При этом в самой области в первой половине 1990-х годов не существовало политической оппозиции губернатору, если не считать карликовых демократических организаций. Упомянутое обстоятельство придает высокой политической автономии Ульяновской области в первой половине 1990-х годов характер некой примитивной изоляции от центра, а не напряженных межполитических отношений между центром и регионом. После 1995 г. губернатор совсем потерял контрреформаторскую инициативу, а Ульяновская область превратилась в «серый» регион, особо не отличавшийся от большинства провинций России. Ю.Ф. Горячев предпочел противостоять политической оппозиции внутри региона — набирающей силу областной организации КПРФ не с помощью официальной партии или блока, а с помощью неформальных ресурсов и связей. И так, если в первой половине 1990-х годов область просто изолировалась от Москвы, и в регионе почти не было политической конкуренции, то во второй половине десятилетия произошла потеря политической автономности.

Реальной оппозицией региональной «партии администрации» с середины 1990-х годов сумела стать лишь Ульяновская областная организация КПРФ. Формирующийся конфликт между старой, номенклатурной элитной группой (Горячев) и новой, сконцентрированной в г. Ульяновске (Городская дума, УлГУ, Союз предпринимателей Ульяновска во главе с Х.Я. Ямбаевым) носил объективный характер выбора пути развития региона, поскольку стратегия «мягкого вхождения в рынок» на деле привела к стагнации области и к нарастанию системного кризиса всего регионального социума. Нежелание Ю.Ф. Горячева идти на компромисс придало этому конфликту характер антагонистического.

Дальнейшие события показали, что в Ульяновске в 1990-х годах усиливались признаки нарастания конфликта элит. Развитие этого процесса стимулировало одновременное избрание губернатора и мэра Ульяновска в декабре 1996 г. Выборы продемонстрировали ослабление власти действующего губернатора. Во-первых губернаторские выборы, несмотря на победу Ю.Ф. Горячева, показали укрепление позиций местной КПРФ. Во-вторых, потерпел поражение на выборах мэра ставленник губернатора С. Ермаков, проигравший оппозиционно настроенному кандидату В. Марусину. Это привело к нарастанию напряженности во взаимоотношениях двух уровней власти — областной и городской. Данный конфликт представлял собой выражение противоречий не между государственной властью и органами местного самоуправления, а между политическими элитами разных уровней. Ульяновский мэр начал искать союза с областной организацией КПРФ на почве противостояния с губернатором. Перспектива такого альянса не была реализована частично из-за пассивности сторон, но главным образом из-за политики губернатора, направленной на раскол и ослабление местного отделения КПРФ. Ю.Ф. Горячев и его окружение осознали факт движения российского общества влево и усиления позиций левых партий в политической жизни России. Ближайшей целью губернаторской команды, на которую были брошены все административные ресурсы, стал перехват у коммунистов патриотических лозунгов.

Консервация правящего персонала и специфический характер политического лидерства в регионе оказали отрицательное влияние на формирование региональных партий в Ульяновской области. Выборы главы администрации области и городов, а также областной и городской думы в течение всего последнего десятилетия проходили преимущественно в непартийном

не давала развиваться росткам предпринимательства. По инициативе губернатора создавались акционерные общества, где 51% акций принадлежал областной администрации, что позволяло управлять предприятиями по-старому.

В отличие от губернаторов многих областей Ю.Ф. Горячев сторонился партийной деятельности. На этапе возникновения в России атомизированной партийной системы 1993—1995 гг., губернатор демонстративно не вступал и не создавал под себя никаких партийных структур, что естественно не способствовало их возникновению в регионе до конца 1990-х годов. Исключение составила только областная организация КПРФ, оформившаяся в 1993 г.

Формирование представительных органов власти в регионе было задержано до декабря 1995 г. На парламентских выборах в декабре 1993 г. ульяновцы воспроизвели общероссийское ранжирование партий, движений и объединений, полученное в результате голосования по общефедеральным партийным спискам, хотя и с некоторыми исключениями.

Если в России пятипроцентный порог перешли 8 из 13 партий и объединений, то в Ульяновской области — 7 («выпал» блок Явлинского-Болдырева-Лукина). Менее популярной оказалась группа партий реформаторской ориентации («Выбор России», «Яблоко», ДПР, ПРЕС, РДДР, «Женщины России»), получившие в сумме 37,5% голосов (по России — 47,7%). Не случайно на референдуме в апреле 1993 г. доля одобрявших политику правительства в Ульяновской области была на 10% меньше, чем в целом по России.

Выше обще/среднероссийской доли получили в Ульяновской области аграрная (13,3% — Ульяновская область и 9,0% — по России), и коммунистическая (16,6% — область и 11,9% — по России) партии. Это явление объясняется не только местной «спецификой». Думается, что результаты выборов-93 были предопределены во многом позициями местной власти и СМИ. Во всяком случае, приверженность ульяновцев к консервативной части политического спектра и невосприимчивость демократически-реформаторско-радикальных партий, движений и объединений, стало характерной чертой ульяновского электората и «визитной карточкой» региона, что подтвердили все последующие выборы.

Начавшаяся в начале 1990-х годов регионализация российского государства привела к образованию в Ульяновской области специфической формы локального авторитаризма губернатора Ю.Ф. Горячева, что стало возможно только в результате консолидации местной элиты вокруг жесткой и харизматичной фигуры губернатора. Символы политики, проводимой в 1992—1995 гг. — талонная система, административное регулирование, устойчивая социальная ориентация — действительно определила губернатора как народного лидера, приверженного непартийному эгалитаризму. Ю.Ф. Горячев на этом этапе своей карьеры также предпочитал апеллировать к народу и не желал идти на компромисс с какими-либо политическими силами. За время своего правления он создал законченный тип локальной «партии администрации». Последняя стала порождением специфического ульяновского номенклатурного клана, отличавшегося сплоченностью и единством еще в доперестроечные годы. Это объединение сложилось после августа 1991 г. как неформальная, но хорошо организованная группировка, контролирующая властные структуры и бизнес в Ульяновском регионе вплоть до своего падения в конце 2000 г.

Подобная система ограничивала возможности других политических акторов и существовала благодаря ингрупповому фаворитизму в рамках описанной корпорации и аутгрупповой дискриминации по отношению к политическим «чужакам».

Однако с середины 1990-х годов стабильную картину экономического благополучия и социальной гармонии региона начали нарушать кризисные явления. Уже тогда наметился крах проводимой в области политики. Налицо была деградация производственной сферы региона. В рядах элиты намечаются разногласия. Особенно они обострились на фоне начинающегося экономического подъема соседних областей, прежде всего Самарской. Но выход недовольства не вылился в открытую публичную политическую борьбу. Нарастание напряженности проявилось во время губернаторских выборов 1996 г. Ухудшение экономического положения региона неизбежно привело к падению авторитета Горячева внутри области. Он растерял имидж «героя» и «защитника», харизматический ореол сменился бюрократической умеренностью.

Доля молодежи в общей численности населения по России в целом и по отдельным регионам составляет в среднем 20—25%. Несколько выше данный показатель в отдельных регионах, в частности, в республиках Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Чечня). В Чувашской Республике доля молодежи в общей численности населения возросла с 22,4% в 1991 г. до 24,7%, по данным на 1 января 2005 г.

Отмеченная тенденция оказывает позитивное влияние на ситуацию с воспроизводством трудовых ресурсов. В Чувашской Республике численность населения в трудоспособном возрасте возросла с 734,1 тыс. человек в 1991 г. до 774 тыс. человек в 2000 г. и 812 тыс. человек в 2005 г. [4]. Произошло снижение показателей демографической нагрузки (числа лиц моложе и старше трудоспособного возраста, приходящихся на 1000 человек трудоспособного возраста) с 825 человек в 1990 г. до 697 человек в 2000 г. и 580 человек в 2005 г. [5].

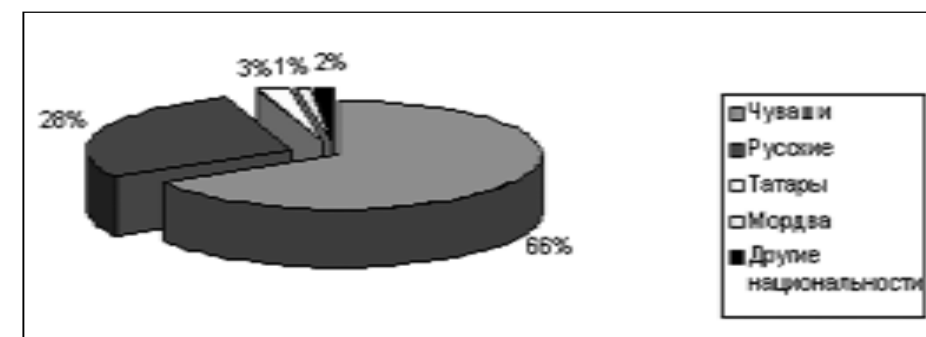
Основными характеристиками демографического портрета молодежи являются поселенческая структура и половозрастной состав. В Чувашской Республике, по данным на 1 января 2005 г., 68,1% молодежи проживает в городской, 31,9% — в сельской местности. По России в целом доля городской молодежи выше и составляет 75,2% [6]. Около 60% городской молодежи сосредоточено в столице Чувашии, в Чебоксарах. Следует отметить, что коэффициент рождаемости среди сельского населения Чувашской Республики в рассматриваемый период был стабильно выше, чем среди городского. Тем не менее поддерживается достаточно устойчивая пропорция между городской и сельской молодежью. Это дает основания предположить, что на формирование поселенческой структуры молодежи оказывают влияние миграционные процессы. Города, в особенности столица, являются центрами сосредоточения учреждений профессионального образования, крупнейших предприятий.

В соотношении полов в молодежной группе существует небольшая диспропорция: женское население преобладает над мужским. Вместе с тем она менее выражена, чем в старших возрастных группах, но тем не менее оказывает неблагоприятное влияние на потенциальные возможности заключения браков.

Этническая принадлежность является одним из факторов, определяющих специфику облика молодежи региона. Чувашская Республика является полиэтничным регионом. Всероссийская перепись населения 2002 г. показала, что по сравнению с 1989 г. незначительно уменьшилась доля чувашей с 67,8 до 67,7%, русских — с 26,7 до 26,5%, мордвы — с 1,4 до 1,2%. Не изменилась доля марийцев — 0,3%, произошло небольшое увеличение доли татар (с 2,7 до 2,8%) и других национальностей (с 1,2 до 1,5%). Представители титульной нации — чуваша — преобладают в сельской местности. Основными этническими группами молодежи, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., являются чуваша — 66%, затем следуют русские — 28%, татары — 3%, мордва — 1%, другие национальности — 2% (см. диаграмму 2). В целом это соответствует национальному составу всего населения.

Диаграмма 2

Этнический состав молодежи Чувашской Республики (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.)*

* Составлено и рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. М., 2004. Т. 4. С. 487—490.

Необходимо отметить ряд моментов, касающихся этнической самоидентификации молодежи. По мнению В.П. Иванова, в Чувашии происходит изменение этнической идентичности чувашей под влиянием национально смешанных (русско-чувашских) браков, наиболее интенсивное в городской местности [7]. Исследователи, анализировавшие проведение и итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в Чувашской Республике, фиксируют, что в ходе переписи имели место трудности с определением этнической принадлежности и родного языка. Чаще всего они возникали в городской местности у чувашской, мордовской и марийской молодежи или у родителей малолетних детей в этнически смешанных семьях [8].

Данные исследования «Социокультурный портрет Чувашской Республики» 2006 г. показывают, что 61,4% респондентов в возрасте 18–29 лет идентифицировали себя с чувашами, тогда как чувашский язык является родным для 48,6% респондентов. 1,2% респондентов указали национальность мордва, в то время как мордовский язык в качестве родного языка указали 0,8% респондентов. Подобные расхождения национальной и языковой принадлежности не были выявлены у татарской молодежи. Данные исследования также свидетельствуют о толерантном отношении молодежи к национально-смешанным бракам. Для 34,7% респондентов национальность спутника жизни является скорее неважной, для 42,5% — совсем неважной (в городской местности для 48,3%). Национальность спутника жизни в большей степени важна для сельской молодежи и молодежи татарской национальности (см. прил. 1). В этой связи обоснованно прогнозировать, что при сохранении данных тенденций на изменение этнической структуры населения Чувашии в будущем будут оказывать значительное влияние особенности этнической самоидентификации молодежи.

На основе изученных материалов можно обозначить некоторые тенденции демографических процессов в молодежной группе. Во-первых, изменения произошли в семейном статусе молодежи. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в браке состоят 36,4 тыс. мужчин и 53,8 тыс. женщин в возрасте 16–29 лет, в том числе в зарегистрированном — 31,9 и 47,3 тыс. соответственно. Разошедшимися являются 2,4 тыс. мужчин и 4,8 тыс. женщин в возрасте 16–29 лет. Основной возраст, в котором молодежь вступает в брак — 25–29 лет [9]. Начиная с 1990-х гг. наблюдается увеличение числа молодых пар, которые проживают без юридического оформления брака, по официальной информации 2006 г., в России они составляют до 3 млн [10]. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Чувашии в незарегистрированном официально браке состоят 4,5 тыс. мужчин и 6,5 тыс. женщин в возрасте 16–29 лет — около 12% от общего числа состоящих в браке. Распространение незарегистрированных брачных союзов в свою очередь привело к увеличению числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака. Ежегодно вне брака рождается порядка 15% детей [11].

Во-вторых, в рассматриваемый период произошло снижение показателей рождаемости (числа родившихся в среднем за год на 1000 женщин соответствующей возрастной группы) во всех трех возрастных группах молодежи [12]. Это является общероссийской тенденцией, исключение составляют, главным образом, южные регионы, Северный Кавказ. Показатели рождаемости в Чувашии снизились, но не столь значительно, как по России в целом. В 1990 г. коэффициенты рождаемости (число родившихся в среднем за год на 1000 женщин соответствующей возрастной группы) составили 185,6 в возрастной группе 20–24 лет и 110,3 в возрастной группе 25–29 лет, в 2000 г. — 98,4 и 75,8, в 2005 г. — 86,6 и 85,5 соответственно [13]. Об изменении брачно-семейных ориентаций молодежи говорят и данные социологических исследований. Например, исследования, проведенные в 1999–2002 гг. Центром социологии молодежи ИСПИ РАН, выявили тенденцию перераспределения ориентаций молодежи на однодетную семью: в 1999 г. желание иметь одного ребенка выразили 21,7% молодежи, двоих детей — 53,6%; в 2002 г. — 25,9 и 51,4% молодежи соответственно [14].

В ходе исследования «Социокультурный портрет Чувашской Республики» респондентам был задан вопрос о том, что мешает росту численности населения в нашем регионе. Среди причин респондентами были выделены, в первую очередь, причины материального плана (низкие доходы, плохие жилищные условия, недостаточная материальная поддержка государством семей с детьми), а также ориентация на модель семьи с одним ребенком [15]. Таким образом, снижение уровня рождаемости связано как с социально-экономическими причинами, так и с изменением брачно-семейных ориентаций.

*Н.В. Дергунова
(Ульяновск)*

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ: УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ 1991—2007 ГГ.

В переходных процессах 90-х годов XX века региональные элиты проявили себя как полноправные субъекты российской политики, от действий которых во многом зависела судьба регионов, процессы экономического реформирования и демократизации региональных социумов.

Ульяновская область в результате бурного послевоенного промышленного развития превратилась в крупный индустриальный ареал. Мощный модернизационный импульс область получила в 1980-х годах, когда началось строительство авиационно-промышленного комплекса, что обещало превратить областной центр в город с миллионным населением. Ульяновск становился одним из крупных центров производства авиационной техники и подготовки кадров для её обслуживания. В 1986 г. началось развернутое строительство Ульяновского центра микроэлектроники, завода «Ротор». В 1988 г. был открыт филиал МГУ, ныне Ульяновский государственный университет. Эти процессы сопровождались притоком интеллектуальных сил и лучших инженерно-технических кадров со всего бывшего СССР. Указанные предприятия, лаборатории, вузы становились своего рода «узлами интеллекта», где концентрировался квалифицированный научный и производственный потенциал. В итоге в Ульяновске сложились неплохие перспективы для формирования модернизационного потенциала и инновационного духа. Такое развитие помогло бы преодолеть наиболее консервативные черты ульяновского провинциализма и местничества.

Индустриальный рывок 1970–80-х годов оказал двойственный эффект на социально-политическое развитие региона. С одной стороны, он привел к массовой миграции в Ульяновск сельских жителей, главным образом из близлежащих деревень. Эти люди, имевшие невысокий образовательный уровень и квалификационный статус, являлись носителями патриархальной политической культуры. Для последней характерны эгалитаристские и патерналистские ожидания, культы силы и «героя». Горожане с сельскими корнями и привычками из деревенского уклада — одна из определяющих черт современного Ульяновска и фактор, затрудняющий процесс партийной идентификации в условиях переходного общества.

Ульяновск за годы советской власти, особенно в связи с празднованием 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, превратился в союзный центр идеологической работы, пропаганды и агитации марксистско-ленинской идеологии. Выполнению данной миссии была подчинена деятельность всей областной организации КПСС и ВЛКСМ. Таким образом, идеологическая работа среди населения области отличалась особой тщательностью, патриотической ориентацией (родина Ленина) и систематичностью.

На этапе горбачевской перестройки инициаторами демократических изменений в области выступили немногочисленные радикально настроенные журналисты и преподаватели вузов, объединившиеся в неформальный политический клуб — «Антибюрократический центр». Данный центр действовал только в пределах г. Ульяновска и не смог институционализироваться в какую-либо серьезную политическую силу.

Ульяновскую область в начале 1990-х годов возглавил Ю.Ф. Горячев, бывший номенклатурный партийный работник, сторонник консервативного патернализма. В условиях нарастающего кризиса, когда регионы были, по сути, брошены на произвол судьбы, вокруг него первоначально сплотилась значительная часть местной политической и экономической элиты. Благодаря частичной изоляции область достаточно спокойно пережила драматичные 1992–1993 гг. Однако стабилизации ситуации не привела к развитию бизнеса. Команда Горячева, являвшаяся по идеологическим убеждениям советской, в душе коммунистической,

Согласно вышеназванному указу проведение внеплановых мероприятий по контролю в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства предполагается осуществлять только в целях выявления нарушений, представляющих непосредственную угрозу жизни или здоровью людей, и только по согласованию с прокурором субъекта Российской Федерации, открытие предпринимательской деятельности (своего бизнеса) будет носить преимущественно уведомительный порядок, сокращено количество разрешительных документов, необходимых для ее осуществления, обязательная сертификация заменит декларирование производителем качества выпускаемой продукции.

Планируется произвести замену лицензирования отдельных видов деятельности обязательным страхованием ответственности или предоставлением финансовых гарантий, упростить процедуру продажи в собственность субъектов малого и среднего предпринимательства арендуемых ими не менее трех лет помещений с возможностью рассрочки оплаты и без проведения аукциона, а также, что особенно немаловажно, — существенно ограничить возможность составления должностными лицами протоколов об административных правонарушениях в области предпринимательской деятельности.

Субъектам Российской Федерации поручено привести свои нормативно-правовые акты в соответствие с положениями вышеназванного указа, в первую очередь составляющие правовую основу развития малого и среднего предпринимательства.

В-третьих, в рассматриваемый период произошло повышение показателей смертности среди молодежи, в особенности мужчин. По официальным данным, в России число умерших молодых граждан в возрасте 15—29 лет составило в 1990 г. 51,6 тыс. человек, в 1995 г. — 77,6 тыс. человек, в 2000 г. — 88,7 тыс. человек [16]. В Чувашии также произошло повышение показателей смертности среди молодежи [17]. В целом рост смертности в молодежной группе носит аномальный для мирного времени характер. Исследования показывают, что основной причиной смертности молодежи является гибель от несчастных случаев, отравлений и травм [18]. Повышение уровня смертности в молодежном контингенте неизбежно негативно сказывается на воспроизводстве населения и трудовых ресурсов.

Самоопределение в образовательной, профессиональной сфере является частью решения вопросов о жизненных планах, видения себя в будущем в процессе социального «взросления» молодежи. В этой связи уровень образования является важнейшей характеристикой социокультурного облика молодежи.

Уровни образования отождествляются с окончанием определенных типов учебных заведений. Одним из главных достижений советской эпохи позиционировалось всеобщее обязательное среднее образование. Право на всеобщее обязательное среднее образование было закреплено в Конституции СССР 1977 г. (статья 45) [19]. В постсоветский период с принятием в 1992 г. Федерального закона «Об образовании» произошло снижение планки уровня обязательного образования, обязательным стало основное общее образование. С учетом коррективов, внесенных Федеральными законами «Об образовании» 1992 г. и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 г., были приняты следующие соответствия уровней образования: высшее профессиональное образование — высшее, среднее профессиональное — среднее специальное, основное общее — неполное среднее, начальное общее — начальное образование [20].

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в Чувашии 80,5 тыс. человек в возрасте 15—29 лет имеют среднее (полное) общее образование, полученное при окончании средней общеобразовательной школы, лицея, гимназии и т. п., 68,3 тыс. человек — основное общее образование, полученное при окончании неполной (девятилетней) средней общеобразовательной школы, и 6 тыс. человек — начальное общее образование [21].

Сравнительный анализ материалов всесоюзных переписей населения 1989 и 2002 гг. показывает, что по сравнению с советским периодом уменьшилось число молодежи, закончившей полную (десятилетнюю) школу [22]. Это стало следствием отхода от всеобщего обязательного среднего образования.

Другой отличительной чертой 1990-х гг. стало появление групп молодежи, не получившей базового уровня образования. По данным группам молодежи отсутствует полноценная информация, существуют главным образом оценочные цифры. Так, в государственном докладе 2000 г. о положении молодежи в России приводятся сведения о том, что вне системы обучения находятся около двух миллионов подростков школьного возраста [23]. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. были выявлены молодые россияне в возрасте 15—29 лет, не имеющие начального общего образования — 131,5 тыс. человек, в том числе неграмотные — 90,4 тыс. человек [24]. Исследователи говорят об увеличении числа «образовательных аутсайдеров» — молодых людей, которые оставили школу, не закончив обязательные девять классов. Если в 1989 г. в возрастной группе 15—19 лет доля тех, кто не получили обязательного образования, составляла 4,6%, в возрастной группе 20—24 лет — 1%, то в 2002 г. аналогичные показатели стали выше — 5,8% и 1,7% соответственно [25]. В Чувашской Республике лица в возрасте 15—29 лет, не имеющие начального общего образования, по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., составили 1032 человека, в том числе неграмотные — 844 человека. По данным статистики, дети в возрасте 7—15 лет, не обучающиеся в образовательных учреждениях, составляют немногочисленные случаи, в основном по причине болезни. В 1999 г. численность детей в возрасте 7—15 лет, не обучающихся в образовательных учреждениях, составила 527 человек (из них 410 человек по причине болезни), в 2004 г. — 244 человека (из них 225 человек по причине болезни) [26].

Произошли изменения, касающиеся перехода молодежи на следующий уровень профессионального образования. Ситуацию в советский период характеризуют следующие

цифры: в РСФСР продолжили обучение на дневных отделениях в учебных заведениях и на различных курсах в 1974 г. 50,7% выпускников средних дневных общеобразовательных школ, в 1981 г. — 63,1%, в 1985 г. — 69,7%, в 1987 г. — 68,8% [27]. В то время как в 2003 г. 10% выпускников российских школ выбрали продолжение образования в учреждениях начального профессионального образования, 23% — в учреждениях среднего профессионального образования, 59% — в учреждениях высшего профессионального образования и только 9% не продолжили обучение [28]. В Чувашской Республике наблюдается схожая картина: доля выпускников школ, продолжающих образование, возросла в 1997 г. до 78,5%, в 2002 г. составила уже более 89% [29]. В результате произошел рост уровня профессионального образования молодежи. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. в Чувашии начальное профессиональное образование имеют 43,4 тыс. человек в возрасте 15—29 лет. Молодежь с начальным профессиональным образованием является резервом для воспроизводства работников массовых профессий, прежде всего в сфере промышленного производства.

Молодые люди, получившие среднее профессиональное образование, формируют группу специалистов среднего звена и составляют 60,1 тыс. человек. Статистическая информация показывает, что часть из них впоследствии продолжает повышать уровень образования в вузах. В частности, в 2000 г. из студентов, принятых в государственные высшие учебные заведения Чувашии, 1350 человек получили среднее профессиональное образование в текущем году (11,3% от общего числа принятых студентов), в 2005 г. — 2496 человек (15,7% от общего числа принятых студентов) [30].

Специалистов высокого уровня формируют молодые люди, получившие высшее профессиональное образование — 30,6 тыс. человек и послевузовское образование (окончившие аспирантуру, докторантуру, ординатуру и адъюнктуру) — 0,3 тыс. человек. Также 19,6 тыс. человек имеют неполное высшее образование. В целом 70,3% молодежи в возрасте 25—29 лет имеет профессиональное образование. В поселенческом аспекте сохраняется более высокий уровень образования городской молодежи по сравнению с сельской. Различия особенно сильно проявляются в уровне профессионального образования. В сельской местности преобладают специалисты со средним уровнем образования и ниже. В городах Чувашии проживает основная часть молодежи, имеющей высшее, и 90% молодежи, имеющей послевузовское образование.

Наиболее значительным фактором является увеличение числа молодежи, имеющей высшее и неполное высшее образование. Это подтверждает и динамика численности обучающихся в учреждениях высшего и среднего профессионального образования Чувашской Республики в 1970—2005 гг. (см. таблицу 1).

Таблица 1

Динамика численности обучающихся в государственных учреждениях высшего и среднего профессионального образования Чувашской Республики в 1970—2005 гг. (на начало учебного года, чел.)*

Годы	Численность учащихся средних специальных учебных заведений		Численность студентов в учреждениях высшего профессионального образования	
	всего	в том числе обучающихся на дневных отделениях	всего	в том числе обучающихся на дневных отделениях
1970/1971	21593	13728	12598	6882
1975/1976	22440	14937	14778	8466
1980/1981	24936	15611	17352	10927
1985/1986	24206	15356	17883	10004
1990/1991	21901	14193	19337	11783
1995/1996	20262	13462	20712	14024
2000/2001	23964	17104	40825	23241
2005/2006	26034	19365	63797	31973

* Составлено по: Народное хозяйство Чувашской ССР в 1986 — 1990 гг. Стат. сб. Чебоксары, 1991. С. 125; Молодежь в Чувашской Республике. 2004 г. Стат. сб. Чебоксары, 2004. С. 40, 42; Образование в Чувашской Республике (2000—2005 гг.). Стат. сб. Чебоксары, 2006. С. 88, 94.

А.В. Петров
(Чебоксары)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В Чувашской Республике до 2008 г. основополагающим нормативным актом, регулирующим порядок государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, был Закон Чувашской Республики от 15 апреля 1996 г. «О государственной поддержке малого предпринимательства в Чувашской Республике». В настоящее время действенной основой поддержки развития малого и среднего предпринимательства в Чувашской Республике является Республиканская программа государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Чувашской Республике на 2005—2010 годы, утвержденная постановлением Кабинета Министров ЧР от 30.12.2004 г. № 309.

Благоприятные условия для развития бизнеса создали постановления Кабинета Министров ЧР «О поддержке муниципальных программ развития малого и среднего предпринимательства» (с изменениями от 22 февраля, 3 июля 2008 г.) от 14 сентября 2007 г. № 233 и «Об утверждении порядка предоставления грантов начинающим субъектам малого предпринимательства на создание собственного бизнеса» (от 14 сентября 2007 г. № 234, с изменениями от 22 февраля, 3 июля 2008 г.);

Все эти документы включают в себя нормы предыдущих нормативно-правовых актов, которые появились на заре становления законодательной базы, определившей в свое время общие правовые, экономические и социальные основы организации предпринимательства при многообразии форм собственности и его деятельности в условиях развития товарно-денежных отношений и регулируемого рынка. В первую очередь, это положения Закона СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР», Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности», Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», Указа Президента РФ от 30 ноября 1992 г. № 1485 «Об организационных мерах по развитию малого и среднего бизнеса в Российской Федерации», Указа Президента РФ от 4 апреля 1996 г. № 491 «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в Российской Федерации», Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах», Указа Президента РФ от 29 июня 1998 г. № 730 «О мерах по устранению административных барьеров при развитии предпринимательства»; Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

С момента опубликования Указа Президента Российской Федерации Д.А. Медведева от 15.05.2008 г. № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» поддержка малого и среднего предпринимательства в субъектах Российской Федерации получила качественно новый толчок развития.

В целях реализации данного указа Правительству Российской Федерации было поручено разработать и внести в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты федеральных законов, предусматривающих усиление гарантий защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), проведение планового мероприятия по контролю (в том числе по отдельным видам лицензионного контроля) в отношении одного юридического лица или индивидуального предпринимателя каждым органом государственного контроля (надзора) не более чем один раз в три года (кроме налогового контроля).

показывают более низкий уровень социального самочувствия сельской молодежи, она также ниже оценивает свое социальное и материальное положение. Очевидно, что в будущем отток молодежи из сельской местности будет продолжаться. Городская среда в свою очередь оказывает влияние на модернизацию элементов традиционной культуры. В частности, это касается этнической, языковой самоидентификации молодежи.

Литература

1. Народное хозяйство Российской Федерации. 1992. Стат. ежегодник. М., 1992. С. 108.
2. Народное хозяйство Чувашской ССР в 1986 — 1990 гг. Стат. сб. Чебоксары, 1991. С. 50.
3. Демографический ежегодник России. 2005. Стат. сб. М., 2005. С. 54.
4. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2007. Стат. сб. Чебоксары, 2007. С. 61.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. М., 2007. С. 73.
6. Российский статистический ежегодник. 2005. Стат. сб. М., 2006. С. 55.
7. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005. С. 308.
8. Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонова В.Г. Перепись 2002 г. в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006. С. 62—63.
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. М., 2004. Т. 2. С. 360—361.
10. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. N 1760-р. <http://www.mon.gov.ru/dok/prav/mol/3318>.
11. См.: Молодежь Чувашской Республики. 1990 — 1995 гг. Стат. сб. Чебоксары, 1995. С. 26; Молодежь в Чувашской Республике. 2004 г. Стат. сб. Чебоксары, 2004. С. 21.
12. См.: Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000—2001 годы. М., 2002. С. 10.
13. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2007. Стат. сб. Чебоксары, 2007. С. 72.
14. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год. М., 2003. С. 73—76.
15. Материалы социологического исследования «Социокультурный портрет Чувашской Республики» 2006 г. (N=1000).
16. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. 2000—2001 годы. М., 2002. С. 11.
17. См.: Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2007. Стат. сб. Чебоксары, 2007. С. 73.
18. Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005. С. 318—320, 336.
19. Народное образование в СССР. Сб. нормативных актов. М., 1987. С. 7.
20. См.: Федеральный закон от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (в ред. от 13 января 1996 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996. № 3. Ст. 150; Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. Ст. 4135.
21. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. М., 2004. Т. 3. Кн. 1. С. 472—481.
22. См.: Уровень образования занятого населения Чувашской АССР (По материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Чебоксары, 1990. С. 25—29.
23. Молодежь Российской Федерации: положение, выбор пути. Основные выводы и предложения Государственного доклада Правительству Российской Федерации. М., 2000. С. 40—41.
24. Положение молодежи в России. Аналитический доклад. Бюро ЮНЕСКО в Москве, Немецкое общество по техническому сотрудничеству (GTZ). М., 2005. С.129.
25. Щербак Е.С. образованием у россиян не все хорошо // Демоскоп-Weekly. 2005. № 189—190. 7—20 февраля. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0189/tema01.php>.
26. Молодежь в Чувашской Республике. 2004 г. Стат. сб. Чебоксары, 2004. С. 32.
27. Молодежь СССР. Стат. сб. М., 1990. С. 142.
28. Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации. Профессиональное образование. Региональный аспект. Стат. инф. - аналит. сб. 2004 г. М., 2004. С. 15.
29. Ежегодный доклад «Положение молодежи и важнейшие направления государственной молодежной политики в Чувашской Республике»: Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 24 июля 2003 г. № 182 «О ежегодном докладе «Положение молодежи и важнейшие направления государственной молодежной политики в Чувашской Республике» // Собрание законодательства Чувашской Республики. 2003. № 8. Ст. 464.
30. Образование в Чувашской Республике (2000 — 2005 гг.). Стат. сб. Чебоксары, 2006. С. 98.
31. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 г. М., 2002. С. 65—66.
32. Образование в Чувашской Республике (2000 — 2005 гг.). Стат. сб. Чебоксары, 2006. С. 94.
33. Там же. С. 50.
34. См.: Проблемы и тенденции развития образования в Российской Федерации. Профессиональное образование. Региональный аспект. Стат. инф.-аналит. сб. 2004 г. М., 2004. С. 97; Образование в Чувашской Республике (2000—2005 гг.). Стат. сб. Чебоксары, 2006. С. 85.

В 1986—1990 гг. численность студентов увеличилась на 8,1%, в 1990—1995 гг. — на 1,1%. В этот период произошло падение ценности образования, высшее и среднее специальное образование уже не рассматривались в качестве социального трамплина. По мнению экспертов, это было обусловлено тем, что сложившаяся к тому времени структура среднего специального и высшего образования уже не отвечала как запросам молодежи, так и общества в целом [31].

Ситуация заметно изменилась со второй половины 1990-х гг. За 1995—2005 гг. численность студентов в государственных вузах увеличилась более чем в 2 раза и составила в 2005 г. 63797 человек, в том числе 31973 человека на дневных отделениях. Также в негосударственных вузах на начало 2005/2006 учебного года обучалось 7652 человека, из них 2373 человека на дневных отделениях [32]. Частично данный рост связан с действием демографических факторов. Так, численность молодежи в возрасте 15—19 лет увеличилась в Чувашии с 99,5 тыс. в 1991 г. до 122,5 тыс. в 2005 г.

Возросли как абсолютные, так и относительные показатели численности студентов. Сравнение данных по России в целом и по отдельным регионам позволяет утверждать, что это общероссийская тенденция. Группу регионов с наибольшими показателями численности студентов в расчете на 10 тыс. населения составляют Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области. Это достаточно закономерно для данных регионов, где сконцентрировано большое количество ведущих высших учебных заведений страны.

На рост численности студентов в других регионах и в частности в Чувашской Республике большое влияние оказало расширение сети образовательных учреждений. В рассматриваемый период количество высших учебных заведений в Чувашии возросло с 4 в 1989 г. до 22 в 2005 г. [33]. Увеличение количества вузов в российских регионах происходит главным образом в результате открытия филиалов столичных университетов и институтов (по данным на 2005 г., в Чувашии открыто 15 филиалов). В Чувашской Республике также следует отметить деятельность Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова по открытию филиалов в городах и районах республики (города Новочебоксарск и Алатырь, село Батырево). Помимо этого открыто 6 высших негосударственных учебных заведений, имеющих государственную лицензию образовательного учреждения. Это в значительной степени расширило возможности получения образования высокого уровня для жителей Чувашии в ситуации, когда обучение за пределами региона проживания связано со значительными материальными затратами.

Численность студентов в учреждениях высшего профессионального образования Чувашской Республики возросла с 154 человек на 10 тыс. населения в 1995 г. до 553 человек на 10 тыс. населения в 2005 г. В России по данному показателю Чувашия находится на девятом месте, в Приволжском федеральном округе занимает одно из лидирующих мест, уступая только Татарстану и Самарской области (см. таблицу 2).

Таблица 2

Численность обучающихся в учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования на 10 тыс. населения в Приволжском федеральном округе в 2005 г.

	В учреждениях начального профессионального образования (на конец года)	В учреждениях среднего профессионального образования (на начало учебного года)	В учреждениях высшего профессионального образования (на начало учебного года)
Республика Башкортостан	126,2	215	384
Республика Марий Эл	141,9	200	406
Республика Мордовия	129,5	196	508
Республика Татарстан	113,5	157	590
Удмуртская Республика	119,1	217	465
Чувашская Республика	113,0	201	553
Пермский край	172,8	223	347
Кировская область	124,7	205	448
Нижегородская область	67,1	184	530

Продолжение табл. 2

	В учреждениях начального профессионального образования (на конец года)	В учреждениях среднего профессионального образования (на начало учебного года)	В учреждениях высшего профессионального образования (на начало учебного года)
Оренбургская область	125,8	224	386
Пензенская область	48,0	191	402
Самарская область	95,0	190	561
Саратовская область	116,2	203	477
Ульяновская область	77,8	229	407

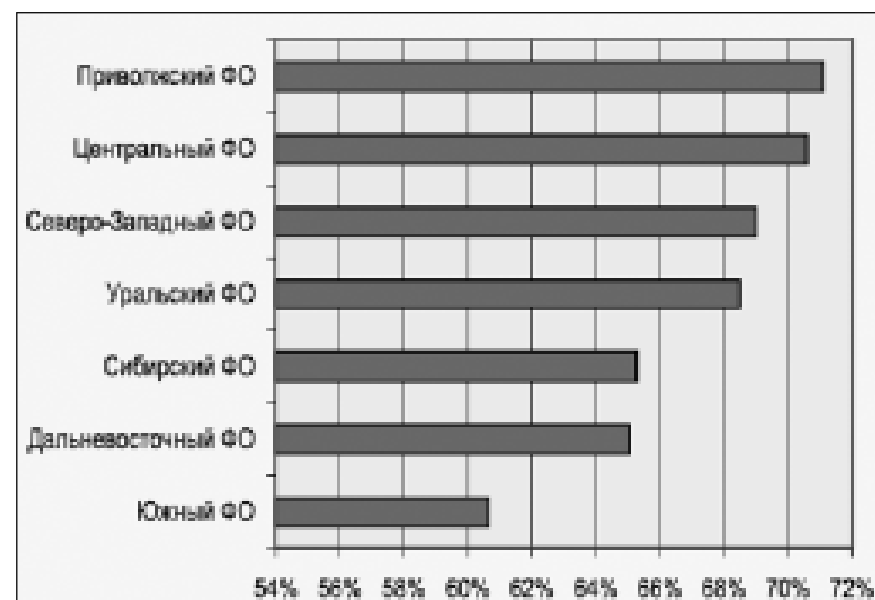
* Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. Стат. сб. М., 2007. С. 242—243, 262—263, 282—285.

Параллельно произошло уменьшение численности молодежи, выбирающей обучение в учреждениях начального профессионального образования. В 1990 г. численность учащихся в учреждениях начального профессионального образования Чувашской Республики составила 17,7 тыс. человек, в 2000 г. — 16,8 тыс. человек, в 2005 г. — 14,7 тыс. человек [34]. Показатели численности обучающихся в учреждениях начального профессионального образования в Чувашии снизились до 113 человек на 10 тыс. населения в 2005 г. (см. таблицу 3).

В целом необходимо отметить, что уровень образования молодежи варьируется по регионам. Данные по семи федеральным округам показывают, что разница в уровне образования молодежи достигает десяти процентных пунктов. Наиболее высокие показатели имеют Приволжский федеральный округ, к которому относится Чувашская Республика, и Центральный федеральный округ. Доля населения в возрасте 25—29 лет с профессиональным образованием составляет в них 71%. Самый низкий показатель имеет Южный федеральный округ — 61% (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

Доля молодежи в возрасте 25—29 лет, имеющей профессиональное образование, по федеральным округам*

* Источник: Положение молодежи в России. Аналитический доклад. Бюро ЮНЕСКО в Москве, Немецкое общество по техническому сотрудничеству (GTZ). М., 2005. С. 12.

Подводя итог, следует определить место молодежи в социальном пространстве региона. Большинство молодежи считает, что жители нашего региона живут по сравнению с одними регионами лучше, по сравнению с другими хуже. Большинство молодежи также полагает, что по уровню развития человеческого потенциала, т. е. по доходам, образованию, продолжительности жизни населения, Чувашия среди других регионов занимает среднее (53,7%) либо ниже среднего (25,9%) место.

Среди привлекательных черт региона на первом месте оказалась красивая природа. В отношении непривлекательных черт региона мнения респондентов разделились: ответили, что здесь неприветливые люди — 18,1%, что здесь жизнь заглохла — 22,8%, что здесь не любят инициативу — 16,2%. 42,5% респондентов затруднились выделить какие-либо непривлекательные черты региона. Оценки сельской молодежи несколько более критичны: считают регион перспективным для жизни 11,5% респондентов (среди городской молодежи 15,1%), считают, что жизнь здесь заглохла — 27,6% (среди городской молодежи 20,3%).

Благополучные в экономическом отношении регионы притягивают к себе миграционные потоки, в том числе и молодежи. Более высокий уровень мобильности молодежи связан с учебой, поиском работы, вступлением в брак. В этой связи отдельное внимание необходимо уделить миграционным планам молодежи. В отношении молодежи к Чувашии в основном преобладают позитивные настроения: 41,3% рады, что живут здесь, 38,6% в целом довольны, но их многое не устраивает. Большинство молодежи связывает свое будущее с Чувашией. В то же время у определенной части молодежи существуют миграционные настроения: хотели бы уехать в другой регион России 5,8% респондентов, вообще из России — 1,2%.

Для улучшения жизни населения Чувашии, на взгляд молодежи необходимо, прежде всего, создавать новые рабочие места, особенно это отмечает сельская молодежь. В этом мнение молодежи сходится с мнением всех опрошенных в целом. Также, молодежь, считает, что нужно развивать малый и средний бизнес, бороться с криминалом и коррупцией.

Молодежи характерен более высокий уровень социального самочувствия и оптимизма по сравнению со старшими возрастными группами. 15,4% молодежи полностью удовлетворены и 46,3% — скорее удовлетворены жизнью в целом (среди всех опрошенных 11,8% и 44,3% соответственно); не очень удовлетворены — 17%, совсем не удовлетворены жизнью в целом — 1,9%. Вполне уверены в своем будущем 17% молодежи, скорее уверены, чем нет — 36,7% (среди всех опрошенных 12,8% и 29% соответственно). Считают, что будут жить в ближайшем году значительно лучше 13,9% молодежи (среди всех опрошенных 8,1%), что будут жить несколько лучше — 43,2% (среди всех опрошенных 32,7%).

В ходе исследования респондентам было предложено определить свое социальное положение в своем населенном пункте, в регионе, в России в целом. Основные социальные слои, с которыми идентифицировала себя молодежь, — средний слой (65,6%) и ниже среднего (17%). Следует отметить, что оценки своего социального положения ниже в масштабе региона и еще ниже в масштабе страны.

Ответы на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня — Ваше, Вашей семьи?» распределились следующим образом: денег не хватает на повседневные затраты — 14,3%, на повседневные затраты уходит вся зарплата — 14%, на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна — 16,3%, в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг — 41,1%, почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры — 12,8%, практически ни в чем себе не отказываем — 1,6%. Таким образом, оценка материального положения является более низкой, по сравнению с оценкой социального положения. Данные исследования показывают социально-экономическую дифференциацию молодежи.

Анализ комплекса источников позволяет сделать ряд выводов, касающихся изменения социально-демографических характеристик молодежи Чувашии на рубеже XX—XXI вв. В рассматриваемый период происходил рост численности молодежи, увеличился ее удельный вес в составе населения. Ведущими факторами, влияющими на изменение социально-демографического портрета молодежи, являются миграционные процессы, повышение уровня образования и перераспределение сфер занятости молодежи. Миграция сельской молодежи в город связана с получением образования, поиском работы. Следует отметить, что исследования